

Освободившись
от Солнечного короля,
Эмль переседит престолю,
чтобы вернуть то, что она потеряла

СЫН ПОВЕРЖЕННОГО КОРОЛЯ

Д. С. Торнтон

Желание преобразовать пустыню осуществилось, и теперь Эмель следует за Саалимом в Мадинат Алмулихи, дабы вернуть всё, что она потеряла. Но город у моря оказывается совсем не таким, каким она его себе представляла. Ей поручено помогать придворному лекарю, и теперь она ежедневно сталкивается с напоминанием о том, что Саалим – сосредоточенный исключительно на том, чтобы отомстить тем, кто убил его семью – совершенно не помнит её.

Проклиная магию, разрушившую её любовь и приведшую в этот неприветливый город, Эмель сожалеет о своём решении покинуть поселение. Так длится до той поры, пока она не встречает Каса. И пусть он загадочный, но он первый, кто помогает ей забыть прошлое. Желание обрести с ним счастье заставляет ее отказаться от жизни, которую она мечтала иметь с Саалимом.

Но в пустыне поджидает тьма, и не все люди Мадината Алмулихи оказываются теми, кем кажутся. Когда Эмель понимает, что от неё зависит судьба города – и Саалима – она сталкивается с осознанием того, что магия может оказаться самой сильной картой в её руках. И это может быть единственный способ спасти всех, кого она любит, но если она разыграет эту карту неправильно, магия разрушит всё.

Переводчик: Siberian_forest

Редактор: Siberian_forest, Marina_lovat, TatyanaGuda

Вычитка: Siberian_forest, Marina_lovat, TatyanaGuda, enzhii

Переложение для группы vk.com/booksourcetranslations

ЧАСТЬ I

ОБМАН / Алхидал

Тахира,

Папа не смотрит на нас. Мама не перестает плакать. Я знаю, ты сердишься, но тебе больше нельзя там оставаться. Мы поможем тебе со всем разобраться. Они просто хотят вернуть свою дочь. А я хочу вернуть свою сестру, своего друга.

Наш караван отправится на юго-восток через две ночи. Мы прибудем за четверть луны до зимы. Мы останемся на три дюжины дней. Это письмо будет доставлено тебе в срок. Пожалуйста, вернись к нам. Я слышала, что Ибрагим ищет себе очередную жену. Сын короля! Он гораздо лучше, чем то животное, что отняло у тебя будущее, подкупив тебя красивыми одеждами и блестящей короной.

Ты знаешь, как называют нас те люди моря? Солеискатели. Как будто мы этого хотим! Они не понимают, что мы скитаемся не в поисках богатств; мы гонимся за нашими желаниями. И мы всегда получаем то, за чем охотимся.

Если ты не вернешься домой, я найду тебя. И его.

— Неоткрытое письмо, найденное глубоко в песках.

Глава 1

Эмель

Луну почти не было видно, и я радовалась тому, что не могла разглядеть окружающие нас дюны. Я могла бы сойти с ума, наблюдая за тем, как они перемещаются от ветра. Я была уверена, что слышу, как шепчет хати́ф, понукая меня повернуть назад. И кости в моих коленях, стопах и позвоночнике были с ним согласны.

Я решила сосредоточиться на звуках: скрип бочек и ящиков, нагруженных на ворчливых верблюдов, шелест одежды усталых путников, звон сбруи на королевских лошадях.

Боль в моих конечностях должна была ослабнуть на рассвете по окончании нашего путешествия, но ощущалась и другая боль, которая не собиралась исчезать. Она обхватила своими пальцами мои рёбра и сжала их так сильно, что иногда мне казалось невозможным сделать вдох. Она была непрестанной, потому что являлась горем.

Тави тихо шла рядом со мной посреди растянувшегося каравана, и дыхание вырывалось из её груди тихими вздохами.

Это уже третья ночь нашего путешествия в Мадинат Алмулихи, и я начала жалеть о своём решении оставить дом. Если бы я решила повернуть назад, то не выжила в одиночку, без верблюда, который нёс бы на себе еду и воду. Я попала в ловушку посреди пустыни. Какой же глупый был план — оставить всё в надежде вновь обрести свою потерянную любовь в сверкающем городе у моря. Широко раскрыв глаза, я попыталась разглядеть мужчину, который ехал на лошади впереди каравана, короля Саалима. Я не увидела ничего. Темнота полностью поглотила его.

Я закусила щёки, устала на иссиня-чёрный песок и сосредоточилась на своих шагах. Единственное направление, в котором я могла идти, это вперёд. Я не могла вернуться к той жизни, которую когда-то вела.

Мать и отец мертвы. А остальные члены моей семьи — единокровные сёстры, другие матери гарема и мои родные и сводные братья — должны были рассеяться по поселению и научиться жить без отца или мужа. Без Соляного Короля. И Саалим тоже исчез. По крайней мере, тот Саалим, которого я знала. Заботливый джинн с сильными руками. Такой же раб, как и я — с магическими, а не шёлковыми браслетами на руках. Он был добрым и чутким. И этот мужчина, которого я любила, обрёл свободу. Я должна быть на седьмом небе от счастья, но теперь он превратился в кого-то совершенно иного.

Саалим стал королём, место которого было в Мадинате Алмулихи, его жизнь не могла пересечься с моей. Но я пообещала ему, что найду его. Я пообещала, что мы снова будем вместе. Я не могла сдаться.

Может быть, было бы лучше остаться *ахирой*, и связать свою жизнь с соблазнением и подчинением, а Саалиму остаться джинном, а по сути — рабом? Если бы меня не заставили принять это решение — если бы мой отец не вознамерился сделать меня шлюхой Омара, жестокого и гадкого человека — смогли бы мы обрести счастье? Моя жизнь не была идеальной, но она была мне знакома, и это приносило успокоение. Но могла ли я получить Саалима?

Я покачала головой, подавив свои предательские мысли. Нет. Мы совсем не заслуживали такой жизни. По крайней мере, теперь у меня была свобода.

Караван замедлился. Моих ушей достигли разговоры.

— Хвала Эйкабу, — прошептала Тави, когда мы остановились. — Я так голодна.

Она застонала, медленно опустилась на землю и уронила голову на колени.

Они сказали, что мы достигнем Мадината Алмулихи через сорок дней. После этой ночи оставалось ещё тридцать семь. Нам не суждено это пережить.

По своей глупости мы с Тави были уверены в том, что у нас получится, когда отважились на это путешествие. Нам нечего было терять, нам был открыт целый мир. По крайней мере, так я думала. Может быть, Тави поверила в это из-за меня? Может быть, она уже ненавидела меня за то, какую роль я сыграла в её выборе? Чувство вины кольнуло меня в грудь.

— Я сейчас вернусь, — сказала я и направилась в начало каравана в сторону остальных деревенских жителей и солдат, чтобы взять наши пайки.

Надежда на то, что я смогу увидеть Саалима на очередном привале, придавала мне сил.

На плече у меня висела холщовая сумка с вещами из дома. Мягкое позвякивание вещей походило на бальзам для моих больных ног и сердца. Я осторожно дотрагивалась до них руками сквозь ткань, точно будущая мать, ласкающая свой живот.

— Имя, — сказал мужчина, когда я протянула ему пустую флягу.

— Эмель, а мою сестру зовут — Тави, — ответила я, забрав у него свою наполненную флягу и протянув ему сосуд Тави.

Он был щедр, раздавая нам воду. На рассвете мы должны были доехать до оазиса, где собирались пополнить запасы воды.

Он кивнул.

— Эмель и сестра Тави. Парваз.

Так происходило каждый раз. Они спрашивали, как нас зовут, мы называли свои имена. Странно, что им вообще было до этого дело.

Я последовала за толпой в сторону мужчины, который раздавал нам еду. Моё сердце застучало, когда я выглянула из-за спин людей в надежде увидеть Саалима.

Мужчина, лицо которого находилось в тени гутры, дал мне пару горстей фиников и две тонких пластинки сушеного козлиного мяса. Мы не могли рисковать и разводить ночью костёр, чтобы приготовить пищу. Так мы могли привлечь внимание корыстолюбивых номадов. Именно поэтому мы передвигались ночью, а днём спали. А ещё, пешее путешествие заняло бы в два раза больше времени под иссушающим солнцем Эйкаба.

— Эмель! — воскликнул какой-то мужчина, и я узнала в нем Амира.

Позади него, скрестив ноги, сидели несколько мужчин и тихо беседовали. Они сняли ботинки и поставили их рядом с собой, а их лошади были привязаны к стволу близстоящего дерева. Это люди Алмулихи. Люди короля. Услышав возглас Амира, один из них повернулся в мою сторону. Я узнала бы лицо этого мужчины даже в тени. Саалим. Мои внутренности перевернулись; дыхание участилось.

— Мы прибудем в оазис до того, как солнце поднимется над землей, — сказал Амир. — Не забудь отыскать меня.

Переведя своё внимание с Саалима на него, я улыбнулась. Я была рада тому, что он помнил о данном мне обещании.

— Хорошо.

И прежде, чем мне удалось ещё раз взглянуть на сидящего короля, меня оттолкнул в сторону голодный путешественник.

Амир пообещал помочь с моей картой после того, как мы завтра прибудем в оазис. В первую ночь нашего путешествия, когда я спросила его, откуда они знают, в какую сторону идти, он показал мне свой *бавсал*. Сверкающий золотой прибор как по волшебству указал направление в сторону Алмулихи. В свою очередь я показала ему свою карту, и он усмехнулся, увидев, какой неполной она была.

Когда я вернулась, я нашла свою сестру, сидящей с моим другом, Фирозом, и Рашидом. От утомления они все они молчали. Фироз и Рашид шагали чуть дальше от нас в караване и часто присоединялись к нам для приёма пищи. Именно Рашид предложил нам разделиться, чтобы узнать побольше об Алмулихи.

Я всё ещё не могла потеплеть к Рашиду из-за того, что он забрал у меня Фироза в самом начале нашего путешествия, ведь его близость могла придать мне ещё больше сил для продвижения вперёд, но у меня больше не было сил воспринимать это, как предательство.

Пожевывая финики, Тави сказала:

— О, это лучшие финики, что я ела в своей жизни.

Улыбнувшись, я повернулась к Фирозу:

— Как прошла твоя ночь?

Он сделал большой глоток воды, после чего причмокнул губами и сказал, пожав плечами:

— Тихо.

— Это ведь хорошо?

Он не ответил.

Рашид кивнул.

— Это хорошо. Ни номадов, ни песчаных бурь, ни хатифов.

Он осмотрелся, словно пытался удостовериться, что всё было по-прежнему тихо. Я хмуро посмотрела на Рашида, после чего отвернулась. Финик у меня во рту неожиданно перестал быть сладким. Именно Рашид отравил Фироза страхом.

Фироз был моим самым дорогим другом, и, как и я, он всегда мечтал вырваться из удушающей жизни нашего поселения. Но Фироз, которого я знала и любила, как будто исчезал с каждым днём всё больше и больше, становясь беспокойным и неразговорчивым. Может быть, он тоже жалел о том, что отправился в это путешествие?

После того, как Саалим — не мой Саалим, джинн, а этот новый и далёкий мне незнакомец — убил моего отца, печально известного властолюбивого Соляного Короля, который контролировал торговлю солью и управлял пустыней, он сказал, что моя семья может присоединиться к нему и отправиться в Алмулихи. Также пригласили деревенских жителей. Я боялась, что Фироз не сможет этого сделать. Он жил с матерью и младшими братьями и сёстрами, и сводил концы с концами, продавая кокосовый сок на рынке. У Фироза не было лишних денег на свою отчаянную мечту.

Однако Рашид нашёл для него деньги. Я не спрашивала, как он это сделал, как и не спрашивала Фироза о том, как его семья восприняла его отъезд. Я видела заплаканные лица его братьев и сестёр, когда они с ним прощались. Вряд ли Фирозу суждено снова увидеть свою семью. Может быть, он тоже иногда сожалел об этом путешествии?

— Боги, как же болят мои ноги.

Фироз снял сандалии и подвёртки. Костяшки его пальцев словно пристали к подошвам.

— Всё это время я как будто шла по ковру из скорпионов, — согласилась Тави.

Это путешествие далось бы мне легче, если бы я шла рядом с Саалимом. Но Саалим не помнил меня, так что находился ли сейчас рядом не имело значения. Магия украла воспоминания людей. Никто не знал, что *ахира* влюбилась в джинна, и что они оба обрели свободу. Но не друг друга.

Я единственная помнила об этом, и это только усиливало мою боль.

— Скоро станет полегче, — сказал Рашид.

Я озадаченно посмотрела на него, но потом поняла, что он говорит про путешествие.

— Да, — слишком воодушевленно согласилась Тави.

Мы ничего не знали о длинных путешествиях, и нашим единственным попутчиком была надежда.

— Так и есть, — сказала я. — Ноги привыкнут; кости успокоятся. Оно того стоит.

Я надеялась, что они не услышали сомнения в моих словах.

— Мы говорили о том, что собираемся сделать, оказавшись в городе, — сказал Рашид, посмотрев на меня с Тави.

Почему я слышала колебание в его голосе?

— Будет лучше, если мы найдём байтахуру.

Я выплюнула косточку от финика на песок.

— Нет.

Байтахура была местом, где работали шлюхи. Это было единственное место, где я могла найти работу, если бы мой отец выкинул бы меня на улицу, откажись я служить в качестве ахиры и помогать ему находить могущественных союзников.

— Мне это не нравится, — сказала Тави.

Лицо Рашида сделалось пристыженным.

— Знаю. Но это ненадолго. Там будет проще всего найти работу.

— Работу? — выдохнула я.

Он проигнорировал то, как начала вздыматься моя грудь.

— Там мы могли бы остановиться на несколько дней.

Фироз заметил мой гнев.

— Это всего лишь идея. А потом мы сможем придумать что-нибудь получше. Ничего пока не решено.

Дома Рашид и Фироз проводили много времени в байтахуре. Люди там умели хранить секреты. Может быть, они не были так уж неправы, пытаясь найти то место, с которым они были знакомы и где могли чувствовать себя в безопасности?

Медленно вздохнув, я взяла свой последний финик.

Рашид продолжил:

— Мы не можем просто прийти на базар и ожидать, что для нас там найдётся работа.

— Откуда ты знаешь, что у них там есть байтахура? — спросила Тави.

А затем она посмотрела на меня и указала на финик у себя во рту, приподняв брови, словно это действительно был вкуснейший финик в её жизни.

Рашид вздохнул и встал.

— Потому что отчаяние подпитывает богатство, а Мадинат Алмулихи богатый город.

Он оторвал кусок сушеного мяса зубами и пошёл прочь.

Впереди у нас ещё оставалось множество дней пути. Всё могло поменяться. Я не собиралась спорить об этом сейчас.

Но я отказывалась оставить свою жизнь *ахиры*, чтобы обосноваться в другом месте и делать там то же самое.

Солнце едва встало, когда мы увидели оазис.

— Теперь совсем недалеко, — прошептала я Тави.

Песок просочился между складками ткани, которой были обмотаны мои ноги, песчинки начали врезаться в натёртые участки моей кожи, которые не были закрыты сандалиями. Я поглядела на рощу, деревья которой охраняли округлый водоём в центре, и начала считать шаги до того момента, когда я смогла бы прилечь и наконец-то уснуть.

Несмотря на то, что по прибытию мне хотелось забраться в тень и задремать, мы все стали оказывать посильную помощь каравану, который начал располагаться на ночлег: отводить верблюдов к деревьям и кормить их, подводить лошадей к воде и скудной траве, снимать грузы со спин животных.

Этот оазис был гораздо больше, чем тот, что располагался рядом с нашим домом, и как только животные были накормлены и напоены, люди разбрелись меж деревьев, окружающих тёмно-голубой водоём. Кто-то искал уединения — мы давно уже позабыли об этой роскоши. Некоторые кинулись в глубокие чистейшие воды, где принялись наполнять фляги и жадно пить. Другие расположились на мелководье и начали ополаскивать лица и охлаждать ноги. Мы с Тави нашли большую тень и легли там на свои плащи. Я не стала искать Рашида или Фироза. Я была такой уставшей, что даже не пошла искать Саалима.

— Не знаю, смогу ли я к этому привыкнуть, — сказала я Тави, зевая и натягивая платок на глаза.

— Хм-м-м?

— К тому, чтобы спать весь день и идти всю ночью.

После долгой паузы Тави сказала:

— Я помню те времена, когда самым сложным для меня было — притвориться более заинтересованной в *мухамми*, чем в подносах с едой.

Она засмеялась шумным и прерывистым смехом.

— А ещё воск. Как по мне, это была самая ужасная боль, что я когда-либо испытывала.

Мы медленно разговаривали, тяжело дыша, заставляя слова преодолевать наше изнеможение.

— Хадийя, Адила, — прошептала Тави, — интересно, что они сейчас делают?

Мне тоже было интересно. Будь я дома, я могла бы их навестить. Я пожалела о том, что заговорила вслух о зафифе и наших прислужницах. Сделав это, я только в очередной раз пробудила терзающую меня боль потери.

Дело сделано. Пути назад не было.

Когда сон нашёл меня, мне приснилась птица со сломанными крыльями, которыми она печально хлопала на дне своей клетки. У неё были светло-серые глаза, которые умоляюще смотрели на меня. Вокруг меня находились люди, которые наблюдали за тем, как я достала её из клетки. Я не обращала на них внимания и тихо с ней разговаривала. А затем я сжала пальцами её шею, такую мягкую и хрупкую. Она дёрнулась, словно умоляя меня остановиться. Но я этого не сделала. Я не останавливалась, пока у меня в руках не осталось её бездыханное тело.

Когда я проснулась, моё лицо было мокрым от слёз, и я всё ещё задавалась вопросом: положила ли я конец страданиям этой птицы? Правильно ли я поступила?

Опершись на руки, я сунула ноги в холодную воду. Натёртая кожа, покрытая волдырями,

испытала облегчение.

— Как думаешь, что это они там делают? — спросил Фироз, толкнув меня ногой, погруженной в воду.

Солдаты из Мадината Алмулихи стояли на другом берегу водоёма. Я могла бы предположить, что они, как и мы, охлаждались в нём, но чем дольше я на них смотрела, тем более выверенным — почти ритмичным — казалось мне то, как они окунали руки в воду и прикасались ими ко лбу, запястьям, шеем.

— Они молятся, — раздался голос позади меня.

Этот голос был таким до боли знакомым, что мне потребовались все мои силы, чтобы не вскочить с земли и не броситься к нему.

Медленно, я повернулась к Саалиму.

За те несколько дней путешествия, я поняла, что он и его люди вели себя совершенно иначе, чем мой отец и его двор. Меня всё ещё удивляло то, что их король — мой король — совсем не походил на знатного человека. Закатанные шаровары, босые ноги. При нём не было оружия, и чёрная туника была покрыта пылью на груди, и потрёпана по краям; а его такая же поношенная гутра была небрежно обмотана вокруг лица. Если бы Саалим самолично не рассказывал мне о богатствах и очаровании Мадината Алмулихи, я бы не поверила в то, что этот город стоит увидеть.

— Эйкабу придётся сильно напрячься, чтобы их услышать, — сказал Фироз.

Саалим перевёл взгляд со своих солдат на Фироза.

— Мы поклоняемся дарителю, а не палачу.

— Вахиру, — сказала я.

Было так странно видеть людей, которые молились менее могущественному богу. Это казалось так неправильно.

Саалим встретился со мной взглядом.

Меня накрыло жаром, затем холодом, желанием, отчаянием, и... Боги, неужели он этого не чувствовал? Я почувствовала то же, что и в первый раз, когда он посмотрел на меня после того, как снова стал человеком, после того как убил моего отца, и его глаза встретились с моими. Я уставилась на него, пожелав, чтобы он почувствовал, вспомнил, то же, что и я... его твёрдый подбородок под моими пальцами, его губы на моих губах, его тёплое дыхание, которое я вдыхала своими лёгкими. Его осторожные руки на моей коже, стук его сердца у своей груди, дрожь в его голосе, когда он произносил моё имя.

— Эмель, верно? — спросил он.

Воспоминания рассеялись. Я склонила голову и потупила взор, чтобы он не увидел моё искажившееся лицо. Он ничего не чувствовал, он ничего не помнил. Боги, он вообще меня не знал.

Мазира была коварной богиней, она так много давала, но также много забирала взамен. Будь проклята её магия, которую она расстелила, точно плетёный ковёр! Красивый ковёр, который скрывал все уродливые шрамы и секреты, и отвлекал от них внимание. Но ведь именно так и работала магия! Если она пыталась что-то скрыть, то делала это так небрежно. Все эти секреты так и оставались лежать под её нитями.

— Да, это Эмель, — громко сказал Фироз.

Я снова посмотрела на Саалима и попыталась избавиться от своих мыслей, как от песка на своих ладонях.

Саалим продолжал:

— Сегодня, ты и...

— Фироз, — напомнил ему он.

Саалим замолчал и слегка свёл брови вместе, после чего он продолжил:

— Фироз. Я всё ещё учусь. Вы оба поможете развести костры для приготовления пищи.

Затем он отвернулся от нас и пошёл в сторону кромки воды.

— Ну, по крайней мере, теперь еду будут готовить на огне. Ты что-нибудь знаешь о готовке? — усмехнулся Фироз.

На всю его семью всегда готовила мать, а я была ахирой, и не работала на дворцовой кухне.

Я выдавила из себя смешок и стала наблюдать за удаляющимся Саалимом.

— Что тебя тревожит? — спросил Фироз.

Я покачала головой.

— Он всего лишь король, Эмель. У него точно такое же сердце, которое можно проткнуть клинком.

Он пырнул воздух невидимым лезвием.

Сжав губы, я встала.

— Тави поможет мне с кострами. Я уверена, что она скоро проснётся.

— Нет, пусть отдохнёт. Я помогу.

Я покачала головой.

— Она захочет быть рядом со мной. Пойди, найди Рашида.

Фироз вздрогнул из-за того, как резко я произнесла имя Рашида. А я пошла прочь, жалея о том, что упомянула о нём.

Фироз пошёл за мной.

— Почему ты сердисься на него?

Стараясь идти как можно быстрее, я сказала:

— А ты не понимаешь?

— Байтахира это всего лишь идея. К тому же...

Он положил мне руку на плечо, как только догнал меня.

— Там есть работа, которая не подразумевает постель. Я бы не позволил тебе этим заниматься.

Я фыркнула и продолжила идти.

— Я не дурак, Эмель. Я всё ещё твой Фиро. Твой друг! — крикнул он мне в след и замедлился. — Я знаю, что с тобой что-то не так. Ты можешь мне рассказать.

Я остановилась и позволила ему нагнать меня. Я не хотела, чтобы он начал кричать ещё громче. Люди и так уже начали оборачиваться на нас.

— Мы уехали вместе, забыла? Как мы и обещали друг другу. Таков был наш план, — сказал он, понизив голос и сократив расстояние между нами. — Я знаю, что в тебе что-то поменялось. Я это вижу. Чувствую. Ты должна мне верить... верить Рашиду. Верить людям, Эмель. Ты не сможешь справиться в одиночку.

"Я могла бы сказать то же самое о тебе", — хотела сказать ему я.

Я всё ему рассказала. Когда я случайно освободила Саалима, я рассказала ему о том, что сделала, о том, кого я полюбила, и как я разрушила это всё одним своим желанием. Это случилось как раз перед тем, как эти солдаты ворвались в нашу деревню. Перед тем, как мой отец был убит, и мы обрели свободу.

Он никогда не вспоминал о том, что я ему рассказала. Может быть, он не поверил моим

словам? Не поверил в то, что джинн существовал на самом деле? Быть может, он решил, что я помешалась? Или, так же как и Саалим, забыл обо всём под влиянием магии Мазиры, распространившейся волнами вокруг?

Мне показалось, что на горизонте я увидела пики шатров своей деревни, торчащие из песка. Как бы мне хотелось вернуться назад. И не потому, что мне не нравилось быть здесь, а потому что я столько потеряла в погоне за свободой.

Подул ветер, и в его шёпоте мне почудилось, что он просит меня о терпении.

Глава 2

Саалим

Путешественники, которых мы встретили, предупредили нас о том, что на востоке песчаные бури усиливались, а номадов, которые охотились за королями, становилось больше. Одна группа торговцев утверждала, что они нашли череп, который был таким огромным, что в нём можно было жить.

— Внутри него находилась си'ла. Будьте осторожны; он встретится вам на пути, — сказал мужчина Амиру, указав на карте на место, где даже не было дороги.

Стараясь подавить смех — в мире не существовало существ, способных менять обличье и приводить номадов к смерти — мы отправили безумцев восвояси.

Осталось шестнадцать ночей до окончания нашего путешествия, и за все это время мы не встретили ничего такого. Либо нас благословил Вахир, либо все номады, на самом деле, были сумасшедшими.

В свете луны я увидел большое количество путешественников, приближающихся с севера. Я не ожидал, что их истории будут как-то отличаться от историй их предшественников, но не мог не заметить, что эти люди отличались от всех остальных. Они приближались так быстро, что не было сомнений в том, что они ехали на лошадях. Они прибыли не издалека.

— Какие будут приказания? — спросил Нассар.

— Останови караван. Я хочу встретиться с ними.

Нассар выкрикнул приказ солдатам и жителям деревни, идущим позади нас. Его сообщение пронеслось по толпе, словно хатиф.

Взяв в руки поводья своей кобылы, Фаразы, я подошёл к Тамаму в начале каравана. Тамам был моим лучшим солдатом, и он быстрее всех управлялся с клинками. Он был шире, чем камни, из которых был построен дворец, и на одну ладонь выше меня. Он пугал одним своим видом. Когда он увидел меня, он молча вышел из строя и оседлал Хассасу.

Впереди нас ждали три путешественника. Все они были одеты в чёрные одежды, их лица находились в тени. Их руки, сжимающие поводья, также были скрыты. С ними были небольшие пустынные кони, которым не требовалось много травы.

— Что вы ищете? — спросил я.

— А-а. Значит, житель морского города, — сказал мужчина по центру, проигнорировав мой вопрос. Двое других людей по бокам от него заинтересованно хмыкнули. Голос мужчины оказался ниже, чем я предполагал, учитывая его небольшой рост. И хотя я не заметил у них оружия, я положил ладонь на рукоять своего меча. Я не мог определить,

откуда они были.

Фараза оставалась спокойной подо мной, а вот лошадь Тамама начала нервничать — махать хвостом и двигать головой из стороны в сторону. Я ослабил поводья Фаразы, чтобы она не обращала внимания на то, что взволновало Хассасу.

— Кто вы? — надавил я.

— Странники пустыни, рабы песков. Ты можешь называть нас солеискателями, — прошипели они.

Их поведение заставило меня потерять терпение.

— Вы можете видеть моё лицо, но я не вижу ваших лиц. Вам следовало бы опустить капюшоны в знак уважения.

Путешественники, стоящие по бокам, уже было открыли мне свои лица, но человек по центру приподнял руку в перчатке, остановив их.

— Я буду говорить, — сказал он и откинул капюшон.

Он не выглядел человеком пустыни, несмотря на своё заявление. Его кожа была белой, точно отполированный камень в тронном зале. Он словно никогда не видел солнца. Его волосы были острижены на макушке, и в тусклом свете я заметил глубокие шрамы, которые пересекали его кожу и создавали определенный рисунок.

Я хотел отвернуться, так как от вида его лица и тела, у меня начало сводить живот.

— Зачем вы подъехали к нам?

На этот раз мужчина улыбнулся.

— Чтобы узнать, насколько многообещающими окажутся ваши показания.

Он повернулся к всаднику слева и кивнул.

Всадник опустил капюшон, и я с удивлением обнаружил, что это была женщина. И её внешность была ещё более отталкивающей, чем у мужчины — её голова была точно так же острижена и покрыта шрамами, но сама она была такой худой, что мне показалось, будто я смотрел в ночи на голый череп. Тамам что-то прошептал Хассасе, и она начала пятиться прочь от чужаков, становясь всё более возбужденной. Их же лошади стояли спокойно. Если бы я не видел, как вздымаются их узкие грудные клетки, я бы решил, что они были сделаны из камня.

— Мы ей не нравимся, — сказала женщина, глядя на Хассасу.

Её хриплые слова оцарапали мои уши. Даже Фараза начала пыхтеть, услышав этот звук.

Тамам начал терять терпение.

— Многообещающие показания касательно чего? — спросил он.

— Касательно возвращения богини, — сказала она, и на её впалом лице появилась улыбка. — Мы ждали её всё это время. Она попросила нас оберегать кое-что до своего возвращения.

Слова полились из неё, точно кровь из убитого козла.

— Всё это время эта вещь находилась у хранителя... мы сделали всё, как сказала богиня. Долгое время мы хранили эту вещь, ожидая её! И вот теперь, до нас дошли слухи...

— Что находилось у хранителя? — спросил я.

Без колебаний, она ответила.

— Коробка.

— Гураб! — сказал человек по центру, повернувшись в седле и сердито посмотрев на женщину.

Она вздрогнула.

— Они не смогут её забрать, Вахас, — сказала Гураб, снова взяв себя в руки, после чего нахмурилась и наклонилась к нему. — Они не смогли бы её найти, даже если бы захотели.

Она снова улыбнулась, как будто радовалась тому, что сделала. Мне было всё равно, что они спрятали и что искали.

А Гураб продолжила:

— Поговаривают, что богиня опять среди нас.

Вахас повернулся ко мне.

— Старейшины рассказывали о сверчке, который забрался в гнездо на дереве и стал птицей. На краю пустыни кто-то видел, как грифон нырнул в волны. И так и не вынырнул оттуда. Правитель на юге, который был у власти в течение тридцати лет, пропал, и пески сдвинулись. А что видели вы?

Я разозлился. На юге было поселение Алфаара. Он правил тридцать лет. Его называли Соляным Королём. Теперь его поселением правил я — точнее Усман, который остался правителем вместо меня. Неужели эти люди ехали оттуда, или... о Боги, а, может быть, они направлялись туда?

— Мы ничего не видели, — сказал я. — И если это всё, что вы ищете, то вам пора нас покинуть.

Наконец заговорил третий путешественник. Он не стал снимать капюшон.

— Не могли бы вы поделиться с нами водой? Или, может быть, едой? Наш путь домой обещает быть долгим.

Их внешность ясно говорила о том, что они смогут позаботиться о себе в пустыне, несмотря на свои заявления. А их поведение заставило меня ещё больше засомневаться в том, какой была их цель. Тамам и я увели лошадей подальше от них. Тамам покачал головой.

— Нам нечего им предложить.

Я ещё крепче сжал меч, ожидая, что они уедут.

— Мы бедные странники, — сказала Гураб. Её хвастливый тон сделался умоляющим. — Дайте хоть что-нибудь.

— Нет, — сказал я, приподнимая меч с пояса.

Я подался вперёд, ощутив необходимость пролить кровь, защитить своих людей и дом.

— Больше не просите.

Глаза Вахаса округлились, когда он увидел мой меч.

— У него не ятаган, — прошептал он. — Он из города.

— Мадинат Алмулихи, — весело сказала Гураб.

— Мадинат Алмулихи, — повторил человек в капюшоне.

Вахас посмотрел мимо меня и словно впервые увидел наш караван.

— Если вы из города...

Он изучающе оглядел меня, затем Тамама. А потом посмотрел на юг.

— Должно быть, люди говорили именно о вас. Это вы убили их Соляного Короля.

Вахас рассмеялся.

— Значит, король сейчас среди вас.

Слегка пришпорив коня, он подъехал поближе.

— Не подходи, — сказал я, снова показав им свой клинок.

Фараза двинулась вперёд наперерез мужчине по моему приказу. Один взмах, и Вахас мог лишиться жизни. Ещё взмах, и Гураб последовала бы за ним.

— Ты король, — прошептал Вахас, наклонившись ко мне.

— Оставьте нас, — сказал я.

Кончик моего меча был сейчас на расстоянии кулака от его щеки. Тамам последовал моему примеру и направил на них свой меч.

Наконец, Вахас заставил своего коня отступить.

— Это король того города! — прошипела Гураб.

Я должен был сейчас же их убить. Свет луны отразился от лезвия моего меча.

— Значит, на троне сейчас никого нет? — радостно спросил человек в капюшоне. — Раз уж король пересекает пустыню...

Я собирался их убить. Фараза начала подходить всё ближе и ближе.

— Богиня вернулась! Нам надо возвращаться, — сказал в итоге Вахас, повернув своего коня. — Поспешим!

Пара мгновений — и они уже были к нам спиной и скакали прочь.

Тамам ждал моих действий с неммым вопросом: «Мы будем их убивать?» Его меч был всё ещё наготове, мышцы Хассасы дрожали, в ожидании приказаний Тамама.

— Мы их отпустим, — сказал я, наконец.

Сожаление заполнило немое пространство.

— Я должен был их убить, — сказал я, ненавидя себя за то, что мне хотелось получить одобрение Нассара, но я знал, что оно мне было необходимо.

У Нассара была удивительная способность понимать мотивы и действия солеискателей. Именно поэтому мой отец часто посылал его на переговоры с этими людьми. Я собирался использовать Нассара точно таким же образом.

— Они не представляют угрозы, — сказал Нассар, когда я рассказал ему о происшествии с номадами.

— Их последними словами были слова о пустом троне.

— Он не пуст, — сказал Нассар нетерпеливо. — Азим сейчас там с твоей армией, и он скорее умрёт, чем позволит чему-нибудь случиться.

Например, позволит моей семье умереть.

Мой брат, который всегда предпочитал решать споры с помощью меча, не был бы так снисходителен. Они были бы уже мертвы, а мне не пришлось бы волноваться. Может быть, его методы не были такими уж варварскими?

— Саалим, — предупредил меня Нассар, точно прочитав мои мысли. — Это всего лишь солеискатели, а не армия, которая собирается напасть на Алмулихи.

Проигнорировав Нассара, я прищурился и посмотрел вперёд. Я мог почти различить их силуэты. Было ещё не слишком поздно; я мог всё ещё последовать за ними.

— Я бы не хотел потерять ещё несколько горожан или начальника своей армии.

Чем дальше я думал об этом, тем больше понимал, что Нассар был неправ.

— Мы отправляемся за ними, — крикнул я Тамаму. — Их нельзя оставлять в живых.

— Осторожно, — зашипел Нассар у меня за спиной, когда мы двинулись вперёд. — Это ошибка!

Проигнорировав его, мы с Тамамом умчали в ночь, последовав за солеискателями.

Несмотря на то, что Нассар был зол, когда я оглянулся, я увидел, что он развёл сигнальный огонь. Он помог бы нам вернуться назад по завершению нашего дела.

Несмотря на то, что я всё ещё видел их впереди, чем быстрее мы скакали, тем сложнее мне становилось их разглядеть. Посмотрев на землю, я увидел три пары следов от копыт. Мы ехали по этим следам, пока...

Нет.

Их следы исчезли. Песок выглядел так, словно по нему никогда не ступали. Я уставился на него в недоумении. Это не мог быть ветер; мы бы его почувствовали.

Я потерпел неудачу, и теперь номады ушли, а вместе с ними и знание о том, что Алмулихи остался без короля.

Я не мог допустить, чтобы пролилась ещё кровь. Особенно после недавнего нападения на Алмулихи. Нападения, которое забрало у меня родителей — короля и королеву — а также моих сестёр и братьев. Неужели именно эти люди пытались поставить мой родной город на колени и хотели украсть у нас наши богатства? Мою голову заполнили воспоминания о том, как мой город был атакован, как жители и солдаты начали падать на землю, и как кровь полилась между камнями.

— Мы должны сократить путь, — сказал я Нассару, когда мы вернулись.

— Это невозможно.

— Мы найдём способ.

Я отправился в начало каравана.

Несмотря на то, что я хотел верить утверждению Нассара о том, что они не представляли угрозы, эти номады зародили во мне тревогу, которая терзала меня.

Когда я думал о том, что потерял, на поверхность всплывало чувство одиночества, которое следовало за мной точно тень. Оно не покидало меня с тех пор, как я приехал в поселение Соляного Короля. И оно звало меня точно бездонная тьма. По прибытию домой оно должно было успокоиться, хотя бы, отчасти.

Нам нужно было ускориться. Чего бы нам это ни стоило.

Когда мы остановились днём на ночлег, люди начали переговариваться. Некоторые из них видели погоню сквозь пески, и их переполнило любопытство. Они начали задавать вопросы о том, кто это был, и что произошло.

— Они провели две дюжины ночей, смотря в песок и на небо. Учитывая то, что всё это время ничего не менялось, это происшествие слегка их взбодрило, — сказал Амир, который сидел напротив меня.

Он посмотрел на карту, углы которой были придавлены песком. Вздохнув, он сказал:

— Мы никак не можем сократить наше путешествие.

— Мы должны.

Я подумал о Елене, которая должна была приехать через несколько дней после нашего прибытия. Что скажет её семья на то, что их дочери придётся стать королевой города, которому грозит опасность?

Сошурившись, Амир покосился на меня, после чего опять перевёл взгляд на карту.

— Вот тут есть небольшой оазис.

Он указал на уединенное место, отмеченное на карте. Но изогнутые линии, которые обозначали проверенные торговые пути и не пересекали его.

— Но я не знаю, в каком он состоянии. Если мы пойдём через этот оазис, мы выиграем два или три дня, но есть риск, что он высох.

— Мы рискнём.

Амир выдохнул, стряхнул песок со своей карты и начал сворачивать пергамент.

— Не уверен, что это мудрое решение.

— Мы попросим всех экономить еду и воду и быть готовыми, в случае чего. Нам и нашим лошадям должно хватить припасов.

Он покачал головой.

— У нас не будет возможности пополнить запасы. Если мы хотим сократить путь, нам нужно изменить направление сегодня же ночью. И тогда от наших запасов останется только то, что находится сейчас в наших бочках. Люди могут начать умирать. Лошади могут умереть, даже твоя Фараза.

Наши взгляды встретились. Он знал моё слабое место. Фаразу подарил мне отец, когда я был ещё юным, но я должен был оставаться непоколебимым.

— Мы справимся с теми запасами воды, что у нас остались. Пойдём более коротким путём.

Я поднялся и посмотрел на караван. Я сознательно шёл на этот риск. Передо мной стоял выбор: Алмулихи или эти люди. Но я не мог ставить Алмулихи ниже своих солдат, ниже этих солеискателей или себя самого.

— Это безумие, — сказал Амир мне в спину.

В путешествие до Алмулихи отправилось больше жителей деревни, чем я ожидал — почти тридцать. Я не мог их в этом винить; их поселение было в ужасном состоянии. Я никогда не видел так много оборванных и измождённых людей в одном месте. И их количество почти не оставляло нам права на ошибку. У нас были дополнительные бочки для воды, некоторое количество верблюдов, и достаточное количество еды для того, чтобы это путешествие прошло для нас успешно, но это всё-таки было немного. Мои солдаты похудели, да и я начал затягивать свой ремень потуже.

Солнце едва встало, а я уже чувствовал, как пот начал выступать у меня на лбу. Впереди нас ждал ещё один сложный день. Может быть, и не имело смысла сокращать путь до Алмулихи, чтобы защитить его от потенциальных захватчиков, но зато мы должны были скорее вернуться туда, где дул ветер, воздух был солёным, а каменные улицы — прохладными. И не было этих чёртовых верблюдов.

Я пошёл вдоль каравана и начал проверять, насколько удобно было моим людям. Отдыхающие соорудили навесы из палок и своих плащей (этому их научили жители деревни, когда мои люди не смогли найти тень), и сейчас спали под ними.

Я прошёлся взглядом по солдатам, внимательно всматриваясь в жителей деревни. Я знал, что мне следовало вернуться на своё место, но я этого не сделал.

Я хотел увидеть её.

— Эмель, — прошептал я.

Мне нравилось, как звучало её имя, когда я произносил его.

Когда я убил Алфаара, его семья начала рыдать, страдать и смотреть на меня, как на хищника. Но не Эмель. Она смотрела на меня не со злобой, а с любопытством, граничащим с пониманием. Она как будто знала меня. Но почему она на меня так смотрела? Что она во мне увидела?

Я думал, что никогда её больше не увижу, но затем узнал, что она собиралась присоединиться к каравану. Когда я увидел её во время отбытия каравана, я обрадовался, как мальчишка, но после этого я всё никак не мог к ней подступить. Я был королём с наречённой невестой, а Эмель была дочерью человека, которого я поверг.

И она также держалась от меня на расстоянии. Может быть, она считала меня недостойным королём? Но то, как она смотрела на меня, создавало ощущение близости — словно нас связывала какая-то история — и, протяни я руку, мне как будто должно было открыться, что это было такое.

Я крепко сжал кулаки.

Почему я вообще о ней думал? Боги, она была всего лишь солеискательницей! Но я не мог контролировать свою тягу к ней. Как будто что-то укрывалось от моего понимания. И это было так постыдно. Я собирался призвать Дайму сразу же по возвращению домой. Пара ночей, проведённых с ней, и я бы успокоился перед тем, как жениться на Елене.

Я пытался отогнать эти мысли, мысли о ней, но это чувство было похоже на неутоленную жажду, и она продолжала бы сжигать меня, если бы я не насытился.

Я нашёл Эмель, сидящей со своей сестрой, позади группы запряжённых верблюдов. Я расслабил пальцы и увидел, что она смотрит на свои руки. Уголки её губ были опущены вниз. Мне хотелось коснуться её, прижать большие пальцы к уголкам её губ.

Стоявший рядом солдат поднял на меня взгляд с лошади, которую он кормил. Его худое лицо, находящее в тени, говорило о том, каким он был уставшим, голодным.

— Всё хорошо, мой король?

Я переступил с ноги на ногу. Король. Мой отец был королём. Но не я. Я ещё не был королем. Мне всё ещё надо было заслужить этот титул после того, как я подвёл свою семью, Алмулихи. Неужели я мог снова его подвести? Я задумался о своём решении изменить курс.

— Ты слышал, что мы планируем изменить курс?

Солдат медленно кивнул и взглянул на флягу на своём бедре, после чего снова посмотрел на лошадь.

Я отвернулся от солдата и пошёл в сторону Эмель, забыв о здравомыслии. Моё сердцебиение ускорилося.

— Ты слышала? — спросил я слишком громко.

Услышав мой вопрос, стоящий рядом верблюд испугался и поднялся на ноги, а остальные последовали его примеру. Я отпрянул.

— Эй, эй, — крикнула Эмель и попыталась ухватиться за них.

Верблюды вскинули головы и раскрыли рты. Я почувствовал себя дураком из-за того, что Эмель попыталась самостоятельно их успокоить. Было очевидно, что у неё не больше опыта в обращении с ними, чем у меня. Вскоре другой солеискатель подбежал к нам и занял место Эмель. Он разобрался с ними своей опытной рукой: начал цокать, свистеть и оттащил их друг от друга, чтобы успокоить.

Мы с Эмель стояли и смотрели друг на друга. И мне показалось, будто кроме нас не осталось никого. Мне хотелось, чтобы так и было.

— Простите, мой король, — сказала она.

Я сделал шаг в её сторону.

— Саалим.

— Я знаю, — сказала она, не отрывая глаз от земли.

Так скажи это.

— Ты сможешь распределить воду?

Я указал на её флягу.

Она потрясла ей. Фляга была почти полная.

— Ты почти ничего не пила. А мы шли всю ночь.

— Сохранять воду несложно, когда прохладно.

— Я бы не сказал, что прошлой ночью было прохладно.

Она ухмыльнулась.

— По сравнению с летом, это прохладно.

Она, казалось, чувствовала себя более комфортно в своём тёмном и тяжёлом платье, чем я в своей тонкой одежде.

Я поёжился, представив, что было бы летом. Слой грязи на потной коже, запах пыли и верблюжьего дерьма, жужжащие мухи, прилипающие к рукам и лицу. И никакого продуху. Я надеялся, что мне не доведётся это ощутить.

— Но мне ведь с самого рождения приходилось это выдерживать, — сказала она.

Через что ещё она прошла? Я не мог представить её жизнь в качестве дочери Алфаара. Этот мужчина продавал своих дочерей жадным до власти мужчинам ради собственной выгоды. Жизни моих сестёр в Алмулихи были совсем другими, им жилось гораздо легче.

Мне пришлось приложить усилие, чтобы промолчать, и я продолжил идти вдоль каравана, проверяя своих солдат.

Когда я шёл обратно в начало каравана, я попытался снова увидеть Эмель. Она сидела под навесом, сделанным из своего плаща, и её лицо находилось в тени, поэтому я не смог разглядеть, смотрела ли она на меня. Разочарованный, я пошёл дальше. Если бы мой брат был всё ещё жив, он бы сказал, что я жалок.

И оказался бы прав. Мои мысли должен был занимать сейчас Алмулихи.

Преодолев эту пустыню, я собирался очистить свою голову. Я хотел построить самый грандиозный храм в честь Вахира во всём мире, если бы это помогло мне снова не оказаться в этих песках.

Глава 3

Эмель

— Почти дошли, — прошептали мы сами себе.

Наши голоса охрипли, плечи опустились. Оазис располагался сразу за дюной, и мы уставились на неё как на груды сокровищ. Её поверхность казалась такой гладкой, что напомнила мне о куче соли в тронном зале отца. Это была самая огромная куча в мире, украденная у джинна. Украденная с помощью магии.

И точно таким же магическим образом, оазиса не оказалось за дюной, когда мы её миновали. За ней не оказалось ни деревьев, ни кустов, ни воды, ни намёка на тень, где мы могли бы отдохнуть.

Может быть, было ещё слишком темно, и мы не могли его разглядеть? Солнце ещё не встало. Мы должны были увидеть его на рассвете.

Так вот какой была жизнь кочевников, которые гонялись за богатством, невзирая на последствия. Хотя это было так просто, так незамысловато. Но сегодня мы не искали богатств, не искали соли. Мы искали воду, убежища. Мы гнались за жизнью, потому что если бы остановились, смерть настигла бы нас.

Мы подошли ближе, путешественники начали перешёптываться. Но затем шёпот перерос в громкое недоумение — все видели то же, что и я: здесь действительно ничего не было.

Теперь нас должна была настигнуть смерть.

Саалим поступил глупо, рискнул и проиграл. Мои плечи опали, когда я представила, как он сейчас себя чувствовал. Я вспомнила, как он рассказывал мне о чувстве вины, которое он испытал, потеряв свой город.

— Мы ошиблись. Он, наверное, чуть дальше, — сказала Тави хрипло.

Вода у неё почти закончилась. Она сохранила столько, сколько смогла, как и я, из-за чего мы обе ослабели и хотели пить.

— Я в этом уверена, — сказала я.

Воды у нас в бочках не хватило бы до следующего оазиса.

Когда солнце поднялось на горизонте, моё внимание привлекла неровная поверхность песка — оазис! Надежда переполнила меня, и я, спотыкаясь, побрела в ту сторону.

Но нет. Это оказался всего лишь кусок сухого дерева. Я с силой ударила по нему: твёрдое и пустое. Рядом лежали такие же деревяшки, и моя радость исчезла, точно вода меж камней. Земля была изрезана тонкими трещинами, а песок здесь был твёрдым, как камень. Может быть, здесь когда-то была вода? Может быть, здесь когда-то ступал Вахир? И если это было так, то солнце Эйкаба уничтожило этот оазис.

Караван, молча, остановился. Люди уставились на иссушенное дерево и сухую землю. Некоторые начали разговаривать. Рыдания разрезали тишину у меня за спиной. Бесполезные слёзы. Женщина упала на колени и прижалась лицом к земле. Она произнесла грустную молитву, но песок был слишком прохладным и не мог обжечь её кожу. Эйкаб не стал бы её слушать, и её молитву просто сдуло ветром.

— У вас есть вода? — спросил Фироз, подойдя ко мне.

В его приглушённом голосе слышалась вина.

Я затаила дыхание и обхватила пальцами сосуд у себя на поясе. Я покачала головой, стараясь не растрясти воду, которая могла выдать мою ложь. Я слишком хотела пить, чтобы делиться с кем-либо остатками воды. Даже с Фирозом.

Фироз посмотрел на Тави и на её флягу, но ничего не сказал. Рашид стоял рядом с ним и смотрел в землю. Его глаза запали, губы высохли.

Саалим стоял впереди в окружении своих солдат, между ними была развёрнута карта. Он стоял неподвижно, крепко переплетя руки на груди. Мужчины, стоявшие рядом, тоже не двигались и наблюдали за тем, как король смотрел на карту. Мне не надо было стоять среди них, чтобы понять, что они были точно так же напуганы, как и мы.

Они разговаривали долго. Ни один из жителей деревни не приблизился к ним, ни один не сдвинулся с места.

Моя слюна стала липкой, губы потрескались и болели. Я хотела сделать глоток воды, но не могла, так как солгала Фирозу, а он всё ещё стоял рядом. Мир вокруг закружился, точно я выпила два бокала арака. Я вздрогнула от ветра, и закрыла глаза.

— ...ещё два дня. У нас осталось около двух бочек воды, которую мы можем разделить между нами.

Я медленно открыла глаза. У меня болела голова, а тело было горячим под лучами рассветного солнца. Я моргнула, прогоняя сон, и мужчина, который говорил с нами, перестал напоминать размытое тёмное пятно. Это был Парваз.

— Этого хватит? — хрипло спросил Рашид.

Но Парваз уже отошёл к другой группе. Его шаги были медленными и выверенными, так как с каждым шагом солнце лишало его тело влаги. Вскоре ему суждено было высохнуть так же, как этим деревьям.

Смерть настигла нас.

В тот день умерло два жителя деревни. Их собирались оставить для птиц Мазиры. Путешественники начали утешать друг друга, объясняя, почему этого не должно было случиться с ними — умершие люди были старыми и безответственно распорядились своей

водой. Жена одного из них и брат другого оплакали их без слёз. Сколько ещё человек не смогут подняться с наступлением ночи?

Воду разделили между нами. Моя фляга была полной. Я должна была растянуть её до следующего оазиса, то есть на две ночи. До этого я могла выпивать по три фляги в день.

Я сделала большой глоток, но мне всё ещё хотелось пить.

Да, и другие люди умрут.

Когда настала ночь и пришла пора продолжить наше путешествие, я медленно встала. В голове застучало, а мир накренился и начал вращаться. Сердцебиение ускорилося. Приложив некоторое усилие, я помогла Тави подняться. Теперь мы с ней были похожи на танцующих деревянных кукол, которых делали наши матери — наши движения были отрывистыми, и мы чуть не падали. Я едва могла смотреть на неё, так как каждый раз, когда я это делала, меня переполняло чувство вины. Если бы я не кормила Тави сказками о городе у моря...

— Не надо, — прошептала Тави, покачав головой, и добавила: — Я сама сделала свой выбор.

Сжав губы, я взяла её руку. Спасибо, сестра. Она обхватила пальцами мою руку, а затем отпустила её.

Мы пошли вперёд и начали прислушиваться к тому, как люди пытаются вывести своих попутчиков из ступора. Когда людей без сознания нельзя было поднять, то их погружали на спины верблюдов, если хватало сил. Но сил хватало не всегда, а иногда уже некого было поднимать. Я шла, не оглядываясь. Я не хотела смотреть, на разбросанных тут и там людей, которые выпали из нашего строя, точно те красные осенние листья, о которых мне когда-то рассказывал Саалим.

Ночь прошла как в тумане. Мне было то жарко, то холодно. Я периодически вытирала лоб, но на нём уже не было пота. То же происходило и с Тави — я слышала, как стучат её зубы, а затем увидела, что она сбросила с себя плащ.

Путешествие тянулось медленно. И мне казалось, что оно никогда не кончится. Когда я смотрела на Саалима, его голова постоянно была высоко поднята, но плечи опускались всё сильнее и сильнее, шаги становились всё короче и короче. Мне было интересно, что он думал и чувствовал, но у меня больше не было сил думать об этом, и мой взгляд опять опускался на песок. Караван останавливался множество раз, и каждый раз, когда всё начиналось по новой, у меня было всё меньше желания вставать. Мои внутренности как будто переворачивались внутри меня, пожирая кости и пережёвывая их на мелкие кусочки.

В какой-то момент посреди ночи умерла лошадь. И кто-то начал пить её кровь — или мне это приснилось? У кого-то хватило сил разделать животное. Я вгрызлась в мясо так, словно это был фрукт, который однажды сотворил Саалим прямо из ничего.

А затем опять наступил день. Все легли на землю. Никогда прежде не было ещё так тихо.

Нам не суждено было добраться до Алмулихи. От осознания этого меня накрыло волной успокоения, тёплой и приятной. Нам суждено было умереть. Смерть показалась мне гораздо приятнее, чем каменные здания, обвитые вьющимися растениями, и дворец с остроконечными куполами. Я перекатилась на бок и положила лицо на песок. Закрыв глаза, я начала молиться Эйкабу о том, чтобы конец наступил быстро.

Саалим лёг рядом — но я не могла до него дотянуться. За его спиной медные фонари отбрасывали оранжевый свет на стены шатра. Сначала их огни радовали меня своим теплом. Но затем они сделались горячими. И начали обжигать моё горло. Я попыталась набрать

песка, чтобы потушить пламя, но мои пальцы ударились о тканый ковёр. Я посмотрела на Саалима — я хотела, чтобы он убрал фонари — но его глаза были закрыты. Его руки лежали рядом с головой, а на запястьях были золотые браслеты, края которых, казалось, приплавились к его рукам, словно были выкованы из его крови.

Он снова превратился в джинна.

Я попробовала подвинуться, чтобы разбудить его, но я была такой измождённой. Оставшись на своём месте, я стала наблюдать за тем, как он дышит. Его лицо казалось таким гладким, когда он спал. Оно всегда было таким расслабленным, когда он не находился рядом с моим отцом.

Но жжение в горле сделалось слишком сильным. Мне надо было, чтобы он потушил фонари.

— Пожалуйста, — прошептала я.

Глаза Саалима раскрылись.

— Эмель, что такое?

Он сел, и его лицо беспокойно нахмурилось.

— Фонари слишком горячие.

— Они больше не горят.

И так оно и было.

— Подойди ближе, — сказала я.

Он приблизился и лёг рядом, а я обхватила рукой его грудь. Его сердце забилося так же быстро, как и моё. Вдохнув его воздух, я почувствовала облегчение. Я скользнула рукой вниз по его рёбрам и закрыла глаза. Я больше никогда не сдвинусь с этого места.

— Что ещё тебе нужно?

— Моё горло всё ещё горит.

— Значит, воды?

О, боги, да. Именно это мне и нужно. Я кивнула.

— Ты её получишь.

Я подождала. Но вода не появилась.

— Что ещё? — спросил он.

— Здесь нет воды.

— Она скоро будет здесь. Что-нибудь ещё?

Саалим начал вставать.

Мой отец, должно быть, скоро проснётся. Он будет ожидать увидеть Саалима подле себя.

— Пора?

Саалим кивнул.

— Скорее же, скажи мне своё последнее желание.

Меня накрыло беспредельной тоской. Мог ли он её почувствовать?

— Я желаю тебя.

Я попыталась притянуть его к себе, но не смогла, так как была слишком слабой. Я прижала ладонь к его коже, чтобы почувствовать его дыхание.

— Я здесь.

— Я желаю тебя, даже когда тебя здесь нет.

В его глазах отразилась печаль, невысказанные слова были готовы сорваться с его языка. Он поднял руки, и золотые браслеты исчезли.

— Слишком поздно, — сказал он тихо. — Я всего лишь человек.

Неожиданно снаружи раздались голоса. Я закрыла глаза, желая, чтобы мир, который угрожал нарушить наше спокойствие, исчез. Я не могла попрощаться с ним снова.

Мои глаза раскрылись навстречу палящему солнцу. Шатёр исчез. Саалим исчез. Остались только голоса. И жжение в горле. Нет.

— Саалим? — произнесла я слабым голосом.

Я уже знала, что его здесь не было. И что я находилась посреди пустыни в окружении каравана, который ожидал своей смерти.

Моё внимание привлекли голоса — громкие и энергичные. Люди сидели, подняв фляги в воздух кверху дном, и наливали воду в свои рты. Я села так быстро, как только смогла. Почему они вели себя так безрассудно?

Сдвинувшись, я почувствовала, что моя собственная фляга, висящая на поясе, была тяжёлой. Такой тяжёлой, словно она была... полной? Я взяла её в руки и почувствовала плеск жидкости внутри.

— Вода, Эмель, — сказала Тави позади меня.

Её голос звучал теперь гораздо мягче, он не был слабым и хриплым.

— Вода?

Она кивнула. Открыв флягу, я медленно поднесла ее к губам.

— Хвала Вахиру, — сказала я.

Я позволила себе два больших глотка, после чего вытянула руку с флягой, чтобы не поддаваться искушению и не выпить всё сразу. Тави сделала то же самое. Мы знали, что нас ждёт, если Эйкаб заметит, как быстро мы выпили дар Вахира. Он сожмёт нас в своём кулаке и начнёт трясти. Пока кто-нибудь из нас не умрёт.

— Откуда она взялась? — спросила я.

Она пожала плечами.

— Бочки оказались полными. Никто не знает. Никто ничего не видел.

— Мы все спали.

Тави кивнула.

Меня обдало холодом, когда я вспомнила свой сон. Неужели это была магия? Но ведь Саалим больше не был джинном? Ведь так?

А что, если был?

Покачивая головой, я повернулась в ту сторону, где сидели люди Саалима. Я не смогла его там разглядеть. Были ли на нём по-прежнему надеты золотые браслеты, которые связывали его с Мазирой? Мои пальцы подлетели к мешку на поясе, и я почувствовала внутри твёрдые золотые браслеты. Это невозможно.

Испытав неожиданное воодушевление, я попыталась встать. Но моё сознание ещё не прояснилось, поэтому я покачнулась, стоя на четвереньках, и снова села на землю.

День продолжался, а вопросы всё множилось. Никто ничего не понимал, а солдаты не спешили нам отвечать.

— Где были наполнены бочки? — спросила я одного из них, зачерпнув кускус из железного котла — наконец-то его можно было сварить, так как у нас появилась вода.

Я посмотрела на запасы воды. Люди выстроились в очередь и хотели получить ещё. Воды было более чем достаточно, чтобы мы могли добраться до следующего оазиса.

Он пожал плечами.

— Король Саалим не сказал.

Он бы и не сказал. Особенно, если он сам не знал.

Чем сильнее вода смывала моё недоумение, тем более беспокойной я становилась. Как ещё можно было это объяснить кроме как магией? Но магия не давалась просто так. Что может захотеть Мазира в обмен на воду? Содрогнувшись, я обхватила грудь руками, словно пыталась защитить себя от богини.

Я слишком часто играла с магией, когда Саалим был джинном. Слишком много желаний было загадано неправильно, слишком много нитей оборвалось из-за того, что мы сделали, слишком много людей изменилось.

Саалим рассказал мне, что, когда он исполнял желание, никто не помнил о том, что произошло, кроме того, кто загадывал желание, и джинна, который его исполнил. Но он оказался не прав. Люди не полностью всё забывали. Именно поэтому Фироз вёл себя так странно после того, как моё желание спасло его от повешения за пособничество таинственным далмурам. Именно поэтому мой отец узнал Саалима, когда тот посмотрел ему в лицо перед тем, как пригвоздить к земле мечом.

Мое желание обрести свободу от Соляного короля освободило Саалима от роли джинна и возродило его город из камня у моря. Его магия изменила пустыню. Неужели из-за моего желания случилось что-то ужасное? Из-за этого страха я навсегда зареклась использовать магию. Ей больше не было места в моей жизни. И хотя благодаря ей я испытала самые счастливые моменты в своей жизни, она также стала причиной самых трагичных событий.

Сабра. Нет, мне было невыносимо думать о своей старшей сестре, и о том, что случилось с ней из-за моего желания. Поэтому я решила сосредоточиться на своей младшей сестре: Тави собрала остатки кускуса пальцем и поднесла к губам. Теперь, когда она смотрела в свою миску, её глаза казались ярче.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я.

— Гораздо лучше. Но всё ещё не хочу отправляться в путь.

Я, молча, посмотрела на неё.

Она встретилась со мной взглядом. Заметила ли она моё беспокойство?

— Но если мы не доберёмся до Алмулихи, то я буду жалеть обо всём этом, — сказала она.

Один уголок её губ приподнимается в полуулыбке.

— Скучаешь по привычной еде?

Я уставилась на свою пустую миску.

— Если бы я не...

— Перестань, — взмолилась она уже без лёгкости в голосе. — Мы идём навстречу новой жизни. Мы не можем оглядываться назад.

В этом путешествии наши роли поменялись. Она уже не настолько нуждалась во мне, насколько я нуждалась в ней. Несмотря на изнеможение, чем дальше мы уходили от дома, тем сильнее она становилась. Моя маленькая сестрёнка была теперь мне как мать.

— Думай, что хочешь, о моём нахождении здесь, — продолжала Тави. — Но я чувствую только облегчение.

Она медленно осмотрелась вокруг. Её глаза были спокойными, тело расслабленным, когда она откинулась назад и опёрлась на руки.

— Каждый день я оказываюсь в таких местах, где никогда не была прежде. Я больше не узница шатра.

Она произнесла слово "шатёр" с такой злобой.

— И что бы я делала сейчас, когда весь двор отца разогнали? Я знаю только, как быть ахирой. Люди не приняли бы нас в свою жизнь. Я предпочитаю быть здесь.

Она произнесла эти слова уже дрожащим голосом.

— Я раньше не понимала, как сильно меня пугала та жизнь. Я ненавидела её. Мухами, которого больше интересует соль отца, тащит меня в постель. Это ты объяснила мне, что я заслуживаю большего, Эмель.

Я вспоминаю, как уговорила её улизнуть из дворца, как это делала я. И как она увидела деревню в первый раз, увидела горизонт.

Тави вздохнула.

— Я слаба и измождена, но я также рада.

Слушая Тави, я почувствовала проблески счастья.

— И я благодарна, — сказала она, выпив воды. — За это.

Подняв свою флягу вверх, она добавила:

— И за то, что наши жизни ахир закончились. Мы ведь никогда больше к ним не вернёмся?

Но это было неправдой. Рашид планировал найти для нас жильё в байтахире. И после того, как мы чуть не погибли под солнцем Эйкаба, я знала, что сделаю всё, чтобы выжить в Мадинате Алмулихи. Я была уверена в том, что потребность в деньгах окажется сильнее нашей решимости. Ведь мы были знатоками того, как задвинуть свою гордость подальше.

Я содрогнулась под лучами солнца.

Глава 4

Эмель

Дюны, точно гнездо, окружали Мадинат Алмулихи, и у меня не получалось взбираться по ним достаточно быстро. Я вспомнила про Рафаля, непокорного сказителя, которого казнили по приказу моего отца. Он рассказывал, что город был окружён скалами, которые нельзя было преодолеть на верблюде. Но здесь не было скал, только гладкие песчаные склоны. Когда Саалим освободился и Мадинат Алмулихи был восстановлен, пустыня тоже изменилась.

Наконец, я увидела город. Сначала он напомнил мне разбросанные повсюду нагромождения из слитков соли. Белые каменные здания тускло поблёскивали в свете солнца. Но моё внимание, как и моих спутников, привлёк не город. А сверкающая синева, простиравшаяся за ним.

Море.

Тави не могла поверить, что это вода, и была убеждена в том, что Эйкаб снова решил над нами подшутить. Мы видели так много подобных миражей во время путешествия — манящие водоёмы на песчаной поверхности, которые исчезали, когда мы к ним приближались.

— Почему ты так в этом уверена? — спросила она меня, глядя перед собой широкими и жадными глазами.

— О нём говорилось в легендах, — ответила я, не в силах сказать ей правду.

Я уже была здесь однажды и гуляла по разрушенным камням с Саалимом. Я бежала вдоль берега, и море лизало мои пятки. Я смотрела на кричащих птиц — они назывались

чайками — которые летали над морем и сидели на развалинах стен. Мы лежали здесь с Саалимом, переплетаясь конечностями и вдыхая воздух из лёгких друг друга. Она бы мне не поверила. Ведь магии не существовало. Я сама не верила в магию, пока она не встала предо мной на колени в виде джинна и не смыла кровь убитых людей с моих рук.

Когда я увидела Мадинат Алмулихи, все эти воспоминания тут же вернулись ко мне, а вместе с ними и мои переживания. Я проделала этот путь, чтобы понять, похож ли Король Саалим на Саалима, которого я помнила, чем-то ещё, кроме своих золотистых глаз? Я знала, было глупо думать, что я могу очаровать короля и получить от него ответы на свои вопросы. Я была ничтожной дочерью короля, уставшей ахирой — использованной, грязной, недостойной. А что, если он меня не захочет? Что если я проделала весь этот путь, чтобы понять, что для Саалима я ничем не отличалась от любого другого солеискателя? Я втянула ртом воздух, представив жизнь в незнакомом месте без человека, которого я желала больше всего на свете.

Когда мы приблизились к Мадинату Алмулихи, он предстал пред нами, словно созданный богами. Это был маяк избытка и мечтаний. Ступить на каменные улицы после стольких дней, проведённых в песках, было всё равно, что проснуться ото сна. Неожиданно мы оказались в таком месте, которое показалось нам настоящим.

У входа в город Саалима встретили два всадника. Он и ещё несколько солдат оставили нас и уехали с ними.

— Что-то случилось? — спросила я Кови, солдата, стоявшего неподалеку. И мой голос прозвучал слишком громко из-за беспокойства.

— Ничего, — сказал он, хмуро посмотрев на меня. — Они возвращаются домой.

Во дворец. Мои шаги замедлились. Значит, это конец? Он покинул меня так неожиданно. Я не знала, почему я ожидала чего-то ещё, ещё одной возможности поговорить с ним. Наши пути не могли пересечься просто так. И как мне теперь его найти? Я закусила щёку и уставилась перед собой, но у меня получалось видеть только то, что я потеряла.

— Я совсем не так себе его представляла, — прошептала Тави.

Моргнув несколько раз, я наконец-то увидела город, по которому мы шли.

Мы проходили мимо каменных домов, покрытых деревянными крышами, многие из которых располагались рядом с загонами для скота. Бельё, которое сушилось на верёвках, рассказало мне о том, что это были дома людей, а зелёные растения, которые ползли вверх по стенам и заполняли трещинки между кирпичами, рассказали мне о том, что это поселение было совершенно не похоже на моё. Жизнь здесь была ключом.

Мы, должно быть, шли по главной дороге. Она была широкой, и вместе с нами по ней шли люди, которые везли товары, детишки гонялись за цыплятами, а также ехали верхом незнакомые солдаты. Если они и не обратили внимания на наши пыльные одежды и уставшие конечности, то по нашим раскрытым ртам было совершенно понятно, что мы были не здешними. Солдаты, спешившие попасть домой, начали нас подгонять, но мы шли медленно, так как нам было любопытно всё разглядеть. Мы пялились вокруг и толкали друг друга локтями, чтобы обсудить то, что увидели.

Жители стояли в дверях и наблюдали за нами прищуренными глазами, нахмурившись и скрестив руки. Везде, где находились люди, обязательно встречался кусок дерева, который служил дверью. Это было нужно для уединения, как объяснил мне когда-то Саалим. Меня восхитило это роскошество. Там также были небольшие дыры, которые Саалим назвал окнами. Он рассказывал мне, что они пропускали внутрь ветер и свет. В некоторых окнах

виднелись висящие горшки с чем-то зелёным по краям. Другие окна закрывали тонкие ткани. А в некоторых торчали крошечные лица с любопытными глазами, которые смотрели на нас.

Это место не было похоже на необитаемые руины, в которые приводил меня джинн Саалим. Казалось, что это было так давно, хотя не прошло ещё и полугода.

Порыв ветра ударил мне в лицо. Я вдохнула и почувствовала запах моря — мокрой жизни — который смешивался с сухостью пустыни.

По мере того, как мы продвигались дальше вглубь города, здания становились больше, дома и магазины располагались теперь близко друг к другу, а люди казались громче и веселее. Но они также более явно выражали своё неудовольствие. Я могла пересчитать по пальцам обеих рук то количество раз, когда кто-то кричал нам, чтобы мы возвращались туда, откуда прибыли.

Но холодный приём не уменьшил нашего восхищения городом, хотя я съёживалась каждый раз, слыша оскорбления.

На широком перекрестке, в конце одной из улиц, находилось невероятное количество магазинов с чудесными прилавками. Их стены были выкрашены в яркие цвета, и на них висели таблички — одна изощрённее другой. Между магазинами сновали люди, но меня привлекло движение на одной из крыш. Там, наверху популярного магазина на углу, стояла женщина на плоской крыше. Она облокотилась на край, когда мы проходили мимо. Что-то в ней показалось мне знакомым. На ней были надеты плотные и длинные одежды, похожие на мои, но меня привлекло её лицо. Она смотрела на нас с теплотой, словно приветствовала. Это разительно отличало её от остальных.

— Он никогда не закончится, — сказала Тави в благоговении, не обращая внимания на нападки.

Она переводила взгляд с домов на широкую брусчатку под ногами, а затем на яркие растения, которые карабкались по каменным стенам. Она осторожно коснулась стены, словно та могла сломаться, и бережно провела пальцем по листу.

— Он такой мягкий.

Я тоже его потрогала. Мы захихикали, опьянённые нелепостью происходящего.

— Что вы делаете? — завизжала какая-то женщина крикливым голосом, вышедшая из дома, который мы трогали.

Я промычала что-то нечленораздельное.

— Здесь для вас ничего нет. Держите руки при себе и проходите.

Она выставила вперёд подбородок, а мы обе отвернулись в другую сторону и поспешили на середину улицы, чтобы даже не пытаться больше сделать нечто подобное. Когда мы отошли в сторону, она пробормотала что-то про солеискателей.

— Они не рады нас видеть, — прошептала я.

Тави пожала плечами.

— Они ведь нас не знают.

В трещинке между камнями я заметила цветы, которые узнала — их лепестки были плотно закрыты на солнце.

— Ночной жасмин, — я указала на цветок. — Он раскрывается ночью.

Тави посмотрела на цветы, качающиеся на ветру, и улыбнулась.

Я уже не могла разглядеть пустыню у нас за спиной — только низкие дюны, которые возвышались над городом. Чем дальше мы заходили в Мадинат Алмулихи, сопровождаемые

солдатами, тем более озабоченной я становилась. Я знала, что этот город был огромным, но я не ожидала, что буду чувствовать себя в нём такой маленькой.

— Как ты думаешь, куда мы идем? — спросила Тави.

Я пожалала плечами, так как меня занимал тот же вопрос. Люди из моего поселения собрались вместе. Чем дальше мы шли, тем ближе мы придвигались друг к другу. Наш дом казался нам теперь ребёнком, маленьким и хрупким, по сравнению с этим городом. Моё лицо вспыхнуло от стыда, когда я вспомнила о той гордости, которую моя семья — а иногда и я сама — испытывали по отношению к нашему дому. Самый большой в пустыне, центр солеторговли! А Соляной король — самый могущественный человек! Мой отец считал себя богом, сидящем на троне из соли. И сейчас, как никогда, я поняла, что он был, в сущности, слабым мужчиной, с украденным сокровищем и иллюзией власти.

Та деревня была всем моим миром, пока Саалим не показал мне, что за её пределами есть что-то ещё. И вот теперь я смотрела на этот мир. Но я была не готова.

Жители Алмулихи продолжали пялиться. Они казались мне необычными в своих ярких одеждах с открытыми шеями и лицами. Их волосы развевались на ветру, и они все говорили такими мелодичными голосами.

Фироз и Рашид подошли к нам с другого конца колонны. Улыбка Фироза растянулась до ушей.

— Мы знаем, как попасть в байтахире, — сказал Фироз. И продолжая идти рядом с нами, объяснил: — Амир сказал, что мы быстро доберёмся до неё пешком. Вообще-то, мы её уже прошли.

Рашид продолжил объяснять, но я его не слушала. Почему они спросили об этом Амира? Что если он рассказал Саалиму? Он может подумать, что я испорченная, и ни за что не пустит меня во дворец.

— Нам надо найти женщину по имени Кахина, владелицу байтахире. Она подыщет для нас место, где мы сможем остановиться, и даст работу, — сказал Рашид.

Мой желудок перевернулся.

— Хорошо, — сказала я. — Значит, всё удачно складывается?

Фироз и Рашид согласились со мной и начали обсуждать, что они собираются посмотреть и сделать в городе, невзирая на холодный приём.

— ...слышал, что игорные дома здесь просто огромны. Там подают еду и напитки до самого рассвета! — улыбка Фироза сделалась невозможно широкой.

— Мы теперь в настоящем городе, — сказал Рашид.

Тави замедлила шаг и отстала от них.

— Я не хочу, — прошептала она, уставившись в спину Рашида.

Она словно ждала, что я предоставлю ей какой-то другой вариант, какое-то решение, которое я держала в рукаве всё это время.

— Я тоже. Но что нам ещё остаётся? Нам нельзя разделяться.

Куда могли пойти мы с Тави в этом огромном враждебном месте?

— Это временно. Нам нужен ночлег и...

— Работа, — огрызнулась она.

— Я уверена, что Кахина знает, как ещё мы можем заработать денег.

Я была не в силах смотреть ей в глаза.

Тави уставилась прямо перед собой, её губы вытянулись в ровную линию.

Я продолжила её убеждать:

— Нам надо держаться вместе.

— Знаю.

— Ну, — сказал Рашид, когда он и Фироз остановились. — Мы идём?

У меня не было причин откладывать поход в байтахуру, но я должна была попытаться.

— Пока нет. Я хочу посмотреть, куда они нас ведут.

А куда они нас вели?

Когда небо начало принимать фиолетовый оттенок, мы подошли к проходу между домами. Гладкие мощёные тротуары, вдоль которых тянулись сады, вели к широкой лестнице. Более мелкие сооружения окружали её, точно дети у ног отца. И прямо по центру стоял дворец.

Мои плечи распрямились, кулаки разжались. Именно о нём говорилось в легендах о Мадинате Алмулихи. Сверкающие купола венчали белоснежные башни. Окна отбрасывали на стены мерцающие блики. Широкие балконы тянулись вдоль дворца, точно скрещенные руки.

И где-то внутри находился Саалим.

По бокам от лестницы стояли солдаты, которые замахали нам, увидев приближение каравана. Неожиданный жест гостеприимства.

Люди, которых я приняла за слуг, выбежали из низких сооружений с открытыми стенами, примыкающих к дворцу. Они бросились к животным и начали забирать бочки и товары. Верблюдов согнали вместе и увели вниз по улице, а нагруженных лошадей завели в сооружения, откуда вышли слуги.

Я раскрыла рот.

— Неужели их держат прямо здесь?

Стены сооружений были такими же белоснежными, как стены дворца, а полы чище, чем в покоях моего отца. Неплохое стойло для рабочего скота.

— Может, мы сможем остаться с лошадьми, а не с проститутками? — сказала Тави.

Мы продолжили идти вперёд, медленно поднимаясь по лестнице и разглядывая всё вокруг. Стены вдоль лестницы были сделаны из самого гладкого камня, который я когда-либо видела. Перед дворцом находились и другие сады с такими яркими цветами, что я смогла разглядеть их даже в сумерках. Подстриженные деревья росли вдоль входа, образуя идеальную симметрию.

И хотя я едва могла их видеть, я знала, что по краям окон и дверей были выложены маленькие декоративные плитки, одна из которых лежала у меня в мешке.

Интересно, в каком месте дворца не доставало сейчас этой плитки?

Я подняла взгляд на купола, которые возвышались над нами. Когда мы с Саалимом укрылись в одном из таких куполов, упавшем на берег, он показался мне огромным, но то, что они находились поверх башен дворца, было чем-то невероятным, словно их поместила туда сама Мазира. Мы, должно быть, находились сейчас совсем рядом с морем... да, я могла его слышать.

Непрекращающийся шум волн был похож на песню. Я поискала глазами море, желая увидеть его снова, ведь мы находились так близко от него, но здания закрывали от меня его вид.

— Не останавливайтесь! — закричал Парваз, махнув руками в сторону лестницы. — Мы все хотим есть!

Он повторял это снова и снова. Мне была понятна эта срочность. Если в конце

путешествия нас ждала еда, то я не хотела отставать. Мы двигались очень медленно, каждый поворот открывал для нас нечто новое и удивительное. Это был первый раз, когда наши глаза оказались голоднее желудков.

— Идём, — сказал Фироз, схватив меня за локоть и потащив вниз по лестнице.

Я покачала головой и вырвала руку из его хватки.

— Нет. Сначала мы пойдём во дворец.

— Ты знаешь, как называют человека, который не даёт мне поесть? — сказала Тави сурово. — Обед для стервятников.

Её улыбка не помогла скрыть её раздражения.

— Да, нам всем надо поесть, — согласилась я.

Может быть, Саалим будет внутри?

— Мы пойдём после ужина.

— Нам не стоит опаздывать. Кахину может быть сложно найти ночью, — сказал Рашид.

Я понизила голос и сказала:

— Разве женщин байтахиры не ходят искать именно ночью?

Он ничего не ответил.

Я взяла Тави за локоть.

— Идём. Сначала мы поедем.

Нас завели в огромное помещение с арочными потолками, искусно отделанными плиткой. В центре него стояли Амир и Нассар. За их спинами находились два незанятых трона. Рядом с ними стояли несколько солдат. Я поискала глазами Саалима, но его здесь не было.

Пол покрылся пылью, которую мы принесли на своих одеждах и обуви, и я буквально видела её витающую в воздухе. Нам было не место в этом сверкающем дворце. И вот в этом огромном помещении, когда большинство солдат Саалима покинуло нас, я, наконец, поняла, сколько мы потеряли в этом походе. Со мной сейчас стояло около половины от тех людей, что отправились в этот поход.

— Добро пожаловать в Мадинат Алмулихи, — сказал Нассар.

Он говорил негромко, поэтому нам пришлось перестать шептаться, чтобы расслышать его. Было странно видеть Нассара здесь. Долгие годы я знала его только как визиря своего отца. Я его даже ненавидела. Но я не знала, что всё это время, он пытался саботировать власть моего отца и найти Саалима. А теперь он был советником Саалима. Я попыталась замедлить своё учащённое сердцебиение и расслабить руки. "Он не представляет угрозы", — непрерывно напоминала я себе.

Нассар продолжал:

— Поскольку у вас теперь новый король, вы продемонстрируете ему свою преданность, уважая наш город и его традиции. Вам придётся заслужить своё место, так как мы не терпим попрошайек.

Кофи фыркнул и бросил взгляд на нашу группу.

— Вы приглашены королём Саалимом на последний ужин. После него вы сможете отдохнуть и провести ночь в гостевых комнатах, если вам некуда пойти. Но к утру вам придётся найти место в городе.

Нассар направил нас в следующее помещение, такое же огромное, но гораздо менее экстравагантное.

Длинные столы были заставлены едой. Прямо за ними было ещё больше еды, которая

стояла на кухонных столах или готовилась на огне под присмотром дворцовых слуг. Этот пир напомнил мне о зимних и летних фестивалях, которые проводил мой отец — но только для бедных жителей деревни, потому что я не могла представить себе подобный пир для знати.

— Я останусь здесь вместе с Никой и Мариам, на случай если вам что-то потребуется.

Нассар указал на двух женщин, которые стояли в дальнем конце помещения. Их одежды были лёгкими и так изящно струились, словно это была самая тонкая ткань в мире. На их плечи были накинуты широкие платки, такие же изящные. Эти женщины выглядели так элегантно, что походили на королеву и принцессу из преданий. У одной из них были большие тёмные глаза и мягкая улыбка. Она была гораздо старше другой женщины, которая рассматривала нас прищуренными глазами, точно подсчитывая.

Я повернулась к Фирозу.

— Давай останемся до утра.

Это могла быть моя последняя возможность увидеться с Саалимом. И я поклялась себе поговорить с ним.

Рашид услышал меня.

— Мы уйдём сегодня.

— Это глупо, — сказала я, стараясь спрятать гнев, kloкочущий внутри меня.

К чему эта спешка?

— Мы знаем, что для нас найдётся место во дворце. Мы не знаем, чего ожидать...

— Эмель. Тави.

Это был Амир.

— Подойдите ко мне, — он поманил нас рукой, подозрительно взглянув на Рашида и Фироза.

— У нас есть для вас работа во дворце, — сказал Амир, когда мы приблизились.

Мы уставились на него, раскрыв рот. Во дворце? Я закусилa щёку, чтобы сдержать улыбку. Хвала Эйкабу! Тави сжала мою руку.

— А-а, — сказал он, словно поняв что-то. — Чтобы заработать деньги, нужно работать. А деньги нужны для того, чтобы покупать то, что вам нужно...

— Нет, — сказала я, вероятно, чуть более резко, чем следовало. — Мы знаем, что такое деньги.

Я огляделась вокруг, не зная, как задать ему следующий вопрос.

— Но как? Мы... ничего не умеем.

Он понимающе кивнул.

— Это дело чести. Дети убитого правителя должны быть обеспечены.

В пустыне всё было иначе. Дети убитого короля подчинялись новому королю, если не хотели предстать перед лицом смерти. Но я не собиралась размышлять о различиях между людьми моря и людьми песков. Он сказал, что у них есть для нас работа.

Тави и мне не надо было идти в байтахуру! Нам не надо было снова встречаться со своим прошлым, чтобы обрести будущее. Меня накрыло чувством облегчения, точно прохладной водой. Я посмотрела на свою сестру и заметила, что она чувствует то же самое.

— Что мы должны будем делать? — сказала я, повернувшись к Амиру.

— Люди, которые работают во дворце, обучат вас всему. Жить вы будете с ними. Это люди, которым доверяет король.

Амир наклонился вперёд и тепло улыбнулся.

— И я тоже. Они хорошие люди. Вы скоро поймёте, что вместе с ними вам всегда будут рады.

Это было слишком хорошо. Тави и я, вместе и в безопасности. Мы будем работать во дворце. Может быть, Мазира была не настолько коварной? Наши с Саалимом пути определённо должны были пересечься! Я прижала руку Тави к себе и сжала ещё сильнее. Это было именно то, на что я надеялась, и я почувствовала, как нити начали соединяться в один большой гобелен будущего. Его образ, возникший у меня в голове, был красивым и ярким.

Именно для этого мы проделали всё это путешествие. И, в конце концов, оно того стоило.

— Эмель, — сказал Амир. — Ты будешь жить с Альтасой, дворцовым лекарем. Она уже старая и слабая. Она сказала, что ей нужны сильные руки и ещё более сильная воля. Когда я рассказал ей о тебе, она посчитала, что ты лучше всего ей подойдёшь.

Он широко улыбнулся.

— Руки Тави гораздо сильнее моих. Мы будем хорошо ей служить, — сказала я.

Амир покачал головой, и его черты лица под бородой нахмурились. Посмотрев на мою сестру, он сказал:

— Ты будешь жить и работать с Саирой. Её муж отличный рыбак, именно он поставляет нам большую часть рыбы. Он привозит огромные партии рыбы на берег. Это лучшие караси. Саира сказала, что с радостью примет помощницу.

— Где мы будем жить? — спросила я, пытаясь представить, могут ли семьи лекаря и рыбака жить в одном месте.

— Альтаса, конечно же, живет на территории дворца. В садах. Саира живёт у западного канала. Это недалеко отсюда.

Я медленно покачала головой.

— Амир, — сказала я слабым голосом. — Я, конечно, благодарна за всё это, но мы не можем разделить. Она моя сестра. Нельзя ли нам как-нибудь остаться вместе?

— Мы нашли именно такое решение. Если вам оно не подходит, вы можете поступить по своему усмотрению.

Он печально пожал плечами.

— Альтаса и Саира хорошие женщины. С вами буду хорошо обращаться, вас будут кормить, и вам будет, где ночевать. Вы сможете часто видеться друг с другом. Не бойтесь.

Он поднял руку, словно желая положить мне её на плечо, но потом передумал и опустил её.

— Это наше единственное предложение? — спросила Тави.

Амир кивнул.

Повернувшись к ней лицом, я сказала:

— Мы что-нибудь придумаем. Мы останемся вместе.

Тави перевела взгляд с меня на столы, ломящиеся от еды, а затем на Амира. После чего она посмотрела мне за спину, туда, где нас ждали Рашид и Фироз. Опустив глаза в пол, она сказала:

— Выбор у нас невелик.

Подняв полный решимости взгляд на Амира, она сказала:

— Я буду рада помочь Саире.

Её слова были таким твёрдыми, словно пол, на котором мы стояли, но я расслышала в

них страх, который прижался к этому полу и искал трещинки, через которые можно было просочиться.

Амир пристально посмотрел на меня, ожидая моего ответа. Я открыла рот. Я не этого хотела. Но я медленно кивнула.

— Хорошо! — Амир хлопнул в ладоши. — Ника представит вас после ужина. А теперь присоединяйтесь к нам.

Он подошёл к столу и доверху наполнил тарелку, словно пытался компенсировать себе это долгое путешествие.

— Есть и другой путь, — сказала я, съежившись.

Байтахира не может быть настолько ужасна, так ведь?

— Лучше уж я буду жить отдельно от тебя, чем там. К тому же, он сказал, что мы будем жить недалеко друг от друга.

Она пригладила руками свои одежды.

— А теперь, я хочу поесть.

И она последовала за Амиром, ни разу не оглянувшись на меня.

Найдя Фироза и Рашида, я рассказала им о нашем плане.

— Как быстро вы нас бросили, — ответил Фироз.

Рашид прижал руку к спине Фироза.

— Байтахира... — начала я, не зная, что сказать.

Фироз посмотрел на меня с такой злостью, что мне захотелось затушить пламя его гнева, а не придумывать вразумительное объяснение.

— Так будет лучше, потому что мы сможем заработать денег и быстрее найдём место, где можем остановиться все вместе. У нас сразу будет работа...

— Мы собирались сделать это вместе, — выпалил Фироз. — Но ведь ничего не поменялось, верно? Твоё место во дворце. Моё место — на улице.

Он отвернулся, а Рашид печально посмотрел на меня, после чего последовал за Фирозом, не сказав ни слова и не поужинав.

Нити моего будущего, которые так быстро соединились вместе, так же быстро расплелись.

Глава 5

Эмель

Я настояла на том, чтобы Ника сначала отвела нас в дом Саиры. Дом располагался недалеко от дворца, но дорога была путаной, особенно ночью. Одна извилистая улица сменялась другой. Проулки становились всё уже и уже, и в конце могли вместить только двух-трёх человек, идущих бок о бок.

— Большинство из нас живет здесь, — сказала Ника.

Земля, скользкая от влажного воздуха, сияла оранжевым светом, который отбрасывали на неё окна, светящиеся в домах. Они выглядели такими тёплыми. Я ещё сильнее закуталась в плащ. Как бы мне хотелось тоже оказаться у огня. Эти дома были меньше тех, что располагались на краю города. У всех у них были одинаковые стены и одинаково низкие крыши. Как и в остальных домах, вещи людей располагались повсюду — висели в проёмах дверей и окнах, либо болтались на верёвках вдоль улиц. Мы проходили мимо людей,

набросивших на плечи плащи для защиты от сырого воздуха, которые сидели в креслах под окнами и что-то пили. Сладковатый дым — не похожий на бурак — поднимался в воздух от осоловевших людей.

Мы вышли из узкого переулка, заставленного домами, на очередную улицу, дома которой выходили к воде. Мы с Тави резко остановились.

Ника ухмыльнулась.

— Западный канал, — сказал она, указав на воду. — В той стороне море, а вот в этой — город.

Несмотря на то, что я никогда раньше не видела лодок, Саалим описал их достаточно хорошо для того, чтобы я могла понять, что поверх воды раскачивались именно они. Они были привязаны вдоль канала, и большая часть из них была пуста и мягко покачивалась в такт сердцебиению моря. В одной из лодок стоял человек и раскачивался вместе с ней, поднимая тяжёлые ящики и ставя их на дорогу. Молодой парень подбежал к одному из ящиков, поволок его по дороге, а затем затащил в раскрытую дверь ближайшего дома.

Мы остановились перед дверью, которая казалась такой же, как и все остальные, не считая огромных бочек, стоявших рядом с ней. Из бочек поднимался резкий неприятный запах, и когда из дома вышла женщина, чтобы поприветствовать нас, моё нахмуренное лицо разгладилось.

— Двое? — спросила она Нику, кивнув в нашу сторону.

Женщина была высокой и худой, с высокими скулами, которые отбрасывали тени на её щёки, освещённые огнём. Её волосы были заплетены в тугую косу.

— Нет, только одна. Тави.

Тави сделала крошечный шаг вперёд, и начала тереть пальцами свои одежды.

— Я Саира, — сказала женщина с уставшей улыбкой.

Прищуриив глаза, она посмотрела на меня.

— Её сестра, — сказала Ника. — Она будет жить со знахаркой во дворце.

Саира кивнула, а затем повернулась к Тави.

— Ну, заходи. Я покажу тебе твою кровать. Только тихо. Дети спят.

Тави и я долго обнимались.

— Не трать деньги, — прошептала я ей на ухо. — Я буду часто тебя навещать. Как только мы накопим достаточно, мы найдём место, где сможем жить вместе.

Тави что-то пробормотала в знак согласия, и я услышала, как ей сдавило горло, и почувствовала, как дрожат её руки на моей спине. Почувствовала ли она, как дрожат мои руки?

— Всё будет хорошо, — сказала я, не веря ни единому своему слову. — Я приду завтра.

Ника прервала меня.

— Мне надо отвести тебя к Альтасе, пока ещё не слишком поздно.

В её голосе послышалась скука.

Я отстранилась от Тави и понаблюдала за тем, как она зашла в дом Саиры. Я попыталась сдвинуться с места и последовать за Никой по дороге, но мои ноги приросли к земле. Я покидала последнего члена своей семьи, который у меня остался.

— Тогда делай, как знаешь, — прокричала Ника.

Я взглянула на её удаляющуюся фигуру, на яркую ткань, развевающуюся под её плащом, а затем снова посмотрела на закрытую дверь Саиры.

— Вот и хорошо, — сказала Ника, когда я её нагнала, хотя её слова прозвучали так,

словно ничего хорошего в этом не было. — Альтаса работает во дворце дольше, чем я себя помню, — рассказала она, пока мы шли. — Она знает всё. От неё ничего не укрывается.

Её взгляд переместился на меня, когда она это сказала.

Мы свернули на более широкую улицу, которая почти опустела, не считая пары человек. Они облокотились друг на друга и пели песню о море пьяными голосами. Когда мы перебежали дорогу, Ника спросила:

— Так зачем ты сюда приехала?

— Я хотела увидеть море, — сказала я.

— Ты никогда его не видела? — спросила она с нескрываемым удивлением.

— В наших краях о море рассказывается только в легендах.

— И откуда ты?

Я рассказала ей о своей деревне посреди пустыни.

— А-а, ясно. Соляной король.

Ника подняла палец вверх, словно что-то вспомнила.

— Он заработал себе репутацию.

Я кивнула.

— Он правил долгое время.

Он был королём почти тридцать лет — беспрецедентный срок, учитывая тот факт, что молодые и более сильные мужчины всё время пытались отобрать его трон. Конечно, никто не знал, что у власти его удерживал волшебный джинн.

— Я не это имела в виду. Я слышала, что он продавал своих дочерей знатным мужчинам.

Она, должно быть, не знала, что я была одной из этих дочерей, а я не хотела объяснять ей, как именно он использовал *ахир*.

— А ещё, что он устраивал пиры, на которых он... — её голос переменялся, как у человека, который получал удовольствие от сплетен. — ... спал со своими жёнами на глазах у своих гостей.

Стараясь придумать другую тему для разговора, чтобы отвлечь её, я устремила взгляд на дворец. Когда мы начали подниматься по ступеням, я сказала:

— Мне показалось, что местным жителям не нравятся люди пустыни.

Ника рассмеялась.

Войдя во дворец, мы прошли огромное помещение, которое называлось атриумом — там был настоящий фонтан с водой! — а затем снова вышли наружу. Дорожка, по которой мы шли, бежала между цветущими кустарниками и прудами прямоугольной формы. Судя по тихому плеску, здесь были ещё фонтаны. Два дворцовых крыла окружали эти сады, точно две руки.

По краям мощёной дорожки землю покрывало какое-то губчатое растение. Ника без колебаний пошла прямо по нему, я сделала то же самое. Хотя мне показалось это странным, словно мы ступали по чему-то ценному. Листья касались моих ног сквозь сандалии. Они были острыми и прохладными, и щекотали пальцы моих ног.

Ника переступила через кирпичный барьер, доходивший мне до щиколоток. Если бы я за ней не наблюдала, я бы об него споткнулась.

— Сад Альтасы, — сказала она ровным тоном.

Постриженные сады дворца определённо закончились, потому что здесь порядка не наблюдалось. Верхушки деревьев, находящиеся в тени, нависали над нашими головами. И

только благодаря садовым факелам я поняла, что они были усыпаны листьями. Заросли растений начали попадаться нам на пути, и мне пришлось продирааться сквозь них, как это делала Ника. И вот между деревьями забрезжил свет.

— Дурында, здесь есть тропинка!

Голос раздался оттуда, где мерцал свет.

— Расскажи это своим растениям, — крикнула в ответ Ника.

Раздался шорох листьев, и перед нами появилась крошечная женщина. Я смогла разглядеть только её силуэт — её тело и взъерошенные волосы. Её скрюченный палец указал на землю.

— Она вот здесь!

Она отвела нас в сторону, и хотя тропинка действительно была покрыта растительностью, я почувствовала под ногами твёрдую почву.

Ника вздохнула.

— Это Эмель.

Альтаса тут же устремила на меня свой взгляд.

— Та самая солеискательница, которую они мне пообещали?

Ника кивнула.

— Больше я вам не нужна, я пойду.

Она ненадолго задержалась, и когда Альтаса ничего не сказала, развернулась, чтобы уйти.

— Да хранит тебя Вахир.

Это было совсем не похоже на пожелание удачи.

— Иди за мной, — сказала Альтаса. — И не сходи с тропинки!

А затем она пробормотала что-то насчёт того, что завтра придётся очищать тропинку.

Взглянув на дом, я крепко сжала ткань плаща. Это было небольшое помещение, учитывая, что мне пришлось бы делить его с кем-то, кого больше заботили растения, чем я. Я начала молиться о том, чтобы Тави получила более тёплый приём. У меня за спиной возвышался дворец, его белые стены сияли оранжевым светом. Где-то там, за этими стенами, спал Саалим.

— Ты больше не принцесса. Хватит смотреть на этот дворец.

Значит, она знала, кто я такая.

— Я покажу тебе место, где ты будешь спать.

Она ткнула тростью в дверь, и та раскрылась. Запах специй и дыма витал в воздухе, который был невероятно горяч. Схватившись за стену для поддержки, Альтаса зашла внутрь.

Помещение было маленьким, и в основном заполнено полками, заставленными от пола до потолка. Я вспомнила о доме лекаря у себя в деревне, где на полках точно так же стояли баночки с различными порошками, жидкостями, измельчёнными растениями и другими неизвестными вещами. Некоторые из них были подписаны неровными буквами, но большинство стояли неподписанные. Под потолком висели высушенные растения и цветы, завязанные в пучки. Я запрокинула голову и уставилась на цветы, которые я никогда не видела прежде. Я могла бы изучать их весь день.

Капля пота скатилась по виску, и я взглянула на потрескивающий огонь в кирпичной нише. Внутри не было дыма, только огромное пламя. Как такое было возможно?

— Мне надо пару минут... — Альтаса сделала несколько неровных вдохов. — А затем я покажу тебе дом.

Знахарка была немощной, кости выпирали из-под кожи её рук. Она сгибалась почти вдвое при ходьбе, и её непослушные волосы, которые были заплетены в своего рода косу, лежали на её спине почти параллельно полу. Можно было не заметить её тонкие губы, если бы не её приплюснутые щёки, из-за которых её нижняя губа выпячивалась вперёд, словно Альтаса дулась. Но морщины вокруг её глаз сформировались таким образом, что было понятно: когда-то она была счастлива.

С помощью своей трости она выдвинула из-под стола стул и поставила его по центру комнаты. Поверхность стола была заляпана красными, коричневыми и зелёными пятнами, и на ней были разбросаны различные инструменты. Когда она, наконец, села, она откинула голову назад и тяжело задышала.

— Я вижу, ты проделала долгий путь.

Она сделала глубокий вдох.

— Моё тело уже не то, что раньше. Вода вон там.

Она указала на чёрный чайник рядом с огнём.

— Шалфей — там.

— Хорошо, — сказала я и поспешила к чайнику, глядя в сторону шалфея, спрятанного где-то между полками.

Мою голову наполнили детские воспоминания о том, как мои матери заваривали чай. Поскольку я была ахирой, я никогда этого не делала.

Чайник, который я понесла к огню, оказался тяжёлым.

— Мы будем пить горячую воду? — спросила Альтаса.

Опустив чайник, я выпрямилась и направилась к полкам. Я не смогла даже взглянуть на неё из-за унижения, которое испытала. Я уставилась на банки, но не могла ничего разобрать. Если я не могла даже приготовить чай, какая ей от меня была польза? Я не могла позволить ей заметить, как мало я знала. Если Тави была намерена остаться жить с Саирой, я собиралась сделать то же самое с Альтасой. Здесь были дюжины охапок различных трав и растений. Перебирая их одну за другой, я начала нюхать их, молясь о том, чтобы вспомнить запах шалфея. Наконец я нашла толстый пучок с мягкими листьями. Это был он.

Я уже собиралась засунуть весь пучок в чайник, как вдруг Альтаса резко проговорила:

— Боги, всего пару листков!

— И мёд? — спросила я, гордясь тем, что я это запомнила.

О, как же мне нравился сладкий чай, когда моя голова болела после ночи возлияний с мухами.

Она фыркнула.

— А ты действительно солеискательница. Здесь мы не пьём чай сладким. Для этого у нас есть пироги и выпечка.

Очень осторожно, что не соответствовало моему внутреннему состоянию, я положила три листика в чайник. Подняв его, я собралась поставить его поверх огня.

— Решила потерять руку? — спросила Альтаса. — Это хорошая идея, если ты не планировала ничего здесь делать.

Я остановилась и начала осматриваться кругом.

Она громко застонала.

— Крюк вон там. Используй его, чтобы подвесить чайник над огнём.

Я взяла толстую металлическую проволоку с крюком на конце и кое-как подвесила чайник над огнём. Я села на колени и увидела огромную дыру, через которую уходил дым. Я

нагнулась, чтобы посмотреть внутрь.

— Это труба. Дым поднимается по ней и выходит наружу, — сказала Альтаса. Её голос потеплел. — Я уже забыла, каково это.

— Что именно? — спросила я, вставая.

— Оказаться в городе в первый раз.

Я подождала, глядя на пламя.

— Я тоже была солеискательницей, — она осторожно посмотрела на меня. — Всё выглядит иначе за стенами из камня, не так ли? Ты не можешь слышать голоса снаружи. Не знаешь, что они скрывают, — наклонив голову в сторону стола, она сказала: — Садись.

Передо мной лежал пестик, его конец был покрыт какой-то липкой оранжевой субстанцией. Ступка была чистой. На столе также лежал свёрнутый пергамент, один его конец слегка размотался, и я поняла, что это было какое-то письмо. Я прищурилась, попытавшись разглядеть буквы, но я слишком плохо умела читать, а света было мало.

— Как и ты, я жила под тканью из верблюжьей шерсти и деревянными столбами, и разглядывала горизонт в поисках дюн, сметаемых ветром, и деревьев оазиса.

— Если вы, как и я, то вы должны знать, что не все мы — солеискатели.

Она рассмеялась, и её смех был скорее похож на лай собаки.

— Но ведь это у тебя в крови! Ты, может быть, и не отправилась в это путешествие ради богатств, но так сделал твой отец. И его отец. Мы, дети песков, — она указала своими скрюченными пальцами на себя, а затем на меня, — с рождения знаем одно: комфорт и власть...

Она сделала медленный вдох.

— ...это порождение богатства. Ты посмотри, где мы с тобой находимся.

Она махнула рукой.

Альтаса не ошибалась. Мой отец и его предки были номадами, которые искали солевые шахты. Если они их не находили, то они надеялись найти тех, у кого можно было купить соль. Соль была редким товаром, и она была необходима для жизни.

И только найдя оазис, где был спрятан Саалим, мой отец закончил свои скитания. Загадав желание, он получил такое количество соли, что стал самым могущественным правителем пустыни. Он был солеискателем до того, как нашёл этот оазис. А затем он стал Соляным королём.

Она продолжала:

— Зачем ты приехала сюда, если не ради богатств? Ради лучшей жизни чем та, что ты оставила?

— Я приехала не ради денег, — сказала я.

— Значит, ради любви.

Она сказала это так, словно знала, что это было правдой.

Проигнорировав её, я сказала:

— Мне не нужно много соли или денег, чтобы сделать свою жизнь лучше.

— Но они могут помочь тебе сделать это быстрее.

— Возможно. А вы? — спросила я. — Вы приехали ради соли?

— Ради мести, — медленно проговорила она и улыбнулась мне кривоватой улыбкой.

Я не стала скрывать своего удивления.

— И вы её нашли?

— Почти.

Неожиданно она ударила тростью о покрытой плиткой пол. Я подпрыгнула и оторвала взгляд от танцующего пламени. Она встала быстрее, чем мне казалось возможным, и пробормотала, что она собирается показать мне мою кровать.

А затем заявила:

— Если ты не снимешь с огня этот чайник, мы вряд ли будем сегодня что-нибудь пить.

Я поспешила снять чайник с крюка и поставила его на металлическую подставку, после чего последовала за ней в дверь. Она повела меня по коридору, который показался мне очень прохладным и свежим по сравнению с комнатой. Я понадеялась, что буду спать именно там. Она толкнула дверь и завела меня внутрь помещения, где я должна была спать.

Она указала на одну из закрытых дверей в коридоре.

— И не стоит никуда совать свой нос, если не хочешь увидеть голую старуху.

Я подумала, что буду спать, как младенец, наевшийся молока, но когда я наконец-то легла, мои глаза никак не хотели закрываться. После почти сорока ночей проведённый в пути, во время которых я молила о том, чтобы мои глаза оставались открытыми, они в итоге решили меня послушать.

Да и кровать оказалась такой мягкой, что когда я, наконец, задремала, мне приснилось, как земля поглощает меня, и я снова проснулась.

Сдавшись, я подошла к окну. Оно было шириной с мои плечи и высотой с мою грудь. Я раздвинула занавески и уставилась в темноту. Я пыталась почувствовать ветер и слышать шорох листвы и море.

Когда наступило утро, я села на край кровати и уставилась на комнату. Я не могла поверить в то, что вся она принадлежала мне. Стены были белыми и гладкими, пол был покрыт холодной керамической плиткой. Мой взгляд упал на стол рядом с кроватью. Открыв верхний ящик, я уставилась на вещи из моей прошлой жизни, которые я пронесла сквозь пустыню.

Золотые браслеты, которые носил на руках Саалим, тускло сияли. Его сосуд — его тюрьма — тоже был здесь. Он покатился, когда я открыла ящик, и ударился о браслеты. Пустой сосуд у меня в руках был одной из последних вещей, которые видел мой отец перед тем, как Саалим вонзил меч в его спину.

Я пальцами продолжила исследовать ящик, проверяя, чтобы всё было на месте. Моя карта была задвинута в одну сторону. А в кусочек ткани были завёрнуты маленькие сокровища: голубая плитка, цвет которой напоминал море, золотой медальон, который когда-то принадлежал моей матери и сорванный ночной жасмин, сохранившийся благодаря магии Мазиры. Если бы я достала его, лепестки закрылись бы на свету. И последней вещью в моём ящике был сломанный игрушечный солдатик, который держал прямой меч. Я не знаю, зачем я всё ещё носила его с собой, но я не могла с ним расстаться. Я не могла расстаться ни с чем, что когда-то принадлежало ему.

В комнате раздался резкий глухой стук, который выдернул меня из размышлений.

— Лекарства сами себя не приготовят! — прокричала Альтаса сквозь дверь.

Надев медальон мамы на шею, я быстро закрыла ящик с приглушённым стуком.

Спотыкаясь, я пошла в основную комнату, по пути разглаживая подол своего платья.

— Простите, мы спали во время...

Не глядя на меня, Альтаса протянула мне корзину. Она разглядывала банки и пузырьки на полках, после чего достала те, что ей были необходимы. Я взяла корзину, а она кивнула головой на небольшую кучу, которую она приготовила на столе. Я осторожно сложила всё в

корзину.

— Разотри равные части кардамона и тмина в порошок. А потом добавь к этой смеси несколько соцветий фенхеля. Шесть или семь. Возьми столько, чтобы получилась паста.

Я посмотрела на семь банок у себя в корзине — в двух из них лежали цветы — а затем снова посмотрела на Альтасу, снова почувствовав себя неадекватной.

— Я не знаю...

Она положила ещё пару банок в мою корзину и наклонилась так близко, что я смогла разглядеть серое колечко вокруг её карих радужек.

— Кто ты вообще такая?

— Я не знаю...

— Вот именно! — резко проговорила она. — Ты ничего не знаешь. Что ты за солеискатель, если не можешь узнать вытянутое семя тмина? Или зелёный стручок кардамона? Я ещё понимаю цветы. И кто вырастил такого безмозглого ребенка? Принцесса ты или нет, но я ожидала большего.

Гнев воспламенил меня, поглотив весь стыд. Она была ко мне несправедлива. Я расправила плечи и наклонилась к ней.

— Я была дочерью Соляного короля.

Альтаса насмешливо вскинула брови. А я продолжала:

— У нас были слуги, которые занимались всем этим. Зачем мне было учиться отличать тмин от кардамона?

Прищурив глаза, она посмотрела на меня, и медленно опустила взгляд по моей шее к моим плечам, груди и ногам. В конце концов, она кивнула.

— Ты была закована в цепи. Не удивительно...

Она продолжила кивать, и развернулась обратно к полке со снадобьями, что-то невнятно бормоча. Несколько раз она оборачивалась ко мне, словно соединяя что-то у себя в голове.

Словно она наконец-то что-то поняла.

Глава 6

Саалим

Еду на подносах всё приносили и приносили, а вино текло, как из фонтана. Люди громко разговаривали и смеялись ещё громче. Они сидели друг напротив друга, а между ними лежали горы мяса, хлеба и фруктов. Было столько радости, но почему я чувствовал беспокойство?

— Ты узнал что-нибудь о тех, кто убил твою семью?

Та небольшая радость, что я испытывал, исчезла, точно мышь в тени ястреба. Омар был как всегда бестактен.

— Нет, — сказал я. — Но мы продолжаем держать ухо остро. Скоро мы их найдём.

— А ещё эта кучка отребья, — сказал Омар, слизывая вино с губ. — Они оставили свои знаки по всему моему городу. Чёрные руки.

О да, Омар. Эта маленькая кучка вандалов, которая помечает твой город, конечно же, может сравниться с людьми, которые напали на Мадинат Алмулихи и убили всю мою

семью.

Разжав кулаки, я напомнил себе, что Омар сказал это не со зла. В том, что отец так ему потакал, не было его вины.

— А что думает Ибрагим?

— Что они дожидаются... тебя!

Омар приподнял пустой кубок, чтобы слуга, который зашёл в обеденный зал с полным кувшином арака, наполнил его.

— Это затронуло не только поселение Ибрагима, — сказал Гаффар, пока Омар наблюдал за тем, как наполняют его кубок. — Я слышал о похожих знаках в других поселениях.

— Тоже руки? — спросил я из вежливости, всё более уставая с каждым новым глотком вина.

Омар резко поставил на стол пустой кубок, капли арака расплескались по столу.

— Вернись! — заорал он слуге.

— Он слишком быстро ударит тебе в голову, — сказал я, пододвигая свой кубок, чтобы его тоже наполнили.

— Вот именно, — сказал он. — А как ещё я должен поприветствовать своего друга на троне?

Омар никогда не пропускал празднества.

Всё так быстро поменялось после нападения на Алмулихи. Мы едва успели оплакать мою семью, как до нас дошли вести об Алфааре. Решив, что его жажда власти могла подтолкнуть его к тому, чтобы напасть на мой родной город, я в спешке покинул его, чтобы проверить слухи о Соляном короле. Несмотря на то, что они подтвердились — в его шатре было столько же соли, сколько в наших дворцовых запасах, и он действительно представлял опасность, с которой следовало покончить — было очевидно, что он не мог напасть на мой город.

Поэтому я вернулся домой, к ожидавшему меня трону и беспокойным людям, не получив никакой новой информации. И сегодня мы праздновали мою коронацию.

Всё казалось мне неправильным.

Гости становились всё более шумными. Амир встал и постучал рукоятью меча по столу, чтобы все замолчали. Наблюдая за ним, я вспомнил о нашем недавнем разговоре.

Когда мы приехали, мы не заметили необычных знаков, и не услышали никаких разговоров о подозрительных людях в Алмулихи. Я поёжился, вспомнив о той глупой спешке, с которой я отправился в это путешествие. Сколько людей погибло из-за моей слепоты и из-за того, что я настоял на том, чтобы мы пошли другим путём? Мужчины патрулировали границы города днём и ночью, выискивая подозрительных людей в чёрных плащах или солдат, да кого угодно, кто мог бы рассказать о том, кто напал на наш город, и кто приказал тем трём подозрительным путешественникам приблизиться к нам во время нашего путешествия. Были ли эти события связаны? Нассар настаивал на том, что нет. А я не мог признать вслух, что я всё ещё задавался этим вопросом.

— Мы рады, что все вы присоединились к нам, чтобы поприветствовать нашего нового короля, — сказал Амир. — И, хотя мы всё ещё помним королевскую семью, сегодня мы чествуем короля Саалима. Мы здесь не ради печали, а для того, чтобы отпраздновать его триумф. Искупаться в водах Вахира и помолиться ему, отблагодарив его за такой дар.

Он опустил пальцы в неглубокую миску с водой, которая стояла рядом с его тарелкой.

Проделав то же самое со своей миской, я произнёс быструю молитву о мире и разрешении всех вопросов. Я прижал пальцы к запястью, и всё остальные сделали то же самое.

— А теперь, — продолжил Амир, потянувшись к вину. — За короля Саалима! И раз уж она к нам присоединилась, за будущую королеву!

Елена сидела через несколько человек от меня, а её охрана стояла у неё за спиной. Несмотря на всю её бледность, на неё было приятно смотреть. У неё были широкие плечи и полные губы. Её талия казалась узкой в этом платье, хотя её бедра не выглядели слишком широкими. Глаза Елены — зелёные, как море — встретились с моими и посмотрели на меня так, словно она прочла мои мысли. Она улыбнулась. Я кивнул ей в ответ, и приподнял кубок.

Все остальные разделили тост Амира, тогда как я смотрел на них как будто в тумане.

— Песня! Песня! — закричал кто-то.

Гаффар запрыгнул на стул и начал хлопать и притопывать ногами в такт знакомому ритму. Все остальные повскакивали с мест, начали хлопать, и, вторя Гаффару, запели слова, которые мы все знали.

О, коли ты не боишься песков,
И в дюны за солью пойти ты готов,

Как только наткнёшься на череп в пустыне,
Беги, что есть мочи, чтобы не сгинуть.

Ведь в черепе этом си'ла живёт,
В изгнании вечном любовь свою ждёт.

Знакомо ей магии чёрной искусство,
Способной любого ввергнуть в безумство.

Богиня рыдает, смотря на того,
Кто планы судьбы попрам для неё.

Чью душу она навечно украла,
И по пустыне как соль разметала.

Магия. Когда-то я смеялся над этим словом. Эдала верила в неё, а я всегда считал её дурочкой. Это было, пожалуй, единственное, в чём мы сходились с моим братом. У нашей сестры были мечтательные глаза и дурная голова, и она везде искала дары богини.

Но в тех бочках появилась вода. Она появилась из ничего. И почему-то теперь, когда я думал о магии, я смотрел на неё по-другому. Теперь она напоминала мне занавеску, отодвинув которую, я мог разглядеть реальность.

Я встал из-за стола и пошёл к арке, под которой стояли Омар и Тамам и смотрели на окутанный ночной тьмой балкон.

— Саалим почтил нас своим присутствием! — закричал Омар, хлопнув меня по спине.

Тамам, который пил свой первый и единственный бокал вина, посмотрел на меня ясными глазами, нахмурил лоб.

Здания перед дворцом потемнели с наступлением вечера, но на них были заметны полосы света. Яркие, точно калёное железо. За городом простирался самый великий дар Вахира: море. Я мог чувствовать его запах в воздухе — соль и мокрый песок.

— О, а вот эта отличается от остальных. Дочь пустыни, — сказал Омар таким тоном, который был мне знаком.

Он увидел женщину.

— Теперь тебе нравятся такие?

Рассмеявшись, я посмотрел в сторону бедной прислужницы, на которую положил глаз Омар. Он недавно женился, но это не поубавило его пыл.

Напиток опьянил меня, но я заметил, что она была такой же красивой, как любая другая здешняя ахира. Я откинулся на перила балкона и сказал:

— Тебя послала Мариам?

Она остановилась под аркой, которая отделяла обеденный зал от балкона. Она выглядела так, словно ей было здесь самое место — точно так же выглядела моя мать, когда ходила по этим коридорам.

— Альтаса, — сказала она, и я узнал её голос.

Улыбка сошла с моего лица, я оттолкнулся от перил и выпрямился. Я не узнал её в этом свободном платье. Такое платье могла надеть женщина из Алмулихи. Оно было ярче, чем цветы в саду, и его украшала какая-то бессмысленная вышивка. Её голову и лицо не закрывал платок, и мои глаза жадно прошлись от её губ к шее и груди. Её волосы были чернее ночи. Моя кровь пришла в движение, и я почувствовал, как начал двигаться в её сторону.

— Она отправила меня сюда, чтобы передать вот это, — резко сказала Эмель.

Что-то было не так, и это прогнало из моей головы образ её голых ног, переплетённых с моими. Её голос прозвучал жёстко, но она смотрела не на меня, а мимо. На Омара. Словно увидела скорпиона в своей кровати.

Я откашлялся.

— Что это?

Она протянула мне бесформенный мешок.

— Лекарство.

От болей в теле, которые мучили меня после путешествия.

— И ты решила принести его сегодня вечером?

— Она сказала, что оно должно быть доставлено в первую четверть луны.

Я выдохнул и потёр лоб. Все эти лекари одинаковые. Я вспомнил, как моя мать жаловалась, когда слуги прерывали её сон, чтобы принести тоники, которые отправляла Захара.

— Хорошо. Но его мог принести слуга.

Я должен был просто взять у неё мешок, но я продолжил разговаривать с ней. Она опустила руку с мешком.

— Ваши слуги отправили меня сюда. Я не знала, что здесь пиршество.

Нет, но об этом знали слуги. Как жестоко они подшутили над этой солеискательницей.

Взяв у неё лекарство, я сказал:

— Спасибо, что принесла его.

Она быстро кивнула и собралась уходить. Сегодня она выглядела иначе, закрытой, молчаливой.

— Разве ты не останешься? — сказал ей Омар.

Я ошетинился.

— Я сегодня один, — рассмеялся он.

— Омар, — предупредил я его.

Он удивлённо посмотрел на меня.

— Что такое? Стал королём и теперь слишком хорош для шлюхи?

Краем глаза я заметил, как Эмель вздрогнула. Я закрыл глаза, сразу же протрезвев, и постарался не выйти из себя. Когда-то мы неплохо проводили время с Омаром, отчасти благодаря его хамскому поведению, но сегодня я не мог этого выносить.

— Иди внутрь, — сказал я, положив ему руку на спину и скользнув пальцами по шёлковой ткани.

— Ну вот, — сказал он, пригладив бороду. — Неужели я не могу немного повеселиться?

Я посмотрел на Тамама, который смотрел на нас так, как он смотрел на всё — настороженно и внимательно. Оставив свой кубок на перилах, Тамам повёл Омара внутрь.

— Он пьян, — сказал я Эмель.

Это было паршивое объяснение, и я тут же о нём пожалел, когда увидел, как она нахмурилась. Теперь я стоял на балконе один. Эмель осталась под аркой, словно какой-то невидимый барьер не давал ей подойти ближе.

— Мне надо возвращаться к Альтасе, — сказала она, собравшись уходить.

— Пожалуйста, подожди.

Слова вырвались у меня изо рта раньше, чем я успел себя остановить. Пытаясь придумать причину, ради которой я попросил её остаться, я выпалил:

— Ты уже видела море?

— Да.

— Но не отсюда. Иди сюда.

Я указал на вид с балкона, но затем понял, что была уже ночь, и она мало что могла разглядеть. Моя рука опустилась.

Эмель сделала два шага в сторону балкона и остановилась.

— Здесь красиво.

Но её слова прозвучали не так, словно она считала этот вид красивым. Мне показалось, что она напугана, поэтому я сказал:

— Мы довольно высоко.

Её взгляд упал на край балкона.

Опустив руки на перила, я сказал:

— Но отсюда открываются лучшие виды на Алмулихи.

И я увидел в её глазах, как она в первый раз осмотрела мой город. Он должен был казаться ей красивым и впечатляющим. А я был его королём. Гордость заставила мой подбородок и грудь приподняться.

— Я никогда ещё не поднималась так высоко.

Я опустил голову и посмотрел на крыши домов. Ну, конечно. Она жила в деревне в шатре. Моя тактичная мать ни за что не допустила бы такой ошибки.

— Тебе нечего бояться. Балкон прочный, — сказал я, наконец, постучав по полу балкона пяткой.

Она вздрогнула и придвинулась поближе ко мне. Я мог протянуть руку и почти коснуться её.

Она осторожно посмотрела на меня. Что ты такое видишь?

— Эмель означает "стремление"? На древнем языке? — спросил я.

— Мне говорили, что да.

Теперь она стояла рядом со мной. Её пальцы медленно потянулись к перилам.

— Не то, чтобы я на нём говорил. Мои учителя пытались меня учить, но я был упрям. Не понимал всю ценность. А теперь мне приходится прибегать к помощи переводчиков, чтобы читать древние тексты и законы.

Я начал болтать всякую чепуху.

— Но это нормально для королей. У моего отца был Нас...

Она замолчала и посмотрела на меня.

— Люди, которые ему помогали.

— Это так, но королям нужна помощь, потому что у них много задач, а не потому, что они не могут выполнить их самостоятельно.

Я вспомнил про Азима, который сражался с захватчиками, перед которыми я струсил.

— Зависимость — это слабость.

Она уже облокотилась о перила. Она становилась смелее с каждой секундой. Платок на её спине не мог скрыть округлости её бедер. Мне захотелось стянуть с неё этот платок и провести пальцами по этим изгибам.

Внутри снова шумно затянули песню, но она звучала где-то далеко.

Налетел ветер. Он закружился вокруг нас и приподнял платье вокруг её щиколоток так, что я заметил туфли на её ногах. Не сандалии. Она оттолкнулась от перил вместе с порывом ветра, в страхе округлив глаза. Её волосы были уложены, как когда-то у моих сестёр, которые проводили слишком много времени перед зеркалом, перекручивая волосы и укладывая их таким образом. Тогда мне казалось легкомысленным тратить на это столько времени, но теперь, когда я смотрел на волосы Эмель, уложенные у неё на голове, смотрел на платье, которое вздымалось вокруг неё, точно перья птицы, я поменял своё мнение. Вероятно, это не было настолько бессмысленным. Ещё один порыв ветра, и платок упал с её плеч.

Мои глаза, жаждущие увидеть что-то еще, опустились на её плечо. И я замер. На её коже растянулись тёмные шрамы, которые сияли в свете. Это были следы от, по крайней мере, пяти ударов. Это были не шрамы рабочего, с которым что-то произошло. Это были шрамы неповиновения, и их оставили на ней намеренно.

Я резко вдохнул. Что могла сделать дочь короля, чтобы заслужить подобное наказание?

Неожиданно она взглянула на меня. Когда она увидела моё лицо, её лоб нахмурился. Она подняла руки к шее, и её пальцы схватились за края платка. Она медленно попятилась, плотно кутаясь в платок, как это делала моя мать. Но моя мать не скрывала шрамы.

— Оно того стоило? — спросил я.

Её лицо разгладилось. Что она вспомнила? Определенно не боль от хлыста и зуд заживающих ран. Нет, она вспомнила то, что она сделала, чтобы их заслужить.

— Он того стоил, — сказала она и пошла прочь.

* * *

Аниса вернулась быстро с добычей в клюве. Я поднял руку, заманивая золотого орла кровавым мясом. Она приземлилась с тихим стуком и тут же уронила мышь на землю, отчаянно торопясь получить свой приз. Она взяла мясо из моей руки и отвернулась, накрыв себя крылом. Я с нежностью наблюдал за ней и прислушивался к тому, как Нассар и Кофи

разговаривали у меня за спиной.

— Кем были эти путешественники? — спросил Кофи.

— Люди с востока, — ответил Нассар.

Кофи фыркнул.

— Сомневаюсь, что им можно верить.

— А зачем им лгать?

Аниса закончила есть и сверкнула на меня своими глазами цвета охры.

— Тебе они тоже наскучили? — прошептал я.

Аниса была моей лучшей охотницей. Я был доволен, но не удивлён, когда она вернулась ко мне после сражения с Алфааром. Она была более преданна мне, чем многие.

То есть, нет, она не была преданной. Она была ленивой. Она знала, кто её кормит.

— Саалим! — проговорил Нассар, повысив голос.

— Мне неинтересны путешественники, которые утверждают, что им пришлось сменить курс из-за какой-то странной женщины.

— Семья Елены захочет проверить, насколько ты серьёзен, — резко сказал Нассар. — Это может быть проверкой.

— Ну, расскажи мне ещё что-нибудь.

— Они говорят, что она появилась перед ними, но тут же исчезла. И что они обнаружили её рядом с огромным черепом, который не мог принадлежать никакому животному из ныне живущих.

— Должно быть, на востоке часто поют песни о *си'ле* и пьют слишком много арака, — сказал я.

Кофи фыркнул, соглашаясь со мной. Аниса помахала крыльями, закончив обед, словно понимала, какими красивыми были её перья.

— То есть тебе неинтересно услышать о том, что они рассказали о людях в чёрных плащах, которых они называли даркафами?

Чёрные руки.

Нассар продолжал:

— Они описали их в точности, как и ты.

— Как я?

— Как ты описал тех людей, которых мы встретили в пути.

У путешественников, которые к нам подошли, на руках были чёрные перчатки. Люди, которых описал Омар, нарисовали чёрные руки по всему его городу, словно оставили какое-то послание. Были ли это одни и те же люди?

— Саалим, тебе надо это услышать, — сказал Нассар тихо.

Я отправил Анису в небо и подошёл к Нассару и Кофи.

— Что они рассказали?

— Даркафы утверждают, что нашли богиню, и теперь ищут сыновей.

Потеряв терпение, я вздохнул и повернулся к небу, чтобы проследить за Анисой. Эти даркафы сбивали меня с толку. Но так всегда было с теми, кто доставлял больше всего хлопот.

Нассар продолжал:

— Когда король пересечёт пустыню, богиня вернётся. Она выпустит своего второго сына, чтобы тот умертвил первого.

Я выругался, так как плохо помнил содержание книги "Литаб Алмак".

— Кто из сыновей был рожден первым?

— Ученые спорят об этом; но многие полагают, что им был Вахир, — сказал Нассар. —

Если даркафы верят в то же самое, то я боюсь, что они отправятся в королевство Вахира, чтобы уничтожить его.

Наступила тишина, прерываемая только шумом ветра. Я пристально посмотрел на горизонт, где Алмулихи походил на камень, расколотый надвое.

— В Алмулихи, — сказал я.

* * *

В этот вечер состоялось очередное пиршество. Люди приехали издалека, чтобы отпраздновать моё возвращение домой, и не собирались уезжать сразу. Пирь моего отца были такими же — сытные обеды и обильные возлияния продолжались несколько ночей подряд. Гости порядком злоупотребляли нашим гостеприимством. Мама никогда от этого не уставала, а если и уставала, то умело это скрывала. Она приглашала факиров, женщин, которые глотали мечи, певцов и бардов, танцовщиц и гадалок.

Когда я был маленький, я на цыпочках спускался по ступеням, чтобы никто меня не услышал. Я так хотел стать королём, чтобы устраивать такие же пирь и не спать до рассвета. Но сейчас я бы предпочёл снова стать мальчиком, которого отправляли спать с наступлением сумерек.

Сегодня Омар, как всегда, делился подробностями своей ночи, которую он провёл с женщинами в Алмулихи. К счастью, Елена рано ушла в свои покои, и не слышала его пошлостей. Она всегда была тактична — из неё получилась бы хорошая королева. Завтра она должна была вернуться домой, чтобы закончить приготовления к свадьбе перед своей финальной поездкой в Алмулихи.

— Ты уверен, что та солеискательница была занята? — спросил меня Омар, перекивая громкие истории, которыми делились другие мужчины.

Я покачал головой и фыркнул. Как бы я ни старался думать о чём-то ещё, у меня в голове постоянно возникал образ Эмель. Её груди и талия, её спина и ноги. Её шрамы, которые рассказывали о таких вещах, которые мне хотелось знать.

Тамам тихо сидел рядом. Я наклонился к нему.

— Когда ты найдёшь себе женщину?

— Когда-то давно у меня была женщина, которую я любил, — ответил он, — но жизнь солдата состоит из того, чтобы исполнять долг. В ножнах есть место только для меча; там нет места для любви и прочих нежностей.

Тамам ничто не любил так сильно, как свой меч. Он был мужественным и молчаливым, и я едва ли мог представить какую-нибудь нежную женщину в его объятиях.

Он почти улыбнулся. Его губы раскрылись, словно он хотел сказать что-то ещё, но затем передумал, сделал глоток своего напитка и отвернулся.

Я пожалел о том, что завёл с ним этот разговор.

— Уже поздно. Меня ждёт моя постель.

— И, конечно, женщина, — сказал Гаффар.

— Вахир знает, что ты сегодня не будешь одинок! — крикнул Амир. — Это будет Дайма или кто-то новый?

— Дайма! Это всегда Дайма! — крикнул кто-то ещё у меня за спиной.

Звон посуды и скрип стульев начал постепенно стихать, пока я шёл по дворцу, который был молчаливым в это время суток. Большинство слуг пошли спать или обслуживали гостей. Дневные караульные давно оставили свои посты и пошли спать. Теперь периметр дворца охраняли уже ночные сторожевые. Я медленно начал подниматься по лестнице в башню, держась рукой за стену. Луна ярко светила в окно. Было действительно уже очень поздно.

Когда я вошёл в свою комнату, Мариам всё ещё следила за тем, чтобы огонь не погас, а ванная оставалась тёплой.

— Иди спать, женщина, — нежно сказал я.

— Мой король.

Она поклонилась мне своей седой головой.

— Вам нужно что-нибудь ещё?

— Дайму.

Она кивнула, после чего ещё раз взглянула на огонь и осмотрела комнату. Видимо, всё было в порядке, потому что она тут же ушла, закрыв за собой дверь. Она начала жить во дворце ещё до моего рождения. Она прислуживала моему отцу, а может быть и отцу моего отца. Она хорошо была знакома с этим дворцом, но это не сделало её менее почтительной.

Я стянул с себя тунику, бросил её на пол и сел на ближайший стул.

И точно пришвартованный корабль, мои блуждающие мысли вернулись к воде, которая заполнила наши бочки во время путешествия. Нассар отчаянно пытался найти какое-нибудь объяснение этому явлению. Но рассказы пьяных людей о женщине, которая сбила их с пути, ничем нам не помогли. Я хотел смириться с тем, что этому не было объяснения, но как бы я ни пытался об этом забыть, мои мысли возвращались к этому происшествию.

Огонь был огромным, он громко трещал и вился. Прозрачная ткань, свисавшая с высокого каркаса моей кровати, качалась на ветру, который проникал внутрь. Я пошёл в сторону ветра и вышел на небольшой балкон. С него открывался мой любимый вид — море, пристань, горизонт. Солёный ветер хлестал башню. Я вдохнул воздух, позволив его влажности отрезвить меня, а прохладе унести прочь мысли о магии и женщине с чёрными глазами, которая преследовала меня.

Наконец, раздался стук в дверь. Пошатываясь, я прошёл по комнате и почти споткнулся о ножку стола. На пороге меня ждала Дайма, одетая в платье цвета красного вина, её длинные волосы, заплетённые в косу, были перекинута через плечо на одну сторону.

— Опять? Ты мне льстишь, — сказала она, после чего прошла мимо меня и встала перед огнём, вытянув руки.

Она была права. Моё желание усилилось после возвращения от Алфаара. Я надеялся, что вся эта пустота уйдёт, когда я вернусь домой. Но она не исчезла, и даже становилась больше с каждым днём. Сколько уже лун прошло с тех пор, как мою семью забрали? С тех пор, как мне достался Алмулихи? Четыре? Пять? Я думал, что одиночество, растерянность и тоска... "Стоп", — сказал я себе.

Я подошёл к краю кровати и опустился на перьевой матрас.

— Подойди.

Она сделала, как я сказал, как и должна была. Но впервые мне захотелось, чтобы она сказала мне "нет", чтобы отказала и сделала что-то ещё. Но она не могла. Это была её работа.

Сегодня мне было не до любезностей. Я не хотел пить с ней или долго касаться её. Я был пьян, и мои мысли были наполнены образами Эмель в моей постели, от которых мне

надо было избавиться. Прижавшись губами к губам Даймы, я спустил платье с её плеч. Я развязал его верхнюю часть, но это получилось у меня не очень хорошо, так как оно никак не хотело сниматься, пока не вмешались проворные пальцы Даймы.

Боги, эта женщина была такой мягкой. Я прижал её к себе и лёг на кровать. Мои руки прошлись по её спине, бёдрам и начали подниматься наверх. Я закрыл глаза и представил кожу Эмель под своими пальцами. Дайма сняла с меня одежду, и вот я уже был голым. Её руки были настолько идеальными, что это даже казалось неправильным. И каждую ночь это чувство только усиливалось. Они находились здесь только за тем, чтобы я их касался, и ни для чего более. Дайма перекинула через меня свою ногу, и я перестал думать о её руках.

Я едва ли думал о самой Дайме. Она была просто женщиной, к которой я припал и в которую начал врезаться. Женщиной с губами и грудью. Кем-то мягким со сладким вкусом, наподобие семян фенхеля. Когда мы закончили, я лёг рядом с ней и притянул её к своей груди. Я обхватил её рукой за талию и поцеловал за ухом. Она прижалась ко мне. Она собиралась остаться со мной, пока я не попросил бы её уйти.

— Скажи мне, — проговорила она.

Когда я ничего не ответил, она продолжила:

— Ты зовешь *ахир* в свою постель не потому, что ты хочешь с кем-то переспать. Здесь есть что-то ещё.

— Хм-м.

Я прижался губами к её волосам и слегка намотал её косу на свой кулак.

— Если что ты можешь мне рассказать. Ты знаешь, что я умею хранить секреты.

Дворцовых *ахир* неоднократно проверяли, рассказывая им ложные и скандальные секреты, а затем уже разрешали остаться. Да, она могла сохранить любой мой секрет. Это была её работа.

— Дело в Елене? Она тебе понравится.

— Елена хороша.

— Тогда что-то ещё?

— Я так устал.

— Тогда поспи, мой король.

Я натянул на нас одеяло. Несмотря на женщину, которая спала рядом со мной, друзей, которые остались в обеденном зале внизу, и будущую королеву, которая спала в соседней башне, я всё так же чувствовал эту ноющую пустоту.

И я всё ещё думал об Эмель.

Глава 7

Эмель

Это был первый раз, когда Альтаса доверила мне сходить на рынок в одиночку, но я сразу об этом пожалела. Я пробежала глазами список вещей, которые ей были нужны, подстраиваясь под ритм своих шагов. Если бы я что-то забыла, она была бы в ярости.

Точнее это была притворная ярость. Она так быстро появлялась и исчезала, как будто была напускной. Уголки ее глаз приподнимались, когда она рявкала на меня, как будто она не могла полностью скрыть свою нежность по отношению ко мне. Она действительно меня полюбила. Возможно, потому что я, как и она, была из пустыни. А, может быть, потому что

я была с ней терпелива в те дни, когда она была слишком слаба, чтобы что-то делать, и закрывалась у себя в комнате. Сегодня был один из таких дней.

Перед моим уходом она сказала мне, что в город только что пришёл корабль, на палубе которого выращивали тулси¹. Мне надо было добраться до магазина до того, как они срежут его стебли, чтобы он не успел высохнуть.

Рынок находился недалеко от пристани, поэтому я знала, что мне надо пройти по улицам в сторону моря и повернуть к кораблям. Разница между Алмулихи и моим поселением с каждым днём всё меньше удивляла меня, но при виде рынка я всё равно в ужасе задерживала дыхание. Прилавки с товарами, казалось, не заканчивались. Каждый из них отличался от соседнего, и за каждым стояли громкие продавцы, а сверху висели яркие вывески.

Ко мне подбежал мальчик с сумкой, заполненной каким-то сушеным товаром, и тут же мимо проскакала лошадь с огромными мешками на крупе.

Я испугалась, а он закричал:

— Прекрасные имбирные кристаллы!

У него в руке были огромные куски чего-то жёлтого. Я никогда не видела прежде ничего подобного.

Альтаса предупредила меня, чтобы я ничего не пробовала.

— Они выскивают солеискателей, а уж если приклеятся, как банный лист, то ты никогда ничего не успеешь.

Мальчик увидел, как я посмотрела на его руку, и поднёс её ещё ближе к моему лицу.

— Шесть *фидов* за горсть, но вы можете сначала попробовать и решить, нравится ли вам.

Альтасы не было здесь сегодня. Почему мне нельзя было попробовать? Я взяла небольшой кусочек кончиками пальцев — он оказался твёрдым, но податливым — и закинула себе в рот. Мальчик кивнул и улыбнулся, ожидая моей реакции.

Моё лицо перекосилось, когда зубы впились в вязкий фрукт. Он оказался очень острым, и я закашлялась. Я быстро прожевала его, стараясь скрыть неудовольствие, после чего сглотнула.

— Разве вам не понравилось?

Мальчик схватил меня за руку.

— Мы продаём и другие товары в папином магазине. Идёмте со мной. Мы найдём то, что вам больше понравится.

Я попыталась выдернуть руку из его хватки, но она была крепкой.

— О, нет, — сказала я, ещё немного покашляв, не в силах избавиться от острого вкуса на языке.

— Да, вот сюда!

Он продолжил тянуть меня.

Мы пронеслись мимо мужчины, который вытянул вперёд руки с висевшими на них платками.

— Заморский шёлк! — крикнул он мне, проигнорировав мальчика, который тащил меня за собой.

Ещё одна женщина, демонстрирующая серебряные и бронзовые браслеты, попыталась встать между мной и мальчиком и начала размахивать сверкающими украшениями.

— Лучшая цена на базаре!

Но даже ей не удалось оторвать мальчика от моей руки.

Мы завернули в переулок, где располагалось ещё больше прилавков. Я уже совсем потерялась, и не смогла бы найти путь обратно. Небольшая толпа заполнила почти всю улицу, на которую мы свернули, и мальчик замедлился, начав пробираться сквозь неё. Толпа смотрела на женщину, которая размахивала руками. На ней были яркие одежды, и висело больше украшений, чем у продавщицы браслетов. Меня удивило то, что ей вообще удавалось стоять, да ещё и ходить, под тяжестью этого веса. Когда я увидела её лицо, я поняла, что это была та же самая женщина, которая стояла на крыше. И вот теперь её одежды рассказали мне о том, почему она показалась мне знакомой.

Я резко остановилась, глядя на неё, а моя рука выскользнула из руки мальчика.

Это была та самая провидица, которая предсказала Рахиме её судьбу у нас в деревне. Именно её призвал Саалим с помощью своей магии, чтобы мы с ним могли побыть наедине. Мой рот широко раскрылся. Знал ли он её отсюда, или это были проделки магии?

— Сюда, — сказал мальчик, обхватив пальцами моё запястье. — Почти пришли.

Я покачала головой, не сводя глаз с провидицы. Было настолько очевидно, что она была из пустыни, как и я. Её кожа была такого же цвета, как у меня. Как и форма её глаз, и изгиб бровей. Поскольку я была не из Мадината Алмулихи, я всегда замечала людей, похожих на меня. Это было для меня утешением, глотком воздуха, взаимопониманием. Мне захотелось поговорить с ней, чтобы услышать в её словах что-то родное.

Мальчика не интересовало моё любопытство, у него была цель. Фыркнув, я в очередной раз выдернула руку из его хватки.

— Нет! — сказала я, чем привлекла внимание нескольких зрителей. — Оставь меня.

Он не отступил.

— Но вы так и не попробовали другие товары папы. У него их много. Вы найдёте то, что вам понравится.

И он опять потянул меня за руку.

Беспомощно покачав головой, я осмотрелась вокруг в поисках того, что могло помочь мне избавиться от него.

Мне надо было увидеть эту провидицу.

— Ты!

В нашу сторону шагала женщина с сердитым лицом, при виде которого я сжалась. Это была его мать, я была в этом уверена. Она вытянула вперед свою руку и быстрым движением шлёпнула мальчика по голове.

— Найди кого-то другого. Ты тратишь ценное время на бесполезного покупателя.

Мальчик нахмурился, посмотрев на наводящую ужас женщину, после чего отпустил меня и убежал туда, откуда мы пришли.

Я приподняла руку, благодаря её.

Она проигнорировала меня и повернулась обратно к провидице. Вероятно, она помогала мальчику, а не мне.

— Спасибо, — всё равно прошептала я.

— ...всего пара *набов*. А если хотите узнать своё будущее — один *дха*. Но чтобы узнать свою судьбу, вам придётся заплатить гораздо больше.

Даже голос провидицы был точно таким же. Теперь я явственно это слышала.

— Но это обойдётся вам в кругленькую сумму, — сказала она, отвечая на чей-то вопрос.

Наконец какой-то мужчина сделал шаг вперёд и положил монеты на гладкий стол,

усыпанный кристаллами, пузырьками и сосудами. Она сгребла их, встала и повела мужчину в занавешенную кабинку у себя за спиной. Она взглянула на нас, ненадолго встретилась со мной глазами, после чего задёрнула занавеску.

Я подождала вместе с парой других человек. Через некоторое время занавеска раскрылась. Лицо провидицы было мрачным, а мужчина был теперь бледнее, чем когда зашёл внутрь.

— Будете стоять здесь и пялиться, или кто-то хочет узнать свою судьбу? — спросила она нас.

— Вы путешествуете? — быстро спросила я.

— Путешествую? В пустыню?

Она понимающе взглянула на меня. Акцент.

— В поселения.

Она покачала головой.

— Мой муж путешествовал. А мне неинтересно покидать Алмулихи. Но я могу подумать над этим, если мне понравится цена. Что ты предлагаешь?

Она похлопала по столу, приглашая меня заплатить.

— О, нет... Я просто подумала...

Я попятилась, а провидица отвернулась от меня и посмотрела на других людей, которые стояли в ожидании, после чего увела очередного клиента за занавеску.

После множества остановок, во время которых я просила помочь мне найти дорогу и отвечала на многочисленные вопросы о том, откуда я приехала и почему у меня был такой акцент, я наконец-то нашла продавца тулси. Листья уже срезали, когда я пришла, но они были ярко-зелёного цвета и такими мягкими и ароматными, что я решила, что они были такими же свежими, как если бы я срезала их ножницами, которые дала мне Альтаса.

Я поблагодарила продавца, проигнорировав её вопросы о моём происхождении и сказав ей, что мне надо скорее возвращаться назад вместе со снадобьями. Когда я упомянула дворец, она захлопнула рот и кивнула.

Когда я была с Альтасой, меня никогда не расспрашивали. И хотя одежды не могли скрыть очертаний моего лица, мою тёмную кожу и то, как я смотрела по сторонам, словно ребенок, который видит всё впервые, они знали, что со мной не стоит ничего обсуждать кроме дел, если где-то рядом была Альтаса. Когда я была одна, они так себя не вели.

Наконец, я достала всё, что попросила Альтаса. Теперь я стояла на краю рынка, где каменная брусчатка сменилась деревянными досками, растянувшимися до самого моря. Пристань возвышалась над волнами на опасно тонких столбиках, а вдоль неё были привязаны лодки с высоченными мачтами, переплетенными канатами и спущенными парусами. В течение пары мгновений я смотрела на то, как люди двигаются на этих мачтах, но мои ноги чуть не подкосились, и мне пришлось отвернуться. Разве можно было чувствовать себя в безопасности, стоя на деревянной палубе, когда вода внизу угрожала поглотить тебя?

Тави жила неподалеку, поэтому я прошла вдоль канала в сторону её дома. Перед домом я заметила узкую лодку, а мужчина, стоявший в ней, скидывал на сушу огромные ящики. Более молодой мужчина вываливал содержимое ящиков на землю. Серебристая рыба была разбросана повсюду. Из здания выбежали маленькие дети, чтобы прогнать птиц. А затем я увидела Тави, которая сидела на земле и перебирала рыбу. Какую-то рыбу она кидала в корзину, какую-то — в ведро, а что-то — разбушевавшимся чайкам, парившим у неё над

головой. Это отвлекало их гораздо лучше детей.

А ещё я услышала смех. Я перевела взгляд с галдящих птиц обратно на Тави. Она и молодой человек смотрели друг на друга, их плечи сотрясались. Она казалась невероятно счастливой. Кивнув в мою сторону, мужчина привлёк ко мне внимание Тави. Она посмотрела на меня, затем обратно на мужчину, но тот покачал головой, призывая её подойти ко мне.

— Эмель, — крикнула она, просияв. — Ты только посмотри на себя!

Она обняла меня. От неё пахло её работой. Пахло ли от меня моей? Она отпрянула, и я рассмотрела её лицо. Оно сияло, её глаза выглядели отдохнувшими и воодушевленными. Она провела руками по моим одеждам и волосам, как это делала наша мать. Её улыбка стала шире, и я заметила, что к ней вернулась её молодость, которую она растеряла во время нашего путешествия.

— Ты выглядишь так, словно ты из Алмулихи, — сказала она, наконец.

Алмулихи. Она сказала это так, словно сама была отсюда. Её волосы были заплетены в косу и уложены на голове, как у меня. Ворот её длинной туники был расшит цветами и листьями — вышивка была такой же искусной, как на одеждах наших матерей. Но здесь её носили простые рабочие женщины. Даже шаровары, собранные над её щиколотками были расшиты, по меньшей мере, дюжиной различных нитей, а её сандалии были новыми и крепкими. Я пошевелила пальцами ног в своих стоптанных сандалиях. Они были старыми, но я уже так долго их носила. Туфли, которые дала мне Альтаса, не годились для прогулки по этим улицам.

— ... хотела прийти к тебе, но мне не разрешили. Ты одна?

Она посмотрела мне за спину.

Навещать Тави оказалось сложнее, чем я ожидала, так как я слишком боялась покидать дворец в одиночку. Это был всего лишь третий раз, когда я её видела, хотя луна совершила уже целый оборот с тех пор, как мы прибыли в Мадинат Алмулихи. Первые два визита были короткими. Альтаса нетерпеливо пыхтела, пока мы с Тави обнимались.

— Давай покажу тебе, где я живу. Ты сможешь познакомиться с детьми. Идём за мной.

Тави говорила очень быстро, и всё ещё улыбалась. Она поманила меня в дом.

В основном помещении находились кухня и гостиная. Несмотря на окна рядом с входной дверью, здесь было темно по сравнению с дворцом. Помещение освещалось во многом за счёт огня. Саира сидела за столом с двумя детьми и разделявала рыбу, удаляя из неё кости. В ту ночь, когда мы пришли сюда, она показалась мне строгой, но сейчас она выглядела гостеприимной.

— Садись, — сказала Саира тёплым тоном и указала на один из двух свободных стульев у стола.

Они были разными, и один из них завалился набок.

Покачав головой, я сказала:

— Я ненадолго.

В доказательство своих слов я приподняла мешок с товарами.

Тави представила меня детям, и одна из младших девочек начала что-то тараторить, обращаясь к Тави. Тави выслушала её с большим вниманием, смотря на неё серьёзными глазами и качая головой, после чего попросила нас извинить.

Когда мы пошли по узкому коридору в сторону дальней комнаты, Тави прошептала:

— Она говорит, что я её старшая сестра.

— О.

Дальняя комната оказалась больше основной. В ней находились складывающиеся перегородки, разделявшие несколько циновок. Тави указала в угол помещения, скрытое самыми большими перегородками, и сказала, что там спала Саира и её муж. Лежанки детей располагались в центре, а слева, за более маленькой перегородкой спала Тави.

— Это всё моё! — воодушевленно сказала она и повела меня в ту сторону.

Я подумала о своей комнате — стены со всех сторон, кровать, приподнятая над полом, плитка под ногами — и ничего не сказала.

Рядом с её кроватью стояла небольшая миска, наполненная водой. Рядом с миской находилась небольшая тарелка с гладким красным камнем с оранжевыми прожилками и грубым тёмно-синим камнем.

— Что это такое? — спросила я, встав на колени и уставившись на тёмную слипшуюся субстанцию, на которой лежали камни.

Я взяла её пальцами. Она сильно пахла ладаном. Я положила её обратно на тарелку. Запах дерева всегда напоминал мне о маме. Им пахли её одежды и волосы.

Тави присела рядом со мной.

— Это для мамы и... Сабры.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты никогда такого не видела?

Она наклонила голову.

— Такие есть в каждом доме.

Сколько домов она уже посетила? Со сколькими людьми успела познакомиться и подружиться? Люди смотрели на меня с сердитыми лицами. А кто звал её к себе в гости?

— Разве у Альтасы такого нет?

Она выглядела удивлённой.

Я пожала плечами. Может быть, в её комнате, но я там не бывала. Я снова осмотрела помещение.

— Это способ чтить память тех, кто умер, и так можно попросить Вахира укрыть их от солнца Эйкаба в своих водах.

Сказав это, она встала и подошла к огню, который горел в таком же очаге, как у Альтасы. Здесь была такая же труба, которая вытягивала дым наружу. Она вернулась с кусочком горящего дерева и коснулась тёмной субстанции под камнями. Теперь я более явственно почувствовала запах ладана.

— Я выбрала вот этот для мамы.

Я улыбнулась.

Тави взяла синий камень и нежно погрузила его в воду. Она обращалась с ним, как с птенцом. Приподняв его над водой, она позволила каплям упасть обратно в миску. Кап, кап, кап. Затем она положила камень обратно на горящее благовоние. Раздалось тихое шипение.

— Это топаз. Саира сказала мне, что топаз нежный. Я подумала, что маме это понравится.

Она взяла красный камень и повторила всё то же самое.

— Огненный агат, — тихо сказала Саира. — Он дарует силу. Для Сабры.

Когда она положила камень на благовония, он зашипел более громко.

— Ты теперь молишься Вахиру? — резко спросила я.

Она вздохнула.

— Здесь нет рамы.

Нет, в Мадинате Алмулихи не было такого же горячего песка, чтобы молиться.

— Слабое оправдание.

Мои слова прозвучали раньше, чем я успела их остановить. Но я ведь тоже не молилась Эйкабу? Зачем я с ней спорила? Я не могла остановиться.

— Ты уже забыла свой дом?

— Забыла дом? Я делаю это, — она махнула рукой на свой маленький алтарь, — каждый день, чтобы не забывать их. Чтобы не забывать наш дом и то, откуда мы прибыли.

— Ладно.

Я встала.

— Мне пора возвращаться. Я слишком долго отсутствовала.

Я глубоко вдохнула солёный воздух — который не пах ладаном — как только вышла наружу.

Тави последовала за мной.

— Пожалуйста, приходи поскорее. Я хочу чаще тебя видеть. Может быть, я тоже смогу навестить тебя?

— Может, — сказала я, и начала возиться со своей туникой.

— Мы можем навестить Фироза и Рашида. Как там они? Или мы могли бы заняться чем-то ещё. Якуб хорошо знает город.

Она кивнула на молодого человека, который продолжал сортировать рыбу.

Он посмотрел на нас и бросил рыбу разбушевавшимся чайкам.

— Ты произнесла моё имя?

— Не всё на свете вертится вокруг тебя, — крикнула Тави веселым тоном.

Я слушала их, поглощаемая чувством вины. Я ещё не виделась с Фирозом и Рашидом. Я часто о них думала, но страх не давал мне дойти до байтахире.

— Они в порядке. Я приду, как только смогу, — сказала я и быстро её обняла.

Когда я пошла прочь, я услышала, как Якуб спросил Тави.

— Всё в порядке?

— Да, — тихо сказала она.

Я резко остановилась, притворившись, что поправляю мешок.

— Думаю, она очень грустит. И очень скучает по дому.

Она знала так много, и в то же время многого не знала.

Тави, которая пахла морем и солью, сумела найти радость в этой жизни, где она сортировала рыбу, в отличие от меня, которая жила в стенах дворца совсем рядом с Саалимом.

* * *

Альтаса всё ещё находилась у себя в комнате, когда я вернулась. Бросив мешок на стол, я достала чайник.

Полдень быстро приближался, а моя задержка на рынке стоила мне того, что теперь я сильно опаздывала с приготовлением лекарств. Я поспешила по теперь уже расчищенной дорожке к садам с фонтанами. Перегнувшись через край фонтана, я подставила чайник под струю. Этот фонтан представлял собой вазу, из которой непрерывно лилась вода прямо в пруд. Внутри здания слышались мужские голоса, но вскоре смолкли.

Я услышала смех, а затем стук шагов по плитке снаружи. Развернувшись, я увидела

приближающегося Саалима. Сегодня он был одет как король. Сверкающие одежды, богато расшитые блестящими нитями, свисали с его плеч. А сияющая корона с голубыми камнями по краям, восседала у него на голове. Я не могла оторвать от него глаз. Холодная вода плеснула мне на руку, и я поспешила поправить чайник.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Набираю воду для приготовления лекарств, — сказала я, пожалев о том, что чайник наполнился так быстро.

— В садовом фонтане?

Вытащив чайник из-под струи, я развернулась. Саалим смотрел так, словно пытался сдержать улыбку.

— Обычно я предпочитаю воду из акведука. Мне кажется, что она чище. Но Альтасе лучше знать. Так что, если ей нужно что-то... особенное, можешь использовать фонтан во дворце.

Многие люди набирали воду в фонтане в атриуме. Я решила, что это был источник воды для дворца. Стены же этого фонтана были покрыты чем-то скользким и зелёным, а вода в резервуаре была такой тёмной, что я едва могла разглядеть что-нибудь сквозь неё.

Мои щёки потеплели. Альтаса никогда не говорила мне, где набирать воду.

— Действительно, кто мы такие, чтобы ставить под сомнения её решения? — сказала я, поставив чайник на бортик фонтана. — Сегодня ты выглядишь как король.

Слова сорвались с моего языка раньше, чем я успела их остановить.

— Я и должен так выглядеть, когда встречаюсь с людьми.

— Это будет обращение? — спросила я.

— Суд.

— Куда тебе следует поспешить, — раздался знакомый голос изнутри здания.

За спиной Саалима стоял Нассар. По моей спине прошёлся холодок, когда я вспомнила, как Нассар передал хлыст моему отцу.

Саалим кивнул.

— Скажи Альтасе, что мне нужно ещё той мази.

— Хорошо.

Когда их шаги стихли, я вылила воду обратно в фонтан и пошла набирать воду в атриум. Когда я вошла в дом, Альтаса стояла у стола и рассматривала ножницы, которые она мне дала.

Она указала острыми концами на листья тулси.

— Их срезала не ты.

— Не я, — призналась я, повесив чайник над пламенем.

— Почему?

— Я опоздала.

Мне бы не поздоровилось, если бы она узнала, что я стала жертвой мальчика зазывалы.

— Листья свежие. Разве имеет значение, как они были срезаны?

Она направила концы ножниц на деревянную поверхность стола.

— Каждое снадобье на этих полках было приготовлено так, как мне это необходимо. В противном случае они не сработают.

— Не сработают?

Ножницы упали на стол.

— Мне всё равно, почему ты опоздала, но я надеюсь, что этого не случится в будущем.

Есть много других людей, которые согласились бы делать то, что делаешь ты, и за меньшие деньги.

— Но с кем тогда вы будете разговаривать о доме?

— Сама с собой, как я это обычно и делала.

Одинокая старая женщина.

— А когда вы собираетесь поехать навестить свою семью?

— Мою семью?

— Разве не к ним вы ездили перед моим приездом?

— Я оказалась здесь из-за своей семьи, которой у меня больше нет.

Она взяла веточку тулси, осмотрела листья, после чего испустила глубокий вздох и бросила её обратно на стол.

— Надеюсь, ты не флиртовала с торговцами?

— Я встретила провидицу, — сказала я.

— Ту самозванку?

Альтаса развернулась на удивление быстро и посмотрела на меня.

Она хорошо отдохнула этим утром — её лицо выглядело ярче, глаза менее уставшими.

— Зачем разговаривать с этой дурой? — ворчала она. — Она и так хорошо зарабатывает, но при этом ходит и болтает о будущем и судьбе, лжёт людям о том, что их ждёт. Люди стекаются к ней, словно она источник магии.

Её пылкость удивила меня.

— А вы думаете, что она не владеет магией?

— Конечно, нет. Ты видела, чтобы она её использовала?

— Она делала всё за занавеской.

— И как она выглядела после этого?

— Выглядела? — переспросила я и запнулась.

— Она выглядела уставшей? Ослабевшей? Изменившейся?

Пожав плечами, я сказала:

— Не думаю, но там было так много людей.

Саалим никогда не был ослабевшим после использования магии.

Альтаса приподняла брови и кивнула, словно это что-то доказывало.

— Вот, что тебе надо знать о магии, чтобы не отдать деньги за простое представление: настоящая магия требует жертв, она всегда забирает что-то у того, кто её использует. Эта женщина не маг, и не может использовать дар Мазиры, — она указала на свои полки со снадобьями, — и манипулировать тем, что находится вокруг нас.

Она начала медленно двигаться в мою сторону, несмотря на то, что её конечности уже чувствовали себя лучше.

Обойдя её, чтобы снять чайник с огня, я сказала:

— Значит, вы верите в то, что она существует?

— Конечно, она существует. Именно так разговаривает с нами Мазира.

Я фыркнула, выразив своё несогласие.

— Да что ты знаешь о магии?

Она рассмеялась, и мне захотелось рассказать ей, насколько много я знала. Больше, чем она могла себе представить.

— Достаточно, чтобы знать, что я не хочу иметь с ней дела. Никто не должен иметь с ней дела.

Не желая больше разговаривать о магии, я сказала:

— Король попросил ещё мази.

Она фыркнула.

— Почему бы тебе не убедить его принять тоник? Его проще готовить, и он эффективнее.

— Я спрошу его, когда принесу ему мазь.

Налив немного воды в миску, я потянулась к листьям тулси.

— Эти листья подойдут или нет?

Она забрала их у меня.

— Нет. Ты сделаешь, как я сказала, когда их корабль вернётся через двенадцать дней.

Она подошла к огню и выбросила листья.

* * *

Несколько дней спустя я начала просматривать книгу рецептов Альтасы, чтобы понять, могу ли я приготовить какие-то ещё лекарства без её помощи. И хотя я всё ещё плохо читала, я стала делать это гораздо лучше с тех пор, как начала читать "Литаб Алмак", принадлежавший Альтасе, вспоминая истории, которые рассказывала мне оттуда мама.

Знахарке как будто становилось лучше, и по мере улучшения здоровья, она всё чаще уходила. Но меня не беспокоило то, что я реже с ней виделась. Она задавала мне так много вопросов о доме и моей жизни до Алмулихи, что я начала волноваться, что она подловит меня на лжи.

Я принялась ворошить анис на сите, чтобы его окутал дым, и я смогла добыть побольше капель масла. Осторожно переворачивая толстые страницы, я дошла, наконец, до одной не подписанной. Я прочитала рецепт от каких-то шишек на коже — в нём использовались семена тмина и ещё какой-то ингредиент, который был мне незнаком. Там также был рецепт для загноившихся ран. И ещё один рецепт средства, способного... изменить нерождённого ребенка. Я, должно быть, неправильно его прочитала. Дальше шёл список ингредиентов, которые можно было жевать от зубной боли. Я снова перевернула страницу и замерла. "*Дхита*". Я произнесла это слово, почти уверенная в том, что оно означало "смерть". Зачем лекарю рецепт того, что может вызвать смерть?

Но затем я вспомнила о тех днях нашего путешествия, когда мы не могли нигде найти воду. Тогда смерть могла стать самым милосердным концом. Возможно, Альтаса помогала тем, кто чувствовал себя так же? Я вспомнила свой сон о птице со сломанным крылом, которую я убила кулаком. Вспомнила Сабру, которая умерла без боли. Могла ли смерть быть милостью?

* * *

Тени деревьев тянулись вдоль сада и прудов. Я закрыла глаза, увидев яркий оранжевый свет, который просачивался сквозь листья. Дверь Альтасы была раскрыта, когда я вернулась с базара, её трость стояла у стола, плащ висел на стуле. В коридоре было слышно бормотание, доносившееся из её комнаты. Должно быть, она опять разговаривала сама с собой.

Когда дверь громко закрылась за мной, я услышала шёпот мужчины. Дверь в комнату

Альтасы распахнулась и снова закрылась, после чего она вошла в комнату, шаркающей походкой.

— Ты вернулась, — сказала она.

— Кто здесь? — спросила я, заметив, что она почти выпрямилась. Я улыбнулась ей. —

Мужчина?

Она усмехнулась.

— Я слишком стара для этого! Мужчинам больше нравится в байтахире.

Альтасу так развеселил мой вопрос, что она рассмеялась и покачала головой. И я тоже не смогла сдержать улыбки.

— А где находится байтахира?

Она прищурила глаза.

— Я тебе недостаточно плачу?

— Альтаса!

Она снова рассмеялась, после чего села и вытянула ноги перед собой.

— Вашей спине лучше?

— Мои лекарства работают!

Она наклонилась вперёд и начала растирать колено.

— Так зачем тебе понадобилось знать, где находится байтахира?

— Мои друзья отправились туда, когда мы приехали. Чтобы найти работу и место, где можно остановиться. Я бы хотела их навестить.

— А у этих друзей есть имена, или это тоже секрет? — она поиграла бровями.

Я назвала их имена, а она рассказала мне, как добраться туда. Она сказала, что я могу сходить туда сегодня ночью, несмотря на то, что на рассвете мне надо было срезать тимьян.

— Вы и без меня справитесь с этой задачей, — сказала я, надевая сандалии.

— А зачем ещё я тебе плачу, если не затем, чтобы я могла сидеть и ничего не делать?

— Вы ничего мне не платите.

Мне платил дворец.

— Ты действительно лучшая работница, что у меня когда-либо была. Я ни черта тебе не плачу, и работаю меньше.

* * *

Байтахира оказалась дальше, чем я предполагала. К тому моменту, как я добралась до неё, солнце село, и мне пришлось чуть плотнее закутаться в плащ. Завернув за угол, я поняла, что уже проходила по этой улице, когда мы только вошли в город. Байтахира отличалась от той, что была у нас дома, где стонущие люди с обессиленными конечностями и уставшими глазами сидели рядом с шатрами.

Улицы были заполнены шумными и бойкими людьми, которые обнимали друг друга и что-то пили из кубков и фляг. Другие стояли, прислонившись к стенам, курили или дремали. Вдоль улицы располагались здания с огромными открытыми окнами, и я заметила, что внутри тоже было много людей. Большинство из этих зданий были похожи на места для сборищ — там сидели компании, которые смеялись, ели и пили, обмениваясь картами и деньгами. Из окон вылетал дым, который окутывал часть улицы.

Но я не увидела мужчин и женщин, которые спали друг с другом за деньги. Я поискала их глазами — людей, которые были одеты так, чтобы их одежды было легко снять, или тех,

кто, наоборот, пытался прикрыть большую часть тела — но я их тут не нашла.

В дальнем конце байтахире было тише, и людей было меньше. Заведения начали сменяться домами. Развернувшись, я снова прошла по оживлённой улице. А потом ещё раз. Я ходила по ней туда-сюда и не знала, где мне искать Фироза и Рашида.

— Ты, наверное, потерялась, — сказала мне какая-то женщина.

Посмотрев в ту сторону, откуда донёлся голос, я увидела её, сидящую перед ярким зданием. Рядом с её домом находилось тихое заведение с приглушённым освещением. Она сидела с мужчиной гораздо младше себя, на столе перед ними лежали карты.

Она, должно быть, заметила, как я заглядывала в окна заведения на силуэты людей, сидящих на подушках. Внутри висел такой густой дым, что я вспомнила о Хаф-Шате и Хаф-Альсафе, — зимних и летних фестивалях моего отца. Я понюхала воздух — жжёный мёд. Мои кулаки сжались, когда я начала бороться с желанием своего тела вдохнуть ещё.

— Моё логово буры, — сказала она, кивнув головой в сторону заведения.

— Буры?

— Буракская роза. Единственный цветок, который растёт в...

— Я знаю.

Этот цветок был назван в честь летящего скакуна. Если человек курил её, он чувствовал себя таким лёгким, что был готов взлететь. Я вдыхала её сладкий дым перед встречами с мухами.

— Ты прошла мимо нас уже несколько раз. Что ты делаешь?

Она встала со стула и тут же оказалась рядом со мной.

Я узнала её.

— Вы провидица.

Она улыбнулась и качнула головой. Толстые цепи на её шее зазвенели.

— Кахина, — сказала она. — Я тебя видела. Ты тоже из пустыни.

Я сдвинулась и посмотрела на людей в конце улицы, которые о чём-то спорили.

— Я ищу своих друзей. Фироза и Рашида.

— Я так и поняла. Ты Эмель?

Я кивнула, а она наклонила голову набок и уставилась на меня.

— Все чужаки, что прибывают сюда, приходят ко мне.

Она указала на дорогу, и ткань её рукава, расшитая золотыми, красными, серебряными и зелёными нитями, закачалась под её рукой.

— По крайней мере, те, кому не советуют держаться от меня подальше.

Оторвав взгляд от её сверкающих одежд, я спросила у неё, что она имеет в виду.

— Я помню, каково это — быть как ты. Чужестранкой. И как меня принимали. Когда я встретила своего мужа, и мы открыли наше заведение, я хотела, чтобы у нас были рады всем. А теперь я владею половиной всех этих заведений. Теми же, что мне не принадлежат, владеют люди, которым я помогла. Меня зовут хозяйкой отверженных. Мне это льстит, но я этого не заслуживаю. Я просто не хочу, чтобы люди чувствовали себя так, словно им не рады.

— О, — тупо проговорила я. — А почему кому-то советуют держаться от вас подальше?

— Мы кучка диких солеискателей. Следи за кошельком! Мы можем его отобрать.

Её глаза были большими и яркими. Она подмигнула мне и сказала:

— Всё стало гораздо хуже после нападения... особенно после убийства нескольких жителей города и королевской семьи.

Она прижала пальцы к запястьям.

— Люди теперь ещё меньше доверяют чужестранцам. И мне часто стали говорить, что байтахира — пятно на теле города. Я с этим не согласна. Я просто предоставляю дом тем, кто ищет его, где только можно. Дворцовые улицы не были бы настолько прекрасны, если бы их окружали логова буры, не так ли? По крайней мере, здесь человек может быть самим собой.

— Например, провидицей?

Она рассмеялась.

— Это весело, и к тому же позволяет мне находить потерянных людей, которые пока меня не нашли.

Неожиданно она хлопнула в ладоши.

— Ну, довольно обо мне! Прошу прощения. Мне нравится болтать с новичками.

Кахина указала через дорогу, и на её пальце сверкнули золотые кольца.

— Ты найдёшь своих мальчиков в *джальса тадхате*.

Дом духов.

Джальса тадхат располагался между двух игорных домов, внутри было темно, а у входа горел всего один факел. Здесь не было кричащей таблички, сообщающей прохожим о том, что находилось внутри, а окна были занавешены тёмной тканью. Как и у большинства зданий, здесь был второй этаж, и хотя его окна тоже были затемнены, я разглядела свет от огня, который плясал внутри.

Когда я вошла внутрь, какая-то молодая женщина бросилась в мою сторону так резко, что я закричала.

— Тише! — прошептала она. — Они вызывают духов.

За её спиной около полудюжины людей сидели крúгом, а между ними горел небольшой костёр. Они тихо разговаривали на языке, который я не понимала. Я уставилась на них, широко раскрыв глаза, а женщина взяла меня за руку и повела вверх по лестнице. Здесь было множество дверей, которые тянулись вдоль узкого коридора, она завела меня в одну из них. Я запаниковала и начала пятиться, качая головой.

— Нет, нет, — сказала я. — Мне это неинтересно...

Я указала на кровать.

— Я ищу друга. Его имя Фироз. Кахина сказала...

Она устало посмотрела на меня и взяла мои мельтешащие руки в свои.

— Это моя комната. Я здесь живу. Не работаю. Ты чуть не испортила *арвах*. Одхам мог прийти в ярость.

Я осторожно спросила:

— Кого они пытаются вызвать?

— Эм, всего лишь *хатифа*. Это новенькие.

Я раскрыла рот, чтобы задать ещё вопрос, как вдруг на лестнице раздался грохот. Что-то громко упало, затем съехало вниз, и раздался стон.

Женщина вздохнула и выбежала в коридор.

— Вставай! — зашипела она. — К тебе пришли.

Быстро придя в движение, я вышла из комнаты и выглянула за перила. Фироз лежал в виде неуклюжей кучи посреди лестницы.

— Фиро! — радостно сказала я.

Он взглянул на меня, словно в тумане, и я замерла на месте.

— Блэмель! — крикнул он, исковеркав моё имя.

Он встал, покачнулся, снова упал и начал карабкаться вверх по лестнице.

Когда он встал передо мной, по его сладкому дыханию и остекленевшим глазам я поняла, что он был пьян и находился под воздействием наркотиков, как это часто бывало с моим отцом.

— Идём со мной, — промямлил он и, взяв меня за руку, начал тащить меня по коридору.

Я отпрянула от него и сказала:

— Вероятно, сейчас не лучшее время.

— Блэмель, нет, сейчас идеальное время! — закричал он.

Впереди я увидела раскрытую дверь, откуда поспешно вышел Рашид. Когда он увидел меня, он удивился, но всё равно улыбнулся.

— Эмель!

Гнев, который был направлен на Фироза, переместился теперь на Рашида. Я указала на Фироза, болтавшего что-то про *арвах*, который, по-видимому, завершился. Рашид попросил меня подождать, отвёл Фироза в их комнату и спустя некоторое время вышел оттуда.

— Присоединишься ко мне?

Когда я начала колебаться, он сказал:

— Фирозу надо полежать.

Вместо того чтобы пойти вниз, Рашид отодвинул занавеску и вышел наружу. За занавеской оказалась крепкая деревянная лестница, прислонённая к стене, по которой Рашид забрался наверх. С маленького балкона открывался вид на другие дома, которые стояли так близко, что я могла протянуть руку и коснуться их. Попробовав лестницу на прочность, я осторожно последовала за Рашидом.

Мои ноги ослабели, когда я добралась до крыши *джальса тадхата*. Мы находились высоко над землёй, только теперь никакие стены не мешали мне упасть.

— Тут безопасно, — сказал Рашид, протянув мне руку, и я забралась на плоскую крышу.

Рашид сел на краю и свесил ноги вниз. Я выбрала место по центру — подальше от края. Отсюда я могла видеть дворец, возвышавшийся над городом, точно корабль в море, сияющий бледно-оранжевым светом на фоне тёмно-синей ночи.

— Я рада, что ты пришла. Фироз скучает по тебе, — сказал Рашид.

— Разве?

Почему-то я в этом усомнилась.

— Ты же знаешь, мы не можем прийти во дворец. Он пытался как-то тебя навестить.

Тави рассказывала мне об этом.

Чувство вины шевельнулось у меня внутри.

— Так вот какую жизнь вы нашли. Вызывание духов.

Я скривила губы.

— Это весело. Не всем нам довелось найти работу во дворце на короля.

— Весело? Хатифы, может быть, и безобидны, но что, если вы призовете духа другого уровня, например, ифрита?

— Они пытались.

Я раскрыла рот.

— Ты серьёзно, Эмель?

Он посмотрел на меня с нескрываемым раздражением.

— В это верят только дети. Дети и дураки, которые платят нам за то, что мы их вызываем. Одхам гремит колокольчиками и машет пальмовыми листьями, чтобы воздух пришёл в движение, и всем казалось, что это стоило их денег.

Он не помнил о том, что когда-то верил в джинна, способного освободить его пустыню.

— Это вы дураки, потому что играете с этим, — сказала я.

Что будет, если они вызовут настоящего духа? Я содрогнулась, представив возможные последствия.

Он пожал плечами.

— Байтахира привлекает людей, которые много болтают. Поэтому я хотел поговорить с тобой.

Он придвинулся ко мне и понизил голос:

— Здесь шепчутся о людях, которые планируют покончить с Мадинатом Алмулихи. Это могут быть те же самые люди, которые убили королевскую семью...

Он подождал, зная, что это заинтересует меня, но я не хотела, чтобы он увёл меня по пути теорий заговора. Именно Рашид рассказал Фирозу о далмурах, которые затянули нас обоих в свою паутину. Я не хотела связываться с этим здесь. Ведь именно связь с бунтарями чуть не погубила Фироза.

— Фироз часто так напивается? — спросила я.

Послышался резкий вдох.

— Да. Это продолжается с тех пор, как мы приехали сюда.

Рашид рассказал мне о том, что Фироз очень быстро влился в эту жизнь в байтахире и начал пользоваться своей свободой и заработанными деньгами.

— Я уверен, что, когда новизна всего этого пройдёт, он не будет так часто потакать своим слабостям.

Кахина отправила их в *джальса тадхат* в ту же ночь, когда меня представили Альтасе. Фироз помогал с *арваками*. Рашид работал в одном из заведений Кахины, но жил с Фирозом в *джальса тадхате*. Я не призналась в этом Рашиду — боги, я едва ли могла признаться в этом самой себе — но я им завидовала. Рашид и Фироз жили вместе, им хватало денег, чтобы тратить их с такой легкомысленностью. Я подумала о том, что мы с Тави тоже могли бы жить вместе, подавая еду и напитки, или то, что заказывали здесь люди, за исключением постельных утех.

Я убрала локон со своего лица.

— Вообще-то, я пришла увидеть Фиро, но он очевидно занят.

Так или иначе, жизнь не стояла на месте, а вот я врезалась ногтями в землю, стараясь удержать то, что я так отчаянно пыталась оставить в прошлом.

— Не суди его так сразу.

Рашид посмотрел на меня, и я знала, что он заметил мой гнев.

— Он очень изменился после того, что произошло в поселении.

— Я знаю.

Я пожелала, чтобы он был спасён, но несостоявшаяся казнь оставила на нём шрам. Магия спасла его и притупила воспоминания, но он всё ещё чувствовал, как стоял на пороге смерти.

— Алкоголь или бурак не помогут. Ты только делаешь хуже, позволяя ему этим заниматься.

Рашид пристально смотрел на неровные очертания крыш, когда я встала и пошла прочь.

Оказавшись на первом этаже, я оглядела помещение, в котором проходили *арвах*. Женщина, которая отвела меня наверх, подметала песок между подушками. Внутри осталось ещё двое человек, они сидели, прислонившись к стене. Один из них был одет в плащ и повернулся так, что я не могла его разглядеть. Другой был низким мужчиной со шрамами на лице, на которое огонь отбрасывал тёмные тени. Волосы на его голове были коротко пострижены. От того, как он говорил со своим компаньоном — почти с ухмылкой, скользя языком по губам и сверкающим зубам — мне стало не по себе.

Спорящие голоса снаружи заставили меня отвлечься от мужчин. Женщина уронила щётку с громким стуком, застонала и, проговорив что-то типа "опять", побежала к выходу. Я последовала за ней.

— Не здесь! — закричала она двум мужчинам, которые как будто ругались. — Не сейчас! Внутри посетители.

Они оба были очень высокими, и один из них был сильно старше.

— Это не твоё дело, — сказал более пожилой мужчина.

— Ты не знаешь, с чем играешь, пытаешься вызывать духов, — огрызнулся более молодой.

Он отличался от большинства мужчин в Алмулихи. Несмотря на то, что он был одет и вёл себя, как человек моря, в нем было что-то необычное.

— Одхам, — сказала женщина, прижав руки к предплечьям пожилого мужчины. — Идём внутрь. Не обращай внимания на этого дурака.

— Нет! — сказал Одхам и приблизил своё лицо к более молодому мужчине на расстояние кулака. — Я не дам людям вроде тебя осквернять мою работу, потому что они считают себя умнее меня.

Молодой человек хмуро посмотрел на Одхама. Тяжёлые серебряные браслеты звякнули, когда он затряс кулаками.

— Мазира не дремлет, пока ты пытаешься дёргать за ниточки её могущества. Она скажет своё слово, и ты пожалеешь о том, чем ты здесь занимаешься.

Не думая, я начала кивать, соглашаясь со словами молодого человека. Я испытала неожиданное облегчение, когда услышала, как кто-то произносит вслух мои мысли. Я подошла к нему поближе и теперь смотрела на Одхама и женщину.

— Он прав, — сказала я.

Все они замерли и уставились на меня, но когда я увидела лицо молодого человека вблизи, я опешила. Он показался мне почти знакомым, но я знала, что никогда не встречала его раньше. У него на лбу был изогнутый шрам, который тянулся до самого виска. Я бы не забыла такой шрам. Снова посмотрев на Одхама и женщину, я сказала:

— Если вы просите чего-то у Мазиры, это влечёт за собой последствия. Она ничего не даёт просто так. И она ничего не делает по доброй воле. Если вы осмелитесь призвать *ифрита* или *си'лу*, вы можете разрушить этот город до основания.

Одхам нахмурился и наклонился ко мне.

— Дураки, — прошипел он, переведя взгляд с меня на странного мужчину. — Вы дети? Всё это легенды! Которые рассказывают у костра! — его голос сделался громче.

— Одхам... — тихонько предупредила его женщина. — Внутри ещё остались люди.

Когда женщина утащила Одхама прочь, молодой человек прошипел:

— Если это так, то лучше уж я буду ребёнком. Взрослые смотрят на вещи и думают, что видят всё, но дети знают, что надо смотреть между строк, и хоть они и не видят всего, они продолжают искать.

Он повернулся ко мне.

— Идём. Мы их предупредили. Пусть сами узнают, что будет, если они призовут богиню.

Он поманил меня, и я последовала за ним. У меня было ощущение, что мы с ним были единственными разумными людьми на этой улице.

Глава 8

Эмель

— Куда мы идём?

Я шла за мужчиной по улице, минуя группки людей. Его шаги были огромными.

— Ещё не знаю, — сказал он. — Просто всё это так сильно... — он выбросил руки вперед. — Выводит из себя.

Неожиданно он остановился и повернулся ко мне. Он убрал волосы со лба и скорчил гримасу.

— Боги, я ведь даже не представился.

Он кивнул головой.

— Кас.

— Кас, — повторила я, посмотрев на него. — Эмель.

Его улыбка сделалась шире, и я потеплела, но только немного.

— Не желаешь чего-нибудь выпить? Чтобы забыть об этих дураках, которые не уважают Мазиру. А может, ты голодна? Как насчёт того, чтобы сходить в моё любимое место?

Я покачала головой. Я поела высушенных абрикосов с мёдом перед уходом из дома.

— Я не голодна, но думаю, что мне не помешало бы выпить.

В последний раз мне было необходимо выпить, когда меня готовили к *мухам*. Сегодня я собиралась выпить не для того, чтобы смыть свою гордость, я собиралась смыть своё прошлое. И хотя я только познакомилась с Касом, общение с ним давалось мне без усилий. А обещание лёгкого вечера показалось мне облегчением после того, что произошло с Фирозом.

Мы дошли до противоположного конца байтахеры, до заведения, где люди толпились внутри и снаружи — его стены были открытыми, точно прилавков на рынке. Мужчины и женщины в хаотичном порядке выдавали кружки с напитками из-за низкой стены. Снаружи стояли столы и стулья, все они были заняты. На некоторых стульях сидело по два человека, как правило, один человек сидел на коленях другого.

— Они подают здесь заморское вино. Самое лучшее.

Он улыбнулся и взмахнул пальцами.

— Виноград растёт под звуки гитары.

Гитары? Он хотел сказать — ситары?

Кас пошёл искать для нас место и сказал мне подождать на улице. Я решила досчитать до сорока, и, если он не вернётся, пойти во дворец. Не успела я дойти до двадцати, как он повёл меня к пустому столу с двумя стульями. Я последовала за ним, не заметив, что начала улыбаться.

— Я не думала, что ты сможешь найти для нас место, — сказала я, садясь.

— Здесь только что освободилось, — сказал он. — Давай я принесу нам напитки.

Ночь была холодной, и я ещё сильнее закуталась в плащ. Я нежно коснулась

верблюжьей шерсти, наслаждаясь её мягкостью.

Кас поставил на стол две тяжёлые бронзовые кружки с громким стуком. Поблагодарив его, я сделала большой глоток.

— Ну?

Он приподнял брови и посмотрел на меня.

— О чём задумалась, дева?

— Похоже, виноград тоже любит музыку.

Кас рассмеялся и сделал глоток. Он оглядел людей, сидящих вокруг, после чего сказал:

— Одам дурак и всегда им был. Он не знает, что творит.

— Мой друг работает там. Помогает с арвахами.

— Тебе следует сказать ему...

— Я говорила. Он не слушает.

Я выпила уже половину кружки.

— То место, откуда я приехала... — начала я, но затем остановилась.

Я вдруг поняла, что он ни разу не спросил меня об этом. Он не нахмурился, когда я заговорила с ним, или когда он увидел меня, не задался вопросом, откуда я. Я потеплела к нему ещё больше, и мой язык развязался.

— Нельзя произнести слово "джинн" без того, чтобы на тебя не шикнули.

— Правда? — спросил он, хлопнув ладонью по столу.

— Да! — сказала я.

Он уже казался мне другом.

— Ваши — люди умнее здешних.

— Не знаю.

— Здесь все избалованы миром.

— Но вы ведь не всё время жили в мире?

Вздыхнув, он опустил взгляд на свои сцепленные руки.

— Я стараюсь забыть об этом. Нет, это не мир. Прошло уже достаточно времени после нападения, и люди уже начали забывать. Так быстро, что мы воспринимаем нашу безопасность как должное.

— А теперь у вас новый король.

— Это так.

— Он хороший король?

Интересно, что люди думали о Саалиме?

Кас пожал плечами и расцепил пальцы.

— Он не король Марек.

Вино развязало мне язык, и я сказала:

— Мой отец был королём моего поселения. Его убили.

Он испустил глубокий вздох и посмотрел мне в глаза.

— Мне жаль.

— Думаю, это было к лучшему.

Он наклонил голову, и я начала объяснять ему, кем я была и откуда приехала. Мне было легко ему довериться.

— Он был жестоким. Он держал меня и моих сестёр взаперти. Мы помогали ему обретать союзников. Мы делали его могущественным.

Люди за соседним столом встали, их стулья закрипели по камню. Я посмотрела на них.

— Ты только посмотри на нас.

Он схватился за край стола.

— Разговариваем о невеждах и королях из прошлого. Это не то, что нам надо, и не то, что я имел в виду, когда пригласил тебя с собой. Прошу прощения.

Он вытянул ладони вперёд и пожал плечами.

— Вероятно, мы могли бы попытаться начать заново?

Я улыбнулась ему и приподняла плащ повыше, когда очередной порыв ветра прошёлся по улице.

— Вино было хорошим. И люди здесь забавные.

Я кивнула на шумную толпу, которая нас окружала.

— Готов компенсировать всё в игорном доме.

Я отрешенно прижала пальцы к маленькому мешочку на поясе. Там было всего несколько монет, и я не хотела их проиграть. Было так странно думать о том, что дома я была гораздо богаче. Правда, это Саалим давал мне всю ту соль, что я носила с собой, и всё же. Теперь же у меня была небольшая горстка монет, которую я отчаянно охраняла. Богатство больше не доставалось мне с помощью магии.

— Идём, — начал уговаривать меня он и улыбнулся. — Считаю, что ты платишь за развлечение.

Но затем он посмотрел на моё лицо и спросил:

— У тебя есть хотя бы один фид?

Я выудила мешочек и поискала серебряную монету. У меня их было две.

— Пообещай мне, что потратишь только один фид этой ночью, а я обещаю компенсировать плохое начало этого вечера.

— Только один.

Мы встали и вышли из-за стола. Как только мы отошли подальше от толпы, я обернулась и поняла, что мы не вернули наши кружки.

— Что такое?

Я не смогла найти наш стол. Я рассказала об этом Касу, и он рассмеялся.

— Здесь ты платишь за вино и за то, чтобы кто-то унёс твою пустую кружку, когда ты закончишь. А теперь пошли, потратим твой фид, или ты бы предпочла убирать столы?

Он пошёл вперёд, говоря о том, как был бы рад владелец, если бы кто-то делал эту работу бесплатно.

Игорный дом оказался огромным внутри. Потолки были такими, что я могла бы поверить в то, что находилась сейчас во дворце. Внутри было спокойнее, чем на улице, но всё равно периодически раздавались крики — радости или горя, мне было сложно сказать. Дома у нас тоже были игорные заведения — тайные места, скрытые от Соляного короля, но находившиеся на самом виду. Я никогда туда не ходила. Не хотела тратить там те редкие часы свободы, что мне выпадали. Как и соль.

Кас повёл меня к столу, окружённому толпой. Растолкав людей, он подвёл меня к самому краю стола. На столе была вырезана свернувшаяся змея, её голова располагалась по центру клубка. По всему столу были разбросаны раскрашенные раковины, некоторые из них находились внутри змеи, другие лежали вокруг неё. В этом раунде играло три человека. Они были напряжены, их плечи — почти прижаты к ушам, а пальцы сжаты в кулаки. Они ждали, когда очередной игрок бросит свои раковины. Когда один из мужчин сделал это, красная раковина приземлилась на шею змеи, а другие упали мимо стола. Двое других мужчин

начали ликовать, а затем следующий игрок кинул раковины.

— Ты когда-нибудь играла? — прошептал Кас.

Его дыхание коснулось моего уха.

Я покачала головой.

— Эта игра называется *маха*. Здесь надо кормить змею. Надо, чтобы как можно больше раковин приземлилось на неё. Та, что приземляется ближе всего к её рту, даёт тебе больше всего очков. А если попадёшь ей на нос, ты победила.

Нос змеи был округлый, и должно было невероятно повезти, чтобы раковина приземлилась на него.

Раунд завершился, и очки были подсчитаны. Когда победитель забрал деньги, другие игроки начали протягивать свои бронзовые монеты, готовые начать следующую игру.

Кас заговорил:

— Как насчёт фида за раунд?

Те, кто протягивали вперёд свои набы, помрачнели, но несколько других игроков заняли их места, и в мгновение ока моя серебряная монета оказалась посередине стола, а моя ладонь наполнилась чёрными раковинами.

Когда до меня дошла очередь бросать, я взяла три раковины. Можно было бросить столько, сколько пожелаешь — либо по одной, либо все сразу — в зависимости от стратегии. У меня не было никакой стратегии, поэтому я просто бросила.

Две раковины приземлились у самого края змеи, рядом с кончиком её хвоста. А третья упала по центру её шеи. Кас подтолкнул меня, и я широко улыбнулась.

Наступил черед другого игрока. Он сжал синие раковины и сказал в свою ладонь:

— За душу короля Малека. Направь их, Мазира.

— Да раскроются твои крылья, — добавили остальные в унисон.

Мужчина кинул свои раковины.

Пожилая женщина, стоявшая рядом и рассеянно наблюдавшая за игрой, сказала своему соседу:

— Король Саалим совсем не выдающийся.

— Он не может быть таким же, как его отец, — ответил мужчина.

Моё горло сжалось, когда я услышала неодобрение в его голосе.

— Думаешь, он не способен быть королём? — спросил мужчина, который кидал синие раковины, ожидая хода игрока с красными раковинами.

— Конечно, нет, — сказал он, словно это было очевидно. — А ещё он заносчив.

— Оба парня были такими.

Мужчина мрачно покачал головой, и вместе с ней качнулась его седая борода.

— Дочери короля были хорошими девочками. Мазира упокой их души.

Кас напрягся.

Меня ужаснуло то, что они поносили королевскую семью в таком людном месте. Я вонзила ноготь в расщелину раковины, словно была заморожена её формой.

— Я слышал, как люди шептались о том, что надо сменить короля, — сказал Кас. — И что это случится на Фальса Мок.

Раздались вздохи. Даже я перестала теревить раковину.

— Так скоро?

— Когда?

— Как?

Кас начал объяснять, а я уставилась на их лица. Они позабыли об игре и увлечённо смотрели на него. Я уронила руку на стол, и раковины рассыпались по его поверхности.

— Отказываешься от своей руки? — спросил мужчина с синими раковинами, переводя взгляд с моей монеты на раковины.

— Да, — сказала я и попятилась.

— Подождите, — сказал Кас людям за столом и положил свою горячую руку мне на плечо.

Я обернулась.

— Что такое? — спросил он.

— Я не собираюсь участвовать в очернении короля или его семьи.

Кас сморщился, словно съел что-то ужасное.

— Я не могу потерять свою работу, — сказала я.

Его глаза округлились, и он рассмеялся, качая головой.

— Это не какое-то там поселение, Эмель. Они не могут наказать нас за наши слова.

А теперь уже я сделала недовольное лицо.

— Пожалуйста, вернись в игру. Обещаю больше не разговаривать о политике.

Он потёр руки и нахмурился.

— Если ты сдержишь своё обещание, — сказала я.

Мы вместе вернулись к столу, и я подняла свои раковины.

— Давайте закончим.

Когда люди попросили Каса продолжить, он покачал головой и сказал, что это были глупые сплетни.

Два других игрока бросили все свои раковины, сбив чёрную раковину с шеи змеи. Я посмотрела на голодную змею. Похоже, красный игрок выигрывал: две раковины лежали рядом с её головой, а четыре на теле. У синего игрока только три раковины лежали на теле змеи.

Я взяла оставшиеся раковины и, плавно взмахнув рукой, бросила их. Они упали на стол, точно дождь.

Женщина напротив меня рассмеялась.

— Не удивительно, что ты поставила целый фид.

Одна из моих раковин удивительным образом оказалась на кончике змеиного носа. Я уставилась на неё, не веря в то, что это возможно. Мы все смотрели на неё, словно ожидая, что она упадёт. Но она осталась лежать на месте.

Каким-то магическим образом моя серебряная монета превратилась в три.

— Ещё раз? — спросил Кас.

— Нет, — сказала я, крепко сжав свои серебряные монеты. — Я не хочу потерять фид из-за того, что в помещении сквозняк.

— Дело не только в удаче. Бросать надо уметь.

— Нет, — снова сказала я. — Я хочу играть в то, что я могу контролировать.

— Азартные игры это в основном удача, Эмель.

— Тогда ты поиграй, а я посмотрю. Я готова потерять деньги, только если сама потерплю неудачу. А не потому, что так было predetermined с самого начала.

По тому, как он сощурил глаза, я поняла, что он принимал какое-то решение насчёт меня.

— Сюда, — сказал он.

Мы подошли к людям, сидящим вокруг низкого стола. Кас указал на пустую подушку, и я неохотно села. Пять пар глаз посмотрели на меня с любопытством.

— Хотите купить руку? — спросил старик.

Его голос был похож на песок, которым тёрли по камню, а руки выглядели такими же старыми.

— Всего одну, — сказал Кас у меня за спиной, а затем пробормотал: — Но я должен убедиться в том, что дама согласна.

Я ухмыльнулась.

Карты из предыдущего раунда выложили перед игроками. Я увидела красивые иллюстрации, написанные яркими красками на толстом пергаменте. Я заприметила барабан, наполненный водой, песчаную дюну рядом с одинокой пальмой, три стервятника, кружащих в небе, огненный кубок... моя улыбка сделалась шире.

— Это моя любимая игра, — воодушевленно сказала я.

— Ты умеешь играть в *гамар*? — удивленно спросил Кас.

Кивнув, я положила фид в центр стола. Старик взял его, собрал карты и, перемешав их, выдал мне мои. Я хорошо знала эту игру. И хотя мы называли её по-другому, у меня и моих сестёр была похожая истёртая колода, с которой мы играли днями и ночами, чтобы скоротать время. Конечно, у нас не было монет, но наши раковины и сколотые бусины служили нам вместо них.

Я рассмотрела свои карты: скорпион рядом с дохлой крысой, серебряный браслет на тонком запястье, пещера в пустыне и огромная волна, нависшая над маленькой лодкой. Я задержала взгляд на последней карте. Игра *гамар* была про силу и умение рассказывать. Целью игры было — положить на стол самую сильную карту, чтобы выиграть раунд. Ни одну из карт нельзя было считать сильнее других. Всё зависело от игрока и от того, насколько убедительно он рассказывал историю. С моими сёстрами мне не нужны были объяснения. Мы и так знали, что каждая из нас собиралась рассказать про ту или иную карту — мы тысячу раз слышали истории друг друга — поэтому наша игра была тихой. Нам достаточно было взглянуть на изображения, чтобы понять, какая карта выигрывает раунд.

Колода карт, которая была у нас дома, была единственной колодой, с которой я играла, поэтому я хорошо знала её карты. Но увидев эту колоду, я поняла, что они могли отличаться. Я не удивилась, увидев карту с морем, но я засомневалась, что смогу выиграть с этой картой. Что я вообще знала о воде?

Игроки начали раскрывать свои карты: змея, схватившая лису своими челюстями, меч с пятном крови на кончике, пустая чаша и плачущая женщина, закрывшая лицо руками — я была уверена в том, что сейчас игроки просто избавлялись от карт. Я посмотрела на свои карты и потянулась к карте с пещерой.

— Может быть, лучше эту? — Кас указал на запястье с браслетом.

Я покачала головой.

— Если ты не играешь, ты не можешь говорить, — сказал старик.

Как я поняла, он тоже не играл. Он был держателем денег, раздавал карты и судил игру. Я быстро положила карту на стол. Мне не терпелось убедить всех остальных в том, что она была лучшей.

— Меч с лёгкостью забирает жизни, — сказал мужчина слева от меня.

— Но змея может двигаться тихо, и, хотя она кусает не больно, её укус смертелен, — ответила женщина с зелёным платком на плечах.

Мужчина, который положил карту с мечом, покачал головой и собирался было заговорить, но женщина в платке продолжила:

— Убивающий меч должен быть точным и сильным. Всё зависит от того, кто им владеет. А змея уже рождена с этой силой. Всё что ей нужно — это один раз вонзить зубы.

— А разве напиток не может дать тебе силы? — сказал другой мужчина, указывая на пустую чашу. — Можно получить преимущество, промочив горло своим врагам. Особенно таким, как вы трое.

Он усмехнулся.

— Нет, нет, — сказала женщина в красном и покачала головой. — Нет ничего могущественнее, чем плачущая женщина, так ведь?

Она приподняла брови и посмотрела на меня и другую женщину.

— Пара слезинок... и мы получаем то, чего хотим. Думаю, быть женщиной это самое могущественное, что может быть.

Кас рассмеялся вместе с остальными мужчинами. Я улыбнулась, потому что знала, что от меня этого ожидали, но я была слишком возбуждена, чтобы слушать внимательно. Это было слишком легко.

— Все вы говорите о земном могуществе. Да, в мире существует сила, но у меня есть кое-что неземное, вот смотрите.

— Пещера в пустыне?

Женщина без платка фыркнула.

— Это необычная пещера, — тихо сказала я, до абсурдного серьёзным тоном, и постучала пальцами по столу. — Это дом *си'лы*. Самая могущественная магия пустыни скрывается в этой пещере. *Си'ла* может изменять свою внешность, заставлять номадов делать то, что она пожелает, и отправлять людей на небо одним взмахом своей руки. Ей не нужен ни меч, ни вино. Ни змеи, ни слёзы. Она владеет могуществом богини.

Сзади меня раздались возгласы одобрения, и я позволила себе почувствовать удовлетворение. Но я ещё не победила. Последнее слово было за раздающим.

Не раздумывая, старик согнул руку в форме полумесяца и пододвинул монеты в мою сторону, а все остальные застонали. Затем он похлопал по столу.

— Монеты для следующего раунда.

Я бросила ещё один фид, и на этот раз Кас не стал мне советовать.

* * *

Несмотря на то, что луна была уже высоко, в байтахире люди как будто не вспоминали о доме. Они всё ещё сновали тут и там, словно день только начинался.

— Здесь всегда так людно? — спросила я Каса, когда мы вышли из игорного дома.

Мой кошелёк стал заметно тяжелее.

— До самого рассвета, а иногда веселье продолжается и на следующий день.

— Я смогу найти обратную дорогу, — сказала я ему, когда мы вышли из байтахир.

— О, — сказал он, остановившись. — То есть ты хочешь сказать, что мне пора уходить?

Я слабо улыбнулась.

— Но ведь это правда. Я знаю дорогу.

— Тебе следует быть осторожной на обратном пути.

— Почему?

Он наклонил голову, словно это было очевидно.

— Не каждый, кто встретится тебе на улице, поведёт тебя пить вино, а затем в игорный дом, будет ожидать, что на этом всё закончится.

Мои щёки потеплели.

— Конечно, я буду осторожна.

Теперь больше людей закутались в плащи. Я прошла мимо двух человек, прислонившихся к стене, на которых были надеты капюшоны так, что я не могла понять, куда они смотрели. Я вспомнила о тех двоих в *джальса тадхате*. Может быть, я поступила глупо, последовав за Касом?

— Моя ночь была бы совсем другой, если бы я пошёл пить один, а потом отправился тратить деньги в игорный дом. Я, вероятно, проиграл бы всё подчистую. Из всех, кого я знаю, ты лучше всех умеешь играть в *гамар*. Хотя я знаю немногих таких людей. Это не моя игра, — сказал Кас.

Я приподняла брови.

— Ты предпочитаешь проверять Мазиру на щедрость?

Он громко рассмеялся, и я тоже не могла не засмеяться.

— Я провёл множество вечеров в *джальса тадхате*, пытаюсь убедить Одхама прекратить то, что он делает. Но все качивалось одинаково — неудачей. Он только портит мои вечера. И никогда никто не выходил из этого заведения, согласившись со мной. Сегодня произошла неожиданная, но приятная перемена.

Он был ко мне добр, и сейчас, когда мы расставались, я была не готова с ним попрощаться. Я вспомнила то, что он сказал ранее.

— Что такое Фальса Мок?

— День парада, и вечернее празднество. В честь сыновей. Он длится до рассвета. Иногда дольше.

Уголок его губ приподнялся в улыбке.

— И когда он наступит?

Он сразу же мне ответил:

— Через две луны. Сразу перед свадьбой короля.

После его последних слов Мадинат Алмулихи исчез. Я оказалась посередине ничего. Его слова начали эхом звучать вокруг меня, точно я оказалась в плохом сне.

Свадьба короля.

Мог ли Кас видеть моё лицо? Почувствовал ли он панику, которая начала стучать во мне, точно барабан?

— Король собирается жениться?

Я попыталась сказать это ровным тоном, словно была всего лишь любопытной женщиной, которой нравились любовные истории. Но мой голос прозвучал хрипло и задрожал.

— Конечно. На женщине из-за моря.

Взяв себя в руки, я сказала:

— Как мило.

Я прижала ладони к груди, стараясь успокоить своё колотящееся сердце.

— Мне надо возвращаться домой.

Я не хотела, чтобы этот мужчина стал свидетелем моей истерики.

Мы стояли посередине широкой дороги за пределами байтахеры. Дворец возвышался над

крышами. Свет отражался от его окон. Саалим находился где-то там и ждал свою королеву.

Мы попросились. Я не сделала и ста шагов, как вдруг услышала, как кто-то бежит в мою сторону. Я повернулась и увидела Каса.

— Прости, — сказал он. — Но я думаю, что нам стоит повторить.

— Повторить?

— Да, — сказал он. — Я могу показать тебе разные районы города. Есть одно замечательное место, куда мы можем сходить... прекрасные виды на город и море. Но если ты не хочешь, мы можем попробовать сходить в столовую у воды. Там готовят свежесловленную рыбу. Либо мы можем снова сходить в байтаху, если ты хочешь выиграть ещё денег в гамаре.

Его виноватая улыбка замедлила оцепенение, которое начало охватывать моё тело.

— А если я скажу "нет"?

Он пожал плечами и провёл рукой по шее.

— Ты уйдёшь домой. И всё закончится сегодняшним вечером.

Я приехала в Мадинаг Алмулихи ради Саалима. И хотя я поклялась сражаться за него, он собирался жениться на другой благодаря силам, которые превосходили меня. Неужели я думала, что могла убедить короля в том, что солеискательница была достойна его, так как была помечена Мазирой? Я прижала руку к золотой отметине на груди и чуть не рассмеялась. Какая же я была дура! Эта метка ничего не значила.

Я ничего не значила.

Осознание того, что Саалиму не суждено было стать моим, должно было прийти позже. Вероятно, в постели, где я прижала бы колени к груди и начала рыдать в мягкую подушку.

Я напонила себе, что, единственное, чего я желала, когда загадала свободу от своего отца, был Саалим. Я хотела жизни, которая принадлежала бы только мне, и которую я выбрала для себя.

Сегодня я нашла её. Сегодня было весело.

Фироз и Тави построили новые жизни без меня.

Саалим никогда бы меня не принял.

А Кас стоял здесь и ждал моего ответа. Этот ответ был очевиден.

— Когда? — спросила я, и он улыбнулся.

ЧАСТЬ II

ЖЕЛАНИЕ /Лукват

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ "ЛИТАБ АЛМАК"

Могущественную Мазиру не заботила жизнь, населявшая пустыню. Она оставляла за собой следы силы, которые находили люди и использовали в своих целях. В те времена было много магов и волшебников, которые превращали дюны в сады и извлекали огромные богатства из песков.

Это веселило Мазиру, и она подумала: "Если они используют остатки моей силы, я должна тоже использовать людей; если они берут что-то моё, то я должна забирать у них что-то взамен".

Так, фрукты в садах приобрели вкус пепла, а золото песков превратилось в соль.

Вахир был потрясён и отругал свою мать за то, что она наказывала людей за

использование оставленных ею даров. Эйкаб тоже был с этим не согласен. Разве можно было разрешать людям использовать силу богини? Лучше бы они очищали пустыню от камней.

Мазира послушала своих сыновей и оценила их мудрость. Вахиру она сказала:

— Ты прав. Обычная магия — Любовь, Музыка, Речь — может быть использована человеком бесплатно.

А Эйкабу она сказала:

— Ты тоже прав. Высшая магия, благодаря которой человек становится равным моим сыновьям, должна исчезнуть из пустыни. Она будет доступна лишь тем, кто готов пожертвовать многим. И для того, чтобы использовать эту великую силу, человек должен будет пожертвовать всем.

— Отрывок из книги "Литаб Алмак"

Глава 9

Саалим

Экрам шёл рядом со мной по пристани с открытой амбарной книгой в одной руке и куском высушенного мяса в другой. Мы могли бы сидеть сейчас в амбаре на берегу — стражники, идущие за нами следом, предпочли бы этот вариант, так как сейчас им приходилось разглядывать каждого незнакомца, проходящего мимо — но он знал, что мне нравилось находиться на улице, где дул солёный ветер, и я знал, что ему это тоже нравилось.

— Поставки с севера увеличились, и это хорошо, ведь так? Благодаря Фальса Моку. И Елене.

Он оторвал кусочек мяса зубами. Пока мы шли, люди двигались между кораблями и берегом, точно муравьи на ветке, медленно и методично.

— Теперь я отправляю больше соли на восток, но они так и не увеличили своих поставок. Льна стали привозить меньше. Может быть, мы предлагаем не очень выгодную цену?

Он уставился на свой список с цифрами и заметками, не обращая внимания на деревянный настил у нас под ногами и пришвартованные корабли, которые мы проходили. Но ему каким-то образом удалось переступить через торчащую планку.

— Тали сказала, что её поставщики сахара и цветов собираются искать новые поля, так что мы успеем получить их до фестиваля.

Сегодня даже пристань не помогала мне отвлечься от Фальса Мока.

Этот был древний традиционный фестиваль в Алмулихи. Днём славили Эйкаба, а ночью Вахира. Изначально это было тихое празднество между соседями и членами семьи, но моей матери так сильно нравились различные представления, танцы и игры, что отец превратил его в грандиозный праздник — городской парад. Однажды он сказал мне, что делал это только потому, что был королём, и мог подарить моей матери всё что угодно. Я думаю, что именно из-за своего чувства вины за прошлое, он взял на себя обязательство подарить ей весь мир.

Каждый следующий Фальса Мок казался изощрённее предыдущего. В празднике стало

принимать участие всё больше и больше жителей города. Сейчас этот фестиваль представлял собой экстравагантный набор увеселительных мероприятий, где горожане стремились показать себя. Будь моя воля, я бы вообще не стал его справлять. Для меня стало бы мучением наблюдать за представлениями у дворца. Когда-то эти люди целыми днями прикрепляли сухие лепестки цветов и листья к деревянным столбам или практиковали повороты и поклоны в нелепых нарядных костюмах ради того, чтобы моя мать улыбалась и хлопала в ладоши. Но в этом году ей не суждено было это увидеть.

А затем должна состояться свадьба, завершающая празднество. Тали и Мариам вели подготовку к этому событию с помощью своих искусных рук. И хотя по сравнению с фестивалем, свадьба должна была пройти более легко, при мысли о ней я ещё острее ощущал свою потерю и мучительную пустоту, которая никуда не уходила.

— Опять она здесь, — сказал Экрам.

Он смотрел в сторону знакомой пожилой женщины, которая разговаривала с молодым человеком.

— Альтаса? — спросил я, прищурившись на солнце.

— Мхмм, — пробормотал он, громко жуя.

Я оглядел группу людей. Была ли она среди них? Я выдохнул, и мой вопрос вылетел вместе с воздухом. Эмель стояла рядом со знахаркой и смотрела на пристань. Плоская телега с двумя ящиками стояла рядом с ней.

Экрам продолжал:

— Альтаса стоит здесь уже...

Я приподнял руку, попросив Экрама извинить меня.

Несколько моряков заметили меня — или они заметили свиту из стражников за моей спиной — и когда я подошёл ближе, поспешили зайти на корабль и притвориться, что они заняты. Знахарка повернулась, раздражённая моим вмешательством.

— Альтаса, — сказал я и кивнул. — Эмель. Что вы делаете на пристани? И зачем вы здесь, если есть люди, которые могут делать за вас эту работу?

Несмотря на то, что она определенно набралась сил, казалось, что Альтаса держится на ногах только благодаря своим костям, да и то еле-еле. Огромный корабль покачивался на волнах за её спиной. Я не мог себе представить, чтобы эта парочка понесла все эти вещи обратно во дворец.

— Я не могу доверить свои покупки какому-то мальчику. Я этой-то едва доверяю.

Она указала локтем в сторону Эмель.

Эмель нахмурилась и посмотрела на знахарку. Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, я начал разглядывать её. Рука Эмель, крепко сжимающая ручку телеги, была покрыта красными пятнами. Я заметил, что руки Альтасы были чистыми. Рука Эмель была уже не такой худой, какой я её запомнил. Как и лицо. Оно стало мягче. Я хотел, чтобы она взглянула на меня, но она повернулась к кораблю и смотрела на его корпус, словно это было самое увлекательное зрелище в мире.

Я повернулся к Альтасе.

— Скажи Нассару, если передумаешь. Пристань не место для женщин.

Альтаса фыркнула и посмотрела на мои сцепленные руки.

— Как и для белоручек.

Проигнорировав её, я спросил:

— Вы приготовили для меня ещё мази?

Несмотря на то, что мои боли прошли, я продолжил просить у неё ещё, в надежде, что её принесёт Эмель.

— Прими тоник! Его быстрее готовить...

— Я закончила готовить мазь прошлой ночью, — сказала Эмель. — И планировала принести её сегодня Мариам.

— Принеси её лично мне после полудня, — сказал я прежде, чем успел придумать предлог. — В прошлый раз я недосчитался... одной банки.

— Вот видишь! — Альтаса ткнула в меня пальцем. — И ты ещё хочешь, чтобы я доверила это кому-то? Твои собственные слуги крадут у тебя! Берегись, Саалим...

Только она могла произнести моё имя так, словно это было оскорбление.

— ... люди в твоём собственном дворце могут оказаться против тебя.

Своей любовью к драматизму Альтаса очень напоминала мне старого дворцового лекаря, Захару.

— Стоит ли нам разогнать людей? — спросил стражник, когда мы подошли к низенькому храму.

В нём было больше окон, чем стен, и я мог видеть людей, перемещавшихся внутри.

— Нет. Пусть молятся.

Оставив стражников снаружи, чтобы не помешать присутствующим, я прошёл под арками. Солнечный свет из окон падал квадратами на мои плечи, точно тёплое одеяло. И вот я оказался внутри храма.

Скучные встречи с Экрамом нагоняли на меня ужасную тоску, но я уже видел, к чему может привести невнимательность и нетерпеливость. Я не собирался повторять прошлых ошибок. Поэтому я выслушивал его и просил повторить то, что я не понял или не расслышал. Я показывал Экраму и морякам, что ко мне нужно относиться серьёзно, что к ним нужно относиться серьёзно. Но сейчас в моей голове гудело от цифр и наименований товаров, и мне надо было её успокоить.

Этот храм был самым большим и нарядным в Алмулихи, хотя по всему городу было разбросано множество других храмов. Это было огромное помещение с округлым неглубоким бассейном по центру — в нём могли бы поместиться десять человек, если бы легли друг за другом. Звук текущей воды из фонтана эхом разносился вокруг меня. Люди стояли на коленях у бассейна, и падающие солнечные лучи рисовали паутину на их телах. Они прижимали руки к воде, после чего касались ими плеч, лбов и запястий.

Никто не взглянул на меня. Когда люди находились в храме Вахира, они думали только о нём.

Я подошёл к фонтану, состоящему из резервуаров, которые питал акведук, а они в свою очередь питали друг друга. Я подставил руки под струю и позволил им упасть под весом воды.

Даркафы планировали уничтожить Алмулихи, потому что это был город Вахира. Они хотели, чтобы Эйкаб правил по всей пустыне. Значит, какие-то солеискатели хотели свергнуть меня с трона. Но если война велась не ради того, чтобы посадить на трон нового короля, значит, она велась для того, чтобы посадить туда бога.

Когда король пересечёт пустыню, богиня вернётся. Она выпустит своего второго сына, чтобы тот умертвил первого. На мою семью напали до того, как я отправился к Алфаару, но я не мог вспомнить, когда мой отец в последний раз покидал Алмулихи и выезжал в пустыню. Он долгое время посылал туда моего брата. Мне казалось, что именно

даркафы были замешаны в убийстве моей семьи, только вот в их собственном пророчестве речь шла о другом временном отрезке.

Обходя помещение, я начал касаться пальцами воды и читать молитву.

Мне нужна была всего лишь возможность доказать, что я мог править, как отец. Что корона досталась мне не зря. "В тебе течёт его кровь", — напомнил я себе. Я был рождён от короля, и я мог стать таким же, как он. Хотя я чувствовал себя жалким подобием короля.

Мои колени опустились в прохладную воду, и я прижал ладони ко дну бассейна.

Из дальнего конца помещения послышалось бормотание. Оно эхом разнеслось вокруг, точно плеск воды. Я не стал смотреть в ту сторону. Разговоры не были запрещены, но, если шепот перекрывал звук воды — это не одобрялось.

— Значит, ребенок всё ещё носит её?

— Но разве богиню не нашли?

Богиню.

— Нашли. Но ребенок всё ещё носит её.

— Почему богиня не пришла за ней?

— Она приходила однажды.

— В пещеру?

— Меня там не было, но я слышал, что она забрала её, а затем отдала обратно ребенку.

Какая-то женщина на другом конце помещения зашипела:

— Это храм, а не логово буры.

Заметив, как выглядела шептавшаяся пара, я быстро покинул храм, оставив за собой мокрый след.

Стражники ждали меня снаружи. Они сразу же выпрямились, когда заметили, с какой поспешностью я к ним приблизился. Я рассказал им о том, что видел и слышал.

— Они одеты в плащи с капюшонами. Я хочу знать, где они остановились, и зачем они здесь.

Они кивнули. Кофи и Тамам сняли гутры со своих голов, и синие пояса, на которых висели мечи, которые они затем отдали остальным. Тамам сделал это с неохотой, как я и ожидал. Ему не нравилось оставаться беззащитным. Но они не могли выглядеть как люди короля и при этом остаться незамеченными. Теперь они выглядели как обычные жители. Они проскользнули под арку акведука, который питал храм водой, и принялись ждать, готовые последовать за той парой.

Я и сам хотел бы проследовать за даркафами. У меня чесались руки схватить их за горло. Убийцы. Я был в этом уверен.

Когда я вошёл в атриум дворца, Ника поспешила мне навстречу.

— Король Саалим, — поспешно сказала она. — Простите, что беспокою. Но у вас посетитель.

Она уставилась на плитку.

— Не сейчас, — рявкнул я.

Те мужчины в храме распалили мой гнев. Горячий и жидкий, он разлился по всему моему телу.

Ника продолжала стоять, точно статуя.

— Я сказала ей, что вы не любите незваных гостей. Но она утверждает, что её ожидают...

Я недоверчиво посмотрел на плети растений за спиной Ники, которые всё ещё качались

из-за того, как резко я вошёл. Мне хотелось вырвать их, и чтобы горшки, в которых они росли, с грохотом рассыпались по полу.

Ника вздрогнула. Может быть, я сдвинулся?

— Где она? — спросил я более мягко.

Ника не была виновата в даркафах и в убийстве моей семьи.

— В обеденном зале.

— Спасибо, Ника, — сказал я.

Ника испустила тихий вздох, когда я ушёл.

Моя мать много раз предупреждала меня, что я должен был сдерживать свой гнев по отношению к слугам. После возвращения от Алфаара мне было всё легче вспоминать об этом. Может быть, это случилось потому, что я сам стал королём? А, может быть, всё изменилось после того, как я увидел этого жалкого человека, который притворялся богом среди доверчивых людей.

В это время дня в обеденном зале было обычно светло, но сейчас облака закрывали солнце. Эмель стояла одна в помещении. Я поспешно махнул стражнику, следовавшему за мной, отпуская его.

— Эмель? — спросил я и быстро пошёл вперёд.

Чувство вины и злость отпустили меня, как только я увидел её.

— Что это такое?

Она протянула мне мешок.

— То, что ты просил.

— Ну, конечно.

Я уже забыл. Я взял мешок, слегка коснувшись пальцами её рук. Она так быстро отдернула руку, что я чуть не уронил мешок.

— Спасибо. Пожалуйста, присядь, — сказал я, указав на пустой обеденный стол.

Выдвинув стул для неё и для себя, я сказал:

— Я уже давно хотел с тобой поговорить. Боги, ведь прошло уже две луны. Время так быстро бежит. У тебя есть всё, что нужно?

Эмель кивнула.

— Тебе нравится Алмулихи?

Она перевела взгляд на длинные гобелены, свисавшие с потолка.

— Мне понравилось то, что я успела увидеть. Хотя это и немного. Альтаса не даёт мне скучать.

— Ты хотела бы что-нибудь посмотреть?

Наставления моего отца о том, что мне следовало соблюдать приличия, громко зазвенели у меня в ушах — она работала в замке, она была солеискательницей. Я продолжил говорить, чтобы заглушить их.

— Я могу отвести тебя куда угодно. А если не смогу сделать это сам, то могу это организовать.

Я не мог отвести её сам. О чём я думал? Зачем я продолжал с ней разговаривать?

Она слабо мне улыбнулась и покачала головой.

— У меня есть друг, который может мне всё показать.

Солнце ненадолго выглянуло из-за облаков у неё за спиной. Она выглядела так, словно была окутана золотом.

Я почувствовал укол ревности.

— Это друзья из твоего поселения?

Неожиданно она нахмурилась.

— Король Саалим...

Она опустила глаза на свои пальцы и уставилась на ногти.

Когда моё имя сорвалось с её губ...

Я попросил её продолжать.

— Мой друг рассказал мне о слухах...

Она снова замолчала.

— Каких слухах?

— Он сказал, что люди говорят о новом короле, который попытается захватить трон во время Фальса Мока.

Отклонившись назад, я сказал:

— Мой отец предупреждал меня, что всегда найдется кто-то, кто считает себя более достойным короны. Люди так и будут болтать. Это не всегда ведёт к мятежу. Не бойся.

— Я боюсь не за себя.

Её глаза были тёмными, как чернила, и бездонными, как море. Я хотел заглянуть в их глубины, узнать, о чем она думала.

— Кто тебе об этом рассказал? — спросил я.

Я хотел, чтобы об угрозе, которую представляли даркафы, знали как можно меньше. Этим слухам нельзя было распространяться среди людей. Что за хвастливый идиот рассказывал об этом каждому, кого встречал? Если только он не был одним из них...

— Мой друг.

— Но кто он? Где ты с ним познакомилась?

Она покачала головой.

— В байтахира...

Я резко подался вперед.

— В байтахире? Эмель, не трать там своё время.

Чужестранцам там было не место, они оказывались слишком лёгкой добычей. В детстве я часто убегал на эту улицу. Конечно, это было запрещено, но мне там всегда было весело. Кахина и её друг много раз возвращали меня во дворец, держа меня за руку так же нежно как моя мать. Я никогда не понимал, почему такие добрые люди оказались там, куда мне был закрыт доступ.

— Ты успела посмотреть дворец? Это самое прекрасное место в Алмулихи.

Я обвёл помещение рукой, задаваясь вопросом — насколько это было правдой?

— Он уступает разве что храму.

Солнце снова пропало, и за окном начало становиться всё темнее с каждым дуновением ветра.

— Нет.

Эмель посмотрела в сторону балкона.

— Самое красивое — это море.

— Один человек как-то сказал мне, что море кажется ему сердитым.

Она резко перевела на меня взгляд, её глаза округлились, и она поспешно спросила:

— Кто?

Я задумался, пытаюсь вспомнить, кто это сказал. Но я не мог вспомнить ни одной детали того разговора кроме самих слов. О чём я ей и сообщил.

Она кивнула, но мне показалось, что я её разочаровал.

Неожиданно раздался стук: кап-кап. Сначала медленно, а потом всё быстрее.

— Дождь!

Она побежала к балкону, развела руки в стороны и обратила лицо к небу.

Завороженный, я последовал за ней, не в силах отвести от неё глаз. Она смеялась, и капли падали на её лицо и руки.

— Что ты делаешь? — спросил я, смеясь вместе с ней.

Она развернулась, её одежды прилипли к телу.

— Это самый дорогой подарок, который может только дать Мазира.

Я никогда не считал дождь настолько чудесным. Он помогал пополнять запасы воды и стирал пыль с наших домов, но я никогда не чувствовал необходимости танцевать под каплями.

— Идём, — сказала она, глядя на меня сверкающими глазами.

Она потянула меня за руку и с такой лёгкостью вытащила меня наружу, словно мы уже делали это сотни раз.

Закрыв глаза и снова подняв лицо к небу, она сказала:

— У меня дома все выбегают на улицу, когда идёт дождь.

Ну, конечно. Она ведь жила в пустыне. Она насквозь промокла, её сандалии оставляли теперь мокрые коричневые следы на балконе каждый раз, когда она поворачивала ногу. Неожиданно она поскользнулась на плитке и начала махать руками, чтобы не упасть. Я поймал её за плечи и развернул к себе. А она схватилась за мою тунуку, чтобы удержать равновесие.

Мы стояли под дождём и смотрели друг на друга. Она была так близко, и я заметил, что изгиб её губ напоминал крылья Анисы, когда та парила.

Её плечи поднимались и опускались от частых вздохов, и хотя она больше не падала, я всё не отпускал их. А она не убирала с меня свои руки. Она обхватила ими мою талию, и нежно прижалась к ней пальцами.

— Саалим, — её шепот прозвучал так сокровенно, что я сделал небольшой шаг в её сторону.

— Ты чуть не упала.

— Ты не дал мне упасть.

Она наклонила голову, и её губы раскрылись, словно она просила большего. Капли дождя затекали в её рот и падали на язык.

О, как бы я хотел быть одной из этих капель.

Большое, глубокое желание наполнило меня, и я провёл руками вниз по её плечам.

Неправильно поняв мои намерения, Эмель отступила.

— Спасибо, — сказала она, и её горячий взор прояснился, когда она убрала от меня свои руки, оставив меня холодным и полным желаний.

Её губы сомкнулись, и она начала поправлять платье.

Откашлявшись, я сказал:

— Ну, если ты закончила танцевать, я бы хотел показать тебе дворец.

На плитке на полу были синие закручивающиеся узоры. Маленькие квадратики всевозможных цветов маршировали вокруг каждой двери и окна. Лёгкие занавески залетали в коридор из-за мокрого ветра, а факелы дрожали. Я отвлекала себя всеми этими вещами, пока шла с Саалимом по дворцу, потому что иначе я бы смотрела только на него.

Каждый раз, когда я замедляла шаг, чтобы он ушёл вперёд, и чтобы я могла рассмотреть его спину или руки, он дожидался меня и снова оказывался рядом.

Он был в моих объятиях. А я в его. На мгновение всё стало как надо, и теперь я хотела, чтобы всё это вернулось.

"Он помолвлен", — напомнила я себе.

Было глупо идти за ним в надежде, что он заинтересуется солеискательницей.

Но тогда зачем он попросил меня проследовать за ним?

— Здесь так мало стражников, — сказала я ему, когда он повёл меня сквозь помещение, заполненное бархатными подушками и деревянными лежаками.

Внутри находился одинокий стражник, но их здесь было крайне мало по сравнению с тем, сколько их находилось снаружи.

— Если их будет слишком много, это будет ещё меньше похоже на дом.

Он отодвинул ветку в сторону, чтобы я могла пройти.

— Ещё меньше?

Я обошла помещение, трогая мягкую ткань, которой были обтянуты стулья. В прохладных порывах ветра чувствовался запах дождя.

— Мои отец и мать.

— Ты скучаешь по ним.

Он выглянул в окно, которое выходило на сады.

— Да. И по своим сестрам. Даже по брату. Я многое бы отдал, чтобы вернуть их.

Конечно же, он не помнил, как много он уже отдал, чтобы спасти Мадинат Алмулихи. Но как бы много мы не отдавали, всегда находилось что-то ещё, что можно принести в жертву, потому что человеку всегда хочется большего. А удовлетворение утекает сквозь пальцы, точно вода.

Дом Альтасы был едва виден отсюда, дым медленно поднимался из его трубы в небо. Дождь немного ослаб.

— Но ведь скоро у тебя здесь появится королева, — сказала я.

— Да.

Долгая пауза, а затем:

— Елена.

— Елена.

— Не уверен, что это изменит то, как я себя чувствую... извини, — голос Саалима изменился. Жёсткий формальный тон вернулся. — С моей стороны недопустимо говорить такие вещи.

— Говорить о том, что, то место, где ты живешь, кажется пустым без твоей семьи? Недопустимо говорить о том, что ты по ним скучаешь? И что без них ты уже не тот, что раньше?

Его глаза — всё ещё золотистые, но без магического блеска — встретились с моими.

— Я всё забываю, что у тебя тоже нет семьи.

— У меня есть сестра. Она живёт недалеко отсюда.

— Но у тебя было много сестер.

— Да.

Не говоря больше ни слова, он повёл меня по коридору. Наконец, Саалим сказал:

— Позволь мне показать тебе башни. И выпей со мной чаю. Мы можем немного согреться и поговорить о вещах, которые нас веселят.

Башня Саалима? Мой пульс ускорился, когда мы начали подниматься по лестнице. Сейчас может быть мой шанс...

Женщина, которая практически слетела с лестницы, врезалась в Саалима.

— О! — вскрикнула она, но быстро выпрямилась и прижала руку к груди. — Саалим!

Ты меня напугал.

Её грудь тяжело вздымалась. Она назвала его Саалимом.

— Дайма, — сказал он. — Что ты здесь делаешь?

Дайма посмотрела мимо Саалима на меня. Её взгляд опустился на мою одежду — мокрую от дождя — словно одежда могла сообщить ей о том, кто я была такая. Заметила ли она пятна на моих руках? Она быстро отвела взгляд, не изменившись в лице. На ней были надеты красивые одежды — вышивка на вороте изображала различные фрукты. Представляю, сколько понадобилось времени, чтобы их вышить.

— Я ждала тебя. Мариам предположила, что, возможно...

Ее взгляд снова метнулся ко мне.

— Она сказала, что ты был сегодня на пристани.

Её голос был мягким и искренним. Я была рада, что она переживала. Что был кто-то, кто беспокоится о нём. Может быть, она была как Мариам — порхала по дворцу, указывала пальцами направо и налево и раздавала указания?

— А-а, — сказал он. — Ты мне не нужна.

Почему в его голосе слышалась неловкость?

— Ну, хорошо.

Она кивнула головой, прошла мимо нас и стала спускаться по лестнице, оставив за собой сильный запах сандала. Я бы никогда не смогла забыть этот запах — это было самое дорогое масло, которое я когда-либо встречала. Когда я спросила торговца, почему оно стоило так же, как путешествие на верблюде из моего поселения в Мадинат Алмулихи, он объяснил, что его привозили издалека.

Спустившись на несколько ступенек, Дайма сказала:

— Если этой ночью ты передумаешь, приходи за мной.

Ночью.

Теперь я всё поняла. Она была ахирой. Я проследила за тем, как она спустилась с лестницы, её черные волосы сияли в сером свете дня, и тошнота начала подступать к моему горлу. Ревность вонзила в меня свои зубы, и понимание, точно яд потекло по моим венам. Она делила с Саалимом его постель. Она знала его так же, как знала его я — точнее, как я знала его, когда он был джинном. Я не знала его в качестве короля. В качестве мужчины.

Мои ноги приросли к лестнице, я застыла, точно пальма в безветренную погоду. Дайма жила во дворце. Ходила по его коридорам так, словно он ей принадлежал. Она была вымыта, накормлена и красива. Когда я была ахирой, у меня не было ничего из этого.

— Уже поздно, — сказала я, уставившись на его сапоги, которые сияли как волосы Даймы.

— Но ты ещё не видела самые красивые виды, — поспешно сказал он.

В его голосе послышалась мольба, которую я не могла понять. Он протянул руку, словно хотел, чтобы я вложила в неё свою. Я уже было потянулась к нему, но заметила свою покрасневшую ладонь и отдёрнула руку.

Громкие шаги раздались снизу, и затем к нам подошли двое мужчин. Кофи и Тамам.

— Мы нашли их, — сказал Тамам.

Его взгляд остановился на мне, после чего вернулся к Саалиму. Кофи сразу же посмотрел на меня, и ухмылка приподняла его губы. Может быть, он запомнил меня из нашего путешествия? Или моё лицо рассказало ему о том, что я была солеискательницей?

Боги, что они со мной делали? Я не была никакой солеискательницей.

— Вы узнали что-нибудь полезное? — воодушевленно спросил Саалим.

Они кивнули.

— Ну, ладно, Эмель...

— Всё в порядке, — поспешила сказать я, радуясь тому, что скоро меня отпустят. — Спасибо за всё, что ты сделал.

Я осторожно стала спускаться по лестнице, держась за стену, чтобы не поскользнуться в мокрых сандалиях.

— Пока ты не ушла, — крикнул Саалим. — У нас устраивают забеги верблюдов.

Он, должно быть, заметил моё замешательство, потому что пожал плечами и скорчил гримасу.

— Эм, они глупые, но смешные. Завтра состоится забег. Ты можешь присоединиться к нам.

Ухмыляющийся стражник сдвинулся и перевёл взгляд с меня на Саалима.

"Зачем ты это делаешь?" — хотела спросить я, подумав о Дайме. Она красивее меня. Что такого я могу предложить, чего не может она? Но это было уже не важно, крючок уже зацепился. Я не могла отказаться от этого предложения. Я была готова довольствоваться любым мгновением, проведённым с ним.

— Если Альтаса меня отпустит.

— Я отправлю Нику поработать вместо тебя.

Он рассмеялся, когда я сказала ему, что Альтаса будет недовольна. Звук его смеха порадовал меня, и он ещё долго звучал в моей голове после того, как Саалим закончил смеяться.

***

— С чего это он пригласил работницу из дворца на верблюжий забег? — поинтересовалась Альтаса из кухни.

Я прикусила язык, переодеваясь в сухую одежду. Если бы я не привыкла к её неподобающему поведению по отношению к королю, меня бы задела её слова. Но, казалось, что всё, что было связано с Саалимом и дворцом, портило ей настроение. Однажды, я спросила её, почему она всё ещё работала на короля, если он так её раздражал.

— Всё просто, — объяснила она. — Дворец предоставляет мне ночлег и деньги. Было бы глупо уйти отсюда.

Альтаса продолжала:

— Разве у него для этого нет ахир?

Её не заботило то, что Саалим мог находиться в саду и слышать всё, что она кричала мне.

Я вспомнила о Дайме и просунула руки в рукава платья. Оно было даже красивее чем те платья, что я носила в поселении, но всё равно не могло сравниться с её одеждой.

Ящик моего стола был открыт. Я обхватила пальцами край ящика, выдвинула его и заглянула внутрь. Сосуд был всё так же наполнен песком, который я набрала, когда потеряла Саалима и пыталась собрать его из пыли, что он оставил после себя. Как только я открыла сосуд, я почувствовала его запах — ночной жасмин, море и пыль. Сегодня днём он пах точно так же. Я закрыла глаза и представила его рядом с собой.

— Тебе не понравится! — крикнула знахарка.

Образ Саалима рассеялся, как дым на ветру.

— Почему?

Я закрыла сосуд, и пошла на кухню, где Альтаса мяла костяшками пальцев какую-то смесь.

— Это насмешка над нашей жизнью, — сказала она, надавливая теперь ещё сильнее. — Сама скоро поймёшь.

— Что вы имеете в виду?

Я взяла у неё миску и продолжила её работу, а она стряхнула липкие остатки смеси обратно в миску.

Проигнорировав мой вопрос, она поинтересовалась:

— А что насчёт того милого парня с рынка, о котором ты мне рассказывала?

— Кас?

— Да, он. Лучше бы ты пошла на забег с ним.

Я прищурилась и посмотрела на неё.

— И что мне сказать королю? Что я предпочла пойти с оборванцем из байтахеры, а не с ним?

— Оборванцем?!

Она так сильно рассмеялась, что я решила, что у неё случился припадок. Успокоившись, она сказала:

— Ника не справится. Я сама всё сделаю, тем более что ты мне будешь не нужна.

— Я сейчас здесь, — сказала я. — Что я могу сделать?

После того, как я пообещала Альтасе, что отошлю Нику обратно, она отправила меня на рынок за специями.

***

Мадинат Алмулихи становился мне всё более знакомым с каждым днём. Рынок очень быстро стал для меня вторым домом. Я знала все магазины, и самое главное, людей. Моя внешность обманывала многих, меня принимали за очередную несведущую чужестранку. Но когда я начала одеваться, как они, и торговаться ещё более искусно, чем местные, они сразу же перестали пытаться меня надурить.

Владельцы тех магазинов, куда я часто заглядывала, знали моё лицо и знали, что я была из дворца. Как только я зашла в лавку со специями, владелица сразу же подлетела ко мне.

— Что ей нужно?

Я перечислила специи, которые попросила купить Альтаса. Внимательно выслушав

меня, женщина собрала мои мешки и банки и поспешила собрать для меня заказ.

В дальней части магазина я увидела стопку соляных слитков — серые, шершавые и покрытые землёй, из которой их достали. Мужчина провёл по ним пальцами так, точно они были самой хрупкой вещью на свете. Соль продавали теперь далеко от берегов Мадината Алмулихи и не из волшебных запасов моего отца. Где же находилась та шахта, которая породила эти слитки? Те вещи, что занимали меня дома, теперь редко приходили мне в голову.

Когда я последний раз виделась с Тави? В нашу последнюю встречу она провела меня по своему району так, словно жила там всю жизнь. Она пыталась показывать мне разные вещи, словно я не жила с ней в одном и том же городе.

— Цельные, — сказала я.

Продавщица кивнула и насыпала семена кориандра в мешок.

— Она сама их помелет? — сказала женщина, приподняв брови.

— Делать надо именно так, — сказала мне Альтаса. — Мазира любит жертвы.

Чем лучше становилось Альтасе, тем более занятой она была. Она стала чаще посещать дома людей, где она лечила их, поэтому я видела её теперь гораздо реже, и в нашу дверь постоянно стучали, принося заказы от слуг из дворца — зубная боль, жар, кашель, судороги. Запросы никак не заканчивались. Усердно работая на Альтасу, я многое узнала про тоники и врачевание, но у меня оставалось мало свободного времени вечерами. Однако если это случалось, то я находила Каса, и тогда мы садились где-нибудь и болтали ни о чем.

Я шла по узким улицам рынка, вдыхая запахи. Вся территория рынка пропахла специями и маслами, которые тут продавались, так же как и на базаре у нас дома. Взглянув на масла, я заметила сосуд с сандалом — двадцать дха за десять капель.

— Можешь что-нибудь попробовать, — сказала торговка, стоявшая рядом.

— Нет, — я покачала головой. — Я смотрела на сандал.

Без колебаний она перевернула сосуд и капнула масла на кончик пальца. А затем, улыбнувшись, она коснулась пальцем моих висков и за ухом.

— Что думаешь?

— Он пахнет...

Я не знала, как описать это запах.

— Немного странно? По крайней мере, так думают некоторые. Кому-то нравится смешивать его вот с этим.

Она взяла сосуд с розовым маслом и перекрыла им запах сандалового масла на моей коже.

Неожиданно я перенеслась обратно в зафиф, где меня готовили к мухам. И я подумала о Дайме. Неужели это всё, на что я могла надеяться? Мой взгляд опустился обратно на масла, и я заметила ладан.

Мама.

Она хотела, что я была свободна, и это случилось.

Мама, я здесь. И Тави тоже со мной.

Я вспомнила об алтаре Тави и о даре Вахира, который она отдавала маме и Сабре каждый день. Тави делала больше для нашей семьи, чем я.

Я поблагодарила торговку и поспешно покинула рынок, неожиданно захотев увидеть Тави. Специи лежали в мешках, которые были перевязаны крепкой верёвкой. Я перекинула их через плечо и теперь шла, оставляя за собой пахучий след.

Взглянув на храм Вахира, мимо которого я проходила, я вспомнила, что Саалим назвал его самым красивым местом в Алмулихи. Я ещё не была там, зная, что не существовало другого места, где я была бы более нежеланным гостем, чем здесь. Иногда я скучала по раме, где мы прижимались лбами к обжигающему песку, но когда я увидела, как Тави опускает камни в прохладную воду.. когда я увидела храм, затенённый от солнца, я подумала, что, возможно, наш бог не был добрее этого?

Эти мысли показались мне предательскими.

— Ты можешь войти внутрь, — сказал знакомый голос.

Я повернулась и увидела Кахину, выходящую из храма.

— Нет, я..

Она взмахнула рукой.

— Они не могут заставить тебя уйти. Вахиру это не понравится. Ты вообще читала "Литаб"?

— Немного. Я читаю его, когда у меня есть возможность его одолжить, — призналась я. Вахир был как мать, а Эйкаб как отец.

— Алмулихи это город Вахира, хотя его жители не всегда следуют заповедям сынов.

Кахина ухмыльнулась.

— Я живу неподалеку. Я отдам тебе свой "Литаб", и ты можешь прочитать его весь. Если только ты не хочешь зайти в храм.

— "Литаб"? — ахнула я, тут же позабыв про храм. — Эта книга слишком ценная, чтобы отдавать его незнакомке.

— У меня слишком много денег, мне незачем скрывать книги от людей, которые их ещё не читали. Идём.

Кахина казалась такой искренней, и я пошла за ней без раздумий.

— Твои друзья, кажется, хорошо устроились, — сказала она, ведя меня по узким улицам.

— Мои друзья? — спросила я, обойдя трех коз.

— Фироз и Рашид.

Я кивнула.

— Вы запомнили их имена?

— Я помню всё.

Она махнула на трёх ребятишек, которые сидели на улице. Между ними лежала потрёпанная доска для игры в маху.

— Мой муж как-то сказал мне, что моя магия — это моя память.

Когда её руки опустились, я заметила, что рукава её одежды были мокрыми после ритуала в храме.

— Я не согласилась с ним. Сказала, что моя магия очаровывает только детей. Смотри, как дети меня любят.

Мы шли теперь по байтахире. И хотя был полдень, люди сновали туда-сюда между заведениями с едой и напитками, логовами буры и джалъса тадхатом.

— Особенно меня любил король Саалим, — продолжала она. — Ему нравилось, когда я предсказывала ему его будущее. Мой муж как-то сказал мне, что я когда-нибудь разозлю королеву. Но разве я должна была следить за её детьми?

Мы оказались рядом с домом Кахины, но о детстве Саалима мне хотелось узнать больше, чем получить "Литаб".

— Каким он был ребёнком? — спросила я.

Когда она улыбнулась, я заметила, что она была очень симпатичной. Морщины на её лице напомнили мне о Хадийе. Улыбался не только её рот, но и всё её лицо.

— О, этот бедный мальчик всё никак не может оставить эту ношу. Он всегда пытался что-то доказать. Он приходил ко мне и спрашивал, станет ли он хорошим королём, ненавидит ли его брат, умеет ли его сестра колдовать.

Она снова рассмеялась и посмотрела мимо меня на улицу байтахеры, словно присматривала за каким-то ребёнком.

— Но он был ленив. И избалован. Он думал, что может получить всё. Особенно, когда стал старше. Он сделался злым. Он и его брат начали ругаться, и он всё реже проводил время со своими сёстрами и родителями.

Я поправила мешок на плече, которое уже начало болеть от его тяжести. Кахина заметила это.

— Я слишком много говорю. Идём внутрь.

Её дом был таким же маленьким, как у Альтасы, что удивило меня, ведь она владела большей частью байтахеры. Она пошла по коридору шаркающей походкой, а я осталась ждать её в комнате. На стенах висели самые красивые карты, которые я когда-либо видела. Они были написаны чернилами, как та моя карта, которую я потом начала заполнять сама. Здесь была точная карта Мадината Алмулихи — иллюстрации были такими детальными, что улицы казались живыми. Здесь также была карта пустыни. Я подошла к ней и внимательно взгляделась в неё. Здесь было всё: оазисы, шахты, поселения и другие города. Моё сердце забилось. Здесь было всё то, что я хотела иметь на своей карте, и я попыталась её запомнить.

— Вот ты где, — сказала Кахина, протягивая мне книгу с толстыми страницами.

— Спасибо, — сказала я, взяв книгу в мягком кожаном переплете.

Я указала на карту и спросила:

— Откуда она у вас?

— Её нарисовал мой муж.

— Правда?

Мои глаза округлились. Я наконец-то могла закончить свою карту!

— У меня есть карта, но в ней столько всего не хватает. Не мог бы он мне помочь?

Глаза Кахины сделались мягче, и она наклонила голову.

— О, нет. Он умер.

Она моргнула, и слегка коснулась пальцами края карты. Сделала ли она это, зная, что его пальцы когда-то касались этого места?

— Мне жаль, — прошептала я. — Я не знала.

— Моему мужу нравились необычные люди. Он говорил, что не было никакого значения, откуда они — всем людям нравятся одни и те же вещи. Истории, музыка, семья и друзья. В Алмулихи людям проще думать, что солеискатели это что-то им чуждое, потому что они выглядят и ведут себя иначе. Но мой муж считал по-другому. Они точно так же любят своих детей, их грудь болит от горя, и...

Она вздохнула.

— Он объездил весь мир, и с помощью своих историй учил людей лучшей жизни.

Кахина снова посмотрела на карты на стене.

Прижав "Литаб" к груди, я снова её поблагодарила. Когда я выходила из дома, Кахина окликнула меня.

— Касторовое семя? — спросила она.

Я кивнула и взглянула на мешок, ткань которого была такой тонкой, что сквозь неё просвечивали семена.

— Зачем они тебе?

— Я собираю ингредиенты для Альтасы, дворцового лекаря.

— Разве касторовое семя лечит?

Я пожала плечами.

— Его масло используется для разных целей.

Глава 11

Эмель

В день заезда верблюдов на небе не было ни облачка. Лето приближалось, и солнце становилось таким палящим, каким никогда ещё не было в Мадинате Алмулихи. Я не знала, чего ожидать от забега, но знала, что мы будем смотреть его с дворцовой лестницы. Похоже, он начинался в пустыне и заканчивался у моря, к которому верблюды бежали по той же самой дороге, по которой я ходила в город. Альтаса рассказала мне, что забег проходил раз в год.

Я ещё раз полюбовалась своим платьем, после чего надела поверх него *абайю*. Накрыв волосы платком, я услышала, как Альтаса всё ещё ворчала:

— Не ходи на этот забег. Он для дураков.

— Нет, я пойду.

Я не знала, стоит ли мне надевать хиджаб. Очень немногие носили их в Мадинате Алмулихи, и я знала, что это может привлечь непрошеное внимание. Но ведь ещё меньше людей носили абайи и покрывали волосы. Тогда какая разница, кто что думал?

Прикосновение ткани к моему лицу и к волосам, тяжёлый вес абайи на моих плечах... всё это ощущалось как дождь в пустыне. Я чуть не растаяла от того, как мне было удобно. Дом. Я была сейчас самой собой.

Я вошла в кухню, и Альтаса уронила руки на стол с тихим стуком.

— О, дорогая, — сказала она, когда увидела меня. Её голос прозвучал так печально.

— Что?

— Зачем ты это надела?

— Я буду стоять под полуденным солнцем!

— И именно сегодня ты решила всё это надеть? Сними это. Надень шаровары, которые я тебе купила, и тунику с пальмовыми листьями. Или то новое платье, которое купила Мариам.

Приподняв абайю, я показала ей тёмно-синее платье.

— Я его надела.

Её плечи опустились, и она покачала головой.

Раздался стук в дверь.

— Ладно, — сказала я Альтасе, уходя. — Увидимся позже.

Она не повернулась. Не ответила. Вместо этого она уставилась на столешницу, где её руки сжались в кулаки.

Ника прошла по мне взглядом, когда я открыла дверь, но ничего не сказала. Её губы

крепко сжались. Затем она проговорила:

— Значит, король пригласил тебя на забег.

— Да.

Когда я сказала ей, что Альтасе не нужен сегодня помощник, Ника радостно последовала за мной в сад.

— Вы встречаетесь?

— Только, когда я приношу ему лекарства, — сказала я.

Ника фыркнула, и этот её звук прозвучал довольно скептически.

Когда мы вошли в атриум, мимо проходила Мариам.

— О! — сказала она, что прозвучало почти как вопрос.

— Я веду её к королю, — сказала Ника.

Понимание отразилось на лице Мариам, и она тепло мне улыбнулась.

— Мне показалось, что ты никогда раньше не была на забеге.

— Не была.

Мариам фыркнула и сказала:

— Король в гостиной.

Когда мы вошли в помещение, Саалим встал. И прежде, чем подойти к нам, он ненадолго замер, остановился. Я почувствовала в этом вопрос, но ощущение прошло так же быстро, как появилось.

Он кивнул Нике. Она медленно наклонила голову и спросила, не нужно ли нам чего-нибудь ещё, а он сказал, что ничего не нужно. Я увидела, что она колеблется. Она хотела остаться и посмотреть, что между нами было.

— Мы будем смотреть окончание забега из специальной будки, — сказал Саалим. — К нам присоединятся ещё люди. Знатные семьи и гости.

— Замечательно.

Мой пульс ускорился. Что подумают люди, увидев, что работница из дворца присоединилась к королю?

— Некоторые мои гости уже ждут нас, если ты готова. Если только ты не передумала.

Неужели он надеялся на это?

Когда я сказала ему, что не передумала, он жестом пригласил меня последовать за ним. С Саалимом что-то было не так. Мы встретили двух его гостей во дворце, и нас быстро представили друг другу. Пара тепло нас поприветствовала — женщина была одета как я! Похоже, это были высокопоставленные гости с востока, которые приехали сюда по делам, и теперь наслаждались городом в свободное время. Он представил меня как Эмель, недавно прибывшую в город.

Я решила, что это странно. Может быть, он не хотел, чтобы на меня смотрели, как на прислужницу из дворца? Бедную женщину?

"Или он не хотел, чтобы они поняли, что я солеискательница", — неожиданно подумала я, и меня тут же накрыло чувством стыда. Хотя в людях, которые присоединились к нам, определённо текла та же кровь.

Мы проследовали за Саалимом и несколькими стражниками к смотровой будке, построенной сразу за лестницей дворца. Она была красиво раскрашена в голубые и синие цвета и оказалась гораздо больше, чем я ожидала. Внутри находилась почти дюжина человек. После ещё одной серии представлений — большинство гостей были из знатных семей, которые владели кораблями, мельницами или мануфактурами — мы сели.

Он сел рядом со мной, и наши руки слегка соприкоснулись. Наши ноги тоже почти касались друг друга.

— Вы уже катались по каналам? — спросил Саалим, указывая на водные пути за дворцом.

По воде плыла небольшая лодка, на которой ехали два человека.

Пара с востока ещё не делала этого, как и я. Мужчина, стоявший на носу лодки, управлял ею с помощью длинного весла. Кас пытался уговорить меня присоединиться к нему во время поездки на лодке. Но я едва доверяла дереву и камню, из которых были сделаны ступени, способные доставить меня прямо к небу. А довериться дереву, которое плыло по воде и могло утопить меня в любой момент? Нет. Я сказала об этом Саалиму, и пара рассмеялась. А улыбка Саалима была больше похожа на гримасу.

— Но ты ведь сейчас паришь над землей! — сказал мужчина.

— Вся моя храбрость напускная.

— Очень убедительно! — сказала женщина.

Саалим сказал:

— Вон там находятся самые красивые дома в городе.

Я посмотрела туда, куда он указывал, и увидела людей, сидевших вдоль улицы и ожидавших забега.

Меня снова наполнило то же чувство успокоения, что я испытала, когда надела абайю и хиджаб. Женщины на улице были одеты в такие же одежды, что и я. Мужчины были одеты в длинные одежды, а гутры, закрывавшие их лица, были завязаны у них под подбородками.

Люди махали королю, и, улыбнувшись так, что моё лицо заболело, я помахала им в ответ. Ко мне присоединились остальные, и мы с женщиной радостно расхохотались. Теперь я поняла, почему Саалим пригласил меня. Это было прекрасным напоминанием о моём доме.

Мимо прошёл слуга с едой, а затем ещё один предложил нам напитки.

— Спасибо, что пригласил меня, — сказала я, разделив апельсиновое лакомство на кусочки, и поднеся один к губам.

Саалим молчал, потягивал свой напиток, и смотрел на толпу.

— Забег на верблюдах — это давняя традиция. Победитель получает сто *дха* и место на Фальса Моке.

Он опустил глаза на свой напиток, допил остатки и снова посмотрел на дорогу.

— Большинство наездников — торговцы, и это их шанс рассказать о своих товарах.

В конце дороги была начерчена линия красным песком, которая отделяла её от пляжа, ведущего к морю. Я посмотрела на море и восхитилась тому, что издалека оно выглядело таким гладким, тогда как вблизи оказывалось беспокойным. Мне хотелось вернуться туда, хотелось, чтобы Саалим снова привёл меня в это место, где были только мы вдвоём среди руин.

Раздались звуки горна. Люди рассредоточились вдоль края дороги, создав широкий проход для наездников.

— Забег начался, — сказал Саалим безучастным тоном, вторя раздавшимся крикам.

подавшись вперёд и прижав руки к коленям, я уставилась на дорогу и принялась ждать. Я всё ждала и ждала.

Наконец, я что-то увидела. Мне показалось, что по улице бежит лошадь, а на ней восседает человек с прямым мечом и флагом Мадината Алмулихи, развевающимся позади

него. Большие мешки подпрыгивали на боках его лошади. Он кричал, но только когда он приблизился, я смогла разобрать слова.

— Я не отдам вам свою соль! Вы меня не поймаете! Соль моя!

Он повторял это снова и снова, и хохотал. Я раскрыла рот и посмотрела вокруг, чтобы понять, не заботило ли это всех остальных.

У него за спиной началось целое столпотворение, когда стадо верблюдов ринулось вперёд.

— Солеискатели! — закричали зрители.

Солеискатели?

Послышались крики, фыркание и стук копыт, когда они начали приближаться. Верблюдов, подгоняемых ударами хлыста, не волновал шум вокруг, их морды были покрыты толстым слоем белой слюны. Мужчины и женщины, сидевшие поверх верблюдов, были одеты как я и как многие зрители. Они махали руками, кричали что-то про Эйкаба и соль. И посреди всего этого раздавался истеричный смех.

Саалим сдвинулся, и прижал к себе руку так, что мы уже больше не касались друг друга.

Едва я успела всё это осознать, как победитель коснулся красного песка, и песчаная пыль полетела в сторону пляжа. Наездники опустили с верблюдов, и хаос стих.

И когда пыль улеглась, я начала понимать. На них не были надеты гутры, и у них не было настоящих мечей, которые носили мужчины у меня дома. На них были надеты не абайи и не хиджабы, как на мне. Это были костюмы.

Это было не празднество в честь пустыни и людей, которые там жили.

Это была насмешка.

И вот теперь поведение Саалима по отношению ко мне обрело смысл. Он стыдился меня.

Но тогда зачем он меня пригласил? Разве он забыл, кто я была такая? Горячий стыд окрасил мои щёки, но я осталась сидеть так неподвижно, насколько могла, и старалась смотреть куда угодно, только не на наездников, которые смеялись и выбрасывали руки в воздух, танцуя, как это делали номады, или прижимались лбами к земле в притворных молитвах. Люди, которые пили и ели вместе с нами, начали похлопывать друг друга по плечам, указывать на участников и собирать свой выигрыш.

Саалим сдвинулся, его смущение росло вместе с моим стыдом.

— Скоро объявят победителя.

Я едва могла дышать. Мои руки дрожали, сердце отчаянно билось, глаза наполнились слезами. Я хотела уйти, но боялась, что это привлечёт ещё больше внимания. Вообще-то, я хотела, чтобы меня поглотило море.

Мы дождались окончания забега. Я досмотрела это мучительное представление до конца. Они насмехались над моим народом. Надо мной. Я надеялась, что Тави не пришла сюда, надеялась, что она была слишком занята у Саиры и не видела этого. Тави, которая приехала в этот город и была готова сделать его своим; которая молилась другому богу и приняла свою новую жизнь, не моргнув и глазом, не должна была увидеть то, что люди, одобрения которых она так отчаянно искала, всё так же насмехались над ней.

Альтаса просила меня не ходить сюда. Почему я её не послушала?

Когда победителю вручили деньги, а недовольного верблюда украсили ненастоящими мешками с солью, Саалим встал. Люди на улице увидели это и преклонили колена. Я сделала то же самое, радуясь возможности скрыть своё лицо. Если Саалим, которого я знала,

всё ещё был внутри него, он был погребён слишком глубоко.

Может быть, его женитьба была к лучшему? Теперь я могла оставить свою обманчивую надежду.

Когда мы вернулись во дворец, он остановился, а затем сказал:

— Спасибо, что присоединилась ко мне.

Это было единственное, что он мне сказал с тех пор, как объявили победителя.

Я покачала головой, не в силах подобрать слова.

— Я подумал, что ты присоединишься ко мне за обедом, но...

Он обратил ладони к небу, словно это всё объясняло.

"Но ты солеискательница", — мог бы сказать он.

— У меня другие планы.

Перетирать семена пестиком.

— Конечно.

Он всё не уходил, а я больше не могла выносить эту пропасть между нами, которая только лишь увеличивалась.

— Я пойду, — сказала я.

— Конечно, — снова сказал он.

С каждым шагом моя одежда становилась всё тяжелее.

Когда я вошла в дом, Альтаса читала свою книгу рецептов. Я не знала, что она увидела, взглянув на меня, но она закрыла книгу, вздохнула и быстро встала.

— Детка, — прошептала она и подошла ко мне.

И тогда я расплакалась.

* * *

Альтаса призвала меня на рассвете. Мои веки были всё ещё тяжёлыми от слёз.

Когда я вошла в кухню, она пододвинула мне миску с супом.

— Вот. Я попросила Тхали приготовить его.

Сев за стол, я помешала суп кусочком лепешки. Это был мой любимый суп. Нут с мясом ягненка. Я слабо улыбнулась Альтасе и отхлебнула бульон.

Она села напротив меня и стала наблюдать, как я ем. Её нетронутая миска стояла перед ней.

— Я бы хотела сказать, что они не всегда были такими, но это не так.

Я подхватила кусочек ягненка лепёшкой и подождала.

— Ты знаешь, моя сестра влюбилась в мужчину из этого забытого Эйкабом города. Он бросил её, точно какое-то ничтожество.

— Мне жаль.

— Не надо. Всё это уже в прошлом.

— Поэтому вы здесь?

Она кивнула.

— Я хотела его найти.

Вспомнив то, о чем она мне сказала, я ответила:

— Месть.

Она перекинула длинную седую косу через плечо и фыркнула.

— Вы нашли его? — спросила я.

— Да.

— И что вы сделали? — сказала я, прищурившись.

— Я почти ничего не сделала. Не так сложно убедить других людей сделать что-то вместо тебя, если сказать правильные вещи.

Её глаза коварно заблестели.

Я не хотела знать подробностей. Некоторые вещи лучше было оставить в секрете.

— Но вы всё ещё здесь. И вы всё ещё злитесь.

— Мадинат Алмулихи постоянно напоминает мне о том, что я потеряла, и кто забрал это у меня. Этот город прекрасен, но его жители — гадкие.

Её слова отозвались во мне. Люди здесь действительно были жестоки. Они осуждали и были предвзяты. Мне казалось, что только Альтаса — хотя и в своей грубой манере — а также Кахина и Кас принимали меня такой, какая я есть. Даже Саалим разочаровал меня.

Альтаса проглотила весь свой суп, наклонив миску.

— Когда ты находишь бриллиант, ты стараешься не потерять его.

Она облизала языком губы.

— Они редко встречаются в этом каменном городе.

* * *

Кас сидел на своём обычном месте в пивном доме напротив джалъса тадхата.

— Наблюдаю за Одхамом, — сказал он мне в первый раз, когда я встретила с ним там.

Он не упускал возможности напомнить Одхаму о том, что его деятельность была опасна.

— Боги, ты выглядишь так, словно побывала под копытами верблюда.

Кас запрокинул голову, и я села.

— Что произошло?

Я начала раздумывать о том, стоит ли ему рассказывать. Он мог оказаться так же слеп, как и Саалим.

— Только не говори мне, что ты ходила смотреть забег, — сказал он, когда я не ответила.

Мои плечи опустились, и я кивнула, не в силах ничего произнести, так как боялась опять заплакать. Я чувствовала, как слёзы уже начали подступать к моему горлу.

— Мне жаль, что тебя не предупредили.

— Самое ужасное, — сказала я, и моё горло сжалось, борясь со слезами. — Что меня предупредили. Я просто не думала...

Снова почувствовав стыд и неловкость, я заплакала.

— Прости, — сказала я, вытирая глаза.

Раздался скрежет дерева по камню, и Кас неожиданно оказался рядом со мной. Он притянул меня к своей груди и обхватил рукой.

На мгновение я застыла, но потом позволила ему утешить меня.

— Я сейчас вернусь, — сказал он, когда я взяла себя в руки.

Я проследила за тем, как он зашёл внутрь, и повернулась к джалъса тадхату. Его двери были закрыты, единственное окно перед входом было занавешено. Внутри было темно, и я была уверена в том, что внутри происходил *арвах*.

Кас вернулся с кружкой и поставил её передо мной.

— Гранатовое вино, — сказал он. — Ты когда-нибудь пила его?

— Да. Один раз, — сказала я, вспомнив Хаф-Шату, и как я пила вино со счастливым, но пьяным Фирозом на улице. — Мне оно понравилось.

Улыбнувшись, я сделала глоток и позволила себе вспомнить то, что теперь казалось мне более счастливым временем.

— И пусть все катятся прямо на солнце Эйкаба, — сказал он, после чего сдвинул стул и снова оказался напротив меня.

Шрам на его виске казался глубже, когда тень падала на него при таком освещении.

Я слабо рассмеялась, глядя на него.

— Ты скучаешь по дому? — тихо спросил он.

— Каждый день.

Он кивнул.

— По чему ты скучаешь больше всего?

"По всему", — подумала я.

— По тому, как люди не пялятся на меня так, точно я козёл в женском платье.

Он рассмеялся, а я продолжила:

— По тому, что знаю, куда ведёт каждая улица. По тому, что могу чувствовать смену времён года по ощущению в воздухе. А ещё...

Стоит ли мне рассказать ему о Саалиме?

— Я любила одного мужчину.

Кас умело скрыл своё удивление.

— И где он теперь?

— Не знаю.

Я отказывалась снова плакать, я и так уже опозорилась сегодня несколько раз. Сжав губы вместе, я уставилась на стол.

— Ты всё ещё любишь его?

Мои плечи подались вперёд, когда я вспомнила о вчерашнем дне.

— Я не знаю.

— Ты много чего не знаешь, — сказал он и слегка улыбнулся.

Его сложенные руки лежали на столе, а браслеты тихонько позвякивали на деревянной поверхности.

Я раскрыла рот, чтобы ответить, но прежде, чем я успела это сделать, кто-то выкрикнул моё имя на другой стороне улицы.

— Ты его знаешь? — спросил Кас, глядя на Фироза, который отчаянно махал рукой и направлялся в мою сторону.

— Да, — сказала я и встала.

При виде Фироза я вспомнила обо всём, по чему скучала. Сейчас он был самым близким, что связывало меня с домом. Я побежала к нему.

Найдя утешение в его объятиях, я, однако, немного расстроилась, почувствовав запах алкоголя.

— Фиро.

Неожиданно он напрягся и отпрянул от меня.

— Ты знаешь этого человека? — спросил Фироз, кивая на кого-то у меня за спиной.

Я повернулась.

— Каса? Да.

— Я бы держался от него подальше. Он как камень в ботинке Одхама. И в моём тоже.

— Тише, — прошептала я.

— О, он это знает, — сказал Фироз громче.

Я прижала пальцы к вискам. Я совсем не так представляла себе нашу встречу.

— Он не желает ничего плохого, — сказала я. — Пойдём к нему. Он добр ко мне. Мы друзья.

— Друзья?

Он сделал шаг назад.

— Я не видел тебя на протяжении целой луны, и теперь ты говоришь мне, что вы с ним друзья?

Я вздохнула и посмотрела на ночное небо и на тонкий серебристый месяц. Неужели прошло уже так много времени? Боги, как я устала.

— Если ты здесь только затем, чтобы ругаться со мной, тогда уходи.

Я указала на джальса тадхат, из которого выходили люди и воодушевленно болтали друг с другом. Я увидела, как женщина, которая работала там, прощалась с ними и приглашала присоединиться к следующему арваху.

— Я не хочу ругаться, — сказал он.

Его кудрявые волосы стали длиннее и падали теперь на глаза. Я вспомнила тот тюрбан, что сшила для него его мать, и как он снимал его, как только оказывался на рынке. Он говорил мне, что ненавидел его. Он презирал наш дом так же сильно, как и я, когда мы там жили. Я уверена, что он не скучал по нему, в отличие от меня.

— Ты не посидишь с нами? — спросила я.

Фироз посмотрел на Каса, и пожал плечами.

— Ради тебя.

— Где Рашид? — спросила я, когда мы пошли к столу.

— Работает. Он скоро будет дома.

— Это Фироз, — сказала я Касу, который прищурил глаза. — Мой друг из дома. Только никаких разговоров о работе, ладно? Вы оба должны на это согласиться прежде, чем я сяду между вами.

Кас закатил глаза.

— Она всегда такая?

Фироз уверил его, что это так. А затем рассказал Касу о том, какая я. Я откинулась на стуле. Я была рада тому, что мои друзья нашли общую тему, пусть даже в ущерб мне самой.

Во время их разговора четыре человека в чёрных плащах прошли мимо. Кас посмотрел на них так же пристально, как и я.

— Они везде, — сказал Фироз, когда они ушли.

— Кто? — спросила я.

— Эти люди. В чёрных одеждах. По крайней мере, один такой присутствует на каждом *арвахе*.

— Кто они?

— Даркафы, — сказал Кас, откинувшись на стуле.

Я перевела внимание с четвёрки на Каса, ожидая продолжения.

Фироз заговорил:

— Они рассказывают о богине и сыновьях. Ждут второрожденного сына.

— Зачем? — спросила я.

Фироз покачал головой.

— Я сам этого не понимаю.

— Чтобы он сменил перворожденного, — сказал Кас.

Теперь он излучал гордость, как человек, который делился слухами.

— Они утверждают, что на *арвах* они ищут богиню.

Фироз пожал плечами.

Кас нахмурился.

— Они называли её имя?

— Мазира? А...

Фироз нахмурился, пытаясь найти ответ в своих смутных воспоминаниях.

— Какое неожиданное собрание, — сказал Рашид, подходя к нам сзади.

Он улыбнулся Фирозу, кивнул мне и неохотно представил себя Касу.

— Садись, — сказал Фироз. — Мы разговариваем об этих людях в плащах. Он называет их даркафами.

— Ты что-то о них знаешь? — сказал Рашид, неожиданно заинтересовавшись.

Он огляделся, заметил пустой стул и пододвинул его к Фирозу.

— Конечно, — сказал Кас, скрестив руки.

Рашид наклонился вперёд.

— Даркафы планируют свергнуть короля.

— Ха!

Кас выбросил руки в воздух и ответил Рашиду.

— Свергнуть? Они не такие сильные.

Я озадаченно сказала:

— Я думала, речь о сыновьях.

Рашид нахмурился и посмотрел на Каса.

— Ты, кажется, хорошо с ними знаком.

Кас пожал плечами.

— Они громко разговаривают, и они везде.

Рашид развернулся от Каса в мою сторону.

— У них есть ребенок. Они зовут его хранителем. Поговаривают, что они делают всё, что попросит богиня. Сейчас они ждут её здесь, потому что именно здесь она должна свергнуть короля.

Я взмахнула руками, обращая на себя внимание.

— Свергнуть короля? Я думала, что они ждут второго сына, а не богиню.

Рашид пожал плечами.

— Второрожденный сын уничтожит перворожденного. Вахира должен убить Эйкаб. Король Мадината Алмулихи это...

Он наклонил голову.

— Как это называется? Метафора? Для сына.

— А при чём тут ребенок? — спросила я, снова усевшись на стул.

Эта история была похожа на те, что выдумывали люди, которые брали деньги за вызывание духов.

Пришло время Каса рассказывать. Это было похоже на игру в гамар, когда один рассказчик хотел поделиться более интересной сплетней, чем рассказал предыдущий. Он

поставил локти на колени и мрачно перевёл взгляд с Фироза на Рашида, а затем на меня.

— У ребёнка есть джинн.

— Не-е.

Я махнула на него рукой.

— Я могу уверить вас, что нет никакого джинна.

"Ведь я его уже освободила", — хотела сказать я.

— Это напоминает далмуров, одержимых волшебными сказками, которые только сеют недоверие и беспокойство.

Я прищурила глаза и посмотрела на Рашида.

— А что даркафы делают с джинном, и почему они хотят свергнуть короля? Дай угадаю...

Прижав палец к губам, я сказала:

— Они хотят восстановить пустыню? Сделать её лучше?

"Она и так уже восстановлена!" — хотела закричать я.

— Далмуры? — спросил Рашид, который выглядел озадаченно. — О чём ты таком говоришь?

Мой рот раскрылся. Теперь была моя очередь озадачиться.

— Далмуры? Которые носили на себе символ...

Ну, конечно. Мазира сделала так, что никто их не запомнил. Значит, далмуры никогда не существовали? Я посмотрела на троих мужчин. Фироз выглядел совершенно озадаченным. Рашид был удивлен. А Кас выглядел... я не могла описать выражение его лица. Он был в ужасе? Не мог во что-то поверить? Или что-то понял?

Боги, он и так уже, наверное, думал, что я сумасшедшая солеискательница, и теперь я это подтвердила.

— Ой, не берите в голову, — сказала я и встала, собравшись уходить.

Фироз подался вперёд, попытавшись последовать за мной. Он начал кричать, чтобы я остановилась, чтобы объяснила, что я имела в виду, но неуклюже упал на колени.

— Эмель, подожди! — Кас поспешил догнать меня. — Я провожу тебя домой.

— Правда, не стоит.

Я не хотела, чтобы он провожал меня. Мне следовало сказать ему...

— Твой день становится всё хуже и хуже.

Теперь он шёл со мной рядом, подстроившись под мой темп.

— Это так.

— Ты не боишься даркафов?

— Нет.

— Ты живёшь во дворце. Что если они нападут?

— Король готов к этому.

— Что, если у них есть джинн?

Я мельком посмотрела на него, а потом ускорила шаг. Это было абсурдно. Несмотря на то, что мы с ним уважали магию и понимали последствия её использования, он не знал, что меня не волновал джинн из легенд. Я слишком хорошо знала этого джинна. Наконец, я сказала:

— Не стоит бояться джинна.

— Правда? — спросил он с такой недоверчивостью, что я пожалела о своих словах. — А чего ты боишься? — спросил он.

Мы дошли до лестницы дворца. Я поднялась на несколько ступенек, и наши глаза оказались теперь на одном уровне.

— То, чего я боюсь, давно уже в прошлом, — сказала я.

Кас не пошевелился. Он смотрел на меня, нахмурившись, и в свете факела цвет его глаз казался почти серебряным.

Глава 12

Саалим

Клинки ударились друг о друга, и моя рука задрожала. Я подался вперед, взмахнул мечом влево, затем вправо. Я двигался быстрее, чем следовало, и это было опасно. Но Азим был мастером фехтования, он не причинил бы вреда...

— Боги! — закричал я, когда его меч ударил меня по руке.

Неожиданно мне почудилось, что я почувствовал боль, и как потекла кровь. Я запаниковал. Но тут же вспомнил, что мы дрались на учебных мечах.

Азим ухмыльнулся и сказал:

— Вставай. Ещё раз.

Я встал.

— Медленнее, Саалим. Это урок, а не война.

И мы продолжили. Азим критиковал то, как я держал плечи, как ставил ноги и вращал запястьем.

— Давай прервёмся, — сказал он. — Твои мысли заняты чем-то другим. Расскажи мне.

У Азима было правило: никаких разговоров во время тренировки.

"Когда ты разговариваешь, ты невнимателен", — говаривал он.

— Нет, — сказал я начальнику своей армии. — Всё нормально. Давай продолжать.

Если даркафы планировали напасть, я должен быть готов. На этот раз я собирался сражаться на улицах вместе со своим народом.

— Саалим, сядь.

Азим указал на один из нескольких стульев в пустом помещении. Пол здесь был покрыт грязью, а рядом находились конюшни, предназначавшиеся для лошадей, если погода не позволяла выводить их на арену. Это было лучшее место для тренировки с мечами.

Мой меч потяжелел в руке, я опустил его кончик в грязь и потащил за собой к скрипучему деревянному стулу.

Азим сел напротив меня на такой же древний стул, который прогнулся под его весом. Он откинулся назад. Мягкая кожаная ткань, покрывавшая его спину и ноги, указывала на человека, который жил в достатке, а морщины на его лице и шрамы на руках указывали на то, как это человек их заработал.

Он был мне как второй отец, но дело было не в его доброте и не в том, что он меня понимал, а в том, что он не выносил слабость, постоянно учил меня, и терпение его было безграничным. Он защищал Алмулихи, когда я не смог этого сделать. Он был хорошо подготовлен, тогда как я был заносчивым и глупым.

— За даркафами наблюдают, — уверил меня Азим. — Никто из них не носит с собой оружие. Завуалированные угрозы — это недостаточный повод для того, чтобы их схватить.

Если мы будем арестовывать каждого, кто бросает вызов трону...

— Я знаю.

— Расспросы никуда нас не завели.

Не то, чтобы эти даркафы что-то скрывали. Они достаточно открыто обо всём рассказывали: когда-то давно богиня поручила их предкам охранять сокровище: запёртый ящик. Никому нельзя было открывать его, кроме богини, а она должна была вернуться, как только король пересечёт пустыню.

И когда она вернётся, как они говорили, второрожденный сын уничтожит перворожденного.

Никто не знал, как это случится, и никто не признался в нападении на Мадинат Алмулихи. Нассар сказал, что большинство из них страшила мысль об убийстве. И что они были просто безумцами, почитавшими богиню.

Но я ему не поверил.

— Они не носят с собой оружие, — сказал Азим. — За ними наблюдают. Дворец охраняют. Ты не останешься один.

Вероятно, в этом отчасти и состояла проблема.

— Мы многое о них не знаем. Та роль, что отведена Мазире и её сыновьям в их сценарии, всё больше и больше меня озадачивает.

Азим кивнул.

— Они не первые фанатики в этих землях.

— Нам нельзя терять бдительность.

Азим покачал головой.

— Я никогда её не теряю.

Он положил ладонь на рукоять меча.

— Это всё, что тебя волнует, или мы должны ещё что-то обсудить?

Он сказал это так, словно говорил с маленькой девочкой.

Я рассмеялся, встал и поднял меч. Его лезвие сверкнуло у меня перед лицом.

Мои плечи болели, а лоб был покрыт потом, когда я пошёл искать Фаразу в конюшнях.

Я прижал руку к её шее и пообещал ей, что я скоро выведу её на прогулку.

"Когда это будет безопасно", — подумал я.

Я направился во дворец, пересёк площадь, и увидел Альтасу, которая в спешке выходила из дома.

— Куда ты идёшь? Может быть, стоит позвать слугу, чтобы он помог тебе?

У неё могло хватить сил на прогулку, но меня беспокоили карманники и воры.

— Нет. Я только схожу на рынок.

— Уже почти ночь.

Рынок закрылся бы к тому времени, как она добралась бы до туда.

— Я это знаю.

Она приложила руку ко лбу, прикрыв глаза.

— Для меня он всегда открыт.

Я кивнул ей, и она исчезла.

Нассар ждал меня к ужину, но солнце ещё не зашло, поэтому у меня оставалось ещё время. Я решил вернуться в свою башню и заняться накопившейся корреспонденцией. Мне надо было разрешить спор хаяли — они постоянно случались — а ещё какой-то торговец был разгневан из-за того, что ему заплатили неполную стоимость за его товары и утверждал,

что их цена выросла из-за песчаной бури. Это были привычные обращения для сегодняшних дней. Я и так уже слишком долго ждал, чтобы заняться ими, но мысль о том, что Эмель могла быть одна в доме Альтасы, заставила меня принять другое решение.

Как и все эти люди, которые ждали моего ответа на свои вопросы, Эмель давно уже должна была получить мои извинения.

Я ещё не видел её после забега верблюдов, с момента которого прошло уже много дней.

Никогда я не чувствовал себя таким глупцом, как в тот день. Я совсем забыл о её происхождении, и забыл о том, как проходил этот забег.. я закрыл глаза, и мои руки снова сжались в кулаки. Я всего лишь хотел познакомить её с одной из традиций Алмулихи. Я совсем не подумал о том, то могло произойти. После такого моя мать заставила бы меня пойти спать с козлами.

Слуги в саду засуетились, поспешив заняться делами, когда я прошёл мимо них. Словно им неожиданно приспичило начать подрезать кусты. Надия любила эти сады. Я часто дразнил её за то, что ей нравится работа, предназначенная для слуг, но теперь я понимал, что её любовь к подрезанию цветов была похожа на мою любовь к фехтованию. Каждому из нас нравилось что-то своё.

Из дома Альтасы поднимался дым. Если Эмель не было дома, то я собирался снова попросить Мариам поговорить с Альтасой о том, чтобы она не оставляла огонь без присмотра. У Захары была такая же проблема, и моя мать чуть не выгнала её, беспокоясь о том, что дворец может загореться. Когда я подошёл, я увидел, что дверь в дом Альтасы открыта. Изнутри раздавалось шуршание.

Эмель стояла ко мне спиной; она нагнулась над столешницей и методично над чем-то работала.

Я постучал костяшками пальцев по двери.

Эмель не испугалась, как это сделала бы Надия, если бы я подкрался к ней. Когда она увидела, что это я, она быстро отложила нож, вытерла руки и поклонилась.

— Извини, что беспокою.

— Что тебе нужно?

Она поспешно убрала всё со стола, переложила вещи на столешницу, за которой она работала, и выдвинула стул.

Она была одета, как любая другая работница в Алмулихи. Эта чёртова одежда была причиной того, почему я забыл о её происхождении.

Прежде, чем я успел ответить, она жестом указала на стул.

— Может быть, чаю?

Она теребила руками свою одежду, и мне показалось, что она нервничала так же, как и я.

Моя мать учила меня, что людям нравится делиться, и если они предлагают тебе что-то, нужно принимать предложение из вежливости.

— Я бы хотел выпить чаю.

Я сел за стол и принялся ждать.

Она сняла с огня чайник. Я не мог оторвать от неё глаз. Она же ни разу не посмотрела на меня.

Я сделал глоток чая. Он оказался неожиданно сладким.

— Тебе не нравится?

Я покачал головой.

— Мне очень нравится.

— Что тебе нужно? — снова спросила Эмель и села на стул, взяв кусочек плоского дерева и угольный карандаш. — Я могу начать сегодня; я почти закончила с другими лекарствами.

Я наклонился вперёд и отодвинул деревяшку. На кончиках моих пальцев осталась угольная пыль.

— Ничего не надо. Я пришёл извиниться.

Моя рука лежала теперь рядом с её. Пальцы Эмель потемнели в том месте, где они касались угольного карандаша. Она положила руки на колени.

— Я забыл про суть забега. Я забыл о том, как ты можешь к нему отнестись.

— И как я к нему отнеслась? — спросила Эмель.

— Как к дешёвому представлению, высмеивающему тебя и твою семью, твоих соседей и друзей. Прости, что пригласил тебя. Но больше всего мне жаль, что в Алмулихи существует такая традиция.

— Людям вроде меня здесь не рады, — сказала она, не с грустью, а так, словно это было само собой разумеющимся. — Я не ожидала, что город, куда приезжает так много путешественников, может быть таким жестоким.

Не было никаких сомнений в том, откуда была Эмель. У неё была тёмная кожа, а её лицо было упрямым и умудрённым опытом. Она не смогла бы спрятаться в этом городе, даже за хиджабом.

— Это нельзя извинить.

Я знал, откуда пошли все предубеждения — солеискатели занимали чужие должности и дома. Они поклонялись более сердитому брату. А если солеискатель что-то крал или проявлял жестокость? Боги, это клеймило всех остальных солеискателей. Это было несправедливо, но такова была реальность. За ними наблюдали более пристально, особенно после нападения.

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с другой стороной Алмулихи, — сказал я, наконец, тут же почувствовав себя глупо.

Почему я продолжал развивать это... что бы это ни было между нами? Мои пальцы крепко сжались. Я сидел тут и умолял её дать мне ещё один шанс.

— Что ты хочешь мне показать?

— Фальса Мок. Парад будет проходить перед дворцом. Посмотри его с нами. Это гораздо более интересное и стоящее представление в Алмулихи, чем забег. Устраиваются большие пиры и празднества... конечно, мы тоже будем пировать. А ночью...

Я улыбнулся. Ночь должна была быть великолепна, но я не хотел испортить для неё сюрприз.

Уголок ее губ приподнялся. Я постарался не смотреть на него слишком долго.

Я продолжал:

— Это сложно описать. Ты, конечно, и так всё увидишь, но если ты присоединишься к нам, у тебя будут самые лучшие места.

— Думаю, тебе будет, что справлять, учитывая предстоящую свадьбу.

Моя улыбка исчезла.

— Так и есть.

— Почту за честь отпраздновать её с тобой, — сказала она.

И вместо того, чтобы поднести чашку к губам и снова её опустить, она даже не

пошевелилась. Наши взгляды словно танцевали — она смотрела на меня, затем отводила взгляд в сторону, и я делал то же самое.

— У нас тоже проводятся зимние и летние фестивали.

— Хаф-Шата и Хаф-Альсаф.

Слова вырвались у меня изо рта прежде, чем я успел подумать о том, что говорю. Откуда я это знал?

Эмель уставилась на меня, словно увидела что-то волшебное.

— Ты помнишь? — прошептала она.

В её голосе послышалось удивление и... надежда? Я ничего не понимал. Почему она сказала "ты помнишь", словно я должен был знать? Должно быть, мы разговаривали с ней об этом в путешествии до Алмулихи.

Когда я ничего не ответил, Эмель описала мне празднества — то, как они покрывали землю коврами, как развешивали ткань, которая напоминала холодный ветер или летний закат, и как гости надевали одежду всевозможных цветов и в неограниченных количествах пили напитки и ели еду, предоставляемую Алфааром.

— А ты, — сказал я, когда она сделала паузу. — Ты и твои сестры были в центре всего этого, не так ли?

Я почувствовал отвращение, гнев.

— Вы собирали деньги с богатых и отдавали их Алфаару?

Её колено коснулось моего, и она отдернула ногу. Я сдвинулся, чтобы мы снова могли коснуться друг друга. Я почувствовал тепло её кожи сквозь несколько слоёв одежды. Её ладони были крепко прижаты к столу и находились недалеко от моих. Я сдвинул руку, но она как будто неожиданно вспомнила что-то, встала и подошла к полкам. Казалось, что банки и пузырьки на них стояли в полнейшем беспорядке. И лишь некоторые из них были подписаны.

Почему она так неожиданно встала? Я снова откинулся на своём стуле. Она, должно быть, считала меня не лучше Омара.

— На что похож Фальса Мок?

Она достала банку с верхней полки, понюхала её и поставила перед собой. Затем проделала то же самое с несколькими другими банками, после чего начала доставать из них по щепотке и раскладывать на рабочей поверхности.

— На Хаф-Шату. Только в нём принимает участие весь город. Парад собирает толпы людей. Некоторые из них начали подготовку к фестивалю ещё в прошлом году. Это праздник в честь города, торговли и людей, живущих здесь.

— В нём принимают участие только местные?

В тоне её голоса послышались обвинительные нотки.

— Необязательно, — сказал я. — В этом году участников выбирал Нассар.

— А до этого?

— Моя мать.

— О.

— Нет, — сказал я. — Всё в порядке. Моей матери нравился Фальса Мок. Я даже не думал, что мы продолжим традицию этим летом после... всего, что случилось. Но мы решили, что она бы этого хотела. И люди тоже этого бы хотели. У них произошло столько изменений... новый король, больше стражников, более строгие правила торговли. Мне кажется, будет правильным оставить им их привычные радости.

Эмель вернулась за стол. Она поглядела на меня своими тёплыми глазами и вытерла руки об одежду. Она принесла с собой небольшую баночку, заполненную грязноватой жидкостью.

— Ты сказал, что знаешь что-то про даркафов, — сказала она, наконец.

— Да.

— Я слышала о джинне.

Когда-то я бы рассмеялся над этим. Но теперь я вспомнил о воде, которая появилась так, словно её надул ветер.

— О джинне, — повторил я.

То, как это слово завибрировало у меня в груди, показалось мне знакомым. И ужаснуло.

— Даркафы утверждают, что у них есть джинн?

Она крепко сжала край стола.

— Или был? Может быть, они его охраняли. Я не знаю.

То, как сморщилось её лицо, когда она произнесла эти слова, сказало мне о том, что она переживала об этом больше, чем следовало.

— Мы тщательно всё проверяем, — сказал я, пытаюсь её успокоить.

Но затем я вспомнил о том, что сказали мужчины в чёрных плащах, находившиеся в храме.

Ребёнок всё ещё носит его.

— Солдаты не смогут остановить джинна, — упрямо сказала она.

Встав со стула, я сказал:

— Нет, но, если бы это было правдой, и даркафы собирались использовать джинна, чтобы свергнуть меня, разве они уже не сделали бы этого?

Я потёр руки друг о друга и отодвинул чашку от края стола.

— Спасибо за чай. Тебе надо научить Тхали готовить его, чтобы он получался именно таким.

Эмель нахмурилась и последовала за мной. А затем сказала:

— О, я совсем забыла.

Она взяла маленькую баночку со стола. Передав её мне, она сказала:

— Это тоник. Он как мазь. Альтаса сказала, что он лучше тебе поможет, но ты не хочешь его принимать. Может быть, тебе стоит попробовать?

Я взял холодную банку. Эмель была права, я не стал бы брать тоник у Альтасы. Я не привык пить что-то, что готовили для меня другие люди. Отец учил меня опасаться подарков, которые могли меня отравить или убить. Но я почему-то доверял Эмель.

— Я приму его. Спасибо.

* * *

Коридор был пуст, когда я вернулся в свою башню, мои сапоги громко скрипели по полу в этой пустоте. Где все стражники? Может быть, на кухне — или в уборных? Но лучше бы им не оставлять так много мест без присмотра.

Ступеньки почти исчезли у меня под ногами, когда я побежал вверх по лестнице.

Когда я сел за рабочий стол, у меня за спиной раздалось шуршание, которое начало быстро приближаться в мою сторону.

Я потянулся за ножом, который держал на столе, но там оказалось пусто. Я оттолкнул

стул назад в надежде испугать того, кто ко мне приближался, и развернулся. Какой-то мужчина кинулся в мою сторону с моим ножом, который он неуклюже сжимал своими пальцами.

— Он здесь! — его крик эхом разнесся вокруг.

Мужчина отступил назад и выставил нож вперёд, словно пытался себя защитить.

У меня не было времени, чтобы что-то придумать. И поскольку я был безоружен, я тоже отпрянул назад по направлению к своему мечу. Поскольку у мужчины были короткие волосы, перчатки на руках и шрамы на голове, я понял, что это один из даркафов.

Он кинулся к лестнице, когда увидел, что я начал отступать. На столе, где также стоял таз с водой, лежал мой меч. Я направился к столу, не сводя глаз с мужчины, после чего сжал рукоять меча и взмахнул лезвием перед собой.

Мужчина остановился, после чего развернулся и попытался сбежать.

Я ринулся вперед, мой меч сверкнул в воздухе.

За спиной мужчины промелькнуло что-то чёрное. Я развернулся, чтобы защитить себя, но человек с капюшоном на голове пронёсся мимо нападавшего и побежал вниз по лестнице.

Мужчина и я начали ходить кругами вокруг моего стола, пока он не оказался спиной к лестнице. Я подался вперед в надежде, что он может споткнуться и упасть на спину. Но он выбросил руку в сторону, схватил таз со стола и быстрым движением скинул его на пол. Вода и куски керамики разлетелись по полу. Деревянный стол опрокинулся следом. Мужчина развернулся и побежал вниз по лестнице.

Выпрыгнув из мокрого хаоса, я погнался за ним по коридору.

— Стой!

Где эти чёртовы стражники?

Я бежал за ним, пока он не исчез в саду.

Я нашёл стражников у входа в сад. Они прислонились к стене, выложенной плиткой, их мечи болтались на поясе.

— Даркафы проникли во дворец! — закричал я им.

Они слышали мой хриплый голос, мою взволнованность, зов своего короля, и их глаза тревожно округлились. Они пронеслись мимо меня, не сказав ни слова, забежали во дворец и, разделившись, начали прочёсывать помещения.

Я остался стоять один — моя грудь вздымалась, пока я пытался понять, как это произошло. Но через мгновение двое стражников выбежали из дворца и присоединились ко мне.

— Король Саалим, — крикнул Тамам, его обычно спокойный тон голоса был омрачён досадой. — Мы их ищем. Оставайтесь здесь.

По тому, как он посмотрел на дворец, я понял, что он предпочёл бы находиться внутри и искать даркафов.

— Где были стражники? Я не увидел ни одного, когда проходил по дворцу прямо перед нападением.

Я уже кричал. Другой стражник отошёл от меня на один шаг.

— Амир созвал собрание...

— Это не может повториться! Стражники не могут вести себя так расслаблено, не могут находиться в другом месте.

Я провёл руками по волосам.

— Наш дом — наша свобода и наши жизни — будут поставлены на кон, если у меня

заберут трон!

Я не мог потерять корону.

Хвала Вахиру, что здесь не было Елены. Что если бы с ней что-то случилось? Я вспомнил о своей матери, которая погибла от мечей нападавших. Я не мог снова подвести своих людей.

Дворец прочесали очень быстро. Даркафы сбежали. Единственное, что напоминало теперь о нападении — разбитый таз, разлитая вода и перевернутый деревянный столик.

Азим встретил меня в гостиной. Лёгкие занавески, которые вздымались на окнах, были слишком нежными, слишком спокойными. Моё сердце колотилось, руки были так крепко сжаты в кулаки, что начали болеть. Мне хотелось сорвать эти занавески.

— Твоя мать была бы разочарована, если бы ты уничтожил её дом.

Он указал на занавески.

— Моей матери было бы всё равно.

Я грустно рассмеялся.

Азим покачал головой.

— Не стоит этого делать, Саалим.

Он был прав, я вёл себя как ребёнок. Но я был в ярости.

— Где была стража?

Азим покачал головой и уставился на свои руки. Тяжёлое раскаяние вдавило его в стул.

— Это мой недосмотр. Не понимаю, как я мог допустить такую ошибку.

Он сжимал и разжимал пальцы. Он взглянул на меня лишь однажды, когда признал свою ошибку. А затем опустил взгляд на руки и растеряно нахмурил лоб.

Такая небрежность была ему совсем несвойственна.

— О чём ты только думал?

— Я... — он встретился со мной взглядом. — Не думал.

Пламя моего гнева поутихло, когда он сделал это признание. Несмотря на то, что ему было несвойственно быть таким беспечным, я видел, что точно такие же мысли крутились и в его голове.

— Дворец надо закрыть полностью, — сказал я, наконец.

Обычно дворец был открыт для жителей Алмулихи, которые вели здесь дела. Но сейчас это было небезопасно. Никому нельзя было доверять.

Он кивнул.

— Я немедленно распоряжусь.

Я вернулся в свой кабинет, когда Азим ушёл, всё ещё озадаченно потирая лоб. Столик поставили на место, а разбитый таз убрали. Мой нож лежал на письменном столе. Я осмотрел всю комнату, но ничего не пропало. Как и в моей спальне. Всё выглядело так, словно внутри этих комнат не было никого кроме меня и слуг.

В ванной комнате на полке стоял кувшин моей матери, наполненный водой, там, где я его и оставил. Вокруг него лежали засохшие чёрные хлопья краски с перчаток даркафов. Что они делали в моей ванной комнате? Движимый остаточным гневом, я поднял кувшин и бросил его в стену. Вода и куски керамики снова разлетелись во все стороны.

Я тут же пожалел об этом. Особенно после того, как мне пришлось объяснять испуганному охраннику, что всё было в порядке. Ещё одна часть моей матери была безвозвратно утеряна.

Вернувшись в кабинет, я осмотрел полки. Игрушечный солдатик из моего детства лежал

на боку за вазой. Вырезанный из дерева человек стоял по стойке смирно с прямым мечом на боку. Большинство мужчин носили ятаганы, но не люди во дворце. Не мой отец. Наши мечи были прямыми, как у этого солдата. Я взял человечка, но заметил, что от него остались только ноги. Его меч, туловище и голова пропали. Когда он сломался?

Вернувшись к столу, я начал просматривать письма.

Соляные шахты, торговля, приглашения. Ибрагим предлагал мне навестить его. У меня не было желания. Нассар мог поехать вместо меня. Я собрал письма в стопку для того, чтобы отдать их Нассару. Как я и предсказывал, хаяли снова превратились в недружелюбных торговцев. Если бы не моя мать, они бы уже давно вцепились мне в глотку. Я бросил их письма в ту же кипу, что предназначалась для Нассара. О, а вот это было нечто. Какая-то женщина писала, что её мужа убили в поселении Алфаара, которое теперь принадлежало мне. Она скорбела, она злилась, а ещё её людей оставили без правителя. Письмо отправилось в кипу писем для Мариам. Она могла задобрить её солью и подарками. Мне надо было написать Усману, чтобы он лучше работал.

Взяв очередное письмо, я испустил вздох. Боги, мне надо было возвращаться в пустыню. Столько всего требовало моего внимания. Я уронил голову на руки. По правде говоря, мне не хотелось покидать свой город в ближайшее время.

Наконец, я взял последнее письмо. На нём не было отметки о том, когда оно было отправлено, словно кто-то лично принёс его во дворец. На секунду я подумал об Эмель, но, когда открыл письмо, почерк оказался слишком элегантным. Оно было написано тем, кто был хорошо образован — как я или мой брат и сестры.

Саалим,

Если ты держишь в руках это письмо, значит, ей удалось это сделать. Я рыдаю при мысли о том, что ты вернёшься к нам, потому что я скучаю по тебе.

Мне столько надо тебе рассказать, но я боюсь, что во всём мире не хватит пергамента.

Остерегайся Захары. Она не умерла. И она хочет свергнуть тебя с трона. Я не знала об этом, когда она обучала меня. Жаль, что я этого не знала, иначе я бы её остановила. Остерегайся её, Саалим. Она может выглядеть не так, как раньше.

И, наконец, у неё есть кое-что, что может ей в этом помочь. Ходят слухи, что это джинн, и очень многие видели армию людей в чёрных одеждах. Будь осторожен.

Если я тебе понадобится, я сейчас в пустыне. Это единственное место, где я наконец-то почувствовала себя дома.

С большой любовью,

Эдала

Мои руки задрожали, когда я уставился на слова, пытаюсь поверить в то, что это была ложь. Жестокая шутка, которую кто-то решил сыграть со мной.

Потому что Эдала не могла быть жива. Это было невозможно.

Моя сестра, как и все остальные члены моей семьи, была мертва.

Завязав бечевку на пятом пакете с травами, которые Альтаса попросила отнести меня этим утром, я вспомнила о нитях, которые переплетали между собой мы с сёстрами, чтобы скоротать время. Тави и я сидели обычно бок о бок, тянули за нити и складывали их то так, то эдак.

— Моя сестра хорошо бы с этим справилась, — сказала я Альтасе, которая набивала мешки быстрее, чем я успевала их завязывать.

Она подняла на меня глаза.

— Почему бы ей не прийти и не помочь, если она может справиться быстрее тебя?

— Я уверена, что она слишком занята, чтобы видеться со мной.

— Ну, а я не очень-то вижу, чтобы ты стремилась выбраться отсюда, чтобы повидаться с ней.

Я затянула узел так сильно, что верёвка резанула по моим пальцам.

— Ей уже всё равно, навещаю я её или нет.

— Не думаю, что это правда. Не стоит недооценивать любовь, которую мы испытываем к членам семьи. Только тяжёлый проступок может разрушить такие отношения.

Я подумала о своём отце, который меня едва ли интересовал. По которому я даже не плакала, когда он умер. Он совершил много тяжких проступков.

Неожиданно Альтаса перестала набивать мешки.

— Вот моей сестре точно было всё равно, навещала я её или нет.

Я остановилась и в ожидании посмотрела на неё.

— Она была красивее меня.

Альтаса похлопала себя по щеке.

— Я знаю, это тебя удивляет. Она должна была выйти за хорошего человека. Мои отец и мать вложили все, что имели, в её приданое, и вот она идёт и находит мужчину, которому не нужна жена. А потом узнает, что беременна.

Покачав головой, она снова продолжила складывать травы в мешки.

— Из-за неё наша семья лишилась последней возможности жить в достатке. Я не знаю, испытывала ли она чувство стыда или гнев. Но я никогда от неё не отрекалась. Никогда не позволяла ей думать, что её не любили.

Я вспомнила о том, как мы с ней ели суп после забега верблюдов. Несмотря на то, что она не одобрила моё решение, она точно так же не отреклась от меня.

— Вы поэтому поехали сюда за ней?

Как бы я хотела, чтобы Тави последовала за мной, чтобы она хотела меня видеть, нуждалась во мне.

— Где она теперь?

— Оставила меня здесь. Я подозреваю, что она вернулась домой. Не знаю, жива ли она ещё.

Я испустила глубокий вздох.

— И эта история должна заставить меня почувствовать себя лучше?

— Несмотря на то, что её больше нет со мной, я ни о чём не жалею.

Позже в этот же день Кас повёл меня на берег, не переставая говорить мне о том, что мы почти пришли.

Дворец остался далеко позади нас. Эта часть берега была более каменистой, и камней появлялось всё больше, чем дальше мы шли.

— Мы на месте, — сказал Кас и указал на какую-то грудку камней.

Обернувшись на дворец, который был теперь размером с мой большой палец, я застонала.

— Мы проделали весь этот путь ради этих камней?

Он щелкнул языком, как это делала Хадийя, когда я начинала разговоры о торговле солью в зафифе, после чего двинулся в сторону камней, завернул за один из них и исчез.

— Кас?

Я быстро последовала за ним. Проведя рукой по грубой поверхности камня, я начала обходить его, и вдруг заметила небольшую расщелину, куда мог пройти лишь один человек.

— Кас? — позвала я.

Мой ответ эхом вернулся ко мне.

Ничего.

Я вошла внутрь, прошла немного вперёд по открытому пространству и за очередным поворотом обнаружила дыру. Вскоре солнечный свет стал тусклым за моей спиной.

Содрогнувшись, я поняла, что нахожусь в пещере.

— Кас? — сказала я чуть тише.

Его имя отразилось от стен, как и звук набегающих волн. Я слышала плеск воды и тихий металлический стук.

Как вдруг что-то просвистело, и передо мной появился Кас. Он стоял на расстоянии вытянутой руки в оранжевом свете огня.

— Боги! — громко вскрикнула я.

Кас так же громко рассмеялся.

Я шлепнула его по руке.

— О чём ты только думал? Я могла тебя убить.

— Ты? — он рассмеялся ещё сильнее. — Разве ты способна кого-то убить?

— Я бы не стала так говорить, если бы не могла этого сделать.

Я прошла дальше в пещеру, тени от фонаря начали плясать вокруг меня.

— Как ты его зажёг?

— Я уже приходил сюда сегодня и заранее зажёг его. Если бы ты увидела, что я взял с собой фонарь, это испортило бы сюрприз.

— Но, когда я зашла, было темно. А потом стало светло.

Я снова посмотрела на него. Он поднял фонарь вверх и осветил им неровные стены и низкий потолок.

— Я накрыл его, вот так.

Он приподнял тёмное одеяло, которое держал в другой руке.

Оглядевшись вокруг, я спросила:

— Что это вообще за место? Пещера *си'лы*?

— *Си'лы*?

В его голосе послышалась обида.

— Почему всё самое интересное приписывают злему духу? Почему бы не назвать это

пещерой чудес?

Он пошевелил пальцами, как будто колдовал.

Я дошла до конца пещеры — точнее до нагромождения камней — и вернулась обратно. Пещера оказалась длинной и узкой. Здесь было не на что смотреть, и мне стало интересно, зачем он привёл меня сюда.

— Это старая соляная шахта, — сказал, наконец, Кас, указав на груды камней. — Если бы она не обвалилась, её, наверное, всё ещё продолжали бы использовать.

— Я никогда не была в пещере. Или в соляной шахте.

Было в этой пещере что-то уютное. Она была уединенной, закрытой. Безопасной.

— Именно поэтому я решил, что тебе она понравится. Она находится ближе всего к городу.

Пещера напомнила мне про упавший купол, в котором мы укрылись с Саалимом.

— Но мы не можем долго здесь оставаться, — сказал Кас. — Когда вода прибывает, пещера наполняется. Вода может доходить до колена.

Его улыбка так контрастировала с тем чувством страха, которое я испытала. Меня не успокаивало то, что здесь было мелко. Если сюда заходили течения, я не хотела оказаться рядом с ними. Он уверил меня, что прилива не будет ещё некоторое время, и сел у стены.

— Чего бы ты пожелала? — спросил он.

— Пожелала?

— Если бы джинн существовал.

— Опять это разговор?

Я постелила одеяло рядом с фонарём и села. Теперь, когда я оказалась в тени пещеры, я начала замерзать.

Его улыбка была мягкой, как песок. Помолчав немного, он снова спросил:

— Каким было бы твоё желание?

Прижав колени к груди, я начала растирать ноги, чтобы согреть их.

— Я бы ничего не пожелала.

Он прищурился.

— Это неправда.

Тёплый ветерок проник в пещеру, и я закрыла глаза, когда он обдал моё лицо.

— Это так.

И это была правда. Магии больше не было места в моей жизни.

— Даже если бы я что-то пожелала, желание всё равно исполнилось бы не так, как мне бы этого хотелось.

Не говоря уже про последствия.

— Да будет так. Скажи мне, чего ты хочешь. Готов поспорить, что я могу дать тебе это, не прибегая к магии.

Это было очень на него похоже — пообещать что-то большое. Буквально вчера он поклялся Мазирой, что может собрать армию и украсть корабль, на котором он провезет меня по всему морю.

Но сейчас мне не хотелось никуда плыть, как бы ни привлекали меня гитары и северный виноград. Кас не мог дать мне то, чего я хотела. Жизнь в Мадинате Алмулихи была неплохой, если не обращать внимания на взгляды и вопросы о доме. Единственное, чего мне осталось желать — это Саалим, да и то я уже не была уверена в том, что всё ещё его хотела. Он не только был помолвлен, но и не был тем Саалимом, которого я знала. Мечтала ли я

пройти с ним рука об руку по берегу? Я уже не была в этом уверена.

— Ты всё ещё размышляешь над ответом? — спросил Кас. — Или забыла то, о чём я спросил?

Он наклонил ко мне голову, его шрам находился теперь в тени.

— Любовь, — сказала я, не заботясь о том, что это могло прозвучать глупо. — Найди мне её.

Он посмотрел на свои руки.

— Ты хочешь той любви, которая когда-то была у тебя.

Он говорил так уверенно.

Я вздохнула.

— Можешь не рассказывать мне об этом.

Он закрыл глаза и прислонился головой к камню.

— Вообще-то это неважно. Хотя... я иногда задаюсь вопросом, не дурак ли я, что всё ещё пытаюсь добиться тебя?

— Кас, — прошептала я.

— Прости, наверное, это слишком. Я просто подумал, что... но затем я решил, что если я это сделаю, и, возможно, ты чувствуешь то же самое...

То же самое? Что он чувствовал? В последние две луны мы так часто с ним виделись, особенно после забега верблюдов. Казалось, что он понимает меня, в отличие от Фироза, Тави и Альтасы. Он знал, что у меня в голове и на сердце.

— Откуда ты? — спросила я его.

Может быть, он был из пустыни, как и я? Это бы многое объяснило.

— Что это за вопрос...

Я приблизилась к его лицу, и его вопрос смыло вместе с волнами. Он не выглядел как солеискатель, но его родители могли быть номадами. Он никогда не говорил о доме. Пламя отражалось в его глазах, а руки нервно двигались. Сейчас он выглядел ранимым и не был похож на Каса, которого он показывал всем остальным — хвастливого и гордого. Эта ранимость слегка смягчила меня.

А чего добивалась я? Кас был добрым. Он был, определенно, красив — хотя и не богат. Я вспомнила о Пинар, своей сестре, которая всегда предпочитала богатых красивым. Я улыбнулась при этом воспоминании.

— Ты смеёшься надо мной? — спросил Кас, и лёгкая, хотя и удивленная улыбка, приподняла его губы.

— Нет! — сказала я, захихикав ещё сильнее и замахав руками. — Я смеюсь над всем этим.

Вероятно, напряжение постепенно ушло, и Кас тоже начал смеяться. А затем мы с ним засмеялись ещё сильнее, заполнив пещеру своей радостью.

С любовью жизнь становилась ярче. Вероятно, я могла найти любовь с Касом.

— Кас, — сказала я, перестав смеяться.

Что я собиралась ему сказать? Я не хотела потерять своего единственного друга.

— Я не говорю тебе "нет".

Я осторожно положила свою руку на его.

— Мне этого достаточно.

Он обхватил мою ладонь пальцами. Его рука была холодной.

Мы встали и, держась, за руки, точно дети, продолжили смотреть только друг на друга.

А затем он сказал:

— Эмель.

Он приблизил ко мне свое лицо, и я знала, что он собирается сделать. Почему меня заботило то, что мужчина мог меня поцеловать? Я делала это всю свою жизнь.

Обратив к нему лицо, я подождала. Он быстро коснулся губами моих губ. И никакая магия не заставила мои пальцы потеплеть, а запах Мадината Алмулихи не окутал меня с головы до ног. Это был всего лишь Кас.

И я решила, что это было нормально.

Когда я не вздрогнула и не отпрянула от него — как он, наверное, ожидал — его серые глаза встретились с моими. Они ярко сияли. Это не были глаза Саалима.

Я закрыла глаза.

Не думай о нём.

Тепло тела Каса было теперь совсем рядом, и я почувствовала, как его губы снова прижались к моим. На этот раз я позволила себе это почувствовать, почувствовала его. Это был не Саалим, но — боги — я не могла всё время их сравнивать.

Он был тёплым, он был нежным. Его губы двигались поверх моих, и я начала делать то же самое, задабривая его и приглашая остаться. Видишь, Кас? Всё не так уж плохо. Возможно, мы можем сделать друг друга счастливыми.

Его пальцы оказались на моих плечах и начали медленно двигаться вокруг шеи, вдоль косточек, которые покоились в её основании, и, наконец, вниз по моей груди.

Он остановился. Вероятно, этот жест показался ему слишком интимным. Почему он остановился? Кас отступил от меня на шаг, и когда я осмелилась взглянуть на него, то увидела, что он с любопытством меня разглядывал.

— Что такое? — спросила я, неожиданно почувствовав себя ужасно неловко в этой пещере.

— Прилив начался.

Он указал на свои ноги и, конечно же, я увидела воду, которая начала затекать в пещеру. Не говоря ни слова, я последовала за ним наружу. Мои глаза заболели, когда мы вышли на яркий дневной свет.

Мы мало разговаривали на обратном пути. В основном говорил Кас. Он показывал на различные здания рядом с берегом и рассказывал о семьях, которые там жили.

Может быть, я сделала что-то не так? Неужели я была настолько непривлекательна? Все эти годы, что меня отвергали женихи, пронеслись у меня перед глазами, словно подтверждая это. Неужели, я была недостойной? Но ведь это было неправдой. Отказы происходили из-за магии Саалима.

Наконец, мы дошли до каменных ступеней, которые вели в центр города. Рядом с большими торговыми кораблями я увидела туннель, в который заехала маленькая лодка с двумя людьми на борту, и сетью, в которой извивалась серебристая рыба. Рыбаки. Я подумала о Тави. Я не видела её с тех пор, когда в последний раз навещала её.

— Где ты живешь? — спросила я, неожиданно осознав, что я не имела об этом ни малейшего представления.

— А что? В следующий раз ты будешь искать меня в моей постели?

Уголок его губ дернулся.

— А если и так?

Он не ответил, и между нами повисла неловкая тишина.

Я попросилась с Касом рядом с дворцом. Переминаясь с ноги на ногу, он сказал:

— Увидимся на Фальса Моке?

Альтаса считала дни до фестиваля, и я знала, что он должен был состояться нескоро.

— Но до него ещё целая луна, — сказала я. — Разве мы не увидимся раньше?

Он немного пришёл в себя, и вся его неловкость прошла, когда он ухмыльнулся.

— А ты этого хочешь?

— Кончено.

Он скрестил руки и приподнял одну бровь.

— Хорошо.

Я была рада, что он снова стал тем Касом, которого я знала. Я попросилась с ним, и, не зная, как повести себя после нашего разговора в пещере, я обняла его.

Когда я пошла прочь, я не могла понять, почему он с такой неохотой обнял меня в ответ.

***

Саира сказала мне, что Тави не было дома, когда я пришла к ним домой.

— Опять гуляет с Якубом.

Её голос был строгим, но губы изогнулись в улыбке. Она не знала, куда они пошли, поэтому я ушла ни с чем.

Мимо проплыла лодка, в которой сидела женщина и двое детей. Их гневные лица повернулись в мою сторону. Я представила, как еду по каналу вместе с Касом. Он смеётся и держит меня за руку, а я в ужасе хватаюсь за борт лодки, когда она начинает покачиваться.

Может быть, Кас был ответом на все мои вопросы? Может быть, Мазира пометила меня, не потому что хотела, чтобы я стала свободной и осталась с Саалимом, как я думала раньше? Может быть, она просто хотела, чтобы я наслаждалась своей и его свободой? Может быть, именно по её воле наши с Касом пути пересеклись? Меня вдохновила эта мысль. Да, вероятно, так оно и было.

— Эмель?

Я повернулась в сторону голоса и улыбнулась. По каналу в лодке плыла моя сестра.

— Тави!

Якуб направил узкую лодку в мою сторону, кивнул и застенчиво улыбнулся.

— Я привяжу лодку. А вы идите домой.

Тави быстро поцеловала его в щёку и с удивительной лёгкостью выпрыгнула из лодки.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, когда мы обнялись.

— Пришла повидать тебя. Мы давно уже не виделись. Прости.

— И ты ещё извиняешься? Мы обе давно не навещали друг друга, — сказала она. — Идём. Давай прогуляемся.

Тави повела меня вдоль канала.

— Куда он ведёт?

Я указала на канал.

— К другим домам и магазинам. Семья Якуба живёт дальше по каналу.

В той стороне канал расширился и разделялся надвое.

— Я не знала, что по всему городу можно передвигаться на лодке, — сказала я.

Тави покачала головой.

— Не совсем. Этот город огромен, а каналы ведут только в некоторые его части.

Там, где канал раздваивался, были построены ступени, ведущие к воде. Тави увидела, что я разглядываю их, и повела меня вниз, чтобы мы могли сесть, свесив ноги над водой.

Помолчав, она сказала:

— Я слышала, что дворец теперь совсем закрыт.

Когда я рассказала ей о даркафах, она задумалась.

— Это безопасно? Я уверена, что Саира разрешит тебе остаться с нами, если это необходимо.

— Я думаю, что сейчас это самое безопасное место.

Когда я сидела так близко к воде, эти слова показались мне особенно правдивыми.

— Ты можешь поверить в то, что люди плавают в канале, когда солнце слишком печёт?

Я ахнула.

— Зачем? Вода такая мутная, что дна даже не видно.

— Якуб сказал, что люди делают это ради удовольствия.

Она пожала плечами.

— Он сказал, что научит меня.

— Ты этого не сделаешь! Если ты не можешь коснуться дна ногами, то тебе там не место.

Она покачала головой, и золотые кольца в её ушах коснулись шеи.

— Я дитя Эйкаба! Вахир утопит меня, как бы часто я ему не молилась.

— Хорошо, — сказала я. — А теперь расскажи мне про Якуба.

— Он помогает Йозефу в море. Его родители очень старые, и ему надо заботиться о братьях. Его у них шесть. Представляешь?

— Представляю. Мы жили с двумя дюжинами сестёр.

— Но мы хотя бы не скупились на ароматические масла.

— А кем тебе приходится Якуб?

Я знала, что она избегала этого вопроса. Я посмотрела на неё, и она улыбнулась, опустив взгляд на воду. Её лицо было повернуто сейчас так, что я увидела в нём Сабру. В груди у меня опять заныло, когда я вспомнила о нашей старшей сестре и о том, как её убило моё желание. Как горевала Тави, а затем приняла решение, что её жизнь будет другой. Думаю, что даже Сабра была бы рада видеть её теперь — счастливой и удовлетворенной.

— Он такой терпеливый. Ты так свободно гуляешь по городу, словно ты всегда тут жила, а я ещё очень напугана.

Я рассмеялась. Неужели я так искусно прятала это умение?

Она продолжила:

— Он очень внимательный, показывает мне разные вещи, говорит мне, что делать, а чего избегать... например, забег верблюдов. Ты слышала о нём? Я думала, что будет весело. Но я рада, что не пошла.

— Я жалею, что сходила туда.

Жалость ко мне опустила уголки её губ. Она положила руку мне на колено. На её пальцах появились несколько новых колец, все они были разной формы. Я придвинулась поближе так, что теперь мы касались друг друга. Житель Мадината Алмулихи, который не разделял предубеждений своих соседей, казался мне неплохим человеком.

— Так значит, ты его любишь?

Тави сжала мои пальцы своими, а затем разделила мои руки, когда я начала теревить ногти.

— Что-то типа того, да.

Прижавшись головой к её голове, я сказала:

— Может быть, ты можешь как-нибудь сводить меня в храм? Я слышала, он красивый.

— Я бы очень этого хотела.

Мы некоторое время сидели на ступеньках. Сёстры песков, которые смотрели на море, укрощённое человеком. Когда мы только приехали в этот город, мы были бездомными, точно нити, которые выдернули из гобелена. Но Тави, по крайней мере, нашла людей, которые вплели её нить на место.

И мне пора было сделать то же самое.

***

Я лежала рядом с Касом на берегу и смотрела, как волны доходили до края одеяла, а потом убегали по песку обратно в море.

— Я всё жду, когда Альтаса поговорит со мной о том, что меня часто нет дома, но ей, кажется, всё равно.

Я протянула руку и коснулась морской пены.

— Как ты и сказала, ей уже лучше.

— Наверное.

Я взглянула на него. Он лежал на груди, положив подбородок на руки, как и я. Он смотрел на горизонт, его глаза были такими мягкими и спокойными, словно он уснул.

Солнце уже садилось, и я знала, что мне скоро надо будет возвращаться, если я хотела, чтобы мне достался ужин. Чем больше солдат было во дворце, тем меньше еды оставалось на кухне.

— А что насчёт тебя? — спросила я, подтолкнув его локтем.

Мы лежали так близко, что почти касались друг друга.

— Что насчёт меня?

— По тебе кто-нибудь скучает?

Кас никогда не рассказывал о своей семье или работе.

— Кто скучает? — спросил он.

— Твоя семья?

— Я живу один. Мне не нужна семья.

— Тогда друзья? А где вообще твоя семья?

— Эмель, — сказал он и перевернулся ко мне лицом.

— Что ты делаешь, когда не встречаешься со мной?

— Ты хочешь об этом поговорить? — теперь его голос прозвучал раздраженно. — Что впечатлило бы тебя сильнее? Если бы я сказал, что собираю армию, чтобы достать для тебя корабль? Или что я ловлю рыбу в море? А если бы я сказал, что когда-то сидел на троне? А может быть в тюрьме, из которой сбежал?

— Я всего лишь хочу знать о тебе больше, — сказала я, перевернувшись к нему, зная, что это его немного смягчит.

— Разве?

Он поцеловал меня в изгиб шеи, и я свернулась в клубок в притворной скромности. Но как бы я ни старалась, всё это казалось мне неправильным. Это был единственный раз, когда я благодарила своего отца за то, что он научил меня быть ахирой. Я не думала, что Кас

замечал мою неискренность. И я считала, что со временем смогу его полюбить.

Наконец, я выпрямилась и покатила в его сторону. Ожидая, что я приземлюсь на его грудь, я вскрикнула, когда никого не обнаружила рядом с собой. Я перевернулась на спину, после чего встала и осмотрелась.

Кас пропал.

Я оглядела пляж. Здесь были влюблённые, семьи, ходили одинокие прохожие, но я не увидела Каса. Небольшая толпа людей поднималась по лестнице в город. Был ли он среди них?

Лестница находилась неподалеку. Мог ли он так быстро по ней взобраться? Я прошлась взглядом вверх по ступенькам, по белым цветам, лепестки которых начали раскрываться, так как солнце уже садилось. Над ступеньками возвышался дворец. Я оглядела стены и подняла взгляд на ближайшую башню. И там, на балконе я увидела силуэт человека, облокотившегося о перила.

Саалим.

Я уставилась на него. Мог ли он видеть меня? Но затем к нему подошла фигура с чёрными волосами. Женщина. Дайма? Она положила руку ему на плечо, и они оба ушли внутрь.

Я снова посмотрела на пляж, на свои кожаные туфли, которые были всё ещё новыми и жёсткими, на манжеты своих шаровар, расшитые большим количеством нитей. Я отчаянно набрала в руку песка и бросила его в море.

Глава 14

Эмель

За несколько дней до Фальса Мока, мы с Тави встретились рано утром в храме.

— Здесь никогда не было так тихо, — сказала я, зевнув, и посмотрев на пустынные улицы.

Солнце едва встало.

— Город долго спит, — сказала Тави. — Йозеф обычно уезжает ещё затемно, поэтому я привыкла к спящему городу. Таким он мне нравится больше всего.

Тави указала на храм.

— Зайдём?

В храме было так много окон, что он практически просматривался насквозь. Когда мы вошли, у меня не возникло ощущения, что мы оказались в здании. Вода громко плескалась, а ветер, который гулял внутри, был холодным. Рассветные лучи окрашивали помещение в бледно-фиолетовые тона.

— Вода — это дар Вахира, — прошептала Тави, обратив внимание на нескольких людей, стоявших на коленях в мелком бассейне. — Поэтому мы чтим его и благодарим за этот дар.

— Именно благодаря Эйкабу она у нас есть.

Я подставила пальцы под падающую струю воды.

Тави улыбнулась.

— Ты знаешь об этом?

— Я читаю "Литаб".

Моя сестра прошептала о том, как она мне завидует. И я пообещала как-нибудь её научить. А затем она понизила голос и указала на людей в дальнем конце храма, которые уставились на нас, раздражённые нашей болтовней.

Прервав разговор, мы продолжили ходить вокруг.

— Вам здесь не рады, — сказал мужчина с другого конца бассейна.

Он стоял на коленях, и, когда он встал, по поверхности воды побежала рябь. Его гнев был похож как хлыст, щелчок которого разнёсся по всему помещению.

Тави остановилась, и я тоже застыла. Никто из нас не знал, что делать.

— Идите, обжигайте свою кожу на песке, — огрызнулся он, когда мы не сдвинулись с места.

— Мы уйдём, — сказала Тави, выбросив руки в воздух.

Я не хотела уходить. Я хотела остаться. Этот мужчина не был правителем Мадината Алмулихи; он не мог указывать мне, где я могу находиться.

Но он был прав. Мне здесь было не место. Стоять на своём было сложно, когда ты находился не у себя дома.

Я развернулась и последовала за Тави, как вдруг услышала уверенные шаги, не вписывающиеся в эту спокойную атмосферу. Я резко повернулась.

— Кас? — ахнула я.

— Ты не можешь разговаривать с ними подобным образом в доме Вахира, — сказал он, входя внутрь.

Мужчина не обратил внимания на Каса.

— Солеискателям не место в этом храме.

— Любой, будь то солеискатель или торговец специями, может молиться здесь, — Кас осмотрел мужчину с ног до головы.

— И во что только превратился этот город!

Не взглянув ни на Тави, ни на меня он пошёл прочь. Несколько других людей на мгновение обратили на нас внимание, после чего вернулись к своим молитвам. Они, должно быть, уже считали вдохи до того момента, когда можно будет уйти.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я Каса, быстро подойдя к нему.

Когда я увидела его здесь, с вздымающейся от гнева грудью, я снова почувствовала себя молодой ахирой. Когда мне было важно, чтобы мухами выбирали меня. Я подняла руку к волосам и пригладила их, заведя пряди за ухо, после чего расправила складки туники. Я не видела его с тех пор, как он сбежал от меня. Я думала, что больше его не увижу. Почти каждый день Альтаса спрашивала меня, почему я не гуляю с тем мальчиком. Мне становилось всё сложнее и сложнее ей врать.

— Где ты был?

— Прости меня за то, что случилось, — мягко сказал он и протянул мне руку.

Я осторожно взяла его за руку. Он извинялся за этого мужчину или за своё исчезновение?

Кас завёл нас обратно в храм.

Я указала на свою сестру.

— Это Тави.

Широко раскрытые глаза Тави смотрели то на меня, то на Каса, то на наши

переплетённые руки. Я тут же отпустила его руку.

— Где ты был? — надавила я. — Что ты здесь делаешь? Как ты нас нашёл?

— Я прихожу сюда почти каждое утро.

Его слова прозвучали как признание.

Тави наклонила голову.

— Разве? Я тоже. Но я не видела тебя раньше.

Кас опустил взгляд и сказал:

— А я видел тебя много раз.

Тави отвернулась, наморщив лоб и подняв палец к губам. А затем:

— Я должно быть забыла. Кас.

Она сжала руки вместе и посмотрела на желтеющее небо.

— Рада познакомиться. Мне уже пора. Эмель, скоро увидимся? Я бы очень хотела, чтобы ты принесла мне тот сладкий хлеб, о котором ты мне рассказывала.

Она приподняла брови, сообщая мне о том, что она очень хотела услышать про Каса. По тому, как приподнялись её губы, я поняла, что он ей понравился.

— Который печёт Мажа? — спросил Кас, неожиданно воодушевившись.

— Ах да, — ответила Тави, а затем вежливо выслушала рассказ Каса о том, как дойти до неё, сколько стоит хлеб и какой вкус лучший — по-видимому, лимонный.

Вскоре Тави ушла.

— Я скучала по тебе, — сказала я ему, когда он повёл меня по улице, и это было правдой.

Город уже просыпался, телеги, запряжённые лошадьми, и фургоны начали заполнять улицы. Люди стали покидать свои дома и идти в сторону рынков.

— Извини, — тихо сказал Кас.

Он махнул рукой мужчине, который толкал тележку в сторону базара.

— Все эти разговоры о сладком хлебе, — сказал он и потащил меня за собой.

Кас передал мужчине деньги, а тот передал Касу мешочек, который он затем отдал мне.

— Лучшие в городе.

Внутри были финики, покрытые сахаром.

Широкая улыбка растянулась на моём лице, и я быстро закинула один из них в рот.

— Мне они нравятся, — сказала я.

Но почему-то эти слова вызвали у меня в груди непрошеную тоску. В последний раз я ела засахаренные финики, когда сидела с Саалимом в шатре, который он наколдовал, и слушала звуки базара, окружавшие нас.

Мои шаги замедлились.

— Что такое? — спросил Кас, обхватив мою руку.

Его рука была такой тёплой, такой осторожной.

— Куда ты тогда ушёл? Ты бросил меня.

Я быстро проглотила финик. Лошадь цвета соляного слитка поравнялась с нами.

Он вздохнул и закрыл лицо руками.

— У меня появились... дела... которые мне надо было уладить, и о которых я забыл. Это не оправдание. Я не должен был тебя так покидать.

— А затем я ничего о тебе не слышала. Ты даже не прислал мне сообщение.

— Честно говоря...

— Будь добр, объясни.

— Я хотел связаться с тобой, но затем я... Ты же знаешь, что я к тебе чувствую, Эмель. И я не знаю, что чувствуешь ты по отношению ко мне, — сказал он тихо.

— Ты для меня очень важен, — начала я.

Я закусила губу. А что я на самом деле к нему чувствовала?

— Но ты не чувствуешь ко мне того же, что ты чувствовала к нему.

К нему. Вероятно, моя игра была не настолько безупречна.

— Это неправда.

Я провела большим пальцем по костяшкам своих пальцев.

— Ты мне очень дорог.

— Фальса Мок через три дня. Уверен, что ты это знаешь, — сказал Кас.

Отпустив его руку, я достала ещё один финик из мешочка и начала медленно жевать, очищая фрукт от косточки и ожидая продолжения.

— В байтахире есть одно место, откуда хорошо будет видно парад. Оно находится справа от питейного заведения на углу. Ты помнишь, где это?

Именно там мы впервые с ним выпивали. Когда я его ещё даже не знала.

— Там есть крыша, — сказал он.

С той крыши Кахина наблюдала за прибытием каравана.

— Это лучшее место, откуда можно посмотреть парад... ну, помимо ступеней дворца, а ещё это место идеально для того, чтобы наблюдать огненные рисунки ночью.

— Огненные рисунки?

Я повернулась к нему в недоумении.

Широкая улыбка растянулась на его лице, и он потер руки.

— Именно! Ты не поймёшь, пока не увидишь. Я не хочу испортить тебе сюрприз.

— Не надо! Саалим тоже не хотел мне рассказывать, — ответила я прежде, чем успела себя остановить.

— Саалим? Король?

Глаза Каса потемнели, точно грозовые облака.

— Он случайно упомянул об этом, — быстро сказала я. — Когда я приносила лекарство.

— Но ты называешь его по имени, это не очень-то формально. Вы часто с ним разговариваете?

Он как будто хотел спросить: "как часто?"

— Нет, почти никогда.

Я съела уже практически весь мешочек фиников. Я предложила финики Касу, но он покачал головой. Он не съел ни одного.

Какое-то время мы молчали. Я заметила, что на улицах стало многолюднее. Люди оставляли свои дома, прощаясь с родственниками.

— Так ты присоединишься ко мне? Мне бы этого хотелось.

Я планировала присоединиться к Саалиму, но не могла сейчас об этом рассказать. Но только зачем мне было встречаться с Саалимом и его королевскими друзьями? Забег верблюдов всё ещё заставлял меня содрогаться, а приглашение Саалима было сделано в качестве извинения. Но могла ли я ему отказать? Мысль о том, чтобы оставить короля в прошлом, давалась мне всё легче с каждым днём. Несмотря на то, что нити из той жизни всё ещё продолжали тянуть меня назад.

Мне надо было перерезать их раз и навсегда.

— Где мне тебя встретить? — спросила я, наклонившись к нему и запрокинув голову.

Он улыбнулся, поцеловал меня и причмокнул губами, когда почувствовал сахар на моих губах.

***

Наладив отношения с Тави, я решила сделать то же с Фирозом и Рашидом. У меня всё ещё оставалось немного свободного времени перед пробуждением Альгасы, поэтому я отправилась к ним, чтобы пригласить их присоединиться ко мне и к Касу на фестивале. Улыбаясь, я представляла, как мы все вместе разделим еду и напитки.

Байтахира была почти безлюдна, и только перед джалъса тадхатом лежал, согнувшись, какой-то человек. Глаза его были закрыты, словно он спал.

— Фироз?!

Я побежала к нему. Я начала расталкивать его и произносить его имя снова и снова.

— Ммммемме.

Его лицо было опухшим, глаза заплывшими. Его губы высохли, а волосы прилипли ко лбу, словно он провёл тут всю ночь.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я его.

Мужчина, подметавший улицу перед логовом буры, бросил на нас быстрый взгляд, после чего снова уставился на землю так, словно полумёртвый человек посреди улицы мало его интересовал.

— Просыпайся, — зашипела я, хлопая его по щеке.

Его глаза слегка приоткрылись — они были мутными — а потом закрылись снова.

Я подошла к джалъса тадхату, но дверь была заперта. Может быть, они выгнали его из дома? Где был Рашид?

— Господин! — крикнула я подметающему мужчине. — У вас не будет воды или чая?

Он посмотрел на меня, ненадолго остановился, после чего снова уставился на землю.

— Я не собираюсь на него тратить.

— Я заплачу.

Достав кошелёк, я показала ему фид.

Мужчина отложил метлу и ушёл в дом. Он быстро вернулся с тёплым чаем в облупившейся глиняной чашке. Я отдала ему серебряную монету.

Я окунула палец в чашку, чтобы проверить температуру, после чего вылила чай на лицо Фироза.

Он раскрыл глаза и начала отплёвываться, после чего вытер лицо рукавом. Наконец, он увидел меня.

— Что... что ты здесь делаешь? — спросил он, когда я помогла ему сесть.

Он медленно огляделся, посмотрел на небо и на положение солнца.

— А что я здесь делаю?

— Я думала, что ты сможешь ответить мне на этот вопрос.

Он уронил голову на руки и уставился на землю между своими ногами.

— Ты хоть что-нибудь помнишь?

Он моргнул.

— Я не знаю.

Вздохнув, я немного подождала.

— Вчера вечером был арвах...

Я подавила желание уйти прочь.

— Мы вызвали... духа... как мне кажется, — сказал он.

Он начал тяжело дышать, словно только что поучаствовал в забеге.

— Да, мы его вызвали, — теперь его голос звучал чуть более резко. — Один из даркафов... кажется... сказал что-то насчёт джинна... он сказал, что хотел узнать о местоположении богини, хотел получить доказательства того, что она была здесь, и что джинн существовал. И что он поможет свергнуть перворожденного сына.

Фироз убрал волосы со лба.

— Это мужчина не был уверен в её силе. Он усомнился в этом во всеуслышание...

Он прижал ладони к глазам.

— Всё как в тумане. Я не могу вспомнить то, что произошло потом.

— Где Рашид? — спросила я, посмотрев на запертую дверь.

Неужели он спал внутри, в комфорте, когда Фироз был на улице?

— Я не помню. Всё произошло так неожиданно. Словно какая-то рука, какая-то сила... я не знаю. Она... она придавила нас, или захватила. Она была такой разгневанной. Я... не понимаю. Пришёл какой-то человек? И вот...

Он вытянул руки и недоуменно осмотрелся.

— Ты оказался здесь, — сказала я, начиная сердиться.

Он медленно кивнул.

— Боги, Фироз! Что с тобой случилось? Ты даже не представляешь! Неужели твоя жизнь совсем тебе не дорога?

Я встала, сжала кулаки и обошла его.

— Я говорила тебе, чтобы ты перестал играть с магией. Ты мог умереть! Рашид может быть мёртв! — прокричала я.

Каждое моё слово было точно удар хлыста.

— Его там не было, — закричал он побежденным тоном.

Он был жалок и опечален.

— То есть, я не думаю, что он там был. Он был наверху, я уверен.

— А что насчёт Одхама и остальных?

Фироз только покачал головой.

— Твой друг был там. Кажется.

— Мой друг?

Сначала я не поняла, кого он имел в виду. Но затем.

— Кас?

Он кивнул.

— Его не могло там быть. Он презирает арвахи даже больше, чем я.

Он кивнул.

— Он ругался с Одхамом. Я помню, что слышал их в коридоре.

— С ним всё в порядке, — воскликнула я. — Я видела его сегодня утром.

Почему он не рассказал мне о том, что произошло? Что мой друг лежал на улице? Но затем. Может быть, он не знал об этом? Магия Мазиры могла сделать так, что он не догадывался об этих переменах.

Фироз уставился на свои сжимающиеся и разжимающиеся руки. А затем что-то привлекло его внимание. Его глаза облегченно просияли. Я проследила за его взглядом и увидела Рашида, идущего по направлению к нам. Он шёл неуверенно, словно верблюд

отдавил ему ноги.

Фироз попытался встать. Я неохотно помогла ему подняться.

— Давай узнаем, что он может рассказать о прошлой ночи.

— Ты в порядке? — выдохнул Фироз, встретившись с Рашидом.

— Да. А ты? Что произошло?

Я заговорила до того, как Фироз успел сбивчиво пересказать ему свою версию. Моё терпение рассеялось как дым.

— Нет, сначала ты ответь. Откуда ты идёшь?

Глаза Рашида выглядели так же отрешённо, как у Фироза. Он провёл руками по волосам и зажмурился, пытаясь припомнить.

Я не могла этого больше выносить.

— Вот, — сказала я, указывая на них, — что случается, когда вы играете с вещами, о которых не имеете никакого представления. Вот, что случается, когда вы играете с магией. Так делают только дураки. Надеюсь, это вас чему-то научит.

Они оба заморгали и посмотрели на меня.

— Вижу, что нет.

Я пошла прочь, не оглядываясь и поклявшись себе, что никогда их больше не увижу. Я не собиралась общаться с теми, кто растрачивал свои жизни. Я не собиралась больше рисковать и попадаться под руку Мазире. И было бы лучше, если бы её магия, её промысел — как бы это ни называлось — совсем исчезло из пустыни.

Когда я вернулась во дворец, из трубы Альтасы уже поднимался дым. Значит, она проснулась. Я слышала, как она возится с чем-то в дальней части дома. Я пошла на звуки и удивилась, что они доносились из моей комнаты.

Моя дверь была раскрыта, и Альтаса стояла ко мне спиной, когда я вошла.

— Он сказал, что... не может поверить, — пробормотала она.

— Наконец-то проснулись? — спросила я.

Она подпрыгнула, раздался громкий звон. Знакомый стук стекла о металл.

— О!

Альтаса захлопнула ящик моего прикроватного столика.

Я окаменела.

— Что вы делаете?

— Ищу ночной горшок. Я думала, что оставила один здесь.

— Это мои вещи.

— Какие необычные вещи. Будь осторожна, — сказала Альтаса, и в её голосе прозвучали новые резкие ноты. — Король может решить, что ты их украла.

Её глаза опустились с моего лица на грудь, словно она искала другие украденные мной сокровища.

Она прошла мимо меня и вышла в коридор, бормоча о том, что она никогда не могла найти ночной горшок, когда он был нужен.

— О, и Эмель? — крикнула она из кухни. — Думаю, тебе пора усвоить новый урок.

Глава 15

Саалим

Я хотел предложить Мариам сто соляных слитков, чтобы она больше не упоминала про Фальса Мок и свадьбу. Сейчас для них было самое неподходящее время.

Каждый день я искал следы Эдалы, отправляя письма монархам и вождям, разных племён, спрашивая их о том, не видели ли они её. Я разговаривал с торговцами и отправлял Нассара в разные части города опрашивать людей. Завтра нам придётся потратить целый день на парад фургонов, притворившись, что всё в порядке.

А послезавтра должна состояться свадьба. Я уронил голову на руки, не желая думать о последующих днях, когда мне пришлось бы превратиться в любящего мужа, тогда как у меня оставалось ещё столько дел.

Елена была наследницей короны, она должна была объединить наши королевства и принести мир. Мой отец женился на моей матери по расчёту, но он всегда говорил о том, как сильно он её любит. Моя мать была сердцем дворца, всего Алмулихи. Может быть, он любил её потому, что она так много для него сделала и многое ему простила? Или ему просто повезло, и она действительно была его второй половиной? Вероятно, и то, и другое. Но, несмотря на то, что я ценил Елену за её происхождение, я не мог представить, что буду любить её так же, как мой отец любил мать. Но это был мой долг. Короли женились ради власти, не ради любви.

Елена и её семья приехали пять дней назад. Пир в честь новой королевы следовали один за другим. Мой двор радушно принимал её, осыпая вниманием и подарками. Я благодарил Вахира за свой народ, так как я едва ли мог уделять ей время. Каждый раз моё внимание за ужином разделялось между гостями и Нассаром, которые приносил мне всё новые вести. Каждый раз, когда у нас появлялась возможность побыть наедине, я просил её меня извинить и шёл узнавать новости.

Елена не была слепой. Она видела, что меня что-то беспокоит, но она хорошо играла свою роль. Я не мог рассказать ей, что мой город находится в опасности, или что я недавно узнал о том, что не всю мою семью убили, как я думал раньше.

Эдала была жива.

Прошли годы с тех пор, как я видел её в последний раз. В один из дней, давным-давно, она покинула нас и ушла жить в пустыню. Она, вероятно, не знала о том, кто напал на Алмулихи. Но она, должно быть, знала о Захаре и о том, где пряталась эта чёртова женщина. Моя мать никогда не любила знахарку. Эдалу же тянуло к ней, так как она отчаянно пыталась научиться магии. Я считал Эдалу дурочкой, так как она верила рассказам Захары, но теперь я уже начал думать, что это я был дураком.

Неожиданно у меня в голове зашевелились воспоминания. Что-то пыталось вырваться на передний план моего сознания. Что-то насчёт Захары и магии...

Послышались чьи-то приближающиеся шаги. Я положил ладонь на рукоять меча и принялся ждать.

Показалась голова Нассара, который поднимался по лестнице. Я отпустил меч.

— Саалим, — проговорил он запыхавшись.

Было сложно поверить в то, что этот мужчина пересёк с нами пустыню.

— Мы послали ещё солдат.

— Хорошо.

— Не думаю, что будет мудро посылать больше.

— Последнее слово за Азимом.

Он подошёл к моему рабочему столу и занял место на тяжёлом деревянном стуле,

напротив меня.

— Как я понимаю, никто не вернулся? — сказал я.

Мой советник покачал головой.

— Может быть, завтра, но я не стал бы этого ожидать.

— Нам надо её найти.

— Я знаю, но мы не должны забывать об опасности, исходящей от даркафов...

— Мы и не забыли! — я ударил кулаком по столешнице. — Их ищут, а когда находят — допрашивают!

— Это так.

Он упёрся руками в колени.

— Я уже говорил это...

— Ты считаешь, что они подобны песку, перемешанному с солью.

— Да.

Я уставился на плечи Нассара, на его небольшое тело и жилистую шею, и мне захотелось отправить его обратно к Алфаару и потребовать, чтобы Усман вернулся. Он так часто говорил мне о том, что даркафы не представляли реальной угрозы. Они были никем, и лишь только притворялись чем-то. Они были всего лишь маской, прикрывающей настоящую угрозу, солью, испорченной песком.

"У них нет воли", — говорил он. "Им нужна их богиня, а не трон".

— Они поклоняются Эйкабу, — напомнил я ему. — Они планируют свергнуть Вахира.

— Ты забываешь о важной детали. Они расстилают ковёр для Мазиры, чтобы пробудить Эйкаба. Я имел дело с такими людьми, за которых ты принимаешь даркафов. Даркафы приходят и наводят смуту, предупреждая о своих нападениях.

Он уставился в пустоту, словно припоминая что-то.

— А эти люди не ждут на виду, как даркафы. Они коварны.

— Что значит, ты имел дело с такими людьми? Я не помню, чтобы что-то подобное происходило с моим отцом.

Он посмотрел на меня, остекленевшими и отрешёнными глазами. Он устал, и я решил, что он также был напуган.

***

Проходя мимо дома Альтасы, я уставился на занавешенные окна, дверь была распахнута. Изнутри раздавались голоса. Я остановился. Какой-то мужчина разговаривал с Альтасой.

Я продолжил идти, думая об Эмель. Завтра она присоединится ко мне, и это будет последний раз, когда я посмотрю на неё, будучи холостым.

Я подошёл к птичнику, и птицы начали чирикать и ворковать, взъерошивая перья. Эти ленивые создания надеялись, что я брошу им мяса, а не заставлю их охотиться за ним. Я скормил кусочки мяса всем, кроме Анисы.

Она хотела получить свой простой обед, а я хотел получить последнее, на что я могу положиться. Нассар потребовал, чтобы я покинул дворец.

"Я могу писать тебе письма, Саалим! Именно за этим твой отец держал меня при себе".

Он был прав. Я не мог просто сидеть и ждать, поэтому я отправился на охоту в сопровождении стражников.

Я стоял с золотой орлицей, её опутенки² были связаны между собой, чтобы заставить её

сидеть на перчатке и дать моему плечу устать от её веса. Чтобы я мог почувствовать что-то ещё, кроме волнения. Аниса пришла в возбуждение, ожидая того момента, когда моё плечо начнет гореть.

Наконец, я отвязал её и проследил за тем, как она полетела вверх. Я вспомнил, как перед битвой за трон она парила над шатром Алфаара с другой птицей в когтях, а затем полетела к богине. Кажется, это было так давно. Неудачная попытка найти людей, которые убили мою семью. Вместо этого я нашёл только сундуки с украденной солью. И Эмель.

Я никогда не мог понять, почему у Алфаара было такое количество соли. Было в этом что-то нереальное.

Я никогда раньше не верил в существование джинна. Но в тот день, когда наши запасы воды пополнились, многие солдаты клялись, что видели группу номадов, которая остановилась и наполнила наши бочки, чтобы мы смогли добраться до следующего оазиса. Я знал, что этого не происходило. Если только я не сошёл с ума. И вот теперь даркафы утверждали, что у них есть волшебный джинн, который каким-то образом свергнет меня с трона, а моя сестра, которую я считал мертвой, написала мне письмо, в котором говорила о том же самом.

Это не могло быть совпадением.

Аниса исчезла в ярких солнечных лучах. Передо мной развернулась пустыня, море находилось за моей спиной. Эдала была где-то там, и что-то подсказывало мне, что она сможет ответить на мои вопросы.

Аниса появилась сначала в виде точки в небе, вскоре превратившуюся в птицу, которая покачивалась, приближаясь ко мне. Наконец, она развела крылья в стороны, приземлилась на моё плечо и начала искать у меня в руке дохлую крысу.

Её клюв был пуст.

— Ленивое создание, — отчитал её я, когда она взяла у меня тушку и принялась есть.

— Кто-то приближается, — сказал Кофи, стоящий у меня за спиной. — Похоже, Хассас.

Блестящая гнедая кобыла галопом скакала в нашу сторону с Тамамом на спине, оставляя за собой клубы пыли, подобно песчаной бури.

— Узнай, что ему надо, — сказал я Амиру.

Аниса ещё не закончила свой обед, и ей бы не понравилось, если бы её прервали. Я проследил за тем, как Амир приблизился к Тамаму. Их лошади качали головами, пока мужчины разговаривали. Прежде чем животные успели успокоиться, Амир поехал назад.

— Они нашли ребенка даркафов!

Аниса могла закончить свой обед позже.

***

Ребенок выглядел так отвратительно, что едва походил на человека.

— Это вы его нашли? — спросил я двух женщин, которые стояли рядом с ребёнком.

Одна из них, одетая в коричневые одежды, покрытые красными пятнами, как у торговцев специями, вытерла щёки и сказала дрожащим голосом:

— Она была в клетке.

С ней была грузная женщина, которая выглядела так, словно растила детей всю свою жизнь, судя по тому, как нежно она провела рукой по лбу этого создания.

— На пристани. Клетка была накрыта плащом.

Её глаза наполнились слезами.

— Мы слышали стук... — женщина взглянула на металлическую коробку в руках ребенка, — по прутьям. Вокруг было так много людей. Никто не обращал на неё внимания.

Я понял, почему она была накрыта. Кожа ребёнка была бледной, как луна. Впрочем, как и глаза. Девочка повернула голову в нашу сторону, услышав голоса, и уставилась в пустоту. Она не могла видеть. Её рот раскрылся, словно она собиралась заговорить, но оттуда вырвались лишь нечленораздельные звуки. Я не увидел языка.

Я почувствовал сильную тошноту.

Женщина всё ещё говорила:

— ... надо сделать. Их надо наказать.

— А что это за коробка? — спросил я, кивнув на то, что крепко сжимал в руках ребенок.

Цепь на коробке соединялась с золотым браслетом на её запястье. Эта коробка была похожа на головоломки, которыми играли дети. Мой брат хранил в такой свои бесполезные детские сокровища.

Торговка специями сказала:

— Она не отдаёт её нам. А если бы и отдала...

— Коробка заперта, — вставила грузная женщина, сев на колени рядом с девочкой и зашептав ей на ухо, что она в безопасности, что всё хорошо и что никто не заберёт у неё коробку.

Девочка прильнула к женщине, которая казалась мягкой и тёплой. Такой была для нас Мариам, когда мы были детьми.

— Мы оставим ребенка здесь, — сказал я им. — О ней будут заботиться, пока мы не найдём для неё место.

Я не знал, примет ли её сиротский дом.

— Мой король, — сказала более крупная женщина. — Я оставлю ребенка у себя. Я...

— Это небезопасно. Есть люди, которые её ищут, и они сделают всё, чтобы её вернуть.

Она мрачно кивнула, а торговка специями с покрасневшими глазами наклонилась и прижала руку к плечу женщины.

Когда они ушли, я позвал Мариам, которая была точно так же ошеломлена, увидев состояние ребёнка, как и те женщины.

— У тебя доброе сердце, Мариам, — тихо сказал я, когда она попыталась уговорить девочку, которой мешали её большие чёрные одежды, встать с пола.

— Моей внучке было бы сейчас столько же лет.

Мариам не смотрела на меня.

Я не знал, что у неё вообще были дети, не говоря уже о внуках.

— Башня Надии и Эдалы подойдёт? — спросил я. — Девочке может понравиться, что из неё видно сад.

Но главное, что она располагалась напротив моей башни.

Мариам устало посмотрела на меня и постучала по виску.

Ребёнок был слеп. Она не смогла бы ничего увидеть, а тем более сад.

Я поспешно встал.

— Присмотри за ней. Ты можешь остаться там же.

Мариам тепло поговорила с девочкой, а затем широко мне улыбнулась. Я никогда не видел её такой счастливой.

— Надо оторвать от неё эту цепь. И если она отдаст тебе коробку, немедленно принеси

её нам, — сказал я.

Хотя у нас были гораздо более важные дела, чем изучение игрушки ребенка.

Когда они ушли, в тронном зале сделалось тихо. Стражники, стоявшие вдоль стен, молчали и не двигались.

Спинка трона моего отца — моего трона — была твердой, а сидение мягким.

"Чтобы спина никогда не сгибалась", — говаривал мой отец.

Трон слева от меня был пуст. Елена должна была занять его через два дня. Я вспомнил трон Алфаара — куски скрученного металла торчали во все стороны, что говорило о том, что на нём долго никто не сидел. Это было сидение того, кто никогда не обращался к своему народу. И в том шатре, который они называли дворцом, не было сидения для королевы. Его жёны были для него не важнее украденной соли, которая была свалена в кучи рядом.

Я покачал головой. Я попытался избавиться от мыслей о так называемом короле. Я не мог понять свой интерес к Алфаару. Я слишком часто о нём думал.

Когда я встал, стражники поклонились мне. Я часто мечтал стать королём. Теперь я мечтал о чем угодно, но только не об этом. Может быть, о жизни, где я мог быть моряком? Я мог бы жениться на ком-то вроде... Эмель... или на ком-то, кто не мог похвастать знатным происхождением.

— Пришлите сюда Нику, — сказал я стражникам.

Она ещё не закончила рассказывать мне о мероприятиях Фальса Мока.

— Я буду ждать ее в атриуме.

Она пришла очень быстро. Я только начал разделять на части гранат, который принёс слуга. Я считал наивысшей победой, если мне удавалось не испортить ни одного семени. Пробовала ли когда-нибудь Эмель гранат? Когда я увижу её на фестивале, я спрошу её об этом.

Ника подробно рассказала мне о том, где мне надо было находиться и когда. Рассказала о том, где меня ожидали увидеть люди, о том, где мне надо было сидеть и приветствовать их, и о расположении мест. Это была такая ерунда по сравнению с моими мыслями об Эдале и даркафах.

— Ты согласовала всё это с Азимом?

— Конечно. Вас будет сопровождать целый отряд стражников.

— Они не будут привлекать внимания?

Она кивнула.

— Половина из них будет одета в обычные одежды.

— Хорошо.

Королю нельзя было появляться в окружении большого количества стражи. Люди могли начать задаваться вопросом, почему я не чувствовал себя с ними в безопасности.

— Я пригласил ещё одного гостя.

Она сложила руки на груди.

— Кого мне ожидать?

— Эмель.

— Ученицу Альтасы?

— Да.

Она поджала губы, и её брови резко приподнялись.

— Что-нибудь ещё? — спросил я.

— Нет, господин.

— Хорошо. Завтра мы будем готовы к полудню. О, и Ника?

— Да?

— Пусть там будут гранаты.

— Гранаты?

— Разрезанные надвое.

Она поклонилась.

— Вообще-то, — сказал я. — Пусть там будут семечки в миске.

На случай, если Эмель решит надеть что-то светлое. Я вспомнил, что Надия ненавидела пятна.

Город в окне замер, море как будто тоже замёрзло. Словно какая-то магия протянула свои непокорные руки и утопила пальцы в море, чтобы успокоить его. Но ведь море без волн, без течений переставало быть морем.

Таким образом, магия могла уничтожить его.

Глава 16

Эмель

В ясном свете утра я села в кровати. Моё сердце колотилось в предвкушении.

Сегодня должен был состояться Фальса Мок. Я должна была встретиться с Касом и пойти посмотреть парад. Я собиралась сказать ему, что возможно мы с ним могли бы начать жить вместе. Я собиралась выбрать его, оставив дворец и Альтасу.

Оставив Саалима.

Я поспешила одеться, плеснула водой на лицо, натерла кожу жасминовым маслом, как вдруг услышала шум на кухне.

Альтаса стояла у столешницы и лихорадочно снимала с полок банки. Такой я её ещё никогда не видела.

— Срочный заказ? — спросила я.

Она пообещала мне, что сегодня мы не будем работать.

— Я хочу, чтобы ты кое-что приготовила.

Она осматривала полки с различными ингредиентами, кончик её языка касался верхней губы.

— Вот они.

Она достала ещё две банки, после чего похлопала по столешнице, приглашая меня подойти.

Я подошла к ней.

— Сейчас?

Она постучала по странице своей книги.

— Сделай всё по рецепту.

— Но Фальса Мок...

Я перевела взгляд на страницу. Рецепт назывался "Хараки".

— Сверчок? — уточнила я, не понимая. — Альтаса.

Я выглянула в окно на небо бледно-фиолетового цвета, которое быстро становилось голубым.

— Я планировала встретиться со своей сестрой.

— И ты пропустишь встречу, если продолжишь болтать. Мне надо, чтобы ты это сделала. Сейчас. Но прежде... мне надо узнать...

Она пробормотала что-то нечленораздельное и пододвинула ингредиенты на край стола в мою сторону.

Вздыхнув, я посмотрела на рецепт. Он был необычным. Мне предлагалось перемешать ингредиенты несколько раз в одном направлении, а затем в другом. Использовать специальную воду, которую дала мне Альтаса. А как только все ингредиенты будут перемешаны, согласно инструкции, я должна была вывалить всё содержимое на стол. Я в недоумении посмотрела на Альтасу. Так я бы забрызгала все вокруг, и мне пришлось бы потом убирать весь этот жуткий беспорядок.

Она воодушевленно закивала.

— Сделай, как тут написано.

Я послушала её.

Перевернув миску на стол, я постучала по дну несколько раз и подняла миску.

Когда я увидела то, что лежало на столе, я закричала и отлетела к столу, стоявшему позади меня.

На столе не было никакой жидкости. Вместо неё со столешницы на пол спрыгнул сверчок. В мгновение ока он исчез, потерявшись в лабиринте из мебели.

— Что? Что произошло? — сказала я и начала задыхаться, испугавшись того, что я только что сделала.

Я вспомнила, как в первый раз выпустила Саалима из сосуда... в то, что я увидела, невозможно было поверить.

Именно так я чувствовала себя сейчас.

Меня накрыло чувство изнеможения, словно я только что забралась на башню, дворца, которая была в три раза выше обычной. Альтаса усадила меня за стол, её глаза странно сверкали. От неё исходила энергия, которая делала её моложе, особенно сейчас, когда её седые волосы были спрятаны под платком.

— Магия, — прошептала Альтаса. — Ты сотворила её, детка.

— Магия? — я отпрянула от неё. — Но как?

— С помощью моих ингредиентов.

Она указала в сторону банок на столе и пошевелила пальцами.

— Я могу научить тебя приготовлению этих снадобий. И тому, как с ними обращаться.

Я едва её слушала, стараясь осознать, что только что произошло. И о чём она мне сейчас говорила.

— Вы владеете магией.

Это был вопрос, но в то же время и нет.

— Да. И я хочу тебя научить.

— Я не хочу этому учиться, — сказала я, вспомнив о Сабре, о шрамах на своей спине, об империи отца.

— Ложь!

Она хлопнула ладонью по столу и приподняла палец вверх на другой руке.

— Использовать дары Мазеры, чтобы говорить с ней. Использовать её силу, как свою. Ты бы этого не хотела?

— Это не так просто...

Она рассмеялась громким и мелодичным смехом, который я никогда от неё раньше не слышала. И по моей спине пробежал холодок.

— Магия оставляет уродливые следы, — решительно продолжила я. — У всего этого есть последствия.

— Но самый важный вопрос состоит в том, — прошипела она, — откуда ты это знаешь? Я замолчала, переплела пальцы вместе и сжала руки.

— Два золотых браслета. Сосуд с песком. Ожерелье, которое ты носишь.

Она указала на мою шею, где под одеждой висел медальон моей матери.

— Откуда всё это?

— Тави ждёт меня.

Я встала.

Она мягко остановила меня жестом руки.

— Где ты их достала? Расскажи мне, — сказала она умоляющим тоном. Её голос был нежен. — Правда может изменить всё.

Я раскрыла рот и снова его закрыла.

— Ты украла их?

— Нет.

— Ты получила их от него?

Его?

— Альтаса, я...

— Я делала всё неправильно, — сказала сама себе Альтаса и снова посмотрела на меня. — Мы выйдем пыльными и неопрятными в этом городе, построенном на соляных слитках, но мы представляем собой нечто большее. Ты помечена Мазирой.

Откуда она узнала?

— Ты можешь управлять волей Мазиры. Ты можешь стать могущественнее, чем они все. И ведь ты даже не понимаешь, что делаешь.

В её глазах вспыхнуло воодушевление и... почти безумная зависть.

— Эти люди думают, что знают нас, они думают, что могут насмеяться над нами, потому что мы солеискатели. Они не правы, мы солнцееискатели, и мы можем показать им, что над нами нельзя смеяться, нас надо славить. Бояться.

В её словах послышалась гордость.

— Ты можешь творить удивительные вещи, — надавила она. — Мы сможем делать их вместе.

Вместе. Это прозвучало не так плохо.

— Я могу научить тебя управлять судьбой, создавать неиссякаемый фонтан магии, властвовать над любовью.

Любовь. Лицо Каса пронеслось у меня перед глазами. А затем лицо Саалима.

Знахарка крепко сжала руки, ожидая моего ответа. За теми словами, что она сказала вслух, скрывалось множество мыслей. Но она никогда бы ими не поделилась.

Сила начала бурлить внутри меня. Сила, которой я могла овладеть, сила, которой я уже владела.

— Мне нужно время, — сказала я.

Я не смогла бы отменить это решение.

— Хорошо, — сказала она. — Мы поговорим сегодня вечером. А сейчас иди и наслаждайся парадом на крыше с тем мальчиком.

После того, что только что произошло, всё в моей голове перемешалось

А затем я поняла, что никогда не говорила Альтасе о том, что сегодня вечером я решила встретиться с Касом, а не с Саалимом. А главное, я ни разу не обмолвилась ей о том, где собиралась с ним встретиться.

***

В доме Саиры собрались женщины, одетые в яркие платья, и в центре их кружка я заметила Тави.

Саира была на кухне и улыбалась сама себе, готовя какую-то сладкую выпечку, которую она доставала из кипящего чана и отправляла в корзинку. Дети дрались между собой, протягивая руки и пытаясь схватить горячий хлеб.

— В общем, — сказала Тави. — Его мы обычно носили вот так.

Когда я подошла к группе женщин, я увидела, что Тави надела на голову нарядный хиджаб. Странное утро в доме Альтасы тут же позабылось, и я вздрогнула. Я была не в силах взглянуть на лица женщин, смотревших на Тави, так как боялась, что они насмехались над ней.

— Эмель! Иди сюда! — воскликнула Тави, увидев меня.

Женщины расступились.

— Это моя сестра. Она могла бы ещё лучше вам объяснить.

Я неохотно присела на колени рядом с Тави. Перед ней лежали два длинных платья ярко-голубого цвета, их подола были бледно-фиолетовыми, как восход. Это были цвета, которые мы носили, когда были ахирами. В руках Тави держала два хиджаба, украшенных сверкающими дисками, как хиджабы наших матерей.

— Что это? — спросила я, коснувшись бронзовых дисков.

Они показались мне такими знакомыми, и я позабыла о своей неловкости. Но в отличие от хиджабов наших матерей, ткань украшали не дха.

— Старые бронзовые монеты, которые нашёл для меня Якуб, — Тави застенчиво улыбнулась.

— Это Саира нам показала. Они такие красивые, — сказала женщина, в волосы которой были вплетены ярко-жёлтые цветы.

Я улыбнулась, услышав её искреннюю похвалу.

— Видели бы вы те хиджабы, что носили наши матери, — сказала Тави, протянув хиджаб другой женщине, глаза которой вспыхнули, когда она коснулась ткани.

Тави описала, как они выглядели, и как их носили наши матери.

— Сколько нитей использовалось для вышивки? — спросила женщина, взглянув на хиджаб, который ей передали.

Когда Тави ответила, она кивнула и сказала:

— Я уверена, что Джамила могла бы сделать для меня что-то подобное.

А затем женщины отвлеклись и начали обсуждать между собой хиджабы.

— Ты и мне сделала? — спросила я Тави, посмотрев на второй хиджаб, который всё ещё лежал на платье.

Я не могла отвести от него глаз — на хиджабе были вышиты полосы, как это сделала бы мама. Так Тави попыталась воссоздать то, что олицетворяло Мадинат Алмулихи и одновременно напоминало о нашем доме.

Ника сказала, что город сегодня будет особенно наряжен, как и его жители. По пути к Тави я уже видела, что улицы были чистыми, как никогда, и их украшали всевозможные цветы в горшках и цветочные гирлянды, а ветер раздувал по брусчатке опавшие лепестки. Теперь, находясь у Саиры, я начала понимать, что имела в виду Ника.

Когда я увидела, как эти женщины, одетые так красиво, смотрели на наши хиджабы, я почувствовала гордость.

— Вы также можете использовать бусины, — сказала я. — Чтобы украсить их.

Я взяла ткань и показала им, как это сделать.

Услышав нас снаружи, в дом зашли ещё несколько людей. Саира начала раздавать еду тем, кто пришёл пожелать счастливого Фальса Мока. Гости жевали сладкий хлеб и слушали, как мы с Тави рассказывали им о том, как носить абайю и хиджаб.

— Значит, так одеваются у вас все женщины? — спросила одна из них, посмотрев в зеркало на хиджаб, который она надела.

Она расправила плечи и любовалась собой.

— Не так нарядно, но да, — сказала я.

Это утро я провела с людьми, которых я не знала. Я приняла участие в традиционном праздновании Мадината Алмулихи, но также познакомилась со своими традициями. Если бы Тави сказала мне перед моим приходом, что я встречу у неё полный дом народа, который пристально разглядывал то, что составляло нашу жизнь, я бы не пошла к ней. Но эти люди не насмеялись над нами. Они завидовали мне точно так же, как я завидовала им. Одна из женщин даже воскликнула, что ей хотелось бы надеть нечто подобное в следующем году.

Мне показалось, что я совсем недавно пришла, как вдруг Саира начала цокать языком, выгоняя всех наружу.

— Им тоже надо собраться! Парад скоро начнётся.

— Скоро? — ахнула я, выглянув наружу.

И, конечно же, был уже почти полдень. Скоро я должна была встретиться с Касом! У меня перехватило дыхание. Пришло время найти его. Время сказать ему.

Мы с Тави быстро оделись.

— Ты будешь сегодня с Якубом? — спросила я.

Она кивнула, поправляя перед зеркалом бронзовые диски и укладывая их, как надо.

— Он сказал мне, что поищет нам хорошее место. А откуда будут смотреть праздник король и его гости?

— Я не думаю, что присоединюсь к ним...

Она развернулась ко мне.

— Но у тебя будет лучший вид!

— Кас знает место на одной из крыш байтахеры, откуда мы сможем посмотреть парад.

— Это тоже неплохо, — в её голосе послышалось разочарование, но мне не хотелось с ней спорить. Вместо этого мы попрощались.

Украшены были даже самые маленькие улицы. С дверей некоторых домов свисали гирлянды из цветов, яркие как солнце; на других домах были натянуты верёвки с полотнищами самых разных цветов, развевающиеся на ветру. Дорожки, ведущие к некоторым входным дверям, были усыпаны лепестками; очень немногие дома стояли не украшенными. Почти все, кого я встречала, были одеты так же ярко, как те женщины в доме Саиры. И многие несли еду, направляясь к своим соседям или возвращаясь от них.

Воздух наполнился сладкой радостью предвкушения, и с каждым шагом моя улыбка

становилась шире.

Именно поэтому я приехала в Мадинаг Алмулихи. Именно о такой жизни я мечтала, и я надеялась, что Тави разделит её со мной. Приняв наконец-то решение и задвинув свою гордость подальше, я почувствовала, что широко улыбаюсь. Не было смысла гнаться за этими большими мечтами.

Я жила в прекрасном городе с сестрой и друзьями. И этого было достаточно. Мне не нужна была магия, так как у меня были Кас и Тави... и всё остальное. Обретя эту новую радость, я почти побежала, торопясь найти Каса.

Я никогда раньше не ходила в байтахуру через соседствующие с ней кварталы. Дома здесь были маленькие, тесные. Они не были так ярко украшены, как дома рядом с каналами. Сладкий запах рассеялся, и остался лишь запах домов буры и питейных заведений. Дети плакали, люди кричали, козы блеяли.

— Потерялась? — спросил какой-то мужчина, глядя на мои нарядные одежды, которые слишком бросались в глаза в этом тёмном переулке.

— Солеискательница? — прошептал ещё один мужчина какой-то женщине.

Когда я завернула за угол, я увидела трёх людей в плащах, стоявших в дверном проёме. По моей спине и рукам пробежал холодок. Один из них накинул на голову капюшон. На его руках были надеты чёрные перчатки.

Даркафы. Я прибавила шаг. Я могла бы сбегать во дворец и предупредить какого-нибудь стражника.

Но вдруг неподалеку открылась дверь, и какой-то человек вышел на улицу.

Я опустила глаза в пол, проходя мимо двери.

— Все готовы? — поинтересовался чей-то голос.

Нет.

Всё, что угодно, но только не этот голос.

Слегка повернув голову и молясь о том, что я ошиблась, я увидела, что среди них стоял Кас.

Он сказал: "все".

У меня в глазах помутилось, в ушах зазвенело. Ноги понесли меня из переулка обратно во дворец. Люди уже начали выстраиваться вдоль улиц. Я отрешенно наступала на лепестки и переступала через цветочные горшки. Наконец, я оказалась на дворцовой лестнице и попыталась протиснуться мимо стражников, чтобы дойти до дома Альтасы.

Неожиданно её предложение научиться магии показалось мне самой привлекательной идеей в мире. Я собиралась принять его, и первое, что я собиралась сделать, это обречь Каса на...

— Эмель!

Саалим в одиночестве стоял рядом со смотровой будкой, а позади него находилась лишь пара стражников. Он на секунду замешкался, но затем подошёл ко мне.

— Я переживал, что у тебя не получится прийти, — сказал он, указав на заполненную улицу.

Он ждал меня.

Глава 17

Эмель

Смотровая будка — та же самая, из которой мы смотрели забег верблюдов — была заполнена гостями. Мои плечи поникли. Я хотела быть где угодно, но только не здесь.

От толпы отделилась фигура. К краю будки подошла женщина и начала наблюдать за своим будущим мужем.

Елена.

По тому, как она положила руку на гладкое дерево перил, я поняла, что она родилась для того, чтобы стать королевой. Её бледность, волосы соломенного цвета и глаза такого ярко-голубого оттенка, что я могла видеть их со своего места, делали её похожей на героиню сказок. Она стояла там, точно закрытая дверь, напоминая мне о том, что мне здесь было не место.

Я перевела взгляд с Елены на Саалима, а затем посмотрела на дворец. Я оказалась на перепутье. Знахарка или король?

Одежда Саалима была по-летнему расшита золотыми нитями, которые сверкали так же, как и корона на его голове. Он выставил руки перед собой, точно неуверенный в себе поклонник, признающийся в любви. Он на мгновение посмотрел на меня, после чего отвёл взгляд. Как человек, который взглянул на солнце.

Он выглядел так, как в ту ночь на пляже, когда сотворил огонь и рассказал мне о том, что влюбился в *ахиру*, которой было запрещено любить его в ответ. Теперь, когда я стояла здесь, я видела не короля, а джинна, и мои ноги чуть не подкосились от невероятной тоски.

Недоумение, боль и горе нахлынули на меня точно грозовые облака. Теперь, как никогда, мне был нужен мой спутник, мой друг, мой любимый.

— Надеюсь, ты не очень долго ждал, — сказала я, делая шаг вперёд навстречу ему.

— Недолго, — сказал он и проследил за мной взглядом. — Твои одежды очень подходят этому фестивалю. Пожалуйста, располагайся. Мне надо заняться гостями.

После чего он пропал в толпе, а я снова осталась одна.

Где-то далеко раздались звуки музыки, сначала они были тихими. Голоса гостей воодушевлённо загудели вокруг. Вскоре по центру улицы зашагало трио музыкантов. За ними начинался парад: яркие краски, танцоры и их декорации потекли вперёд, точно блестящая река. Музыканты задавали ритм и вели за собой людей, которые несли в руках цветущие ветки и флаги, развевающиеся в воздухе. Это было завораживающее зрелище, я никогда не видела раньше ничего более грандиозного.

Первая группа участников парада прошла мимо. Впереди выступали две чёрные лошади, пустые сёдла которых украшали красные цветы. И я услышала, как люди начали бормотать:

— Победитель забега верблюдов.

На движущейся платформе стояли мужчина и женщина, между ними было натянуто шелковое полотнище. Они держали ткань так, что та развевалась на ветру. У их ног стояли огромные корзины, и проезжая мимо, они наклонялись, набирали пригоршню лепестков и бросали её в нашу сторону. Нежно-розовые, белые и оранжевые лепестки летели на землю.

— Этого сегодня будет много, — сказала какая-то женщина себе под нос, смахнув пару лепестков с перил.

За её спиной Саалим сидел вместе с Еленой. Они вежливо улыбались людям. Я начала жевать щёку, так как мне захотелось, чтобы рядом с ним сидела я. Но как только я подумала о том, что с моей стороны было глупо приходить, глаза Саалима встретились с моими. Уголок его губ слегка приподнялся, после чего он кивнул мне и снова перевёл взгляд на

парад.

Покраснев, я отвернулась и уставилась на улицу, но я ничего не видела перед собой. Перед моими глазами стояла лишь его застенчивая улыбка.

Женщина оказалась права насчёт цветов. Почти все бросали лепестки в нашу сторону. Чем больше мимо нас проходило людей или танцоров, тем больше цветов летело в нас. Наконец, вокруг нас собрались целые кучи лепестков, которые тянулись дальше вниз по улице.

Почти в самом конце парада показалось четыре лошади, которые тянули за собой огромную телегу, увешанную яркими цветочными гирляндами. На ней стояли мужчины и женщины. Некоторые из них держали кувшины и смеялись, поднимая сосуды вверх, словно чокаясь со зрителями. Один из них держал трубку. Другой сидел на краю телеги и был одет так, словно зазывал. Он улыбался и махал руками так, словно это было больше, чем просто приветствие. На земле вокруг телеги танцоры размахивали полупрозрачной тканью, которая напоминала дым. Всё в этом представлении, и в том, как двигались люди, было похоже на сон. В центре телеги, на маленькой платформе, стояла Кахина, вытянув руки вперёд. В её ушах были золотые кольца, а на шее висели толстые цепи. Рядом с ней стоял молодой человек, которому, как будто, было не так комфортно, как ей, но он всё равно махал рукой.

— Байтахира.

Саалим оказался рядом со мной, и я вздрогнула, не заметив, как он встал со стула.

Елена стояла с другой стороны от него. Она кивнула, когда наши глаза встретились. Я надеялась, что моя улыбка показалась ей правдоподобной.

Кахина помахала мне и улыбнулась Саалиму понимающей улыбкой. Наклонившись ко мне, Саалим сказал:

— Пока муж Кахины был жив, они показывали на параде его карты. А теперь всё превратилось вот в это.

Его слова прозвучали сухо,

— Ты хорошо знаешь Кахину? — спросила я.

— Когда-то я хорошо её знал. Я часто навещал её, будучи ребенком. Просил рассказать мне о моём будущем.

Он рассмеялся. Елена вежливо за ним наблюдала. Саалим продолжал:

— Я не знал её мужа, так как он часто отсутствовал. Но я обожал его карты.

Картограф... Знакомый молодой человек рядом с Кахиной...

— Когда он умер? — спросила я Саалима дрожащим голосом.

— Я не знаю точно. Где-то в прошлом году. Кажется, в путешествии.

— Как его звали? — спросила я и затаила дыхание.

— Не могу вспомнить. А почему ты спрашиваешь?

— В мою деревню приходил человек по имени Рафаль и приносил свои карты.

Саалим нахмурился.

— Туда путь не близкий.

Я задумалась.

Парад закончился слишком быстро. В конце парада было принято отдавать честь королевской семье. Саалим напрягся, увидев гобелен на длинном шесте, который несли на своих плечах несколько молодых людей. На синем фоне была вышита семья из шести человек. Лиц нельзя было разобрать, там были только силуэты, вышитые всевозможными оттенками фиолетового и красного. На паре в центре были надеты золотые короны.

Когда группа людей оказалась перед Саалимом, они повернулись так, чтобы он мог разглядеть гобелен целиком, и встали на колени.

— Подарок от твоего народа, — крикнул один из мужчин, опустив глаза в землю.

— Ваш подарок очень ценен для меня. Спасибо, — сказал Саалим.

Те, кто его не знали, не могли расслышать напряжённости в его голосе, которая не смогла укрыться от меня. Он поблагодарил их с лёгкой дрожью в голосе. И, вероятно, я была единственной, кто заметил, как его опущенная рука слегка дёрнулась. Он сделал знак рукой, и мужчины поднялись.

— Он прекрасен, — сказала Елена.

Саалим медленно кивнул. Мне хотелось взять его за руку, но я осталась стоять рядом и смотреть на то, как он сжал руки и положил их себе на колени.

— Куда его поместят? — спросила Елена.

— Его отнесут во дворец. По традиции парад всегда завершался подарком королеве. Я не ожидал, что они что-то приготовят...

Он замолчал.

Проследив за его взглядом, я увидела то, что привлекло его внимание. И у меня перехватило дыхание.

Гобелен был двусторонним. На обратной стороне были вышиты только два силуэта. Одним из них была женщина, с кожей бледно-розового цвета и длинными прямыми волосами. Елена. Силуэты были вышиты на фоне полумесяца и ночного жасмина.

— О, — прошептал он, а затем почтительно повернулся к своей невесте.

Елена тоже увидела гобелен. Она покачала головой и улыбнулась такой же формальной улыбкой, каким был этот подарок.

Изображение на гобелене было таким царственным и элегантным. Оно было ещё более великолепным, чем изображение семьи на другой стороне. Я едва могла на него смотреть.

Люди потекли на улицы и, объединяясь с соседями и семьями, принялись махать королю. Гости Саалима загудели вокруг, шум начал нарастать. Саалим и Елена быстро потерялись среди людей.

Пришло время возвращаться во дворец. Как бы я этого ни хотела, но моё место было не здесь.

Я спустилась по ступеням, но меня остановил Амир.

— Ты ведь не уходишь?

— Ухожу.

Амир изменился в лице, как будто я очень его обидела

— Ты не можешь! Это твой первый Фальса Мок, и ты собираешься пропустить всё самое интересное?

Он попросил меня подождать, пока гости не разойдутся, чтобы мы могли проследовать на праздник.

Мне показалось, что у меня не было выбора, и я согласилась остаться. Пока я ждала, я начала вспоминать весь этот день. Начиная с предложения Альтасы научить меня магии, до встречи с Касом и даркафами в переулке. Я попыталась убедить себя в том, что это был не он, что это мог быть кто-то, кто был на него похож. Но я точно знала. Я видела его лицо. Видела шрам. Я узнала его голос.

Меня словно окатили холодной водой, и я повернулась к Амиру.

— Я видела даркафов перед парадом, — поспешно сообщила я.

Люди потекли вниз по лестнице и начали медленно подходить к своим повозкам.

Он кивнул.

— Мы знаем, где они. Азим установил стражников на каждом углу в городе.

— Но я слышала, о чём они говорили. Они сказали, что всё было готово.

Теперь он заинтересовался.

— К чему?

— Это всё, что я слышала.

Я сжала губы, почувствовав себя немного глупо.

— Спасибо, что рассказала. Ты очень преданна короне.

Наконец, Саалим и Елена спустились вниз. Когда Амир с гордостью рассказал Саалиму о том, что он убедил меня присоединиться к ним, Саалим сказал:

— Сейчас мы отправимся на пристань. Ты бы хотела поехать или пройтись?

— Поехать? На лошади? — спросила я, широко раскрыв глаза.

Пристань?

— Не в седле, — сказал он, рассмеявшись.

Гости рядом с ним тоже рассмеялись.

К нему подошёл стражник и сказал:

— Повозка ждёт.

— Значит, решено.

Когда наша группа двинулась в сторону повозки, Елена поравнялась со мной:

— Я тоже не езжу верхом, — прошептала она с таким странным акцентом, который я никогда раньше не слышала. — Они меня пугают.

Несмотря на то, что я этого совсем не хотела, я поняла, что она мне нравится. Оказавшись с ней рядом, я смогла хорошо её рассмотреть. Она пахла далёкими незнакомыми местами и вещами. Она была ниже и миниатюрнее меня. Я подумала о том, что сказала бы Хадийя:

— Мужчинам нравится чувствовать плоть в своих руках.

Но королевский титул значил гораздо больше широких бёдер.

Мы ехали на повозке до пристани гораздо дольше, чем если бы пошли пешком. Море из людей было таким плотным, что лошади едва могли проехать. Даже если образовывался просвет, это мало нам помогало, так как очень многие хотели поговорить со своим королём и будущей королевой. Даже если они просто хотели поприветствовать их или поблагодарить Саалима за что-то, мы всё равно останавливались.

Елена, сидевшая напротив меня, наклонилась вперёд и слегка коснулась хиджаба, обрамлявшего моё лицо.

— Это так красиво; я не могу отвести глаз.

Я поблагодарила её, и мне захотелось вернуть ей её комплимент, но её платье выглядело таким формальным и скучным по сравнению с моим, что моя похвала прозвучала бы сухо. Елена избавила меня от этой проблемы и спросила меня о моём доме. Люди вокруг прервали разговоры, желая послушать нас. Она забросала меня вопросами. Казалось, её очень впечатлила моя жизнь, и я почувствовала гордость за те места, где выросла.

Лошади набрали скорость, когда мы поехали по главной улице, а толпа рассосалась.

— Почти приехали, — сказал Саалим.

— Куда мы едем? — спросила я вслух, когда мы подъехали к пустой пристани, вдоль которой выстроились огромные корабли.

Почти все они были пришвартованы, их спящие паруса были туго перетянуты канатами, а сами они молчаливо качались на волнах. В конце пристани стоял один единственный корабль, паруса которого надувал ветер, из-за чего тот сильно накренялся.

Амир показал на него.

— Вот сюда.

Я ненавидела гулять по пристани, а теперь мне надо было сесть на корабль?

Воздух наполнил смех, и когда я посмотрела вверх, я увидела, что многие уже взошли на борт.

— Вот здесь и будет проходить праздник, — сказал Амир с улыбкой и подтолкнул меня локтем.

— На корабле?

Я сглотнула желчь, подступившую к моему горлу.

— Ты сама всё увидишь!

Трап, который вёл на корабль, был не толще обыкновенной доски. Люди поднимались по нему, почти не испытывая беспокойства. Женщины вскрикивали и смеялись, когда мужчины начинали качать доску. Елена с лёгкостью поднялась вверх, что говорило о том, что она привыкла путешествовать по морю. Саалим отошёл в сторону, ожидая меня. Внизу остались только мы с ним и стражники.

— Я не могу, — прошептала я.

— Эмель, — настойчиво проговорил Саалим. — Доска устойчива, видишь?

Он прижал ногу по центру трапа, и я была готова поклясться, что планки продавились.

Корабль качался на огромных волнах, которые набегали на берег, а затем уходили прочь, растягивая верёвки, удерживающие его. Если бы я упала между кораблём и пристанью, я бы разбилась.

— Пожалуйста, — снова попытался Саалим. — Со мной вместе.

Он протянул мне руку.

Это был последний раз, когда я могла его коснуться.

Я медленно вложила свою руку в его. Она ощущалась как огонь, как прохладная вода, как перина. Чувство успокоения, исходившее от его рук, которое я когда-то испытывала, распространилось по моей руке, когда он коснулся её. Не отпускай меня. Неужели он тоже это чувствовал? Он смотрел на меня так, словно тоже не хотел меня отпускать. Всё говорило мне о том, что я должна упасть ему на грудь, прижать его к себе и всё ему рассказать.

Его пальцы обхватили мою руку, и теперь я видела только его. Исчез корабль и гости у нас за спиной, исчезли стражники вокруг нас. Всё погрузилось в туман. Превратилось в ничего не значащий фон. Последовав за ним, я ступила на трап.

Когда подул ветер, я ещё сильнее вцепилась в его руку и остановилась. Почувствовав мой страх, он поменял положение, и его вторая рука легла мне на плечо.

— Я не дам тебе упасть, — тихо сказал он. — Мы почти пришли.

Его большой палец прошёлся по моим костяшкам. Это было лёгкое прикосновение, но оно могло бы сдвинуть дюну.

И вот мы оказались наверху. Мои ноги ступили на твёрдую палубу корабля, колени подогнулись, и я испытала облегчение.

Мир вокруг снова обрёл свои очертания. Я стояла на чем-то неустойчивом. Корабль качался, и я пошатывалась вместе с ним. Саалим всё ещё не отпускал меня, он сжал меня ещё крепче, не давая мне упасть.

— Ты к этому привыкнешь. Просто немного подожди. Вот.

Он подвёл меня к лавке, на которой лежали подушки. Женщины, собравшиеся на лавке, вежливо мне улыбнулись.

— Садись сюда. Позволь мне принести тебе чего-нибудь выпить.

С низкой лавки я наконец-то смогла разглядеть то, что меня окружало.

Богатые люди, завернутые в шёлк и намазанные дорогими маслами, скользили мимо, смеялись, болтали и облокачивались на перила, которые не давали им упасть в море. Это был поистине королевский праздник.

Выпрямив спину, я смогла разглядеть неровные края Мадината Алмулихи, который возвышался за бортом корабля. Купола дворца, сверкающие в солнечном свете, тянулись до самого неба. Они были гораздо выше, чем дворец моего отца.

— Так ты ахира короля? — воодушевленно спросила одна из женщин.

Она была очень молоденькой, может быть, возраста Рахимы.

— Нет, — ответила я и напряглась.

На её лице отразилось удивление, но она быстро взяла себя в руки.

— А ты? — спросила я.

Женщина покачала головой, словно это её расстраивало, и сделала глоток своего напитка. На неё упала тень, и уголки её губ слегка приподнялись.

— Выпей вот это, — сказал Саалим, неожиданно появившись передо мной.

Я быстро встала, желая получить ещё больше его внимания. Но сделав это, я снова покачнулась вместе с кораблем, и Саалим предложил мне сесть.

— Я найду тебя после отплытия. Главное привыкнуть к ритму.

Он опустил взгляд на палубу и расставил ноги, словно пытаюсь мне это продемонстрировать.

— Отплытия? — спросила я. — Мы куда-то поплывем?

Теперь мой голос звучал очень низко.

Он кивнул, после чего оставил меня.

Когда корабль, наконец, отчалил от пристани, я крепко схватилась за лавку, позабыв о чае, который принёс мне Саалим. Я почти понимала, почему это могло нравиться — это было ощущение свободы, создаваемое порывами ветра, который надувал паруса, когда корабль уходил всё дальше в море — но чем дальше мы плыли, тем страшнее мне становилось.

Если бы корабль начал тонуть, мы все были бы обречены.

— Ты здесь с самого утра, — сказал мужской голос. И я почувствовала, как примялись подушки рядом со мной. — Не против, если я присоединюсь?

Омар.

Боги, неужели я никогда от него не избавлюсь? Он пах всё так же — алкоголем, потом, а ещё чем-то приторным, что он наносил на кожу. Этот аромат напомнил мне о тех ужасных ночах, которые он провёл со мной, когда я была ахирой. Неужели даже после того, как магия изменила пустыню, этот мужчина остался всё тем же?

— Я бы предпочла побыть одна, — тихо сказала я ему.

Большинство людей, которые оказались гораздо смелее меня, стояли на корме и наблюдали за тем, как уменьшался Мадинат Алмулихи по мере того, как мы плыли всё дальше в сторону горизонта.

— Я здесь с королём. Он скоро ко мне подойдёт.

— С королём? — он рассмеялся. — Не думаю, что он сможет уделить тебе внимание в ближайшее время.

Омар кивнул на группу людей на носу корабля, Саалим был среди них. Лучи заходящего солнца освещали его и Елену.

Мои плечи опустились.

— Не волнуйся, голубка моя, — сказал он.

Голубка моя. Именно так называл меня отец. И именно так называл меня Омар во время тех ужасных ночей.

— Есть множество состоятельных людей, которым ты можешь понравиться. И которых не будет интересовать твоё происхождение.

Он наклонился ко мне.

— Мы, люди пустыни, совсем не привередливы. Нам нравится, когда наши женщины одеваются так же, как и мы.

Не сводя глаз с горизонта, я встала. Я ничего не была должна этому человеку. Никакой Соляной король больше не мог диктовать мне моё поведение. Приказав себе твёрдо стоять на ногах, я начала продвигаться в сторону перил.

— Неужели я расстроил тебя? Прошу прощения, — сказал Омар, следуя за мной.

— Расстроил, — я повернулась к нему и позволила своему гневу придать мне сил. — Своим снисходительным отношением. Своим поведением во дворце, когда мы впервые увиделись. Самим фактом своего присутствия при дворе моего отца несколько лун назад. Синяками, которые ты оставил на моих руках.

Я не знала, приезжал ли Омар ко двору моего отца и спал ли тогда со мной, ведя себя так бесцеремонно и жестоко, в этой изменившейся пустыне. Помнил ли он об этом? Но я же помнила, и я отказывалась жить с этими воспоминаниями в одиночку.

— Омар, — сказала я, наклонившись к нему.

Он отпрянул от меня.

— Ты знаешь, что меня почти отдали твоему отцу, чтобы я служила тебе в качестве шлюхи?

Корабль качнулся, и мои колени подогнулись. Но я не упала.

Он раскрыл рот и снова его закрыл. Остались ли у тебя эти воспоминания, Омар? Позволь мне вернуть их тебе.

И я это сделала. В ярчайших подробностях.

— Для меня не было ничего более отвратительного, чем стать игрушкой в руках животного. У меня королевское происхождение, — огрызнулась я. — Я дочь короля. Но даже если бы это было не так, мне не нужно, чтобы такие люди как ты рассказывали мне, сколько я стою.

Я не дала ему возможности ответить. Развернувшись, я увидела женщину, которая спускалась под палубу. Я быстро её догнала, ступая тихо и легко, несмотря на стук сердца и шум в ушах.

К счастью, Омар не пошёл за мной.

Под палубой было темно и накурено. Сделав вдох, я поняла, что люди курили бурак. Слуга, глаза которого выглядели такими же затуманенными, как у остальных гостей, прошёл мимо с серебряными чашами, заполненными лепестками буракской розы. Увидев меня, он предложил мне поднос. Я покачала головой.

Затем мимо прошел ещё один слуга с бокалами, и я взяла один. У иллюминатора, на

одном из стульев с высокой спинкой, сидела Дайма. Тускнеющий свет окрашивал её в серо-фиолетовые тона. Она выглядела как никогда красивой.

— Праздник довольно хорош, не так ли? — сказала она, уставившись в иллюминатор, когда я села рядом с ней.

— Было бы лучше, если бы он проходил не на корабле.

Она повернулась ко мне и приподняла брови. Её лицо смягчилось.

— Ты одна из помощниц Альтасы.

Когда я подтвердила её догадки, она расслабилась.

— Я видела тебя с Саалимом пару раз, — сказала она мне безрадостно.

По тому, как она произнесла его имя, было понятно, с кем она проводила свои ночи. Я хотела, чтобы она мне не понравилась, как и Елена, но я не смогла её возненавидеть.

— Мне кажется, ты ему интересна.

Я покачала головой и рассказала ей о том, что мы с ним почти не общались. А ещё объяснила, почему я вообще оказалась на этом корабле.

— Если бы я знала, что всё будет именно так, я вряд ли бы согласилась.

Дайма улыбнулась, но затем её лицо быстро стало серьёзным.

— Думаю, что сегодня ночью лучше находиться здесь, а не на берегу. Даркафы будут искать Саалима. Они думают, что во время праздника он станет более лёгкой добычей.

— Но разве мы не являемся более легкой добычей на этом корабле?

Её мягкие глаза встретились с моими, после чего она перевела взгляд на иллюминатор, за которым морские брызги почти доставали до нас.

— Тебе не стоит беспокоиться. Стражники очень сильные. Они знают про все эти вещи. Даже здесь, — она указала бокалом на людей вокруг, — мы окружены ими.

Я попыталась найти среди людей стражников Саалима, но напрасно. На них было надето слишком много одежды, а под длинными туниками нельзя было разглядеть оружие.

Я откинулась назад и подогнула ноги. Дайма показалась мне надежным компаньоном.

Моя голова гудела, конечности стали лёгкими. Дым бурака медленно поднимал меня всё выше и выше.

— Всегда будут находиться те, кто захочет отобрать у Саалима трон, — сказала Дайма.

Она скопировала мою позу, откинулась на стуле, а её туфли остались стоять перед ней на полу. Они были мягкими, расшиты камнями, и выглядели так, словно их ещё ни разу не надевали.

— Думаю, это ожидаемо, — ответила я.

Её губы, которые обычно были такими нежными, сжались в тонкую линию.

— Многие вообще не хотели, чтобы он стал королём. Если бы не желание его отца, он бы никогда не оказался на троне.

Это было странно.

— Но почему нет?

Как правило, перворожденный сын наследовал корону.

Дайма наклонила голову.

— Ты разве не знаешь? — сказала она, понизив голос.

Если бы кто-то из присутствующих захотел бы подслушать наш разговор, он бы с лёгкостью мог это сделать.

— Не знаю?

— О происхождении Саалима?

Я раскрыла рот, но затем снова его закрыла. Неужели она знала, что он когда-то был джинном?

Дайма наклонилась вперёд.

— Его кровь не чиста.

Уголки её губ приподнялись, словно она находила это комичным.

— Не чиста?

Она вздохнула.

— Он сын короля, но он появился не из чрева королевы.

— Я не понимаю. Откуда ты знаешь, кто его мать?..

— О, все в Мадинате Алмулихи это знают. Об этом сейчас почти не говорят. И это не имеет значения. Но ребёнок не может родиться от женщины, у которой нет живота.

Она указала на свой живот.

— Королева не была беременна, когда родился Саалим. Вообще-то они даже не были женаты.

Она взмахнула рукой и пробормотала:

— Но это неважно.

Моя жажда узнать больше начала прожигать меня изнутри. Саалим никогда мне об этом не рассказывал. Неужели я была с ним настолько близка и при этом не знала о нём всего? Что ещё он скрыл от меня?

— И кто его мать?

Дайма облокотилась о подоконник, не заботясь о том, что её кожу и волосы могло забрызгать водой.

— Здесь-то и начинаются проблемы. Она была солеискательницей.

Глава 18

Саалим

Нассар назвал мне имя принца, но оно уже вылетело у меня из головы. Он рассказывал мне про верблюжью шерсть, но я ничего из этого не слышал. Я отвлёкся, когда увидел Эмель и Омара вместе. Солнце начало садиться. Я оставил Эмель на гораздо более долгое время, чем рассчитывал. Я хотел уже пойти к ней, но осмотрев толпу, не нашёл её. Куда она подевалась?

Принц задал мне вопрос. Когда я повернулся к нему и уже собирался попросить его повторить, Нассар ответил ему. Хвала Вахиру за этого человека.

Гости продолжали разговаривать о том о сём, обмениваясь комплиментами и благодаря меня за приглашение. Я снова и снова поднимал свой бокал. Я делал небольшие глотки, лишь только пробуя вино и давая каплям раствориться на языке, даже не проглатывая их. Несмотря на то, что я всё отпивал и отпивал вино, это был лишь мой второй бокал. Я всё ещё твердо стоял на ногах, и моя голова была ясной.

— Твои гости, кажется, рады, — сказала Елена, подойдя ко мне.

— Завтра они станут и твоими гостями.

Она кивнула, и откинула волосы назад. Она пахла не так, как здешние женщины. Она пахла теплицами — цветочным и тёплым запахом. Я взглянул на её щёки и лоб, на то, как слегка приподнимались её губы. Я представил её в короне своей матери. С её приходом моя

жизнь должна была очень измениться.

— Когда мы можем занять наши места?

Она указала на корму, где располагалась частная зона, откуда мы должны были смотреть на огненные рисунки.

— Когда ты этого захочешь. Здесь нет правил.

— Я бы сделала это прямо сейчас, — сказала она с облегчением.

И я её понял. Это празднество утомляло, особенно когда все вокруг анализировали каждое твоё слово.

— Я присоединюсь к тебе после того, как поговорю ещё с парой гостей.

Почувствовав лишь лёгкое чувство вины, я покинул Елену и отправился искать Эмель. Я осматривал лица, одежды и платки в поисках блестящей бронзовой кожи, но не находил её. Я представил, как она падает с корабля, представил её испуг, ведь она не умела плавать. Ко мне подошли две женщины, но я попросил их меня извинить и направился к лестнице, которая вела под палубу.

От лестницы поднимался густой дым. Сколько бурака собирались выкурить сегодня все эти люди?

— Ты не просто покупаешь для них развлечения и еду, — сказал Нассар, когда я пожаловался на стоимость празднества. — Ты покупаешь их преданность. Их исполнительность.

Под палубой лишь нескольким людям хватило ясности ума, чтобы поклониться мне, но большинство из них посмотрели в мою сторону, а затем уставились на море сквозь иллюминаторы.

Моя мать ненавидела их, и всё время жаловалась, что внутрь попадало слишком много брызг. Но Экрам только качал головой. Если корабль использовался для собраний или небольших поездок, иллюминаторы были необходимы, так как они спасали гостей от морской болезни, которую те часто испытывали. Я вспомнил, как оказывался в детстве в закрытых помещениях на корабле. Я всё время возвращался из них обратно на палубу, где оставлял свой обед.

Дайма облокотилась о подоконник. Она выглядела как королева в мерцающем платье. Черты её лица были мягкими, но взгляд был острым. Мне было знакомо это лицо. Я бы назвал его заговорщическим. Эдале бы понравилась Дайма, если бы она с ней познакомилась. Её бы впечатлило упорство Даймы. А вот Надия, которая по сравнению с ней была более миролюбивой, не оценила бы её.

Глаза Даймы встретились с моими, её губы расплылись в улыбке, а брови приподнялись так, словно её что-то забавляло.

А затем я увидел, с кем она разговаривала. Её хиджаб сверкал так, словно приглашал меня

— Дайма. Эмель, — сказал я.

Эмель посмотрела на меня с каким-то новым выражением лица. Я бы не назвал это ни досадой, ни воодушевлением.

Я сказал:

— Прости, что долго не возвращался к тебе.

— Не стоит извиняться, — сказала она, переменив позу так, что теперь она уже не облокачивалась на подушки столь расслабленно. Её спина распрямилась: — Дайма очень меня развлекла.

Боги, что там задумала Дайма?

— Ну, тогда... ладно... — я запнулся и почувствовал себя дураком, после чего отпил своего вина.

Дайма улыбнулась.

— Я помогла заложить камень. Ведь так говорят строители?

— Даже не хочу знать, что это значит.

А Эмель я сказал:

— Уже почти стемнело.

Как и у Даймы, глаза Эмель всё ещё были ясными. Она не курила бурак. Она вопросительно наклонила голову. Каким образом этой женщине, которая смотрела на меня с такой уверенностью и задавала вопросы, сжимая губы, удавалось заставить меня почувствовать себя мальчиком, который кое-как выучил уроки? Я чувствовал себя так, будто всё, что я говорил, следовало повторить ещё раз, словно всё, чего я хотел, следовало пересмотреть.

— Скоро начнут запускать огненные рисунки. Лучше тебе подняться на палубу.

Я протянул ей руку.

— Позволь мне помочь, — сказал я вслух в надежде, что все, кто смотрел на нас сейчас, решат, что я просто помогал ей не потерять равновесие.

Дайма, от которой ничего не укрывалось, проследила за тем, как Эмель обхватила мою руку. Мне показалось, что она понимает гораздо больше, чем я сам.

Но я не хотел отпускать Эмель. С Еленой всё было иначе, её пальцы касались моей руки с такой формальностью. А эта рука была рукой женщины, которая хотела, чтобы я её держал. Я сжал её руку ещё сильнее и повёл её по лестнице обратно на палубу. Наверху я сделал глубокий вдох, чтобы избавиться от запаха бурака в носу.

Люди обернулись в нашу сторону, и я отпустил руку Эмель.

— Ты твёрдо стоишь? — спросил я.

Она кивнула и нервно огляделась вокруг. Когда Дайма подошла к нам сзади, Эмель расслабилась и двинулась в её сторону.

— Наслаждайтесь окончанием вечера, — сказал я, разочарованный тем, что у меня не было причины остаться, и пошёл в сторону кормы, где меня ждала Елена.

Короткая лестница привела меня в зону, в которую стражники не пускали гостей. Елена сидела на подушках, разложенных вокруг низкого стола. Я вспомнил, как сидел здесь в детстве со своим братом и сёстрами, и смотрел на гостей, кружащих по палубе. Наши родители не разрешали нам покидать эту зону. Они знали, что мы можем нарваться на неприятности. Поэтому стражники следили за тем, чтобы мы оставались здесь, следя за нашими глупыми играми, пока мать или отец, наконец, не присоединялись к нам, чтобы посмотреть на то, как небо раскрашивается огнём.

Теперь у меня не было семьи, которая могла ко мне присоединиться. У меня была Елена, которая должна была завтра стать моей семьей. Может быть, в следующем году Эдала могла бы оказаться здесь. Если бы я её нашёл.

Мне надо было её найти.

— Принесите напитки, — крикнул я стражнику, который без слов подозвал слугу.

— Тебе ещё что-нибудь нужно? — спросил я Елену, сев рядом с ней и оглядев взглядом толпу, чтобы убедиться, что всё было в порядке.

— Тебе стоит расслабиться, — сказала Елена, взяв у слуги вино. — Я думала, что

корабль хорошо охраняется.

— Так и есть. Но на него всё равно можно проникнуть...

Я подумывал отменить праздник, так как боялся, что кто-то из даркафов может проникнуть на борт и попытается потопить корабль вместе со мной. Стражники пообещали мне безопасность, и пока всё шло довольно гладко.

— Это пройдёт, — с уверенностью сказала Елена. — Мой отец получает подобные угрозы каждый месяц.

Месяц. Я всё ещё не мог привыкнуть к этому странному календарю, о котором она говорила.

— Всё меняется, когда твою семью убивают.

— Они бы тобой гордились, я уверена. Твоя охрана усилена, и располагается в нужных местах. Даже мой отец был впечатлён. А его очень сложно впечатлить.

Оглядев людей на палубе, я поискал глазами её отца. Похоже, на этом его одобрение заканчивалось, потому что сегодня ему было что сказать насчёт моих кораблей. Я был рад, что свадьба должна была вскоре состояться, и её семья могла наконец-то вернуться домой. Эмель и Дайма нашли места по центру палубы, они склонили друг к другу головы и разговаривали.

— Сколько у тебя женщин? — спросила Елена, глядя на них.

Она, должно быть, проследила за моим взглядом.

Это был довольно прямой вопрос. Обычно между мужем и женой существовало молчаливое согласие на этот счёт. У большинства королей были ахиры.

— Только одна, — сказал я, в итоге, и в большинстве случаев это было правдой.

Дайма была моей любимой любовницей.

— А что насчёт второй?

— Второй?

— Ну, той... как вы их там зовёте? Солеискатльницы.

Это слово, произнесённое с её акцентом, прозвучало странно.

— Нет.

Я поставил пустой бокал на стол, и слуга поспешил наполнить его, после чего я жестом попросил его удалиться. Я попытался подумать о чем-то ещё кроме Эмель без одежды.

— В наших краях у мужчин нет других женщин кроме их жён.

Я закрыл глаза. Сегодня я не хотел заводить с ней этот разговор.

Вспышка света прожгла мои закрытые веки. И чуть погодя раздался невероятный грохот. Мои глаза раскрылись. Красный огонь, такой горячий, что казался почти белым, рассёк ночь и начал медленно падать вниз. Елена ахнула и, запрокинув голову, уставилась небо. А затем она начала широко улыбаться, глядя на огонь.

Я тут же начал искать глазами Эмель. Выражение её лица было таким же, как у Елены, только она закрыла рот рукой. Рядом с ней смеялась Дайма. Как бы мне хотелось оказаться на её месте.

Представление продолжалось, а ветер вокруг начал усиливаться. Волны сделались выше, корабль начал отчаянно заваливаться. К тому моменту, как огненные рисунки закончились, большинство людей уже сидели на лавках или на самой палубе. Некоторые оказались под палубой. Волны были уже такими высокими, что начали обдавать нас брызгами.

Забравшись в рубку, я обнаружил там Экрама, который кричал морякам:

— Держите нос по ветру! Корабль заваливается. Приготовьтесь зарифляться и очистите

палубу. Если так дальше будет продолжаться, мы пойдём ко дну!

— Как ты мог пропустить шторм? — спросил я его, перекрикивая ветер.

Но ничего не указывало на приближающийся шторм. Я знал, что Экрам и его команда были лучшими в Алмулихи, но я всё равно почувствовал страх. С кораблём всё должно было быть в порядке, мы были недалеко от берега. Но я не мог перестать представлять, как пьяные гости падают в море, а каждый новый удар грома уносит с собой всё больше и больше жизней.

— Облаков не было, — почтительно ответил Экрам, после чего продолжил выкрикивать приказы.

Вскоре начался дождь, и гости побежали под палубу. Я помог спустить людей по лестнице. Но я нигде не мог найти Эмель. Чувствуя капли воды на своих запястьях, я молился о том, чтобы она нашла безопасное место, где можно было переждать шторм.

Огромная волна врезалась в корму, поток воды ударил мне под ноги, заставив меня упасть на колени. Мне на помощь подбежал стражник, но упал так же, как и я. Мы встали так же быстро, как упали.

— Шторм усиливается! — крикнул я ему. — Спускайся под палубу.

— Вы тоже, король!

Я фыркнул и начал хвататься за лавки и верёвки, чтобы устоять на ногах, а Экрам и его команда продолжили уводить нас к берегу. Сверкнула молния, и я увидел у себя над головой моряков, которые карабкались по мачтам с верёвками в руках, исполняя приказы Экрама.

Корабль в очередной раз накренился, и один из мужчин соскользнул с мачты, удержавшись только за счёт верёвки. Мы не могли подобраться к нему во всей этой суматохе, и нам оставалось только наблюдать за тем, как несчастный раскачивается туда-сюда, пока, наконец, ему не удалось ухватиться за мачту.

Я слышал своё дыхание в ушах, которое было таким же громким, как рёв ветра. Несмотря на то, что мы приближались к берегу, шторм становился всё более сильным. Он словно специально отталкивал нас от берега и пытался потопить наш корабль.

Нам не суждено было добраться туда.

Но затем мы как будто прошли эту божественную проверку. Гнев Мазеры не смог превзойти умения Экрама, и когда мы приблизились к пристани, всё стихло. Команда тут же начала выбрасывать верёвки на берег и крепко привязывать корабль. Когда все узлы были затянуты, шторм полностью прекратился, оставив после себя лишь лёгкий ветерок. Гости, пошатываясь, начали спускаться на берег.

Я нашёл Елену на корме, где я её и оставил.

— Разве ты не уходила под палубу? — спросил я её, увидев, что её одежда насквозь промокла.

Она покачала головой и сонно пожала плечами.

— Морские шторма успокаивают меня. Когда ты с лёгкостью плывёшь посреди всей этой бури... Это похоже на магию.

Неожиданно у меня за спиной раздался крик.

Я развернулся и увидел человека в одежде моряка, который бежал в сторону кормы. В мгновение ока он поднял ятаган. Елена завизжала. Стражники закричали и бросились за ним, но было уже поздно. Он находился слишком близко. Я нащупал рукоять меча у себя на бедре и крепко её сжал. И как только я собирался вынуть его из ножен, он взмахнул ятаганом. Я пригнулся и вовремя развернулся. А мужчина споткнулся и приземлился на

четвереньки.

Елена стояла у меня за спиной. Нет! Ничто не должно было с ней случиться на моём корабле, под моей защитой. Сделав шаг назад, я оттеснил её ещё дальше.

— Не подходи слишком близко! Оставайся за моей спиной! — крикнул я ей.

Должны были появиться ещё нападавшие.

— Саалим, оставь это сражение солдатам! — закричала Елена.

Мои стражники поднялись из-под палубы, заполнив всю лестницу. Они были уже за спиной у мужчины, который поднялся на ноги.

Это было моё сражение, я собирался сам защитить свой город. Я не собирался останавливаться, потому что меня попросила об этом Елена.

Расположившись между ней и своим противником, я начал подходить к нему, поднимая меч над головой. Ятаган нападавшего сверкнул в свете луны, когда он выставил его перед собой. Мой меч ударил об него с резким звоном. Мои солдаты остались стоять, ожидая моих приказаний. Тамам крикнул, чтобы я отошёл, и чтобы он мог занять моё место. Я этого не сделал. Наши клинки начали ударять друг о друга, снова и снова. Он попытался обойти меня, чтобы мои солдаты перестали находиться у него за спиной, но я не собирался покидать Елену.

Наконец, Тамам осторожно подошёл сзади. Мужчина отпрыгнул от него в сторону, и потерял равновесие. Он поскользнулся на мокрой палубе и упал на одно колено.

А мне только этого и надо было. Я в мгновение ока оказался рядом с ним и вонзил меч в его шею.

***

До дворца мы ехали в тишине.

Моё сердце всё ещё колотилось, пока я думал о шторме и о последующем нападении. Всё время, что мы ехали домой, я не отпускал рукоять своего меча, ожидая, что кто-то может выпрыгнуть из тени в любой момент. Вечер проходил так гладко. Как всё могло так быстро измениться и так плохо закончиться?

Моя кровать совсем не показалась мне уютной, когда я наконец-то разделся и лёг спать. Адреналин бурлил внутри меня, и я не мог уснуть.

Эмель не ехала с нами назад. Смогла ли она вернуться домой? Я не видел её после огненных рисунков.

Закрыв глаза, я подумал о сегодняшнем дне и о том, что ждёт меня завтра. Мне казалось невозможным представить свадьбу после подобного нападения и всего того, что происходило вокруг. Но была ли это единственная причина, по которой мне хотелось отложить предстоящее торжество?

В конечном счете, сон нашёл меня. Мне снилась Эдала, злодеи в чёрном, Аниса со сломанным крылом и Эмель в сверкающих красных одеждах, расшитых золотом. Мы находились в шатре. Она прогоняла меня.

— Между нами ничего не может быть, — говорила она. — У нас нет будущего.

Волнение в голосе, который позвал меня, было таким сильным, что я тут же проснулся. Когда я натянул на себя одежду, я уже совсем не хотел спать.

Меня звал ночной страж.

— Что такое, Кадок?

Но как только я спросил его, я и сам всё понял. Я почувствовал запах.

— Пожар, — поспешно ответил он. — У знахарки.

Боги! Эта женщина всегда оставляла этот проклятый огонь. Она никогда не слушалась и теперь — Эмель!

Я пробежал мимо стражника, шаги которого громко забарабанили у меня за спиной, когда я полетел вниз по лестнице.

— Они пытаются его потушить, — задыхаясь, сказал Кадок.

В атриуме дым был более плотным. Я чувствовал его у себя на языке.

— Это небезопасно, — сказал солдат, когда я приблизился. — Вам следует оставаться в башне на случай, если это отвлекающий манёвр.

Он был прав. Башню было легко защитить от врагов, так как у неё был только один вход. Какой-то слуга начал толкать пустую телегу к входу во дворец, а другой слуга уже бежал ему на встречу с телегой, полной песка. Но если бы огонь добрался до дворца, последнее место, где я хотел бы очутиться, это башня. Проигнаровав стражника, я отправился за слугой в сад.

Треск горящего дерева и рёв пламени были такими громкими, что я услышал их раньше, чем увидел. Жар начал волнами накатывать на меня. Сад Альтасы и её дом поглотил огонь. Я с облегчением заметил, что пламя пока не добралось до дворца.

Кругом были люди: некоторые отчаянно бегали вокруг, другие набирали воду из фонтанов, а кто-то тушил пламя песком и строил из него барьеры. Все вокруг кашляли, некоторые закрыли рты одеждами. Другие обвязали лица платками.

Пепел заскользил у меня под ногами, когда я двинулся в сторону хаоса. Ника стояла чуть поодаль, наблюдая за всей этой суматохой широко раскрытыми глазами. Её нос и рот были плотно закрыты платком.

Когда она увидела меня, её глаза округлились ещё больше, после чего она отвела взгляд. Босоногий король в ночной рубашке был неподобающим зрелищем.

— Никто не знает, что произошло, — сказала Ника, когда я спросил её, не сводя глаз с людей, которые набирали воду. — Когда она придёт в сознание, она может рассказать.

Ника указала в сторону, где какой-то мужчина склонился над женщиной.

— Где Альтаса? — спросила я.

И где Эмель?

Ника пожала плечами.

— Её никто не видел. Мы боимся, что она...

Ника замолчала.

— Но лучше не проверять. Это небезопасно.

Она в ужасе посмотрела на горевшее здание. Я содрогнулся, представив, что Альтаса могла сгореть.

Я оставил Нику и подбежал к мужчине и женщине. Может быть, они могли знать...

— Эмель! — вскричал я, увидев её.

Её глаза были закрыты, лицо почернело от копоти.

— Она в порядке? — спросил я, упав на колени в траву.

Он пожал плечами.

— Она всё ещё дышит.

Он осторожно вытер её лоб.

— Кто ты? — спросил я мужчину.

Он был мне знаком, но я не мог вспомнить, откуда.

— Фироз, — сказал он.

— Как ты сюда попал?

— Я вошёл.

— Во дворец?

Я был поражён.

— Меня никто не остановил.

Он не смотрел на меня. Он нежно провёл пальцами по щекам Эмель.

Мое гнев распалился ещё больше, чем пламя. Мимо стражника нельзя было пройти. Особенно сегодня!

Фироз продолжал:

— Я подоспел вовремя. Нашёл её раньше, чем это успел сделать огонь.

Я склонился над Эмель и уставился на её недвижимое лицо. Я потянулся к ней, чтобы сменить руку Фироза на её лице, но остановил себя. Не здесь, не при всех.

Я подошёл к фонтану и набрал воды в ладони, как глупый отчаявшийся ребенок. Большая часть воды утекла сквозь пальцы к тому моменту, как я дошёл до Эмель, но мне хватило, чтобы плеснуть ей на лицо. Фироз прижал руки к её щекам и лбу, после чего нежно потряс её за плечи.

Она пошевелилась, её ноги сдвинулись, пальцы дрогнули. Я разрешил себе осмотреть её. На ней была надета сорочка, потемневшая от дыма. Хвала богам, её руки и ноги, похоже, не пострадали.

— Как начался пожар? — спросил я Фироза.

— Не знаю. Похоже, что он начался в основной комнате. Она была у себя в спальне. Когда я нашёл её, она пыталась вылезти в окно, но видимо, что она надышалась дыма. Она говорила какую-то ерунду.

— Ты прошёл сквозь огонь, чтобы добраться до неё?

Я с трудом оторвал взгляд от Эмель и посмотрел на мужчину. Рукава его туники были чёрными и прожжёнными. Некоторые участки кожи на его руках и тыльной части ладоней блестели и были красные, а кое-где даже покрылись волдырями. Ему повезло не так, как Эмель. Я выдохнул.

— Спасибо, что спас её.

Наконец, он посмотрел на меня. Знал ли он, что я был королём? Но даже если он знал, его это, похоже, не заботило.

— Эмель, — позвал я умоляющим голосом.

Её голова упала на сторону.

— Зачем ты пришёл сюда? — спросил я его.

— Я слышал, как один человек хвастался, что подожжёт сегодня дворец. Он знал, что стражи не будет. Он говорил о шторме и нападении... меня это озадачило. Я знал, что Эмель живёт здесь...

— Даркафы.

Он кивнул. Он смотрел на неё как на сестру или как на старого друга, и я понял, почему он был мне знаком.

— Ты из поселения Алфаара? Ты путешествовал с нами?

— Соляной король? Да.

— Ты хороший друг, — сказал я, похлопав его по плечу. — Тебе нужно что-нибудь для

твоих ожогов? Мы позаботимся об Эмель.

Фироз посмотрел на меня как птица, охраняющая гнездо, но я был гораздо крупнее его, и я был королём. Он поклонился мне.

— Нет, со мной всё будет в порядке. Скажите ей, что я был здесь.

Подняв Эмель с земли, я прижал её к себе. Как бы я хотел, чтобы она была в сознании и могла обхватить мою шею руками. Но даже в этом состоянии её кожа оказалась такой мягкой, а тело таким тёплым. Я позвал Нику. Мы вместе перенесли её в башню моей сестры. Она находилась дальше всего от огня, поэтому воздух здесь был чище, хотя запах дыма был всё ещё силён и царапал мне горло. Когда Ника спросила меня, почему я так медленно иду, я списал всё на дым. Я не мог сказать ей о том, что не хотел отпускать женщину, которую нёс на руках.

Когда я положил Эмель на лавку, устланную подушками, Ника сказала:

— Я принесу чай и одежды для неё.

Она говорила тихо, зная, что Мариам и ребёнок спали выше этажом.

— Эмель, — продолжал я шептать её имя, снова и снова.

Мы были теперь одни в комнате. Взглянув на её руку, я представил, как касаюсь губами костяшек её пальцев.

Ника вернулась слишком быстро с тазом воды в одной руке и полотенцами в другой. За ней пришла прислужница с чаем, сопровождаемая четырьмя стражниками. Я отправил их охранять вход в башню.

— Вот, — сказала Ника с нехарактерной для себя мягкостью и вытерла лоб Эмель.

Я подавил желание забрать у неё полотенце и сделать всё самостоятельно. Ника прошла по её щекам, рукам, ногам и ступням.

Я сидел на стуле рядом с ними и наблюдал за тем, как Ника ухаживала за Эмель. А затем я услышал облегчение в голосе Ники.

— Эмель.

Раздалось бормотание, и я опустил на колени рядом с ней. Взгляд Эмель был недоуменным, но она очнулась.

— Саалим, — выдохнула она и положила руку мне на предплечье. — Ты в порядке.

Я снова почувствовал в этом что-то знакомое. В том, как она произносила моё имя, как касалась меня.

— Я? — спросил я недоуменно.

Ника отступила назад, на ее лице отразилось удивление и любопытство.

— Начался шторм... я слышала, что было нападение. Я не увидела тебя... меня отправили домой. Я беспокоилась...

Она моргнула несколько раз, и ее брови сошлись вместе, когда она попыталась что-то припомнить.

— Я в порядке. Никто не пострадал, — уверил я ее, не в силах поверить в то, что она переживала за мою безопасность тогда, как сама чуть не умерла. — А теперь расскажи мне, что произошло.

— Кажется, я только-только заснула. А затем я услышала звуки, исходящие от двери. Я думала, что это Альтаса. Она так и не вернулась домой.

Эмель потёрла глаза пальцами, размазав пепел по лицу.

— Это была не она. Это был Кас. И...

А затем она села, подогнув под себя ноги. Ника протянула ей чай, Эмель взяла его и

сделала большой глоток.

— Это был Кас.

Она произнесла это имя так, будто не могла в это поверить, словно всё ещё пыталась всё это осмыслить.

Я хотел, чтобы она поторопилась и закончила, но прикусил язык. Теперь, когда её здоровью ничего не угрожало, было необходимо узнать, кто это сделал и куда он делся. Пока он не уничтожил ещё что-нибудь в этом городе.

Она резко вдохнула, а затем сказала:

— Это было похоже на магию. Он был там, разговаривал со мной, а затем...

— Что он сказал? — спросил я.

— Много какой-то чепухи.

Она начала тереть согнутые пальцы большим пальцем руки.

— Он был зол. Сказал, что я была во всём виновата, и что всё могло быть иначе. А затем он указал на землю, и когда я посмотрела вниз, дверь загорелась. Огонь начал так быстро распространяться, что я даже не успела попросить Каса помочь мне. Неожиданно вся дверь оказалась в огне. В чайнике было слишком мало воды. Я пыталась.

Она посмотрела на меня.

— Мне жаль.

— А что... Кас?

— Он исчез. Дом поглотил огонь... быстрее, чем наши шатры. Дым был повсюду. Я почти ничего не видела. Я хотела вылезти через окно...

— Вот, — сказала Ника, протянув ей полотенце.

Эмель уставилась на свои руки и начала вытирать их о свою сорочку.

— Как я здесь оказалась? — спросила Эмель.

Она словно впервые увидела меня, и её взгляд опустился на мои одежды, а затем на ноги и руки. Она не смотрела на меня так, словно была смущена. Желание, непрощенное и упрямое, поглотило меня так же быстро, как тот огонь. Я сдвинулся и запахнул одежды, прикрыв себя ещё больше.

— Тебя кое-кто нашёл, — сказала Ника, когда я не ответил.

Откашлявшись, я сказал:

— Фироз.

— Фиро?

Её ноги оказались на полу, и она начала вставать.

— Куда он ушёл?

— Домой.

Она снова села.

— Кто такой Кас? — спросил её я.

— Мой... друг, — сказала она, споткнувшись на последнем слове.

И что-то внутри меня начало шевелиться и зудеть.

— Как он выглядит?

Она описала его рост, волосы и глаза.

— И ещё у него шрам, вот здесь.

Она указала на свой висок. Она сказала это между прочим, словно не понимала, что это был за шрам, и что он для меня значил. Из-под моих ног как будто выдернули ковёр, и я упал в бездну непонимания, неверия и страха.

Это было невозможно.

— Мужчину со шрамом зовут Кас?

— Да.

Нет. Такая магия не могла существовать.

— И шрам этот выглядел вот так?

Я провёл линию вдоль виска ногтем большого пальца.

Эмель застыла. И я уже знал её ответ.

— Да, — прошептала она. — А что?

— Потому что у моего брата, Касыма, был точно такой же шрам.

Часть III

БОРЬБА / КВАВИЛ

... в виде коробки. Не отпирайте её и передавайте из поколения в поколение, пока она не явится. Никто не должен её отпирать, но, если это случится, ждите последствий. Всякий, кто слышит и зрит, целиком и полностью окажется в её власти. Рецепт того, как сделать не рождённого ребенка немым и слепым, приведён ниже.

Нас выбрали для того, чтобы мы охраняли её. Пока идут поиски, мы должны сохранять всё это в секрете. Никто не поверит в то, что там содержится и не попытается её отнять, так как не сможет понять её смертоносную силу. Если в поселении не обнаруживаются признаков богини, оставьте метку.

Помните, что она придёт за коробкой, и только у неё хватит могущества воспользоваться ею. Мы должны выполнять эту задачу из поколения в поколение. Это сделало нас изгоями, но нам не стоит обращать внимания на еретиков и безбожников. Мы избранные. Они свиньи.

— Отрывок из письма, найденного среди руин и человеческих останков

Глава 19

Эмель

Ожидая, когда за мной кто-нибудь придёт, я осмотрела комнату. Раньше я никогда не была в башне сестёр. После того, как Саалим ушёл, Ника поспешила спуститься вниз по лестнице, но перед этим потребовала, чтобы я не двигалась с места. Сколько уже прошло времени с тех пор, как она ушла?

Стулья вокруг меня были украшены узорами, вышитыми на ткани и вырезанными на дереве. На столе стоял металлический таз, украшенный декоративными лепестками, которые делали его край неровным. Вода в нём пахла розой, и у его основания лежало пять гладких камней.

Теперь их должно было остаться только четыре.

Признание Саалима ещё звенело у меня в ушах, и всё наконец-то начало обретать смысл. Почему Кас показался мне странным образом знакомым, почему он так много знал про дворец, про Саалима, почему его так интересовали мои отношения с Саалимом, и почему он вступил в сговор с даркафами: он был братом Саалима. Второрождённым сыном короля, но он был первым сыном короля и королевы.

Я сжала руки на груди. Второрождённый сын умертвит перворожденного. Это было сказано вовсе не о Вахире и Эйкабе. Касым планировал убить Саалима, потому что считал себя законным наследником.

Мог ли Касым иметь отношение к нападению на Мадинат Алмулихи, которое привело к смерти его семьи? Я вспомнила, что Саалим рассказывал мне о том, как Захара превратила его в джинна. Могла ли она работать на Каса? Мог ли он нанять Захару для достижения своих целей? Это казалось невозможным, но ведь Кас столько раз хвастал тем, что мог с лёгкостью собрать целую армию.

Сзади меня раздался глухой звук. Две пары ног спускались по лестнице из комнаты этажом выше.

— Не спеши, — сказал мягкий голос. — Так можно упасть.

Я повернулась и увидела, как в гостиную вошли Мариам и какой-то маленький человечек — ребенок?

— Ох! — воскликнула Мариам, увидев меня.

Ребенок, который, как я быстро догадалась, был слеп, остановился, услышав крик Мариам, и прижал к груди металлическую коробку.

— Бояться нечего, — сказала Мариам ребенку спокойным голосом. — К нам в гости пришёл друг. Её зовут Эмель.

Ребенок издал какой-то сдавленный звук.

— Да, Эмель, — Мариам кивнула и подвела девочку к стулу.

Я прижалась спиной к спинке своего сидения, глядя на ребёнка как на хищника.

— Это Билара.

Когда Мариам произнесла её имя, лицо девочки озарилось радостью. А её глаза, хотя и были белыми, как у нашего лекаря, засияли. Её рот приоткрылся, и она широко заулыбалась.

И тогда я заметила, что у неё не было части языка.

Я отвела взгляд.

Мариам, должно быть, заметила, как изменилось мое лицо.

— Я не знаю, как я это поняла; её имя как будто нашептала мне какая-то птичка. Но её реакция это подтверждает.

Значит, девочка не могла говорить.

— Привет, — пропищала я.

Я, кажется, совсем её не интересовала, так как она смотрела только на Мариам.

— Ты в порядке?

Мариам взглянула на мою почерневшую сорочку.

— Я почувствовала запах дыма.

Она положила руку Биларе на спину.

— Со мной всё в порядке, — подтвердила я.

Я всё ещё не могла понять, как мне могло так повезти.

Кивнув на Билару, я спросила у неё:

— Она... твоя родственница?

Её платье было слишком велико, а чёрный цвет заставлял её бледную кожу выглядеть ещё бледнее. То, как она держала голову, как горбила спину над... коробкой... было в этом что-то жуткое, что показалось мне чересчур знакомым.

Мариам покачала головой.

— Даркафы держали её у себя. Они оставили её без присмотра. Две женщины нашли её на пристани. Сначала они подумали, что её отобрали у матери, но ей тут так нравится. Я не могу себе представить, чтобы ребенок был рад находиться вдали от своей семьи, которая с ним хорошо обращалась.

Девочка засунула руку в карман и выудила оттуда мешочек, а затем достала из него засахаренные финики, похожие на те, что мы ели с Касом. Казалось, это было так давно. И хотя те воспоминания были радостными, они были пропитаны неведением и ложью.

— Эти финики всю ночь были с тобой? — Мариам взмахнула руками и попыталась забрать мешочек. — Я готова поклясться, что этот мешочек всегда полон. Не могу понять, откуда она их достаёт?

Девочка закинула финик в рот с довольной улыбкой, которую даже я не смогла ей вернуть. А затем она ещё крепче прижала мешочек и коробку к груди.

— Что это? — спросила я, указав на коробку.

Мариам пожала плечами.

— Мы нашли её прикованной цепью к этой коробке. Она всегда носит её с собой. Я не знаю, что внутри.

Встав, я сказала:

— Могу я посмотреть твою коробочку? Потом я сразу же её отдам.

Билара повернула голову в мою сторону и ещё крепче прижала коробочку к себе, но затем медленно протянула её мне.

Мариам разинула рот, не веря своим глазам.

Коробочка показалась мне тёплой. Я осторожно её повернула и посмотрела на почерневшие выпуклости и вогнутости. На ней был какой-то узор. Я разглядела море и город. Мадинат Алмулихи?

К коробочке была прикреплена порванная цепь. Её звенья были выполнены в виде неровных колец.

Я попыталась открыть коробочку, но она не поддавалась. Лишь только её металлический корпус зазвенел. Билара начала вопить, услышав этот звук. Она положила сладости в карман и протянула руки в мою сторону.

— Отдай ей коробку, — сказала Мариам, и в её глазах отразилась озабоченность.

Она постаралась утешить ребенка, проговорив какие-то нежные слова. И как только коробка снова оказалась в руках Билары, она успокоилась.

— Так происходит каждый раз, — сказала Мариам, прижав ребенка к груди. — Я уверена, что мы сможем найти способ её открыть, но...

Она похлопала девочку по голове, волосы на которой были короткими, словно недавно отросли.

— Это её вещь. Разве нам стоит её так расстраивать?

Было видно, что она не в первый раз заводила этот разговор. Если даркафы держали у себя ребенка, который охранял серебряную коробку, я хотела знать, что находится внутри.

Обойдя округлую комнату, я поняла, что здесь жили Эдала и Надия — на стенах висели гобелены, на полках стояли книги и лежали разные безделушки. Я посмотрела на лестницу,

ведущую наверх. Та комната принадлежала теперь Мариам и Биларе. Лёгкое чувство печали охватило меня, когда я осознала, что по этим полам, по которым сейчас ходила я, когда-то ходили люди, жизни которых оборвались... я взмолилась о том, чтобы в этом не был замешан их завистливый брат.

На одной из полок стоял небольшой портрет. Я никогда не видела ничего подобного. Два лица в деревянной рамке. Лицо мужчины показалось мне знакомым.

— Надия или Эдала? — спросила я Мариам, указав на женщину.

— Эдала. У них необычная внешность, так ведь?

По всему городу висели изображения королевской семьи, но они часто напоминали тот гобелен, который демонстрировали на параде. Я никогда не видела ничего более реалистичного, чем этот портрет.

— Ох! — сказала Мариам. — Мы же направлялись на завтрак. Я совсем забыла. Билара больше никаких фиников. Идём на кухню.

И они с ней удалились из башни.

Завтрак? Неужели уже утро? Небо за окнами комнаты и в самом деле было уже ярко-голубым. Мои веки были тяжёлыми, а внутренности начал разъедать голод, но я пообещала Нике остаться здесь.

Я легла на лавку, и мои мысли закрутились вокруг всего, что произошло вчера: Кас с даркафами, парад, огненные рисунки, шторм, Кас у моей двери, пожар.

Резко сев, я вспомнила о своих вещах, которые были спрятаны в тумбочке в доме Альтасы.

— Нет! — закричала я.

Они не могли сгореть! Я не могла их потерять. Это всё, что у меня было.

— Нет, нет, нет.

Я побежала вниз по лестнице. Я не остановилась, когда стражник попросил меня это сделать. Он последовал за мной в сад, где было уже гораздо меньше людей. Похоже, пожар прекратился. Я начала обходить людей, расталкивая их локтями.

Какой-то мужчина попытался остановить меня, когда я побежала по сгоревшему саду Альтасы.

— Там горячо! — крикнул он.

Он был прав, земля всё ещё тлела. Но меня не заботили мои ноги; я хотела вернуть свои вещи. Дом Альтасы был всё ещё окутан густым дымом, когда я забралась на руины. Я молилась Эйкабу, молилась Вахиру о том, чтобы мои воспоминания о Саалиме и моей жизни сохранились.

— Пожалуйста, — взмолилась я вслух.

Завернув в свою комнату, я увидела, что её стены были покрыты чёрной копотью. Я закашлялась из-за дыма. Осмотревшись, я поняла, что моя кровать уцелела. Как и тумбочка. Упав на колени перед ней, я выдвинула ящик.

Они были здесь.

Всё осталось на месте.

Я чуть не заплакала от облегчения. Я начала доставать вещи по одной, не обращая внимания на дым. Мне надо было увидеть их все, сосчитать. Браслеты Саалима с золотыми лепестками — одна из первых вещей, которые я на нём заметила, и которые когда-то обрамляли его запястья. Тогда я решила, что это были украшения. Я ошиблась. Это были его кандалы.

Всё расплылось у меня перед глазами. И я увидела Каса, сидящего за столом напротив меня в кафе. Его пальцы были переплетены, а с его запястий свисали цепочки, концы которых лежали на столе. Я никогда не видела его без этих цепочек.

Это было похоже на парные браслеты.

— Чего бы ты пожелала? — спросил он меня, и его глаза сверкнули серебром.

Неожиданно всё сложилось воедино: ракушка на носу змеи, свободный стол в питейном доме, фонарь в пещере, которого там не могло быть, огонь, который поджог дом Альтасы.

Это были не браслеты. Это были кандалы.

Братья разделили одну и ту же судьбу.

Кас — Касым — был джинном.

***

Ника нашла меня в саду.

— Король и его люди требуют твоего присутствия.

— Зачем?

Я не могла представить для себя менее подходящего места, чем королевский стол, за которым сидят мужчины, обсуждающие военные планы.

Выражение её лица было раздражённым, когда она потащила меня в обеденный зал, где уже сидел Саалим и все остальные.

— Эмель, — произнёс Саалим.

Стул закрипел по полу, когда он встал. Он указал на свободное место, и я села.

— Она видела его, подтвердила, что это был мой брат. Он поджог дом.

— О, — сказала я. — Насчёт пожара, Саалим...

— Откуда ей знать, что это был Касым? — спросил Азим со смесью облегчения и боли в голосе.

Саалим объяснил:

— Имя, шрам.

Он немного помолчал.

— Мотив. Мы знаем, что он вступил в сговор с даркафами. Нам надо понять, откуда они знают Касыма, а ещё, — он сделал глубокий вдох, — нам надо выяснить, замешан ли он в нападении на город.

Я кивнула.

— Он бы никогда этого не сделал! — возразил Азим, негодуя, и встал. — Он твой брат! Сын короля Малека!

Саалим был выше Азима, и когда он был в ярости, он также ещё сильнее.

— Его не было здесь, когда на Мадинат Алмулихи напали. Ведь так? Я отказываюсь верить в то, что это простое совпадение. Мы знаем, что он был не согласен с решением отца сделать меня своим наследником.

Наступила тишина. Лишь изредка кто-то сплывал или случайно постукивал обувью по полу.

— Я отправлюсь с тобой, — сказал, наконец, Саалим, взглянув на Тамама.

— Ты не можешь снова оставить трон пустым, — сказал Азим.

— И что насчёт сегодняшней свадьбы? — спросил Нассар, уставшим голосом.

Свадьба. Я забыла о том, что она должна была состояться сегодня. Но где была Елена?

Саалим посмотрел на Азима.

— Я могу оставить трон. Я буду участвовать в поисках Касыма и Эдалы до тех пор, пока их не найдут. Я их брат; я должен лично спросить у них о том, куда они пропали перед тем, как наш город атаковали, а семью убили.

Эдалы?

А затем он сказал Нассару:

— Сейчас не время для свадьбы. Я уже поговорил с Еленой.

Нассар подпёр подбородок костяшками своих пальцев.

— Саалим... вся её семья в сборе. Все эти приготовления... гости проделали такой путь...

Я услышала нарастающее волнение в его голосе. Он уже раздумывал о том, как он сможет заново организовать празднество, которое так долго готовилось.

Я почувствовала лишь лёгкую вину за испытанное мною облегчение из-за отмены свадьбы.

Саалим посмотрел на Нассара как на дурака.

— Мой брат напал на наш дом. А моя сестра жива и неизвестно, где находится. У нас есть дела поважнее. Корабль её семьи готов отплыть в любой момент. Они уедут сегодня, и подождут, пока всё не успокоится. Или ты наивно полагаешь, что они хотят быть втянутыми в эти дела?

— Я прослежу за тем, чтобы их отъезд прошёл гладко, — сказал Нассар приторно-покорным голосом.

А я всё никак не могла обратить на себя внимание Саалима и сообщить ему, что мне надо было с ним поговорить. Ни один из стражников не смотрел на меня. Единственная, кто заметил мои кивки головой и округлившиеся глаза, была Ника, которая теперь ещё больше сгорала от любопытства.

— Мы выдвигаемся сегодня вечером, — сказал Тамам. — Нельзя позволить ему уйти далеко.

Кто-то видел, как Касым покидал город с незнакомой женщиной.

— Мы продолжим искать даркафов в городе, — сказал Азим, поставив локти на стол.

Все они сидели за столом, а огромное помещение было изящно оформлено портьерами и напоминало сцену, на которой разворачивалась вся эта драма. Перед ними стояла еда, похожая на реквизит, к которому никто не притрагивался.

— Эмель, — сказал Саалим.

Наши глаза встретились, и затем его взгляд опустился на мешок в моих руках. На его лице отразился вопрос, но быстро пропал.

— Я хочу, чтобы ты поехала с нами.

Раздалось бормотание. Я раскрыла рот и ещё крепче сжала мешок.

Зачем?

— Достаточно ли это мудро? — спросил Кофи, переводя на меня взгляд, а затем снова посмотрев на Саалима.

— Она проводила много времени с Касымом, он напал на неё, — продолжил Саалим, вытянув руку, словно это было очевидно, — она лучше всех нас знакома с пустыней.

Нассар нахмурился, и в кои-то веки я была с ним согласна. Я хотела покачать головой. Я ничего не знала ни о пустыне, ни о Касыме.

Но я точно многое знала о джинне.

Глава 20

Эмель

Наступил вечер, а мне так и не представилась возможность рассказать Саалиму о своих подозрениях насчёт Касыма. Я хотела поговорить с ним наедине, так как боялась, что остальные сочтут меня сумасшедшей, но не смогла этого сделать. А ещё я так и не увиделась с Альтасой. Я хотела рассказать ей о своём решении, попрощаться с ней. Люди говорили, что она погибла в пожаре, но я знала, что её не было дома, и пламя не затронуло её комнату.

В путешествие мы должны были отправиться с Саалимом, Тамамом, Нассаром и Амиром. Я была рада, что Амир присоединится к нам. Из всех людей Саалима он нравился мне больше всего.

— Ненавижу верблюдов, — сказал Саалим, держа в руках поводья верблюда, который нёс нашу воду.

— Не все они такие уж плохие, — сказал Амир, выводя своего верблюда из загона на краю города.

Мы прибыли сюда под видом торговцев, чтобы никто не понял, что король уехал. Большинство людей отсыпалось после прошлой ночи.

Казалось, что Фальса Мок был так давно.

— Куда мы поедем? — спросила я.

Тамам шёл по другую сторону от меня. Он внимательно на меня посмотрел. Ранее он и Саалим обменялись друг с другом резкими словами, пока Амир радостно показывал мне свою карту. Я решила, что так он пытался отвлечь меня от их разговора.

— В ближайшее поселение, — сказал Саалим, указав в неопределённом направлении. — Мы доберёмся до поселения хаяли через пару ночей.

— Ты рассчитываешь найти там Касыма?

— Нет. Я надеюсь найти кого-то, кто их видел, если конечно этот кто-то захочет поделиться с нами этой информацией.

Его голос прозвучал напряжённо. Чем же ему так не нравились хаяли?

— Мы поедем по известному торговому пути. Вероятнее всего, он выбрал именно его.

— Этот путь лучше, чем тот, что ведёт к твоему дому, — объяснил мне Амир. — Если мы поедем этим путём, то между оазисами и поселениями будет только день или два пути. Думаю, что это путешествие дастся тебе легче.

— Надеюсь, — пробормотала я.

Саалим взглянул на меня.

— Я тоже надеюсь.

Той ночью путешествовать было совсем нелегко. Я не спала прошлую ночь, и мне едва ли удалось поспать днём. Мы ехали почти целую ночь без сна. Мои веки стали тяжёлыми как железо, так же, как и мои ноги.

Когда наступил рассвет, я едва не рухнула под оливковое дерево, под которым мы должны были провести остаток дня. Я давно не путешествовала по пустыне и уже забыла о том изнеможении, которое охватывало тебя, если ты не спал до восхода солнца. Саалим и Нассар тоже легли на песок. А Тамам и Амир пополнили запасы воды в мелком водоёме

неподалёку.

— Саалим, — прошептала я, увидев, что его глаза были закрыты.

Он должен был узнать о Касе.

— Хм-м-м? — хмыкнул Саалим, не двигаясь.

Он уже почти уснул. Я посмотрела на его руки, сложенные вместе на груди, вздымающейся при каждом вдохе. Я хотела протянуть руку и коснуться их. Посмотрев на Нассара, я увидела, что его веки были слегка приоткрыты. Он наблюдал за мной.

Я свернулась на своей циновке. Я собиралась рассказать ему о его брате позже.

— Отдыхай.

Прошло несколько дней, а мне не представилось ни одной возможности отвести Саалима в сторону от его внимательных стражников и Нассара. Мы спустились в неглубокий каньон прямо перед рассветом. По всей долине скалы были усыпаны маленькими костерками.

— Хаяли могут быть враждебно настроены, — сказал мне Амир, который вёл наш маленький караван.

Мы выстроились за ним в линию. Верблюды медленно несли нас вперёд.

— Кто-то приближается, — сказал Нассар, положив свободную руку на меч.

Саалим сделал то же самое. Тамам ехал позади меня, и его рука ни разу не покинула меч. Я подозревала, что он оставался таким же бдительным и до этого известия.

Вскоре я услышала звон сбруи и прерывистое дыхание — к нам подъехал какой-то мужчина на лошади.

— Зачем вы приехали? — спросил он.

— Мы из Алмулихи, мы здесь по приказу короля, — сказал Амир.

— Отвечай на вопрос, житель морского города.

Саалим напрягся, а Тамам встал на своём верблюде между ним и незнакомцем. Саалим оглянулся на меня.

Спокойно! Никто меня пока не забрал. Я была рада, что он не мог слышать, как колотится моё сердце. Об этом народе мало что знали, кроме того, что они предпочитали сначала убивать, а потом разговаривать. Саалим объяснил мне, что они могли себе это позволить. Они жили посреди соляной шахты.

— Мы ищем двух человек, — сказал Амир ровным тоном.

Его не поколебал резкий голос мужчины. Амир описал Касыма. И рассказал о том, что он был с женщиной средних лет — не старой — и что она, скорее всего, была из пустыни.

— То есть не такая болезная, как вы, — хаялец рассмеялся.

Амир продолжил говорить и начал описывать Эдалу.

Мужчина фыркнул и повёл нас дальше по долине. С каждым шагом напряжение среди мужчин росло, словно все они были привязаны к одной верёвке.

Когда солнце взошло, я наконец-то поняла, на что я глядела.

Когда Саалим сказал, что они жили посреди шахты, я не поняла, что он имел в виду. Оказывается, они жили внутри неё. Я не знала, что шахты могут быть такими глубокими. Вокруг нас возвышались не холмы. Это были соляные стены. И в них было выдолблено что-то наподобие домов.

По склонам шахты тянулись лестницы, ведущие на разные уровни жилищ или на платформы, где горели костры, на которых готовилась пища.

Мы прошли мимо груды соляных слитков — мужчины, стоявшие рядом с ними с

загнутыми металлическими кирками в руках, внимательно разглядывали нас.

Множество жителей вышло из домов, чтобы посмотреть на нас. Некоторые наблюдали за нами со своих уступов, а другие спустились вниз, чтобы поближе нас разглядеть. Когда мы дошли до центра поселения, вокруг нас столпилось столько людей, что мужчина, ведущий нас за собой, вскоре потерялся среди них.

Хаяли показались мне дикими из-за того, как они смотрели на нас своими блестящими голодными глазами, как улыбались и как сжимали свои металлические инструменты. На них было мало одежды, а их руки, спины и ноги были расписаны сложными рисунками чёрного цвета.

Большинство из них уставились на меня.

В толпе началось шевеление, и какая-то женщина подошла к нам. Её платье без рукавов было подвязано на талии поясом из слоновой кости. Белая корона на её голове была такого же цвета. Её одежды были такими тонкими, что почти ничего не скрывали.

— Спуститесь на землю, — сказала она, взмахнув рукой.

Чёрные рисунки на её руках были очень замысловатыми. Эта женщина была их лидером.

Амир и Тамам спешили. Последний помог спуститься королю, а Амир — мне.

— Ты не сказал мне, что среди них король, — резко сказала она кому-то у себя за спиной.

Значит, она знала его в лицо.

— Новость о моей сестре опечалила меня, — сказала она, опустив голову.

Сестре? Я посмотрела на мужчин. Её слова, казалось, не удивили их.

— Её смерть была быстрой и достойной, — сказал Саалим.

— И как тебе сидится на троне в её отсутствие?

Она подошла к Саалиму и протянула ему свою руку. Он коснулся губами костяшек её пальцев.

— Я же здесь.

Она рассмеялась.

— Кина попросила дать тебе шанс.

Кина. Эта женщина была сестрой королевы? Королева Алмулихи была из поселения хаяли?

Женщина опустила руку.

— Сул рассказал мне о цели вашего приезда. Что вы предлагаете?

Амир вынул две огромные бутылки из тюка на спине верблюда.

— Из нашего моря, — сказал он.

Ее улыбка была широкой и жадной, когда она взяла у него бутылки. Прижав их к груди и взмахнув пальцами, она пригласила нас последовать за ней.

Мы зашли в чёрный разлом шахты — он был похож на вход в пещеру, которую показывал мне Касым — и оказались в широком зале для приемов. Соль покрывала стены, освещаемые несколькими факелами. Женщина села на узкий стул и налила морской воды из бутылки в кубок. Сделав небольшой глоток, она вздохнула.

— Пожалуйста, садитесь, — сказала она. — Ты ведь не передумал? — сказала она Саалиму, приподняв кубок.

— Не передумал.

Она указала на нас, но все мы отказались.

— Хорошо. Мне больше достанется. Кина пила её до самого последнего дня?

Саалим покачал головой.

— Она ей разонравилась.

— Жаль. Если пить совсем по чуть-чуть, это помогает телу оставаться сильным.

Она повертела кубок, но вдруг перевела взгляд на меня.

— Неожиданно, — прошептала она, снова улыбнувшись. — Сул не рассказал мне о тебе.

В свете факела я заметила, что она была старше, чем мне сначала показалось. И хотя её тело выглядело молодо, на её лбу и вокруг рта были морщины. А в её волосах проглядывала седина.

— Значит, ты привёз её с собой, чтобы защитить?

Защитить?

Саалим закинул ногу на колено и откинулся на стуле.

— Она много знает о пустыне, поэтому поехала с нами, Лика.

Когда он произнес её имя, она снова перевела на него взгляд.

Эта женщина — Лика — была уважаемым правителем. Но Саалим как будто возвышался над ней.

— Вы останетесь хотя бы на день? — спросила Лика.

— Нам лучше вернуться на стоянку.

Саалим обвёл рукой помещение.

— Но я благодарен тебе за твою щедрость.

— Какой ты чувствительный, — упрекнула она его.

Я тоже почувствовала, как моя кожа начала высыхать из-за соли на стенах.

— Как хочешь, так и называй.

Саалим снова сдвинулся, он, казалось, снова расслабился, несмотря на напряжение.

Лика и Саалим перекидывались репликами так, словно давно друг друга знали. И если королева Кина была сестрой Лики, то это было очевидно. Их отношения были почти враждебными, на грани конфликта. И хотя Амир и Нассар казались расслабленными, Тамам и я были напряжены.

Глаза Лики снова встретились с моими. Разговор ни о чём продолжился, и Саалим начал из-за этого раздражаться. Наконец, Лика сказала:

— Мои люди не видели твоего брата. А вот насчёт твоей сестры... не знаю. Я бы узнала её, если бы встретила, так как она очень похожа на Кину.

Саалим выдохнул. Надежда, которая помогала ему держать плечи ровно, улетучилась.

— Это так.

Лика продолжила:

— Но в пустыне присутствует магия. Иногда в виде номада или хатифа. Иногда в виде женщины. Мы не смогли заманить сюда эту магию и подробно её изучить.

Она посмотрела на меня.

— Но теперь, когда ты привёз мне *это*, я чувствую удовлетворение.

Я напряглась.

Лика оглядела меня с ног до головы.

— Что ещё она делает? Я не могу понять.

— Она сопровождает меня и рассказывает мне о пустыне, — сказал Саалим, но я увидела немой вопрос на его лице, когда он посмотрел на меня.

— Мой народ будет рад её присутствию. За ней следует богиня.

— Если у тебя больше нет для нас информации, — сказал Саалим резко, вставая со стула. — Тогда мы пойдём.

Лица взмахнула рукой.

— Кина была бы недовольна. Оставайтесь на день.

Я испытала облегчение, оказавшись снаружи пещеры — словно моё тело снова могло дышать, а во рту уже не было так сухо. Чтобы выносить эти условия, рожденные здесь, среди соли, должны были быть совсем другими людьми.

Нас отвели под тень скалы, где Лица потребовала обеспечить нам тишину. И вместо того, чтобы столпиться и пялиться на нас, люди остановились неподалёку.

Когда ушёл мужчина, который принёс нам воду (я никогда не пила ничего более освежающего), мы остались одни. Я больше не могла ждать. Я повернулась к Саалиму.

— Мне надо тебе кое-что рассказать, — сказала я.

Все повернулись ко мне. Мои слова могли прозвучать абсурдно, но Лица только что упомянула магию в пустыне. Им всем надо было узнать, что это такое.

— Касым... в общем, я думаю...

Саалим ждал.

— Что он джинн.

Саалим наклонил голову так же, как делал это раньше, когда я спрашивала его о далмурах, магии джинна или торговле солью. Тогда он словно вопрошал: откуда я это знаю и почему я хотела об этом узнать?

Нассар запрокинул голову.

— А-а.

Саалим проигнорировал его.

— Если бы ты сказала это во время нашего путешествия из твоего поселения, я бы отверг такую возможность и посчитал бы тебя глупой.

Он сжал ткань своей туники в кулак, а затем отпустил её.

— Но я получил письмо.

Тамам и Амир уставились на людей, которые наблюдали за нами издали, но Нассар смотрел на Саалима.

Саалим продолжил говорить:

— От моей сестры, Эдалы. Она написала, что, если я читаю это письмо... погоди-ка.

Он засунул руку в мешок и достал письмо. Он протянул его мне, но затем просил:

— Ты ведь умеешь читать?

Кивнув, я взяла письмо и развернула его. Почерк в письме был витиеватым, поэтому читать его оказалось труднее, чем книгу рецептов Альтасы или "Литаб". На мгновение я мысленно перенеслась в дом Альтасы, за её стол, где я пробегала глазами по словам её книги. Обычно она склонялась надо мной, если слышала, что я переставала шептать слова, и спрашивала — в чём было моё затруднение. Моя грудь сжалась, когда я подумала о её доме, о том, что она должна была почувствовать, вернувшись туда и увидев, что её сады, вся её жизнь, были уничтожены.

Я медленно прочитала письмо. Когда я закончила, моя рука задрожала.

Эдала всё знала.

— Я тут подумал, — прошептал Саалим, чтобы только я могла его слышать, — может быть, ты понимаешь больше меня о том, что написано в этом письме.

"Если ты держишь в руках это письмо, значит, она это сделала".

Откуда Эдала знала об этом? Я осмотрелась, ожидая увидеть лицо его сестры среди толпы.

— Когда ты говоришь о том, что Касым может быть джинном, я не могу понять почему, но я этому верю, — сказал Саалим.

— Я думаю, что он джинн, которого держит при себе Захара.

Саалим кивнул.

— Она та женщина, с которой он покинул Алмулихи.

Она пряталась за своим джинном, как это делал мой отец. Но я всё равно понимала отнюдь не всё.

— Я могу понять, почему Касым захотел заполучить трон, но какое отношение имеет к этому Захара? Что ей с того?

В разговор вмешался Нассар.

— Вероятно, Касым пообещал наделить её властью. Именно за этим люди хотят заполучить трон или помогают кому-то это сделать.

— Мы с ней никогда не ладили. Эдала любила её за предполагаемый магический дар, но я никогда в него не верил, — сказал Саалим.

Он испустил вздох, который был больше похож на его попытку засмеяться.

— Но я не понимаю, как это всё произошло. Неужели он по своей воле решил стать джинном?

Нассар кивнул.

— Если это предоставляло ему неограниченную власть, оно могло того стоить.

Я покачала головой.

— Джинн не получает неограниченную власть.

Я объяснила, как магия джинна ограничивается его хозяином, с которым он связан. Свободная воля, но с очень большим количеством ограничений.

— Но я бы удивилась, если бы выяснилось, что его превратили в джинна насильно.

Я рассказала о том, что знала о создании джиннов.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил Саалим.

Нассар, стоявший у него за спиной, прищурился. Даже Амир повернулся, чтобы послушать меня. Я не могла рассказать им о том, что когда-то мне рассказал об этом Саалим.

Я раскрыла рот, а затем закрыла его.

Саалим осмотрел толпу. Тихо, чтобы только я могла услышать его, он сказал:

— У меня столько вопросов, но ты не отвечаешь на них.

— Потому что в эту правду невозможно поверить.

— Так же как в правду об Эдале и Касыме.

Наступила тишина, и он засунул руку в карман. Он достал оттуда два камешка и начал перекачивать их в руке. Именно эти камешки лежали рядом с тазом в башне его сестёр. Это был точно такой же алтарь Вахира, как алтарь Тави в память о моей матери и сестре. Мемориал для семьи, которую он потерял.

Только он забрал оттуда два камешка. Принадлежавшие тем, кто выжил.

— Иногда, — сказал он, уставившись на камешки, — я задаюсь вопросом, а не о тебе ли написала в письме Эдала.

Несмотря на то, что я не планировал, чтобы наша компания — а тем более, когда с нами была Эмель — оставалась среди хаяли, мы оказались сидящими у костра, ожидая приготовления какой-то ящерицы. Если бы эти люди не были настолько склонны к насилию, я бы уехал в ту же самую секунду, когда моя тётка сообщила нам, что она ничего не знает. И хотя она пообещала нам безопасность, её стражник уже успел рассказать Тамаму о том, что человеческая кожа была прочнее, а хаяли похлопали по кожаной ткани, покрывающей их бёдра и плечи.

Сначала они подали еду Эмель. Протянув ей ящерицу, какой-то молодой парень рассказал ей о том, что не надо есть когти на лапах. Он так близко к ней наклонился, что я чуть не подскочил к ним и не оттолкнул его в сторону. Но у меня перед лицом возник Амир и предупреждающе покачал головой.

Какой-то ребёнок принёс Эмель напиток, на который она скептически посмотрела, а затем всё же приняла. После этого ребенок прижал руку к груди Эмель и удивлённо округлил глаза.

— Диа! — позвала девочку женщина, сидевшая у костра, которая переворачивала почерневших ящериц на длинных палках. — Не надо!

— Но, мама, а как же богиня!

Была некая странность в том, как эти люди вели себя с Эмель. Они выказывали ей больше уважения и почтения, чем мне или моим родителям. Они прислуживали ей так, словно она была членом королевской семьи.

Богиня. Я подумал о даркафах и о причинах их одержимости ею. На этот вопрос я так и не получил ответа. Когда король пересечёт пустыню, богиня вернётся. Она выпустит своего второго сына, чтобы тот умертвил первого. Выпустит Касыма, потому что он был джинном, и пошлёт его, чтобы убить меня. Но богиня? Они ведь говорили не об Эмель? Нет, это не имело смысла. Тогда, где эта богиня, и откуда она должна вернуться?

— Да, дитя моё, — сказала женщина. — И богиня может поразить тебя, если ты тут удержишься.

Диа рассмеялась и убежала, а Эмель посмотрела ей вслед добрыми глазами.

Нассар наклонился к женщине.

— Что имела в виду девочка?

— Нассар, — предупредил я его.

Но она, казалось, была не против ответить на его вопрос. Она указала на Эмель и сказала:

— Её охраняет Мазира.

Эмель спросила:

— Охраняет?

— От магии, — уточнила женщина.

Некоторое время никто ничего не говорил, а затем маленькая девочка вышла вперед и снова приблизилась к Эмель.

— А ещё она охраняет то, что тебе дорого.

— Мне очень дорога ты, — Эмель улыбнулась и притянула Дию к себе.

Улыбка женщины стала ещё шире, чем у девочки.

После обеда, Лика подвела нас к краю долины, и мы покинули поселение хаяли. Теперь высокие стены соляной шахты возвышались вокруг него.

— Надеюсь, вы найдёте то, что ищете, — сказала мне Лика. — И что вы ошиблись насчёт сына Кины.

Потому что я не был сыном Кины. По крайней мере, кровным. Лика подозвала мужчину, стоявшего у неё за спиной. Он протянул что-то, завернутое в хлопковую ткань. Она осторожно взяла предмет и протянула мне. Посмотрев на меня знающими глазами, она сказала:

— Это для Кины. Только не намочи его.

Я развернул странный предмет, и когда увидел то, что было завернуто в ткань, моё горло сжалось. Горестно сглотнув, я поблагодарил её.

Лика ещё раз протянула мне свою руку. Её кожа была грубой, почти иссушенной. Так влияла на хаяли соляная шахта. Я часто задавался вопросом, не из-за отсутствия ли влаги они стали такими неадекватными и безумными?

— Желаю тебе обрести покой, — сказала она.

— В тени от солнца Эйкаба, — прошептала Эмель.

Уголок губ Лики приподнялся.

— Если там и правда есть магия, как мы предполагаем, — сказала она, а затем кивнула на Эмель, — она найдёт её.

***

— Всё прошло лучше, чем мы ожидали, — сказал Нассар, когда мы отъехали на приличное расстояние от тёмной соляной шахты. — Думаю, ты должен быть доволен.

Тот факт, что эти люди предлагали гостю так мало, но при этом получали такую высокую похвалу, рассердил меня.

— От них больше неприятностей, чем пользы.

Амир рассмеялся.

— Они часть семьи.

— В этом-то и проблема, — сказал я.

Нассар фыркнул и сказал:

— Ты видел их шахту? Ты знаешь — и они это знают — что они невероятно полезные.

Мы покинули поселение позже, чем я планировал, и путь до следующего оазиса оказался долгим и проходил под палящим солнцем. Тамам был взволнован, хотя мы ещё не ушли далеко от Алмулихи и не должны были встретить коварных номадов. Но он не терял бдительности, держа меч наготове.

— Ты думаешь, это правда? — спросил он меня. — Что Касым находится где-то там? Как и Эдала?

— Мне приходится верить в то, что это возможно, — сказал я.

— Они там, — сказала Эмель, не сводя глаз с дюн, точно они были водой для иссушенного горла.

Несмотря на то, что гутра Тамама покрывала бóльшую часть его лица, я был готов поклясться, что он улыбнулся.

Когда дом хаяли превратился в изогнутую полосу на фоне неба, я поравнялся с Эмель.

— Ты знаешь, что имели в виду хаяли, когда сказали, что тебя охраняет богиня?

Она пожала плечами.

— Я не уверена.

Ну, вот опять. По тому, как она это сказала, я понял, что она не была со мной честна. Я чувствовал, как ответ на этот вопрос гудит внутри моего тела, но я не мог его расшифровать.

— Почему магия и разговоры о ней всё время преследуют тебя?

— Только вот знахарка со своим джинном гонятся не за мной.

Я улыбнулся, несмотря на её прямоту и вопиющее пренебрежение к моему статусу. Я потёр запястья, чтобы дать высвободиться напряжению. У нас не было времени на все эти недомолвки и намёки.

— Почему ты так со мной разговариваешь? Никто во дворце не смеет этого делать.

Скажет ли она мне правду? Или продолжит хранить свои секреты? Секреты, которые переполняли её, точно дым.

— Мой отец был королём. Меня не просто запугать.

Мой отец был королём, и я боялся его.

— Здесь явно есть что-то ещё.

Мои люди оторвались от нас, и я знал, что они не могли слышать мои слова.

— Очень многое, — прошептала она. Её голос прозвучал печально.

— Расскажи мне, — взмолился я. А когда Эмель не ответила, я сказал: — Я буду говорить с тобой честно, и надеюсь, что ты сможешь сделать то же самое.

Совет моего отца громко звенел у меня в ушах: Любви не место среди знати. "Но ведь я не люблю Эмель", — напомнил я себе. Меня просто тянуло к ней. Мне даже ничего не надо было делать, это течение притягивало меня всё ближе и ближе.

— Я боюсь, что это прозвучит неподобающе, или как безумие, но есть что-то... — сказал я.

Я посмотрел на свои руки, которые крепко сжимали поводья.

— Что притягивает меня к тебе.

Ну, вот, я это сказал. Теперь я уже не мог взять свои слова назад. Она напряглась.

— Это началось в тот самый день, когда я впервые увидел тебя, Эмель. Что это значит? Ты смотришь на меня так, словно знаешь меня. Твоё присутствие успокаивает меня, как если бы я знал тебя на протяжении долгого времени. Как друга...

Как любовницу. Но я не произнёс этого. Я надеялся, что она не заметила дрожь в моём голосе.

— О, Саалим, — сказала она.

Я едва расслышал её слова сквозь свист ветра, но всё же... Я услышал то, как она это сказала. Словно она полностью меня понимала.

Мой пульс ускорился. "Скажи мне!" — хотел вскричать я.

— Ты всё равно мне не поверишь, — её голос прозвучал так устало. — А, может быть, и поверишь.

— Пожалуйста.

— Я действительно тебя знала. Знаю... очень хорошо.

Она посмотрела на меня, её глаза были мокрыми от слёз. Мы покачивались в такт верблюдам, которые послушно шли за нашим небольшим караваном.

— Как?

Она ничего не сказала.

— Ты мне не скажешь.

Эмель покачала головой.

— Всё это не имеет никакого смысла. Если бы я могла тебе рассказать, я сделала бы это сразу же, как увидела тебя в своём поселении.

Она вытерла глаза.

Сама мысль о том, что между нами что-то было, что что-то произошло, даже если я этого не помнил, наполнила меня зияющей пустотой. Она притягивала меня к ней, и я чувствовал, что найду там утешение, а не сомнения.

Да, это имело смысл. Что бы это ни было.

У оазиса мы согнали вместе верблюдов и расстелили циновки. Эмель расположилась между мной и ближайшим кустом. Несмотря на то, что я скучал по своей кровати, когда я спал рядом с ней, так близко, слышал то, как она вздыхает во сне, я испытывал неожиданное успокоение. Я был готов пожертвовать своей кроватью ради этого.

— С юга! — неожиданно сказал Тамам, и его слова разлетелись вокруг нас.

Я увидел их сразу. Четыре — нет, пять — человек пересекали дюну. Успели ли они нас заметить?

Мы тут же собрали наши вещи и швырнули их за кусты рядом с верблюдами.

— Держи этот при себе, — сказал я Эмель, протянув ей свой мешок. — Если тебе придётся бежать, ты найдёшь здесь еду и мой бавсал. Алмулихи находится к северу отсюда.

Она взяла мешок в руки, а свой мешок закинула на плечо. Она носила его везде, но ни разу не открывала.

Тамам, Амир и Нассар собрались вместе и принялись ждать приближения группы людей.

Когда они подошли ближе, я увидел, что это были номады — одетые так, чтобы защититься от солнца. Тот факт, что они путешествовали днём, говорил о том, что они родились в пустыне. Амир выступил вперёд, как только они приблизились к нам, а я встал в одну линию со своими людьми. Я надеялся, что Эмель останется сзади.

— Мы не желаем вам зла, — сказал один из них и показал руки, в которых не было оружия. — И если я лгу, то пусть Эйкаб заберёт мою воду.

Его гутра — оранжевая как песок — скрывала всё, кроме глаз.

— Мы уже разбили здесь лагерь, — сказал им Амир.

Он поднял руку ко лбу, а другую держал рядом с рукоятью меча.

— Похоже, мы опоздали, — сказал другой мужчина, слезая со своего верблюда.

Они двигались медленно.

— Мы только пополним наши запасы.

— Тут ещё пятый, — сказал мужчина в коричневых одеждах. — Женщина?..

— Вы закрыли её от нас, — сказал другой мужчина, и в его голосе послышался гнев. — Что ещё вы от нас скрываете?

Моя рука переместилась на меч. А Тамам уже начал доставать свой меч из ножен. Амир хрустнул пальцами, словно предупреждая их, а Нассар выступил вперёд.

— Женщину легко взять в заложники. Было бы глупо не прятать её от здешних путешественников.

Они кивнули. Это была правда. Именно поэтому я хотел, чтобы эти мужчины уехали. Неожиданно, хаяли показались мне уже не такими опасными.

— Вам далеко ещё ехать? — спросил я. — Нам нет. Если вам нужно остановиться здесь, мы можем уехать.

Амир обернулся и посмотрел на меня с плохо скрываемым раздражением. Я был королём, а он и Нассар были моими дипломатами в пустыне. Если бы я не хотел так отчаянно найти Эдалу — найти Касыма и сдвинуть его шею руками — я бы уже повернул домой. Это место принадлежало Эйкабу. Они могли занять его.

— Разве мы не можем потесниться? — спросил высокий мужчина, плечи которого были шире, чем у Тамама.

На его бёдрах висело два ятагана. Он указал жестом на тень.

— Мы можем посидеть, поговорить о наших путешествиях.

Он хорошо разыграл свои карты. Если бы мы отказались, это могло привести к конфликту. А если бы согласились, мы рисковали обнажить перед ними наши слабости. Неожиданно Эмель встала рядом со мной. Я постарался подавить стон.

— Дитя пустыни? — сказал мужчина в коричневых одеждах. — Вы её украли?

Его обвинение обрушилось на меня, точно камень. Вот теперь я был зол.

Я огрызнулся.

— Её не зачем красть. Она сама по себе.

Эмель распрямила плечи, точно натянутый лук. Я прижал руку к её спине. Сейчас было не время для демонстративного поведения.

Но было уже поздно.

Они кинулись вперёд, обнажив ятаганы раньше, чем мы успели вынуть мечи из ножен. Когда я достал меч, он ударился в серебряный клинок, выброшенный в мою сторону. Человек в коричневом столкнулся со мной и начал наступать. Отражать его удары было легко по сравнению с ударами Азима. Он был медленным и плохо обученным бойцом.

— Сдавайтесь! — крикнул я номадам. — Или мы убьём вас!

Мужчина начал сдавать, и вскоре я уже наступал на него. Он быстро отошёл к своему верблюду и рявкнул, чтобы его люди сделали то же самое.

— Это того не стоит! — крикнул он, и они попятились.

Мы легко выиграли это сражение. Победное чувство гудело внутри меня, когда они пошли прочь, взяв поводья верблюдов и потащив их за собой.

А затем я понял, что их осталось только четверо.

Где был пятый?

Развернувшись, я увидел его.

— Эмель!

Я побежал в сторону мужчины, который тащил её прочь. Его рука крепко сжимала ей рот поверх платка, заглушая крики. Её руки были сцеплены за спиной. Теперь я понял, почему они так легко сдались. Они получили нечто более ценное, чем наши вещи.

— Отдайте ваши вещи, и она будет свободна! — крикнул он.

Тамам обошёл меня, держа меч наготове. Он пробормотал что-то Амиру и Нассару и начал медленно продвигаться вперёд. Слишком медленно, с моей точки зрения. Я ринулся вперёд, поднимая клинок вверх.

Эмель сдвинулась и освободила руки. Она начала царапать руку, которая держала её за шею, и лицо мужчины, но неожиданно остановилась. Какой-то блик заставил меня опустить глаза вниз.

Мужчина направил кончик ятагана в сторону её живота.

— Стоять, — сказал мужчина. — Или я проткну её.

Я застыл на месте, уставившись на ятаган. Он пока что не причинил ей вреда.

Ужас приковал Эмель к мужчине. Её глаза встретились с моими, и я увидел в них мольбу, страх. Я не мог защитить своих людей, даже несмотря на наличие солдат. Стыд подогрел мой гнев. Я должен был стать лучше.

— Ты сможешь забрать наши вещи, когда отпустишь её, — сказал я, подходя ближе.

Мужчина покачал головой и прижал лезвие ятагана к животу Эмель. Боковым зрением я увидел, что Тамам ждёт. Другие номады обошли своего компаньона и встали у него за спиной.

— Сначала вещи, — сказал мужчина. — А потом мы её отпустим.

Будь проклята эта пустыня и её бесчестные жители! Я раскрыл рот, чтобы ответить, как вдруг Эмель заговорила.

— Он сделает так, как говорит, — произнесла она поверх его расслабившейся руки. — Эйкаб слышал его слова.

Глаза мужчины забегали, когда она заговорила, гутра начала вздыматься от его тяжёлых вдохов.

Убрав меч в ножны, я кивнул. Амир протиснулся сквозь небольшие кусты и принёс наши мешки. Они были тяжёлыми от воды и больших запасов еды. Это был знатный улов для этих людей. Опустив мешки к ногам мужчины, Амир отошёл в сторону.

Та лёгкость, с которой они приказывали нам, очень сильно напомнила мне о солдатах, что забрали мою семью из дворца и мир из Алмулихи.

Я не мог снова оказаться слабым.

— Нет, — сказал я, когда они толкнули Эмель в нашу сторону.

Она была в безопасности. Я знал, что должен быть этому рад. Но я неожиданно снова оказался во дворце и смотрел на то, как умирают наши солдаты. Я слышал, как мать кричала мне, чтобы я убежал. Я почувствовал себя жалко из-за невозможности сражаться. Снова.

Я со свистом достал меч из ножен, и на этот раз я собирался вкусить крови.

Эмель закричала:

— Саалим нет!

Отчаянная паника в её голосе заставила меня на секунду задуматься. Но этого оказалось достаточно.

Номад ушёл из-под моего удара и закричал:

— Мазира, направь мой меч!

Ослепляющая боль пронзила моё бедро. И тут же на нём образовалась красная рана.

Передо мной пронеслась тень, и мужчина упал на песок. Его лезвие, обогрётное моей кровью, упало рядом. Тамам вынул меч из шеи мужчины, а я опустился на песок.

— Саалим! Зачем ты это сделал?

Эмель подбежала ко мне.

— Они бы ушли!

Она была рассержена.

— А теперь посмотри на себя.

Я зажал рану на бедре, и кровь начала собираться между моими пальцами. Она пульсировала, и обжигающая боль начала раздирать меня, снова и снова. Я упал на землю.

Я слышал мужские голоса, которые сердито огрызались.

А затем Эмель прошептала:

— Мы в безопасности. Сдвинь руки.

Она надавила на мою кожу и начала бормотать какие-то вещи, которые я не мог

рас слышать. Мир завертелся у меня перед глазами, и я закрыл их. Я сжал кулаки от боли и принялся ждать.

— Оставьте их здесь, — сказала Эмель.

Кто-то — Тамам? — ответил ей.

— Даже один верблюд без хозяина может вызвать подозрения. А тем более пять, — сказала она.

— Она права, — сказал Нассар, проходя мимо. — Другие номады могут решить, что нас в два раза больше. И уже не будут такими же приткыми.

Я сел, не в силах понять разговор, который происходил вокруг меня.

Эмель всё ещё находилась рядом. Теперь мы уже были под тенью какого-то небольшого дерева. Острая боль переросла в тупую, превратившись в ужасную пульсацию.

— Что мне у них попросить? — сказал Амир, ища что-то в мешке.

— Алию, если она у них есть. Либо кипарис или лас. И побольше бинтов, если можно, — ответила Эмель.

Она склонилась надо мной, платок был теперь повязан вокруг её шеи, и я мог видеть её рот.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как дурак, — сказал я, уставившись на её губы.

— Так и должно быть.

Уголки моих губ приподнялись. Эмель тоже улыбнулась мне слабой улыбкой, которая быстро исчезла.

— Рана очень глубокая, — сказала она.

Чёрная хлопковая ткань, мокрая от крови, была крепко повязана вокруг моего бедра.

— Ты не ранена?

Она покачала головой.

— Со мной всё в порядке.

Вспомнив, что на ней даже не было ожогов после пожара, я сказал:

— Мазира защищает тебя, так ведь?

Эмель посмотрела мне в глаза, а затем сообщила:

— Амир и Нассар поехали обратно к хаяли, чтобы попросить у них что-нибудь, что могло бы тебе помочь.

— Они ничего не отдадут просто так.

Эмель пожала плечами.

— Тамам? — спросил я.

— Разбирается с телами.

— Телами.

Номадов.

— Они убили всех.

Тамам двигался позади меня. Я слышал шёпот тел, которые тащили по песку.

— Что он делает?

— Небесные похороны.

— Они не заслуживают...

— Этих людей породила пустыня. Да, они были подлыми. Да, они воровали. Но они не причинили бы мне вреда. Они были убиты бесчестно.

Я прикусил язык. Я не собирался с ней сейчас спорить. Бесчестно было воровать то, что

тебе не принадлежало, и торговаться, используя людей, как вещи — вот что было бесчестно.

Эмель продолжала:

— Птицы отнесут их Мазире, она решит их судьбу.

Вытянув пальцы, я нашел её руку и взял её в свою.

— А Вахир забирает тела в свои воды.

— Так вы возвращаете тела богине? — спросила она, скорчив гримасу.

— А что с этим не так? — спросил я.

— Вы ничего не отдаёте пустыне.

— Я никогда не понимал поклонение Эйкабу. Он жестокий.

— Не жестокий. Неприятный, да, но он обязан быть строгим. Пустыня не даёт поблажек своим жителям, так почему Эйкаб должен это делать?

— Но разве не стоит поклоняться тому, кто предоставляет убежище от всех невзгод? Вода Вахира дарует нам жизнь. И она не была бы нам нужна, если бы не Эйкаб.

— Может быть, — медленно сказала она, глядя на мою ногу. — Но я считаю, что нам стоит прославлять того, кто учит нас выживанию.

— Твой отец был жестоким. Он не заслуживал прославления, — тихо сказал я.

Она не взглянула на меня, а только заморгала, пытаясь отогнать слёзы, и тяжело вздохнула.

— Что такое?

Я коснулся влажного следа на её щеке.

— Я не ожидал подобной реакции от женщины, которая смотрела на меня без всякой скорби, когда её отца зарубили у неё на глазах.

Она вытерла лицо тыльной стороной руки, пятна от работы, которую давала ей Альтаса, давно исчезли.

— Я была такой одинокой. Там.

— В Алмулихи.

Она кивнула.

— Я скучаю по дому и скучаю...

Она не закончила свою мысль.

Тамам потащил ещё одно тело по песку у меня за спиной. Эмель ни разу не взглянула в его сторону.

— Моя мать сказала бы мне, что я посрамился.

Она встретилась со мной взглядом.

— Что ты имеешь в виду?

— Никто в Алмулихи не должен скучать по дому. А тем более, если он скучает по нему так сильно, что желает заново прожить все ужасы прошлого. Прости, что был таким негостеприимным...

— Нет, — начала она. — Это...

— Ты чувствовала, что тебе не рады. Я знаю, что в этом есть и моя вина. А мой народ не жалуется... жителей пустыни.

— Солеискателей.

Её брови на мгновение приподнялись.

— Это моя вина. Я позволил всему этому продолжаться. Забег верблюдов надо прекратить.

Она посмотрела на горизонт.

— В основе этой насмешки — стыд.

— Я не понимаю, о чем ты...

Я не закончил, потому что знал, о чём она говорит.

Но откуда она об этом знала — вот в чём вопрос.

А затем, словно примериваясь к словам, она закончила

— Сын поверженного короля и солеискательницы.

Глава 22

Эмель

Тамам нарушил тишину:

— Всё сделано.

Он направлялся в нашу сторону, его лоб блестел от пота.

— Нам скоро надо будет уходить. Стервятники, которые сюда прилетят, привлекут внимание.

Посмотрев на пустыню, Саалим застонал — её воздух уже пошёл рябью, точно вода, хотя солнце едва взошло над нашими головами — но он всё равно кивнул.

— Мы не сможем уйти в ближайшее время, — сказала я, указав на его ногу. — Кровотечение, скорее всего, остановилось на некоторое время, но оно может возобновиться, если он начнёт двигать ногой. До ночи ещё есть время. Как говорится, человек, который не пришёл домой до восхода луны, уже не вернётся.

Тамам кивнул.

— Значит, у нас есть время до ночи, после чего их начнут искать. Нам надо уйти не позднее наступления сумерек.

Он был взволнован и беспокоен. Ему не нравилось сидеть и ждать.

В полдень Тамам принёс свой мешок и разделил сушеное мясо и фрукты между нами. Мой мешок снова лежал рядом со мной. Я поклялась никогда больше не снимать его с себя.

Тошнота то и дело накатывала на меня, когда я вспоминала о номадах. Ослепленный гневом, Саалим не понял, что тот мужчина не причинил бы мне вреда, не причинил бы ему вреда. Ему были нужны только наши вещи, а не ещё один рот, который надо было кормить. И он начал защищаться только тогда, когда Саалим напал на него.

Взмах ятагана... я благодарила Мазиру за то, что тот не распорол Саалиму живот, а ударил в ногу. Рука Мазиры как будто отвела его лезвие.

Когда Саалим заснул, я поискала глазами Нассара и Амира. Тамам сказал мне, чтобы я отдохнула, но я не могла. Вряд ли я смогла бы уснуть до тех пор, пока мы не уехали бы подальше от стервятников, которые кружили в небе и пикировали на трупы за нашими спинами. Я вспомнила небесные похороны своей матери, вспомнила, как наблюдала за тем, как стервятники возвращали её Мазире.

— Они приближаются, — сказал Тамам.

Саалим пошевелился, словно пробуждаясь от своего беспокойного сна, его глаза раскрылись, а затем снова закрылись.

Амир быстро спешил и сказал:

— У них был только лас, и они отдали его, ничего не взяв взамен, — сказал он с некоторым удивлением.

— Ничего не взяли? — сонно спросил Саалим.

Амир кивнул.

— А ещё они дали вот это.

В его руках была сложенная плотная ткань. Её было даже больше, чем мне было нужно.

— Лика сказала, что это для Эмель. Так как богиня охраняет её.

Саалим уставился на меня.

— Дай мне лас, — сказала я, протянув руку.

Амир передал мне небольшой пузырек. Хвала Эйкабу — или Вахиру — за то, что они даровали нам это масло! С помощью Амира мы перевязали рану Саалима.

Рана оказалась опасно тонкой. И кожа очень быстро срасталась. Я вспомнила, как Альтаса говорила мне, что открытая рана была безопаснее — ее было легче перевязывать, прочищать и проветривать. Если рана слишком быстро закрывалась, была велика вероятность, что она загноится. Саалим крепко сжал кулаки и челюсти, а я осторожно развела края раны в стороны, чтобы Амир мог промыть её. Саалим дёрнулся, но не издал ни звука. Он также не отдернул ногу. Я налила масла в рану. Боги, я молилась о том, чтобы это помогло. Моё сознание нарисовало картину, в которой рана загноилась, и Саалим больше не мог продолжать путешествие и в итоге умирал.

Сложенная ткань лежала рядом со мной. Я взяла первую полоску.

— Согни колено.

С большой неохотой Саалим сделал так, как я велела.

— Я сам могу это сделать, — сказал он, садясь.

Он прогнал мужчин, сказав им, что чувствовал себя ребенком, когда мы все ухаживали за ним.

— Правда, тебе не стоит...

Я оттолкнула его руки.

— Позволь мне, — сказала я и начала обматывать его бедро тканью.

Мой взгляд прошёлся по его ноге под одеялом. Когда мои ладони задели его кожу, я вспомнила о том, что когда-то я могла свободно касаться его тела. В водоёме оазиса, в базарном шатре, на обломках дворца Мадината Алмулихи на берегу.

Я провела пальцами по его ноге, и Саалим застонал. Я взяла ещё одну полоску ткани, прошлась руками вдоль его кожи и зафиксировала повязку.

— Эмель, — сказал он так тихо, что я едва его расслышала.

— Хм-м? — хмыкнула я, глядя на Тамама и Нассара, которые откинулись на своих циновках.

Амир сидел на краю водоёма спиной к нам и двигал руками в молитве.

Я осторожно обернула последнюю повязку вокруг его бедра.

— Эмель, — снова сказал он, и его рука потянулась ко мне.

Он не сводил с меня глаз, пока я фиксировала ткань на его ноге.

— Что такое? — спросила я, наклонившись поближе к его губам.

Его тепло коснулось моего виска.

— Иди сюда, — прошептал он дрожащим голосом.

Он отвёл руку в сторону, словно приглашая меня лечь рядом с ним.

— Пожалуйста.

Мою кожу начало покалывать, а тело стало изнывать от желания. Я ничего так не хотела.

Покачав головой, я села и собрала чистые повязки.

— Если бы здесь не было столько глаз... — сказала я, а затем медленно коснулась губами его лба.

Когда мои губы дотронулись до его кожи, он снова превратился в Саалима из моего прошлого. Я ненадолго задержалась у его лба. Его дыхание сбилось.

— И если бы ты не был таким глупцом...

* * *

К тому моменту, как мы добрались до следующего поселения, я впала в отчаяние. Ласа было недостаточно. Края раны опухли. Жидкость, которая сочилась из неё, была вязкой и бледно-желтой. Началось нагноение, а за ним пришёл жар.

— Нам надо найти лекаря, — начала поторапливать я Амира, пока мы ждали кого-то, кто мог бы отвести нас к лидеру этой деревни.

— Я знаю, — сказал Амир, измученный беспокойством, после чего его и Нассара повели в поселение. — Мы постараемся найти его как можно скорее.

И хотя Саалим настаивал на том, что он в порядке, мы всего видели пот, выступивший у него на лице, несмотря на прохладную ночь. Пот капал с его лба, тек по рукам и шее. Он сгорбился на своём верблюде, пока мы ехали. Он был не в порядке, и ему быстро становилось хуже.

Это поселение было похоже на моё, где шатры служили домами, а их расположение зависело от направления ветра. Я не знала, было ли это поселение кочевников, или здешний народ решил пустить корни в этой части пустыни, как люди моего отца.

Амир и Нассар вскоре вернулись с двумя мужчинами, которые пообещали отвести нас к лекарю.

— Вам повезло, — сказал один из них. — Он один из лучших.

* * *

— Она не затянется, — сказал мужчина, вздернув нос и глядя на раскрытую рану Саалима. — Он умрёт.

Мы все уставились на лекаря, включая Саалима. Нас не устраивала смерть.

— Нет, — сказала я одновременно с Амиром.

Тамам и Нассар ждали снаружи.

— Что вы можете сделать? — спросил Амир. — Мы можем вам заплатить — деньгами, солью. У нас есть еда...

— Я не буду тратить на это свои снадобья, — сказал лекарь.

Он указал на тёмные красные линии, которые поднимались по бедру Саалима.

— Уже слишком поздно. Оно распространяется в сторону сердца.

Он встал и разгладил одежды.

Подавив всхлип, я уставилась на мужчину. Как он мог отказать Амиру? Саалим не мог умереть!

Наконец, Саалим заговорил:

— Я король Мадината Алмулихи. Всё, что вы на нас потратите, будет возвращено вам в трёхкратном размере.

— Ты слишком тяжело болен, — сказал лекарь. — И мой ответ "нет".

Я заставила себя посмотреть на Саалима, хотя мне не хотелось сейчас его видеть. Я не хотела видеть лицо того, кому сообщили, что ему суждено умереть. Я не хотела видеть лицо мужчины, которого я любила, и который выглядел...

Напуганным. Его глаза, помутневшие от жара, не смотрели на меня. Они смотрели на спину лекаря.

Полка с ингредиентами и мазями находилась недалеко от нас. Нас разделял только лекарь. Я даже начала раздумывать о том, чтобы украсть снадобья с полки, пробежав мимо него и засунув их в свой мешок.

Вместо этого мы ушли. Амир тяжело облокотился на Амира, а Нассар куда-то подевался.

— Он решил поспрашивать насчёт Касыма и Эдалы, — сказал Тамам.

— Хорошо, — прорычал Саалим.

Один из наших сопровождающих повёл нас шатрами, пока мы не вышли на огромную площадку, по центру которой горел костер. Прямо за ним находилось несколько шатров — их входы были открыты и подвязаны толстыми верёвками.

Из одного из них появился Нассар и подошёл к нам. Три женщины бежали у него за спиной, махая руками и спеша поприветствовать нас.

— Он ничего не слышал, — сказал Нассар. — но он сказал, что мы можем оставаться здесь столько, сколько нужно, пока ты не поправишься.

Саалим издал смешок.

— Значит, я умру здесь, — сказал он и с помощью Амира последовал за женщинами, которые что-то тараторили.

Нассар недоуменно посмотрел на меня, когда я последовала за ними в незанятый шатер.

— Скажи Педу, что он более гостеприимен, чем его лекарь, — сказал Саалим, когда его усадили на стул.

По центру лежал тюфяк, приподнятый над землёй, и по тому, как женщины начали подталкивать Саалима к нему, я поняла, что он предназначался для него.

— Я скажу ему, — сказала я в отчаянии и гневе.

Мои кулаки всё ещё были сжаты из-за нежелания лекаря помочь.

— Нет, Эмель, — сказал Нассар. — Они могут плохо это воспринять.

Нассар прогнал женщин, которые начали говорить ему про постель для Саалима.

— Да, я всё понял, спасибо.

Переведя своё внимание на меня, он сказал:

— Оставайся здесь.

Нассар был прав. Нам бы не помогло, если бы я начала ругаться после того, как они предложили нам безопасное место для ночлега. Нассар попросил меня остаться с королём, и я послушалась.

Я подошла к стулу, стоявшему рядом с Саалимом. Он наблюдал за мной, а его лицо было всё ещё охвачено жаром. Затем послали за водой, и ему быстро её принесли. Очень медленно была приготовлена ванная, для которой понадобилось две поездки в оазис и две полные бочки. Саалима решили оставить одного, чтобы он мог помыться, но когда я начала уходить, он остановил меня.

— Если ты уйдёшь, я останусь один, — его голос прозвучал неожиданно печально.

Его эмоции, точно нити, притянули меня к нему. Закрыв вход в шатёр и проигнорировав вопросительный взгляд Тамама, я спросила:

— Тебе нужно помочь лечь в ванную?

Последовали тихие стоны и пыхтение, а затем:

— Да.

Я подошла к нему, взяла его за предплечье обеими руками, а он начал медленно и осторожно снимать одежду.

Раздевшись догола, Саалим вошёл в ванную. Я осталась подле него. Я не могла даже об этом мечтать, но это также был мой кошмар. Он вздрогнул, когда его рана погрузилась под воду.

— Ты не умрешь от этой раны, — сказала я, заставив свой гнев придать уверенности моему голосу.

Он начал сдаваться, стал более небрежным.

— Знаешь, я не перестаю думать о горах. Я никогда не видел таких высоких гор в своей жизни. И на их вершинах — лёд, замерзшая вода. Знаешь, я никогда такого не видел. Но теперь я вижу его, закрывая глаза. Я его чувствую. Я беру его в свои руки, он похож на порошок. Я прижимаю его к своей ноге, к шее. Он такой холодный.

Он говорил медленно и устало дышал.

Я замерла, слушая его.

— Это кажется нереальным, — сказала я натянутым тоном, и придвинула стул, чтобы сесть с ним рядом.

Он не мог знать, что он раньше бывал в горах. По крайней мере, он рассказывал мне об этом, когда был джинном. Таковы были последствия несовершенной магии, похожей на изодранный саван.

— Сейчас здесь уже меньше глаз, — сказал Саалим, положив локоть на край ванной и протянув ко мне руку.

Я взяла его за руку и коснулась её губами. А когда прижалась щекой к его ладони, его пальцы дрогнули и погладили моё лицо. Я закрыла глаза, которые наполнились слезами.

Он не мог умереть. Он не мог умереть. Он не мог умереть. Не сейчас, когда я была так близко. Не сейчас, когда мы были так близко.

Вода плеснула на стенки ванной.

— Теперь ты мне расскажешь? — спросил он и откинулся в ванной ещё больше.

Теперь его голова лежала на бортике, а лицо было повернуто ко мне.

— Расскажу?

— О нас.

Я замолчала. Зачем мне было рассказывать ему о прошлом, которое он не помнил? Я вспомнила о сумасшедшей женщине, которая жила в моей деревне. Она не знала ничего о нашем мире, и жила в прошлом, которое случилось двадцать лет назад. Дети любили дразнить её, когда она спрашивала о своем муже.

— Он умер! — кричали они, и она начинала оплакивать его по новой.

— Когда у меня был трудный день, или мне надо было отвлечься, — начала я. — У меня был друг, который рассказывал мне удивительные истории.

Саалим раскрыл рот, чтобы протестовать, но у него больше не осталось сил, и он закрыл его.

— Мне очень нравилась история о джинне и ахире.

Если бы кто-то подслушивал нас сквозь эти тонкие стены из ткани, они бы услышали только эту историю. Они бы не поняли, что это была невозможная правда.

— Об ахире?

Он нахмурился.

— И джинне?

— Это добрый джинн, — прошептала я, проведя губами по его пальцам.

Медленно, чтобы передать всё в точности, я рассказала Саалиму нашу историю.

— Куда он делся? — спросил он меня после того, как я рассказала ему о желании ахиры, которое их разделило.

— Он вернулся домой, — сказала я и помогла ему встать.

Мы осторожно подошли к его постели. Когда он, наконец, лёг, его дыхание сделалось тяжёлым и частым.

Когда оно замедлилось, он спросил:

— А что случилось потом?

Его лоб нахмурился, когда я пожала плечами.

— Мне не нравится, что на этом всё и закончилось.

— И мне.

— В этой истории слишком много романтики. Ей не хватает боёв и сражений на мечах. Что делал этот джинн всё это время? Восторгался своей ахирой?

Не в силах сдержаться, я широко улыбнулась.

— Да.

— Ты должна закончить историю. Какой у неё конец?

— Счастливый, — пообещала я.

И когда он закрыл глаза, я заплакала.

***

— Нам надо возвращаться в Алмулихи, — сказал Нассар на рассвете.

— Алмулихи? — спросил Амир. — И куда мы отведём Саалима? К Альтасе? Мы это уже обсуждали. Её снадобья сгорели. У нас есть Эмель.

Я запротестовала.

— О, нет...

— На базаре мы найдём все, что ему надо! Здесь есть другие лекари, — сказал Нассар, на этот раз рассержено.

Он говорил громко, и я развернулась, ожидая, что Саалим проснётся. Мою грудь сдавило ещё сильнее. Он продолжал спать. Когда мы ехали в Мадинат Алмулихи в первый раз он как будто вообще не спал. Он всегда был бодр, всегда что-то планировал.

— Мы можем отправиться в другие поселения, — сказал Амир. — Те, что находятся недалеко отсюда, и где людей будет легче купить.

— Тогда мы отдалимся от Алмулихи. Мы не можем так рисковать.

— На юго-западе отсюда есть поселение, до которого ночь пути. До Алмулихи десять ночей — или все тринадцать, учитывая нашу скорость. У нас нет столько времени, — сказал Амир и посмотрел на меня.

Я знала, что он прав.

— Это так.

С наступлением сумерек, Тамам и Амир помогли Саалиму сесть на верблюда. Саалим поклялся, что с ним всё будет в порядке, и что у него осталось достаточно сил, но его остекленевшие глаза и дрожащие руки говорили об обратном. Нассар казался таким же изможденным, как и я.

Но несмотря на мою усталость, сон не угрожал мне, как я того опасалась, потому что я очень переживала из-за Саалима. Он пытался держаться, но я видела, как опустились его плечи, и как его тело покачивалось на верблюде.

Когда луна вошла высоко в небе, он завалился на сторону и упал на землю.

— Саалим! — вскрикнула я, спрыгивая с верблюда.

Тамам уже был там и стоял на коленях подле Саалима.

— Ты ушибся? — спросила я, опустившись на землю рядом с ним.

Я коснулась рукой его щеки, она была горячей.

Я развернулась и начала отчаянно — точно глупец — искать хоть что-нибудь, что могло ему помочь. Боги, почему это должно было случиться именно здесь? Эта беспомощность удушала меня. Я едва могла собраться с мыслями.

— Всё в порядке, — сказал Саалим, прерывисто дыша. — Я просто устал. И... заснул.

— Мы отдохнём, — сказал Тамам.

Амир подошёл к нам, Нассар шёл за ним следом, держа верблюдов за поводья. Он посмотрел на ночное небо каменным взглядом.

— Мы не можем здесь оставаться! — сказал Амир, достав из своего мешка карту и отчаянно указав на неё. — Осталось ещё половина ночи до следующего поселения. Мы не можем ждать, когда взойдёт солнце. Станет слишком жарко. И он...

Его голос стих, когда он взглянул на карту в лунном свете. Он блуждал по ней взглядом, точно ища другой путь. Когда я снова посмотрела на Саалима, его глаза уже были закрыты, дыхание сделалось учащенным.

Нет, нет, нет. Я не смогла бы этого вынести. Я не могла остаться здесь и наблюдать за тем, как Саалим начнёт умирать словно лампа, без масла. Я отошла от них и верблюдов в сторону. Я пошла навстречу ночи, вспомнив о том, как я чувствовала себя тогда, на Хаф-Шате, когда ещё была ахирой своего отца. Как я смотрела на пустыню и хотела убежать. Как я отчаянно желала вырваться из клетки, которой стал для меня дворец моего отца.

Теперь я попала в ещё более сложную ловушку. Я потеряла глаза тыльной стороной ладоней, копаясь в воспоминаниях в поисках решения. Я пыталась вспомнить рецепты из книги Альтасы, да всё что угодно, что могло нам помочь. Может быть, было ещё не поздно вернуться в то поселение, из которого мы уехали? Я могла бы найти на рынке ингредиенты, которые мне были нужны, или украсть их у лекаря.

Мои руки упали вдоль тела, и я уставилась на горизонт, за которым поднималось солнце.

Неужели уже наступил рассвет? Не может быть. Луна всё ещё светила высоко над головой — она всё ещё была яркой. Я снова посмотрела на горизонт и на солнце.

Нет, это было не солнце.

Это было пламя.

— Путешественник! — прошипела я, подходя к мужчинам.

Они посмотрели в ту сторону, куда я указала.

— Я пойду, встречу его.

— Нет! — сказал Тамам, настойчивость в его голосе удивила меня.

— Ты останешься здесь. Мы все останемся.

Я уперла руки в бока.

— У него может быть что-нибудь, что нам поможет. Что если здесь неподалеку есть какой-нибудь лекарь? Может быть, карта Амира неточная?

Амир нахмурился, но ничего не сказал.

— Тамам прав, — сказал Нассар, покачав головой. — Путешественник, который передвигается при свете пламени, хочет, чтобы его заметили. Хочет, чтобы к нему подошли. Никто в здравом уме не будет тратить масло таким способом.

— Если в этом нет смысла, то должен быть какой-то мотив, — сказал Тамам.

Нам было почти нечего терять. Не дожидаясь, когда они меня остановят, я пошла прочь.

Я осознала, насколько рискованно было то, что я делала, только тогда, когда приблизилась к путешественнику. Мои шаги замедлились, и я обернулась. Я уже не могла видеть мужчин. У меня перехватило дыхание, а грудь сдавило. Ну, конечно же, тут было слишком темно. С чего я решила, что смогу дойти до этого человека и без проблем вернуться назад? Я даже не могла закричать. Голоса перемещались по пустыне ещё хуже, чем люди, рождённые у моря. Моё сердце начало колотиться в груди, когда я всмотрелась в темноту.

Путешественник был уже недалеко от меня. Прищурившись, я увидела, что это женщина — она была ничем не примечательна помимо того, что держала в руках лампу, которая почти касалась земли, и осматривала песок, как будто что-то искала.

Я прижала дрожащие руки ко лбу, закрыла глаза и собрала всё свое мужество, чтобы приблизиться к ней. Когда я открыла глаза, женщина стояла на расстоянии вытянутой руки и вопросительно смотрела на меня.

— Боги! — вскрикнула я и прижала руки к груди.

Женщина была уже немолодой. Старше меня, но не настолько старой, чтобы совсем не выходить из поселения.

— Ты подкралась ко мне; а я подкралась к тебе, — сказала она мягким как масло голосом.

А затем она посмотрела на землю.

— Здесь ведь нет скорпионов?

— Я... нет, — подтвердила я, осмотрев песок.

Она опустила лампу так, чтобы свет не бил нам в лицо и помахала ей над песком вокруг нас.

— Они хорошо прячутся.

— Вы здесь живёте? — с надеждой спросила я.

— Здесь? Да.

Она не взглянула на меня, но я услышала удивление в тоне её голоса.

— Неподалеку? — спросила я.

— Прямо здесь.

Она указала себе за спину, и мой взгляд проследил за её пальцем так, словно был привязан к нему.

Я замерла. Там, недалеко от нас, стоял дом, который светился так же, как и её лампа. Почему я не заметила его раньше? Я потерла глаза, пытаюсь понять, что происходит. Когда я снова посмотрела на женщину, та пропала.

Развернувшись, я облегчённо вздохнула, когда увидела, что она просто переместилась и продолжила искать скорпионов.

— Моему другу нужна помощь, — сказала я.

Я не могла её потерять. Я снова взглянула на её дом, чтобы удостовериться, что он всё ещё был там.

— Помощь? От меня?

— Мой друг. Он болен, ум... умирает.

Я плотно сжала губы, не давая своей грусти излиться наружу.

— Тогда ему не нужна моя помощь. Мазира сама его заберёт.

— Нет, — взмолилась я. — Я должна его спасти.

— Любовник? Найдёшь другого.

— Он король, — прошептала я.

Если мне суждено было снова увидеть мужчин, они не обрадовались бы тому, что я рассказала об этом незнакомке.

— Мадината Алмулихи.

На этот раз женщина улыбнулась.

— Почему же ты сразу не сказала? Я бы хотела увидеть этого короля Мадината Алмулихи. Отведи меня к нему.

— Я...а... Я не знаю, где они. Я так быстро сюда побежала.

Её взгляд так резко переместился на меня, точно меня ударили плетью.

— Ты бежишь в одиночку к путешественнику и не знаешь, как будешь возвращаться?

— Если он умрёт, у меня будут проблемы посерьезнее. Мне больше нечего терять.

— На твоё счастье, я не настолько глупа. А твои мужчины очень громкие.

И словно следуя по моим следам — вероятно, так оно и было, хотя я ничего не видела — она нашла их.

— Кто это? — сказал Нассар, сгорая от гнева.

Женщина проигнорировала его. Её взгляд задержался на Тамаме, но ненадолго, после чего она поставила лампу рядом с Саалимом и опустилась на колени.

Я посмотрела на её лицо. Она ненадолго нахмурила лоб, но больше ничего не выдало её мыслей.

— Жар? — спросила она.

— Да, из-за раны.

— Мы отнесём его ко мне домой.

Она посмотрела на трёх мужчин.

— Ты можешь пойти со мной, но вам придётся остаться снаружи.

— Мы не козлы, — сказал Нассар.

— Но вы пахнете, как козлы, — сказала она, вставая.

Она не сводила глаз с Саалима, пока не развернулась в сторону своего дома.

— Он вон там. Идёмте со мной.

Несмотря на то, что Саалим и верблюды задерживали нас, мне показалось, что мы довольно быстро дошли до её дома.

Женщина уже вошла внутрь, когда мы дошли до её жилища.

— Можете зайти сегодня, или завтра. Когда будете готовы. Я подожду.

Вот уж точно. Мы все уставились на её дом. Огромный череп — больше, чем шатры у меня дома — возвышался над песком. Клыки длиннее, чем лодки в Мадинате Алмулихи,

утопали в песке и снова поднимались из него. На них была натянута верёвка, на которой болталась одежда. На кончиках клыков висели фонари. А поверх черепа находился огромный кусок промасленной верблюжьей шерсти. Этот череп был самым невообразимым домом, который я когда-либо видела.

— Что?.. — прошептал Амир.

Я услышала, как Нассар фыркнул, вторя ему. Тамам промолчал.

Я шагнула вперёд и прошла под верхней челюстью, заходя в дом.

— Где король? — крикнула женщина, когда я вошла.

Она стояла ко мне спиной, что позволило мне оглядеть странное помещение.

Здесь почти ничего не было. Одинокая циновка лежала на полу рядом с лампой, которую до этого несла женщина.

Здесь не было ни запасов еды, ни полок с кувшинами или флягами с водой. Здесь даже не было какой-нибудь головоломки или настольной игры. Должно быть, поселение было ближе, чем предполагал Амир; а если нет, то что она делала здесь всё это время? Спала? И охотилась за скорпионами?

Пока я смотрела на простую обстановку этого мрачного помещения, я вдруг осознала, что здесь не было лекарств. Ничего, что могло бы помочь Саалиму. Но я не знала, как озвучить свои опасения.

И она не дала мне возможности сделать это.

— Так тебе нужна помощь, или ты уже передумала? Приведите короля.

Очень медленно Амир помог Саалиму зайти внутрь.

— Вон, — сказала женщина Амиру, когда Саалима положили на циновку.

Амир рассержено посмотрел на неё, а затем на меня. Я надеялась, что всё будет в порядке.

— Могу я осмотреть твою рану? — спросила она Саалима.

Её голос прозвучал тихо, нежно. Как голос матери. Неожиданно и я тоже успокоилась.

Саалим кивнул. Расслышал ли он её вопрос? Понял ли он, что с ним говорила незнакомка? Я села с ним рядом и взяла его за руку. Женщина посмотрела на нас и сняла повязку, но ничего не сказала.

— Я могу это вылечить, — сказала она, уставившись на рану — плотная, молочно-белая и вязкая жидкость покрывала её края.

— Можете?

Я подалась вперёд. Моё сердце начало громко стучать, но не от страха, а от радости и надежды.

— Как?

Я осмотрелась. Рядом с женщиной лежала тонкая книга, которая мало чем отличалась от книги рецептов Альтасы. Может быть, у этой женщины была такая же?

— А где все ваши снадобья?

— Снадобья? Для чего?

Она рассмеялась, и её лицо растянулось в улыбке, обнажившей ряды крепких зубов.

Саалим сдвинулся, услышав звук, и я наклонилась к его уху.

— Она сказала, что поможет тебе. Я же обещала.

— Ты любишь этого мужчину? — спросила женщина.

Её голос прозвучал низко, словно она не хотела, чтобы её слышали мужчины снаружи.

Ненадолго задумавшись и украдкой взглянув на Саалима, чтобы убедиться, что он был без сознания, я ответила ей так же тихо:

— Он смысл моей жизни.

Мои губы коснулись его грубых костяшек. Я сосчитала их: одна, две, три, четыре. Маленькие дюны, составлявшие мой мир.

— Понятно, — сказала она, а затем легонько прижала руки к его бедру рядом с раной. — Не могла бы ты одолжить мне свой плащ? — сказала она, помолчав.

Не задумываясь, я сняла плащ и протянула ей. Она взяла у меня плащ и понаблюдала за тем, как я расправила тунику на своих плечах.

А затем голос Саалима нарушил напряжённую тишину:

— Вы видели...

Он выдохнул, и его глаза снова закрылись.

— Брата, сестру. Эмель?

— Мы ищем двух человек, — сказала я и рассказала ей про Эдалу и Касыма. — Мужчина путешествует с женщиной, которую мы не можем описать. Я думаю, что она моложе вас.

Женщина медленно кивнула, после чего встала и отошла на другой конец комнаты, где у неё лежал кожаный мешок, который я не заметила раньше. Поискав что-то в мешке, она достала оттуда банку с мазью и вернулась вместе с ней.

— Это саха. Она поможет, — сказала женщина.

Достав флягу из-под своего пыльного плаща, она откупорила её и полила водой на его рану. Когда она убедилась в том, что рана достаточно чистая, она нанесла на неё мазь. Саалим вздрогнул, но, когда женщина закончила, он заметно успокоился. Я была готова поклясться, что его лицо как будто перестало гореть. Она взяла мой плащ и обернула им Саалима. Я потянула за края, чтобы помочь ей полностью его накрыть.

— Я могу перевязать рану, — сказала я.

— Нет. Она слишком долго была закрыта. Ей нужен воздух.

Женщина уставилась на лицо Саалима, в её взгляде было что-то необъяснимое. Словно прочитав мои мысли, она прошептала:

— Король.

И встала.

— Неподалеку отсюда есть поселение. Я отправлюсь туда сегодня вечером и узнаю, что они знают об этих людях.

— О, нет... — начала я, но она уже закуталась в плащ и вышла наружу.

Её лицо было напряжено, на нём отразилась какая-то эмоция, которую я не смогла расшифровать.

— Даже не вздумайте заходить внутрь! — предупредила она мужчин снаружи. — Я вернусь и узнаю, если кто-то из вас это сделает. Ему надо отдохнуть. Эмель позаботится о нём. Ему не нужны нюни вроде вас.

Губы Саалима дёрнулись, но он не открыл глаза.

— Эмель? — Амир появился у входа, но ткань захлопнулась перед ним.

— Я в порядке, — сказала я. — Ему вроде бы... уже лучше.

Я не дала своим надеждам воспарить слишком высоко. Попыталась не смотреть на его лицо, чтобы не увидеть, что оно больше не было мокрым и расслабилось.

— Она только что ушла.

Нассар говорил не со мной, но я услышала удивление в его голосе. Он пробормотал что-то неуважительное про солеискателей.

— Я не уверен в том, что мы можем ей доверять.

Это сказал уже Амир.

— А какой у нас есть выбор? — сказал Тамам.

Действительно, какой у нас был выбор? Дыхание Саалима сделалось более приглушённым, ровным и тихим. Он отдыхал.

Я сидела рядом с ним, притянув колени к груди, и наблюдала за тем, как он поправлялся у меня на глазах. Меня накрыло облегчением, точно одеялом в прохладную ночь. Оно забрало мой страх, волнение и отчаянную ноющую печаль. Но когда всё это смыло волной, я почувствовала, что что-то осталось. Что-то продолжало меня беспокоить. Что это было такое?

Я начала перебирать свои воспоминания и сравнивать то, что происходило со мной раньше и сейчас. Женщина, её дом, всё это было очень странно.

И затем я поняла.

Эмель.

Она знала моё имя. Как когда-то Саалим.

Я знала, что не называла ей своего имени.

Глава 23

Эмель

Что-то начало толкать меня то в одну, то в другую сторону. Я снова оказалась на корабле и смотрела на то, как огненные рисунки раскрашивают небо. То здесь, то там. Внутрь начал проникать свет, вода стала просачиваться сквозь плохо промасленную ткань шатра. Сначала медленно, затем быстрее. Она начала собираться вокруг меня, как вдруг мои глаза раскрылись.

Пустое помещение. Дом женщины.

Когда я поняла, где находилась, ко мне вернулся страх за Саалима. Как я могла позволить себе заснуть? Я резко села.

— О, — поспешно сказал Саалим тихим голосом.

Я повернулась к нему.

Он был здесь. Прямо передо мной. Он сидел и, хотя выглядел уставшим, казался... здоровым.

— Саалим?! — мой голос сорвался, когда я произнесла его имя, подняв руки к лицу.

Он поднес палец к губам и кивнул на вход. Снаружи все спали.

— Давно ты уже не спишь?

Я придвинулась ближе, окинув его жадным взглядом, проверяя то, как он двигался и как дышал. Я оценила цвет его кожи, силу его рук и, наконец, его рану. Она была всё ещё перевязана, но то, как он держал свою ногу... нет, она не могла так быстро зажить.

— С восхода солнца.

Он сказал мне, что я так крепко спала, что он не решился меня разбудить. Его люди рассказали ему о том, что произошло. Он сам, похоже, мало что помнил.

— Женщина так и не вернулась?

Он покачал головой, откинулся на руки и вытянул ноги.

— Твоя рана? — спросила я. — Тебе уже лучше?

Его улыбка сказала мне обо всём без слов. Когда он подтянул к себе ногу, я удивилась тому, с какой лёгкостью он это сделал. Он не вздрогнул, не застонал, его движения были естественными.

Он закатал ткань на бедре. Если бы не блестящая полоска кожи на его ноге, я бы даже не подумала, что он был ранен.

Втянув ротом воздух, я подползла ближе, чтобы более внимательно её разглядеть. Она так быстро зажила.

— Как долго я спала? — спросила я.

Несколько дней? Целую луну?

— В это невозможно поверить. Я задался тем же вопросом, когда проснулся сегодня утром.

В это было невозможно поверить. Это было невероятно. Я соединила пальцы, и беспокойство начало раскручиваться внутри меня, точно паутина.

— Это была не обычная лечебная мазь.

По тому, как он посмотрел на свою ногу, я поняла, что он подумал о том же самом.

— Это Мазира. Это была её магия, — сказала я.

Он потер запястья.

— Зачем женщине лечить меня с помощью магии?

— Потому, что ты король.

Он нахмурился.

— Ты ей рассказала.

Это был не вопрос.

Но я всё же ответила:

— Именно поэтому ты сейчас здоров.

— Она знает, откуда мы?

Я пожала плечами. Я не могла вспомнить, рассказала ли я ей об этом, но она много чего у меня спрашивала, когда луна была ещё высоко. Только вот она не спрашивала моего имени. Как и я её. Кто она была такая?

Саалим вскочил и сделал это так легко, что я тут же позабыла о его озабоченности.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказал он громким голосом, намереваясь разбудить остальных.

Я услышала, как они зашевелились.

Он продолжил:

— Она оставила нас ждать своего возвращения, точно выброшенных морем моллюсков. Даркафы, наверное, уже направляются сюда.

Он был прав. Я встала, поспешно стряхнула с себя песок и надела сандалии.

Саалим вышел из шатра, а я, ненадолго окинув помещение взглядом, вышла за ним следом.

Нассар и Амир уже скручивали свои циновки, сворачивали плащи и складывали их в мешки. Из-за дома женщины раздался звук учащенного дыхания. Мы подождали и увидели, как Тамам завернул за угол.

— Она возвращается, — сказал он, и на его лице отразилось удивление, когда он увидел Саалима, твёрдо стоявшего на ногах.

— Одна? — спросил Саалим и обернул гутру вокруг шеи.

Тамам кивнул.

— Идёт пешком.

Амир развернул свою карту и прищурился, глядя на чернильные знаки. Подойдя ближе, я проследила за его пальцем, которым он вёл по дороге, на которой, как он думал, мы находились. Он указал на наше поселение, которое находилось на юге.

— Хм-м.

Он достал из кармана бавсал, чтобы в чём-то удостовериться.

— Она идёт с запада, но ближайшее поселение находится на юге, и до него две ночи пути.

Вскоре женщина завернула за угол дома. Увидев Саалима, она кивнула, и её лицо слегка смягчилось от облегчения.

— Ты поправился.

— Да. Я тебе должен, и не только благодарность. Чем я могу тебе отплатить? — сказал он вежливо, но я услышала напряжение в его голосе, которое говорило о том, что он хотел поскорее уйти отсюда.

— Я бы хотела присоединиться к вашему путешествию, — сказала она.

В её просьбе было нечто странное. Я словно почувствовала это в воздухе.

Саалим выпрямился, сбитый с толку тем, что к нам мог присоединиться незнакомец. Я тоже решила, что это плохая идея, но Амир медленно кивнул. А Нассар и Тамам как будто всё ещё размышляли над её просьбой.

Саалим свирепо взглянул на них троих, и тогда женщина посмотрела на меня, приподняв брови. Может быть, она увидела ужас, написанный на моём лице?

— Я не могу на это согласиться, — сказал Саалим, который снова повернулся к ней. — Могу ли я сделать что-то ещё? Если ты пока не решила, то по возвращению домой я могу отправить тебе всё, что ты пожелаешь.

Она покачала головой.

— Нет, я думаю, что ты должен позволить мне присоединиться к вам.

— Это хорошая идея, — сказал Тамам.

Женщина улыбнулась и посмотрела на Тамама. Нассар и Амир поддакнули ему.

Саалим раскрыл рот. Как могли они перечить своему королю в присутствии незнакомки? Не говоря уже о том, что было не очень мудро разрешать ей присоединиться к нам. И хотя я не забыла о том, с какой лёгкостью она вылечила Саалима, это было рискованно.

— Я не возьму тебя с собой, — сказал Саалим твёрдо.

Женщина усмехнулась и снова посмотрела на меня.

— Я под впечатлением, — сказала она.

Я ничего не понимала.

— Но поскольку я великодушная, — сказала она, не дожидаясь ответа. — Я отведу вас в ближайшую деревню. У них есть информация, которая вам поможет.

Она одарила меня понимающим взглядом.

— Тебе там тоже понравится.

Мы согласились, потому что она не приняла бы другого ответа. Мы оделись для предстоящего путешествия, которое должно было занять у нас целый день, привязали вещи к верблюдам и направились в сторону деревни.

— Она недалеко, — пообещала женщина, когда мы тронулись в путь.

Я обернулась, чтобы взглянуть на её дом, так как была уверена, что мне больше не доведётся увидеть ничего подобного. Но он пропал. Неужели мы ушли так далеко?

— Она вон там.

Я проследила взглядом туда, куда она указала пальцем, и увидела зелёную полосу, похожую на покрывало, лежащее на песке, которая отделяла землю от неба.

Деревья, такие же густые как те, что росли в саду Альтасы — если не гуще! — предстали у нас перед глазами. Женщина повела нас прямо туда.

Сначала изменилась земля. Песок стал более влажным, менее зернистым и напомнил мне о земле в королевском саду. Я увидела кусты, покрытые листьями. Затем появились низенькие деревья, а потом деревья повыше.

— Там дальше река. Вы скоро её услышите, — сказала женщина.

Так и случилось. Когда мы зашли под кроны деревьев — их ветки почти полностью затеняли землю — я не только слышала воду, но и почувствовала её. И хотя здесь было прохладнее, чем на солнце, воздух стал таким влажным, что мы уже не могли выносить нашу одежду. Саалим избавился от верхних слоев одежды, и мы последовали его примеру.

— Здесь очень влажно, — сказал Нассар.

Он был прав. Мы уже знали, что такое пот, но это было нечто совсем иное. Я вытерла лицо, но оно опять намокло.

Амир снова начал бормотать, что даже не догадывался о том, как близко находилось это поселение. Было понятно, что он разочарован своими навыками проводника.

— Никто не ожидает от тебя того, что ты будешь знать всю пустыню, — сказала я, перешагнув через закрученные корни деревьев, торчащие из земли.

— Я ожидаю, — сказал Саалим.

Женщина взглянула на него и скопировала его улыбку.

Там, где деревья росли гуще всего, звук бегущей воды сделался громче.

Мы подошли к реке, и я уставилась на воду, которая быстро неслась передо мной. Я посмотрела из стороны в сторону на проносящиеся мимо ветки и листья.

— Это река? — спросила я.

Я слышала раньше о реках, но не ожидала, что она будет такой. В некотором смысле река пугала ещё больше, чем море. Ветку, которая быстро неслась по поверхности, неожиданно поглотила вода. Я сделала шаг назад. Мирные каналы Алмулихи были совсем не похожи на это.

— Это она, — сказала женщина, когда никто не ответил.

Интересно, видели ли они когда-нибудь реку? А она продолжала говорить:

— Она бежит далеко на юг, унося зелень вместе с собой. Сложно представить, что на другой стороне находится засушливая пустыня, верно?

Она развернулась и пошла вдоль берега реки, стараясь не заходить в грязь. Мои ноги не были привычны к влаге, палкам и острым листьям. А сандалии мало мне помогали.

— Сюда, — сказала она, и мы последовали за ней.

Вскоре я увидела мост, сделанный из веревок и деревянных досок. Он был подвешен над водой.

— Это безопасно? — спросил Нассар, когда мы приблизились.

— Сегодня он меня выдержал, — сказала она, приподняв плечи, а затем пошла через мост.

Я увидела, как тот начал покачиваться под её весом. Амир бесстрашно пошёл следом за женщиной, а за ним, точно голодные козлы, отправились Нассар и Тамам.

Я остановилась, представив, как мост рушится вниз, а я падаю в воду, и меня уносит течение реки. Саалим взошёл на мост, после чего повернулся ко мне и протянул руку.

— Вместе?

Я схватила Саалима за руку, и позволила ему повести меня через мост. Сначала мы шли с осторожностью, стараясь слишком его не раскачивать.

— Скорее, — взмолилась я, когда мост просел под ногами Саалима.

Саалим так быстро потащил меня за собой, что я почти побежала, и успокоилась только тогда, когда мои ноги снова ступили на твёрдую землю. Я чуть не упала на колени от облегчения, но любопытные лица наших компаньонов, которые смотрели за тем, как мы перебежали мост, держась за руки, остановили меня.

Впереди мы заметили какие-то строения, рядом с которыми что-то двигалось. Мы наконец-то пришли.

Куда бы я ни посмотрела, я обнаруживала что-нибудь необыкновенное и удивительное. Глаза мои разбегались. Первый дом, который я заметила, был построен из грязи и толстых палок, а его крыша из веток и листьев. Люди смотрели на нас, когда мы шли мимо. Наверное, мы были так же интересны им, как и они нам. Женщины были одеты в яркие туники без рукавов, доходившие им до колен и подвязанные на талии. Мужчины прикрывали только бёдра, их торсы оставались обнажёнными. На некоторых мужчинах и женщинах были надеты плотно повязанные тюрбаны и украшения из ракушек и бусин.

Когда мы ступили на заросшую тропинку, нам помахала какая-то женщина. На её запястье были надеты браслеты из голубых бусин, которые показались мне такими знакомыми, что я чуть не остановилась, чтобы лучше их разглядеть. Мы называли их бусинами рабов. Дома мы использовали их в качестве денег, играя в карты — в гамар. Может быть, они были именно отсюда? Но эти люди были совсем не похожи на рабов.

Женщина, которая привела нас, как будто знала их всех. Они встретили её, как старого друга.

— Джафар вон там, — сказала она нам, поприветствовав пожилую женщину и поцеловав её в щёку.

Мы вышли на открытое пространство, и мой взгляд тут же устремился вверх по стволам деревьев.

Крепкая лестница вела к деревянной платформе на дереве, где находился дом, который мало чем отличался от тех домов, мимо которых мы прошли, хотя он выглядел более изысканно, а его дверь и окна украшала резьба. Платформа была как будто устлана коврами, вроде тех, что лежали во дворце моего отца, их края свисали вниз, и на них можно было разглядеть узоры. За домом располагались ещё два дома, и все они были соединены веревочными мостами.

— Джафар, они здесь! — крикнула женщина.

Какой-то мужчина начал пересекать один из мостов, и это зрелище одновременно удивило и ужаснуло меня. А затем он вышел из дома и спустился по лестнице.

Было в Джафаре нечто знакомое — в том, как он шёл по направлению к нам, мягко, но уверенно, как он поклонился мужчинам, как взял Саалима за предплечье и как поприветствовал меня с такой же теплотой.

— Если вас это устроит, — сказал Джафар, — вы можете подняться. Моя жена

приготовила чай и ясу³.

— Спасибо. Нассар присоединится к нам.

Саалим указал на меня.

— Амир и Тамам останутся здесь.

Джафар кивнул и жестом попросил нас следовать за ним.

— У меня здесь есть некоторые дела. Я вернусь к тому моменту, как вы закончите, — сказала женщина.

И затем она ушла, исчезнув между деревьями. В ней, во всём этом, в Джафаре, было что-то такое, что казалось мне неправильным. Но моё сознание всё ещё не могло разгадать эту непонятную загадку.

Несмотря на то, что у меня не было желания карабкаться по лестнице, я очень хотела увидеть дом на дереве изнутри, поэтому я начала подниматься вслед за мужчинами. Платформа на самом деле была покрыта коврами. Я не смогла сдержать улыбку. Это так сильно напомнило мне о доме.

Убранство внутри было таким же. Ковры покрывали деревянный пол. В центре помещения стоял низкий стол, вокруг которого лежали подушки. Пространство было наполнено запахом ладана, и каждый новый вдох заставлял меня вспоминать о матери. Это было похоже на гарем, только лучше, потому что здесь я слышала шелест листьев при каждом дуновении ветра. Птицы так громко чирикали, что почти заглушали всё вокруг своими весёлыми песнями. Но самое главное и удивительное заключалось в том, что это место показалось мне самым безопасным из всех, что я знала, помимо дворца Алмулихи.

— У вас красивый дом, — сказала я, осматривая предметы на полках.

И меня охватила тоска при воспоминании о своей прошлой жизни и сёстрах.

— Спасибо. Всё это — благодаря моей жене. Когда мы поженились, это было первое, что она сделала.

Он указал на ковры и подушки.

— Я не хотел, чтобы она тосковала по дому.

Я улыбнулась, коснувшись гобелена, висевшего на стене без окон.

— Это так похоже на мой дом.

— Значит, тебе должно здесь очень понравиться.

На столе, стоявшем рядом, лежала небольшая колода карт.

— Мои сёстры и я очень любили эту игру.

Джафар рассмеялся.

— Только не говори об этом моей жене! Она заставит тебя играть в неё всю ночь.

А затем, повернувшись к Саалиму, он сказал:

— Прежде, чем мы обсудим те дела, что привели вас ко мне, давайте выпьем и поговорим о пустяках. Сыны не любят работать, не повеселившись, и я не могу с ними не согласиться.

Я не могла отвести от него взгляда, пока он говорил. Неужели он казался мне таким знакомым только из-за обстановки его дома? Нет, было что-то такое в его манере держаться. В мягкости его слов, в том, как он кивал головой и двигал руками, когда говорил.

Вдруг из задней двери вышла женщина. В своём платье рубинового цвета и платке она стала самым ярким пятном в этом помещении. Мы все уставились на неё, когда она поставила поднос, наполненный едой, в центр стола.

Она взглянула на нас, а Джафар хлопнул в ладоши и сказал:

— Отлично! Я хотел бы представить вам свою жену, Рах...

Я ахнула:

— Има!

Глава 24

Саалим

Эмель поднялась на ноги и подошла к жене Джафара.

— Эмель! — вскрикнула женщина, прикрыв рот трясущимися руками.

Я не сразу понял, испугалась ли она или впала в исступление. Может быть, и то, и другое.

— Ты здесь?

Она посмотрела на нас на всех, а затем снова на Эмель.

Эмель прижала её к груди.

— Рахима, это ты!

— Ты обещала, что приедешь, и вот ты здесь!

Они обнимали друг друга так, как давно не видевшиеся члены семьи, а мы, молча, смотрели на них.

— Джафар, — сказала девушка, — это моя сестра! О которой я тебе рассказывала!

Она заморгала, чтобы не расплакаться, и только тогда я заметил некоторое сходство между ними.

Джафар широко улыбнулся своей жене и махнул рукой.

— Я за тебя рад. Иди, поговори с ней. Проведите время вместе. Может быть, я смогу уговорить наших гостей остаться на ночь.

Он вскинул брови, и Рахима и Эмель ушли. Он развернулся на своей подушке и посмотрел на нас.

Я заметил, что при нём не было оружия. Этот жест успокоил меня. Я притворился, что чешу бок, и оглядел всё помещение, попутно бросив взгляд за окно. Снаружи не было стражников. Нужно было очень доверять гостям, чтобы пустить незнакомцев в свой дом, не выставив снаружи охрану и не взяв с собой оружия.

Это имело мало смысла, но я почему-то знал, что Джафару можно доверять. Я почему-то понимал его, как и Рахиму.

— Рахима много рассказывала мне об Эмель, — сказал Джафар. — Она навещала деревню и искала её. Узнав о том, что Эмель уехала, она впала в отчаяние. Ей была очень нужна эта счастливая встреча.

Джафар посмотрел на свои руки, и его губы исказила гримаса.

Когда мы доели яссу, а наши непринуждённые разговоры смолкли, Нассар сказал:

— Наша проводница говорила, что у вас есть информация о людях, которых мы ищем.

Джафар кивнул и отодвинул свою пустую тарелку. Поставив локти на стол, он сказал:

— Три дня назад мимо проезжало четыре человека. Они были одеты в чёрное, их кожа была бледной. Они задержались в нашей деревне и спрашивали о богине и её слуге. Они не проявили агрессии, но показались нам помешанными и оставили метки в виде чёрной руки на наших деревьях. Они говорили о правильном сыне и о том, что пустыне нужен законный

наследник.

— Они уехали на следующий день.

Джафар соединил пальцы вместе, положил подбородок на руки и продолжил свой рассказ:

— А затем приехали мужчина и женщина. Женщина была средних лет, а мужчина где-то твоего возраста, — Джафар указал на меня. — Они ничего не рассказали о своих делах, но спрашивали, не проезжал ли кто мимо. Я рассказал им о помешанных людях, но это их не заинтересовало. Они как будто испытали облегчение, узнав, что больше здесь никого не видели.

Мужчина, которого он описал, был похож на Касыма. Когда я сказал Джафору, что моё правление оказалось под угрозой, его глаза потемнели от тревоги.

— Этот мужчина хочет забрать у меня трон. Мы должны его найти.

А затем я описал Эдалу. Он покачал головой. Он не знал никого похожего на неё. Джафар более подробно рассказал нам о том, когда и в каком направлении уехали Касым и женщина. Амир пометил большой участок на своей карте, лежащей перед ним.

Поиски двух людей в пустыне были подобны поискам крупинок соли в песке. О чём я думал, когда настоял на том, чтобы отправиться в это путешествие?

— Саалим? — спросил Амир.

Я поднял взгляд со стола на него.

Амир продолжил:

— Тебе решать.

— Что?

Джафар хмыкнул, после чего повторил свой вопрос.

— Вы останетесь? У нас есть, где разместить гостей. Для вас пятерых у нас достаточно места.

Он указал куда-то у себя за спиной.

Если бы мы остались, мы бы потеряли много времени, а нам надо было найти Касыма. Найти Эдалу. Но, может быть, пришло время прекратить эту погоню? Эта задача казалась невыполнимой.

Завтра вечером мы могли бы отправиться домой. Алмулихи нуждался во мне, и был важнее, чем поиски сестры и покинутого Вахиром брата. Если он собирался вернуться за мной, то я должен был подготовиться к его возвращению.

— Мы останемся, — сказал я. — И я благодарен тебе за гостеприимство.

***

Джафар повёл нас к трём домам, закрепленным на деревьях. К этому комплексу вела одна единственная лестница, и так же, как у Джафара, эти дома были соединены между собой мостами.

— Лестницу можно поднять, так что вы спокойно сможете поспать, — сказал Джафар, положив руку на перекладину.

— Эти дома очень умно сконструированы.

Я уставился на них, размышляя о том, чтобы соорудить у себя что-нибудь настолько же простое и надёжное.

— Да. Их придумал мой дед. Но их не так уж легко строить, иначе вся наша деревня

была бы построена на деревьях.

В отличие от этих домов, Алмулихи, построенный на земле, был легкодоступен для нападавших. Для Касыма.

Сумерки быстро опускались. В тени леса тьма наступала гораздо раньше. Эмель и её сестра всё ещё находились в доме Джафара.

Я хотел подождать её, но поскольку наши ритмы постоянно менялись, я начал проваливаться в сон, словно выпил слишком много вина. А Эмель, скорее всего, захотела остаться подле своей сестры.

— Я первый заступлю на дежурство, — сказал Тамам.

Я покачал головой.

— Мы все можем поспать. Я подниму лестницу.

Эта идея не очень ему понравилась.

— Но нам не стоит спать всю ночь, — уступил ему я, — Поспим хотя бы немного.

Несмотря на то, что я всё ещё берёг свою раненую ногу, я поднялся по лестнице безболезненно. Что сделала со мной та женщина? Не могла же моя нога зажить за один день?

Моя комната была уже подготовлена. Там горели масляные светильники, наполняя помещение запахом благовоний. Ковёр на полу был толстым и приятным на ощупь, как и подушки. Окна и двери были занавешены тонкими занавесками — такие же я заметил в доме Джафара. Вероятно, они защищали от насекомых. Хорошо, что у нас не было такой проблемы в Алмулихи.

Я лёг на спину и закрыл глаза. Сквозь шум леса я услышал, как что-то скребёт по пергаменту — это Амир возился со своей картой, а Нассар проверял направление с помощью своего бавсала. Эти звуки заглушали шум реки.

Стук обуви по деревянному настилу разбудил меня. Дом начал покачиваться, когда кто-то пересёк мост.

В дверях показался силуэт.

— Кто здесь? — спросил я.

— Извини, — раздался голос Эмель. — Я думала, что здесь пусто.

Она собралась уходить, и сетка упала, закрыв дверной проём.

— Нет, прошу тебя, заходи, — поспешил сказать я и встал, чтобы зажечь фонарь.

Вся моя усталость улетучилась, когда она вошла внутрь. Комната осветилась оранжевым светом. Я повернулся.

— Ты промокла.

Эмель улыбнулась и перекинула мокрые пряди волос через плечо.

— Рахима отвела меня в купальни. Это называется водопад. Ты слышишь его?

Она наклонила голову и указала на дверь.

— Его шум похож на море.

— Да.

Я осмотрел полки, чтобы придумать причину, по которой она могла бы остаться. Я не мог упустить шанс побыть с ней наедине. Я хотел, чтобы она рассказала мне что-нибудь ещё о нашем прошлом. На подносе стоял серебряный чайник. Он оказался тёплым. Хвала Вахиру!

— Пожалуйста, садись, — сказал я и начал наливать чай.

Она взяла несколько подушек и откинулась на них.

Я поставил перед ней чашку с чаем, а она сказала:

— Ты наливаешь чай, как женщина.

— Моя мать учила нас разным вещам, чтобы мы не полагались только на слуг. Думаю, она делала это как раз для таких случаев.

— А ты умеешь прислуживать.

Она отхлебнула чай.

— Правда, это не всегда приятно.

Она улыбнулась.

— Этому она вас тоже учила?

— Нет.

Наступила тишина. Эмель провела пальцем по краю чашки. Это был очень изящный жест для такой мужественной девушки. Она подняла на меня взгляд.

— Ты знал свою настоящую мать?

— Нет. Она не захотела стать частью моей жизни.

Я не хотел говорить о своём прошлом, поэтому спросил у неё про Рахиму.

— Я была в ужасе, когда он выбрал Рахиму. Я очень переживала о том, что он ей не подходит, но ты...

Совсем ненадолго она замолчала.

— Но ты всегда должен верить, что Эйкаб знает, как лучше.

Второе "ты" она произнесла как-то иначе. Во втором случае это мог быть кто угодно. А под первым "ты" она подразумевала меня.

Это напомнило мне о тех снах, что я видел, находясь в горячке, снах о нашем неясном прошлом. Тогда я был кем-то другим — меня словно сдерживала чья-то могущественная рука — но Эмель, без сомнения, была сама собой. В тех снах была такая лёгкость, а между нами было столько свободы. Я мог касаться её столько, сколько хотел. Когда я просыпался от этих снов, меня поглощали боль и жар. Сначала мне казалось, что я хотел вернуться в эти сны, чтобы прекратить страдания. Но теперь я уже не страдал, и всё равно хотел вернуться туда.

У меня перед глазами возникло бледное лицо Елены, поэтому я посмотрел на Эмель, чтобы отогнать его.

— О чём ты думаешь?

— О Елене.

Она ухватилась за нити ковра.

— Когда состоится свадьба?

— Когда всё утрясётся.

Я откинулся на руки и посмотрел в ночное окно. Прислушался к какофонии жужжания, шипения и криканья различных существ.

— Ты хочешь жениться на ней?

Я задумался, не будучи уверенным в том, что я вообще знал ответ на этот вопрос.

— Я хотел сделать это ради своего отца.

Я снова наполнил наши чашки. Вода была тёмной, листья слишком долго настаивались.

— Своего отца?

— Он совершил ошибку, — сказал я, указав на себя. — Я не должен её повторить. Обязанность короля — жениться ради власти. Мой отец, в итоге, полюбил мою мать. Ему очень повезло.

— Королеву хаяли.

Кивнув, я сказал:

— Это был выгодный брак. Она была совсем не похожа на сестру. Она была очень мягкой — полной противоположностью суровой Лике.

В Эмель сочетались оба эти качества.

— Он любил солеискательницу, которая тебя выносила?

— Он жалел о том, сколько горя принёс ей и мне.

— Ты не допустишь такую же ошибку.

Её слова прозвучали сухо и окончательно.

— Он действительно совершил ошибку. Но мы с ним не совпадали в том, что это была за ошибка.

Я встретился взглядом с Эмель. Когда она смотрела на меня в этой темноте, её глаза казались ещё темнее.

— Мне было очень легко принять решение жениться на Елене...

Я сделал вдох. Я не должен был этого говорить, но стол был уже накрыт. И будь я проклят, если бы не сел за него.

— Пока не появилась ты.

Она сжала губы вместе.

— Я.

Потребность рассказать ей всё заставила слова политься из меня, точно вода.

— Могу ли я обременить тебя ещё одним признанием?

— Конечно.

— Находясь рядом с тобой, я чувствую такие вещи — хорошие вещи — благодаря которым я ощущаю себя цельным. Но также...

Я осмотрелся вокруг, пытаясь понять, как мне объяснить свои чувства.

— Что-то ещё скрывается под всеми этими слоями. Какое-то эхо, основа всего — я не знаю, как это описать — что говорит мне: да, это правильно. Это похоже на палимпсест⁴. Ты знаешь, что это такое?

Теперь я уже не мог замолчать.

— Я чувствую себя счастливым, Эмель. Это меня пугает, потому что я боюсь, что мне нельзя чувствовать себя таким образом.

— Потому что это ошибка? — её голос прозвучал мягче, чем кровать у меня дома.

— Нет. Я не думаю, что это ошибка. Это такой же страх, который я чувствую, когда моя орлица охотится. Каждый раз, когда я выпускаю её, я не знаю, вернётся ли она ко мне.

— Ты боишься, что я не разделяю твои чувства.

Снаружи послышался топот ног.

— Саалим!

Мы выпрямились, и в то же мгновение в комнату вошёл Тамам.

— Эмель не, — он опустил взгляд на нас и сказал, — вернулась.

Она резко встала, опрокинула чашку и допила чай.

— Я уже собиралась уходить.

И прежде, чем кто-либо из нас смог произнести хотя бы слово, она проскользнула мимо него и исчезла.

— Прошу прощения, что прервал вас, — сказал Тамам, переминаясь с ноги на ногу в дверях.

Откинувшись на подушки, я сказал:
— Ты вообще когда-нибудь спишь?

* * *

Когда я открыл глаза, масло в лампе догорело, и комната погрузилась в удушающую темноту. Я на ощупь нашёл в темноте дверь.

Лунный свет едва проникал сквозь листья, и я не сразу нашёл лестницу. Я опустился на четвереньки и начал шарить перед собой руками, пока, наконец, не почувствовал её. Лестницу уже опустили, поэтому я спустился по ней, чтобы узнать, кто ещё не спал.

Когда мои ноги коснулись земли, я услышал голос:

— Тоже не можешь уснуть?

Тамам.

Он прислонился к одному из деревьев, на которых держались дома, и нёс вахту, даже несмотря на то, что нам не грозило нападение.

Я отошёл в кусты, чтобы облегчиться.

— Нет, не могу.

— Я не слепой, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду, Тамам?

— Ты и Эмель.

— А-а.

— Ты точно об этом не пожалеешь?

— Нет, — уверенно сказал я.

Он вздохнул, но этот вздох не показался мне измученным. Он как будто испытал... облегчение?

— Воин способен убить из-за любви к женщине. Но если это правильная женщина, он способен остановить свою руку, — сказал он.

Когда я вернулся на тропинку, наши взгляды встретились. Что он вообще знал о женщинах? Я никогда не видел Тамама где-то ещё кроме двorca.

— Когда она попросила не убивать номада, ты остановился, — сказал Тамам. — Хотя это было глупо.

— Я собираюсь пройтись.

— Я останусь здесь.

Он уставился на огромный костёр в конце тропинки.

— Да. Посиди здесь. Я недалеко.

Рядом с костром сидела женщина, которая вылечила меня, а у неё на коленях лежала половинка какого-то огромного фрукта. Она не удивилась при виде меня.

— Спасаться от насекомых лучше всего именно здесь, — сказала она, окутанная дымом, после чего выплюнула горсть чёрных семечек на землю.

— Могу я присесть? — спросил я, указав на ствол дерева, на которое не был направлен дым.

Она кивнула.

— Куда ты ходила, когда мы пришли? — спросил я, садясь.

— Я искала для вас ночлег. Хотя Джафар и так предложил вам свои дома. Он очень высокого о вас мнения, раз позволил вам переночевать на деревьях.

— Он был к нам очень добр. Во многом это связано с тем, что его жена — сестра Эмель.

На этот раз женщина улыбнулась, и её губы заблестели, как у ребенка, который наелся конфет.

— Я так и подумала.

Неожиданно она сосредоточилась на своих пальцах и начала осторожно вытирать их, после чего выбросила корку от фрукта в костёр.

— Джафар рассказал вам о том, что вы хотели услышать? — спросила она.

Я вытянул ноги, приготовившись почувствовать боль, но ощутил лишь облегчение.

— Он кое-что знает, но этого недостаточно. Сегодня вечером мы отправимся в Алмулихи. То есть завтра вечером, — я посмотрел на небо. — Где эта проклятая луна?

Женщина улыбнулась.

— Сегодня вечером. Рассвет гораздо ближе заката.

Она отпила из своей фляги.

— Вы решили сдаться?

— Называй это, как хочешь. Но, — я сделал глубокий вдох, почувствовав, что могу доверять этой женщине, как когда-то доверилась ей Эмель. — Мой город остался без короля, я не могу оставлять его так надолго. Я понадеялся на успех, как глупец. Наверное, я просто хотел найти свою семью.

— Желание найти свою семью не делает тебя глупцом.

— Нет, но я оставил свои обязанности, чтобы найти их. Мой брат представляет для нас опасность, и было не очень мудро пытаться найти его здесь. Он хочет избавиться от меня, и попытается на меня напасть. Я переживаю о том, что он может сделать, если узнает о моём отъезде из Алмулихи.

— Я слышала о твоём брате. Он второй в очереди на трон. Конечно же, он опасен. Но люди считают, что оба сына из города у моря избалованы и заносчивы.

— О, да.

Я слышал это сотню раз. Раньше меня это не заботило. Я считал, что люди вольны думать, что хотят. Теперь же я хотел, чтобы они знали: я был уже не тот, что прежде, я изменился.

Женщина сложила руки и упёрлась локтями в колени.

— Но я вижу, что они ошибались насчёт, как минимум, одного из них.

Я почувствовал невероятное удовольствие, услышав её комплимент. Но разве мне нужно было одобрение этой незнакомки? Тогда почему я не мог посмотреть ей в глаза?

— А что насчёт женщины, которую вы ищете? — спросила она.

— Моя сестра. Я надеюсь, что она жива.

Я сделал глубокий вдох, не заботясь о том, чтобы скрыть свои чувства.

— Я отчаянно этого хочу. Может она и жива, но я не знаю, как её найти.

— С чего ты решил, что она жива?

— Я получил от неё письмо, которое заставило меня в это поверить.

— Письмо.

— Оно пришло без адреса, без печати. Я никак не мог её найти. Это было похоже на магию.

На этот раз я посмотрел женщине в глаза. Мои слова повисли в воздухе.

— Магию? — сказала она, попавшись на мою приманку.

Ее лоб нахмурился, и она откинулась назад.

— Ты в это веришь?

— Только когда не могу что-то объяснить. Как, например, рану, которая странным образом зажила.

Женщина нахмурилась, услышав моё обвинение.

— А что насчёт девушки?

— Эмель?

Это была странная смена темы.

— Какое отношение она имеет ко всему этому? Почему она поехала с вами?

— Её жизни угрожали.

"Мой брат", — хотел сказать я, но не смог. Это было слишком постыдно. Одно дело, когда твой брат хочет заполучить твой трон. А другое дело — когда этот брат пытался убить невинного человека.

— Почему?

Почему? Это был странный вопрос, и я понял, что не знаю на него ответа. Я не спросил Эмель о том, почему Касым пытался её убить. А знала ли она сама?

— Значит, ты только поэтому взял её с собой? Чтобы её защитить?

Я промолчал.

— Я так и подумала, — сказала женщина. — Она так смотрела на тебя, когда ты был болен...

Она повертела руками.

— Она словно была тебе должна. Она была готова отдать всё, что угодно.

Она наклонилась вперёд.

— Саалим, ты знаешь, что когда она оставила тебя и твоих людей в ту ночь, она нашла меня? Она прибежала ко мне с дикими глазами. Она могла потеряться. Она могла потерять вас в той темноте. Это был глупый поступок. И знаешь, что она мне ответила, когда я указала ей на это? Что ей больше нечего терять.

Пламя высоко взмывало в воздух передо мной, освещая ветви деревьев над нами и заставляя тени двигаться, хотя на деревьях ничего не было.

— Ты понимаешь, — спросила она, — что ты ей должен?

Её вопрос прозвучал странно. Что-то в её словах затронуло те мои мысли, что не давали мне покоя. Она что-то знала, но я не понимал, что именно.

Её лицо сделалось суровым.

— Если ты планируешь отвергнуть её, скажи ей об этом прямо сейчас. Пока она ещё может вернуться к себе домой.

— Я не собираюсь говорить ей...

Я остановил себя. Это женщина не имела права обсуждать это со мной.

— Ты только посмотри на себя — перебираешь руками, уставился в землю, не можешь закончить фразу. Влюблённый мальчик, ни больше, ни меньше.

Несмотря на то, что она упрекнула меня, она сделала это мягко, и я не обиделся.

— Так вот что чувствует король Алмулихи по отношению к солеискательнице? — я услышал удивление в её голосе.

— Я обручён.

Поставив локти на колени, я уставился на огонь.

Кем была эта женщина, которая назвала меня Саалимом, а мой дом — Алмулихи,

словно она сама была рождена там? Пламя вздымалось всё выше, и выше, и выше. Оно словно пыталось дотянуться до чего-то в воздухе. Эта женщина и я как будто пытались достать одну и ту же вещь.

— Ты разгадал эту загадку? — спросила она, но её голос изменился. Он был до ужаса мне знаком.

Я повернулся к ней, но женщина, сидевшая рядом со мной, больше не была той незнакомкой, что вылечила меня. Она изменилась. Она превратилась в кого-то совершенно другого...

— Никогда бы не подумала, что доживу до того дня, когда мой брат воспыхает чувствами к женщине из песков, — сказала она.

Я едва расслышал её слова, едва понял их значение.

— Эдала?

Я резко встал. Мне захотелось подойти к ней, но в то же время отпрянуть. Она улыбнулась, и я понял, что это была именно она. Я подошёл к ней, отчаянно желая обрести семью. Она совсем не изменилась: такая же терпеливая, лукавая, самоуверенная.

— Как? — спросил я, прижав её к себе.

Её тело было точно таким, каким я его запомнил. Костлявым и жилистым.

Когда мы снова сели, я уставился на неё. Я был не в силах оторвать взгляд от сестры, которую, как я думал, мне было не суждено больше увидеть.

— Это точно такая же магия, о которой ты рассказывал, — сказала она.

— Но... как? — надавил я. — Всё это время это была ты.

Она кивнула.

— Почему ты не раскрыла себя раньше?

— Я хотела понять, каким ты стал.

Она взмахнула рукой, не давая мне заговорить.

— Я знала, что ты мой брат. Но кем ты стал? Изменился ли ты, как о том говорилось в легендах?

Она улыбнулась, а затем кивнула.

— Ты изменился.

Я напрягся.

— Легендах?

— О потерянном принце, который стал рабом, пока не...

Увидев выражение моего лица, она остановилась.

— Ты знаешь, о чём я говорю?

Я покачал головой, почувствовав себя нехорошо. Что-то из того, что она сказала, показалось мне одновременно правильным и неправильным. Обо мне не было сложено никаких легенд. Но тогда почему мне так хотелось услышать эти слова, точно я был потерявшимся номадом, который искал воду?

— Разве ты не?.. Ты знаешь?..

Она не могла сформулировать вопрос и проглатывала большую часть слов.

— Скажи мне: что произошло после того, как на Алмулихи напали?

Я рассказал ей о том, что наш отец очень ослабел — он был болен (знала ли она об этом?) — и что нашей матери пришлось его убить, чтобы его не убили захватчики. Я рассказал ей о том, что очень много людей погибло в попытке не дать вражеской армии проникнуть во дворец, и о том, как много солдат погибло, и как убили Надию.

Эдала отвела взгляд и прикрыла рот рукой, когда я упомянул Надию.

Наша армия долго защищала дворец, но в итоге ей пришлось отступить. Я решил, что Касым погиб, и Эдала погибла, потому что никто из них не вернулся домой. Новости о том, что произошло в Алмулихи, распространились по пустыне точно ветер. Я получил множество писем от людей с другого конца пустыни и из-за моря. Они передавали мне свои соболезнования и поминальные подарки. Как так вышло, что Касым и Эдала остались в живых, но не вернулись сразу же домой?

Когда я рассказал об этом Эдале, гнев, который я испытывал по отношению к ней и своему брату, снова вышел на поверхность. Они оставили нас, оставили нашего больного отца. И они оба были живы. Сжав колени, я вспомнил о том, как оплакивал их, как оплакивал потерю всей своей семьи. А они все это время были живы и эгоистично выжидали удобного момента, чтобы вернуться.

Как оказалось, Касым решил украсть у меня трон.

Мне хотелось выместить свой гнев на Эдале, но выражение её лица заставило меня попридержать язык. Её щеки были мокрыми, когда она снова на меня взглянула. Ужас заставил уголки её глаз и губ опуститься. Она провела руками по лбу и застонала.

— Самое ужасное, что я не могла вернуться домой. Я не могла вернуться к тебе.

— С твоей стороны было эгоистично оставаться здесь, — сказал я.

— Мазира, — прошептала она, — такая жестокая. О, Саалим.

Она снова умоляюще посмотрела на меня.

— Ты столько всего пропустил, столько всего произошло. А Эмель знает?

— О чём? — огрызнулся я, становясь нетерпеливым.

— Она, должно быть, знает, — прошептала она сама себе. — Это бы всё объяснило. Но я думала, что она тебе расскажет. По-видимому, этого не случилось.

Она снова посмотрела на меня.

— Позволь мне начать с самого начала.

Она сделала глубокий вдох и начала.

Дворец никогда не был для Эдалы домом. Может быть, потому что обстановка там была напряжённой — между Касымом и мной, между матерью и отцом, между Эдалой и моей матерью — а, может быть, королевская жизнь была не для неё?

— Жизнь принцессы со всеми этими улыбками, красивыми платьями и подарками никогда не привлекала меня так, как Надию. А ещё я влюбилась, Саалим, — тихо сказала она.

Я бы никогда не подумал о том, что мы с Эдалой будем делиться друг с другом своими любовными делами. Она посмотрела в сторону домов на дереве и снова заговорила:

— Отец запретил мне встречаться с ним, потому что он был не королевских кровей.

И тогда Эдала обратилась к Захаре.

Захара позволила Эдале проводить дни и ночи у себя дома, и помогла ей сбежать от той жизни, которую Эдала не любила. И вот, находясь в укрытии дворцовых садов, Захара начала учить её магии.

— Она видела, что я несчастна, и была ко мне добра, поэтому я не поняла, что она пошла ещё дальше. Я не знала о том, что она задумала...

В её словах послышалась горечь раскаяния.

Захара была очень умелой колдуньей. Она была сильной. Но Эдала видела, чего ей стоило получить всю эту силу, как и знала, что Захара могла получить ещё больше. Поэтому

она ушла в пустыню.

— Отец запретил мне вести ту жизнь, которую я хотела, вместе с любимым человеком, поэтому я решила уйти. Но я уехала учиться магии, а не в поселения, как я ему сказала.

Она знала, что для того, чтобы получить желаемое от Мазиры, надо было принести жертву.

— Когда мне так и не удалось обрести ту связь с богиней, о которой я мечтала, но мне было больше нечего ей дать, я решила попробовать ещё раз. Я решила отдать ей свою душу.

Эдала покинула свой шатёр, когда солнце стояло высоко в небе, и отошла на приличное расстояние от тени или какого-либо укрытия. Она легла на спину, позволив песку опалить её кожу, а солнцу опалить её тело. Жара начала иссушать её, и это было мучительно больно. Если бы она умерла, она бы умерла в попытке получить ещё больше магии, чем любой другой колдун. Наконец, она решила, что больше не может этого выносить, и тогда она представила, что она скорпион с твёрдой чешуей, которая защищает её от солнца. Она закрыла глаза и поверила в это. Когда она снова открыла их, она превратилась в скорпиона.

— Мазира забрала мою душу, — сказала Эдала. — Но она не оставила её себе. Она отдала её обратно, и вместе с ней — она дала мне всё. Я не нахожусь в её власти, как любая другая колдунья, которая устаёт после использования её магии. Или как джинн, который связан веревками своего хозяина и Мазиры. Я *си'ла*. Я свободна.

Я молчал. Я слышал о *си'ле* только в легендах. Это был всемогущий дух, который мог менять обличья и считался злым. Я рассказал ей о том, что знаю, и она рассмеялась.

— Да, то же самое говорят о джиннах, и я тебя уверяю — не всё из этого правда.

Она посмотрела на меня знающим взглядом, который я не понял.

— Значит, ты обладаешь магией, — выдохнул я. — Но это не объясняет всего.

— Нет, — согласилась она. — Это ничего не объясняет. Саалим, ты слышал легенду о джинне и ахире?

Я озадаченно уставился на неё.

— Нет, но Эмель рассказывала мне одну историю...

Тогда я болел. И я плохо её запомнил.

Эдала кивнула.

— Значит, она помнит.

Она снова рассказала мне эту историю.

Принц оказался заточён в сосуде, попросив колдунью спасти его дом. Он был вынужден исполнять желания других людей, пока его город пребывал в руинах, и превратился в место из легенд. Его дом мог восстановиться только после освобождения принца. Он был рабом и сменял хозяев одного за другим, пока однажды его не нашёл один необычный человек. Это была ахира, которая находилась в плену двора своего отца. Она была точно таким же рабом, как и джинн.

Они влюбились друг в друга, и когда ей стали угрожать тем, что лишат её дома — и джинна — она загадала своё последнее желание, в котором попросила свободы. Это желание снова сделало джинна человеком, и он смог стать королём своего восстановленного города.

— А что стало с ахирой? — спросил я, моё сердцебиение ускорило.

— Похоже, она отправилась за ним в его дом, — прошептала Эдала. — Его домом был Мадинат Алмулихи. Той колдуньей была Захара. А ты был тем принцем.

Мою шею обдало холодом. Я крепко сжал кулаки, желая, чтобы эта история оказалась

неправдой.

— Это невозможно.

Но когда я это произнёс, я понял, что это не так.

— Я могу это доказать.

— Как?

Я едва расслышал свои слова сквозь стук бьющегося сердца.

— Я могу вернуть тебе воспоминания, которые забрала у тебя Мазира.

Я резко перевёл на неё взгляд.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда Эмель пожелала свободы, Мазира исполнила её желание. Но богиня замечает свои следы. Те, на кого повлияли эти изменения — восстановление Алмулихи, изменение торговых путей, появление короля, который отсутствовал сотни лет — потеряли свои воспоминания. Включая тебя, Саалим. Но ты ведь чувствуешь эту пустоту? Как будто на тебя что-то давит. И всё кажется не тем, чем является на самом деле. Ты чувствуешь, что за этим всем как будто стоит что-то ещё. Ты чувствуешь это рядом с Эмель, не так ли?

Поиски этих воспоминаний были похожи на заплыв по каналу. Вода, свобода, а затем каменная стена. Но теперь, когда она произнесла эти слова, я почувствовал их. Следы того, что совершила Мазира.

— Ты можешь вернуть мне мои воспоминания?

— Я могу показать тебе следы Мазиры. Если ты этого хочешь, — сказала она.

И я снова увидел в выражении её лица глубокое удовлетворение от того, что у неё была эта сила, что она перехитрила саму богиню.

Это не стоило даже обсуждать. Я хотел вернуть себе всё то, что по праву мне принадлежало. Я поднял взгляд на деревья. Тени всё ещё танцевали над нами, и я увидел тёмно-синее небо, которое уже начало светлеть.

Что могли показать мне те воспоминания? Что я мог увидеть, если бы земля обнажила всё то, что было под ней погребено? Был ли я готов столкнуться с неизвестным и, наконец, понять, что произошло между мной и Эмель?

Нет.

Не сейчас.

Сначала, мне надо было покончить с прошлым, которое я знал.

Глава 25

Эмель

На следующее утро моя кожа была липкой из-за здешнего воздуха, а волосы так и не высохли. Вспомнив о вчерашнем вечере — о том, как мы провели время с Рахимой, и о признании Саалима — я улыбнулась и свернулась калачиком.

Вчера, когда мы с Рахимой оставили мужчин, она отвела меня в свои комнаты.

Я последовала за ней по подвесному мосту, с каждым шагом сжимая верёвки всё крепче. Было так странно, что меня принимала у себя моя младшая сестра. Здесь мы оказались ещё ближе к верхушкам деревьев, и каждая яркая птица или цветок привлекали моё внимание.

— Это так не похоже на наш дом, — сказала Рахима, наблюдая за мной, пока мы шли по

мосту. — Мне тут очень нравится, — продолжала она, и я кивнула. — Раньше я скучала по дому, и сейчас иногда скучаю.

Почему её голос был таким грустным?

— Именно поэтому Джафар разрешил мне привезти все эти вещи из дома. Как жаль, что я не могу поделиться этой влагой с остальной пустыней. Так всем было бы лучше.

Она улыбнулась и убрала волосы, прилипшие к виску.

— Воздух тут такой плотный, что я едва дышу, — сказала я, когда мы дошли до другого конца моста.

— К этому привыкаешь.

Рахима завела меня внутрь дома, и я удивилась, когда увидела, что мы были не одни.

Какая-то женщина наклонилась вперёд и расшивала длинную льняную ткань — это была мать Рахимы.

— Сэйша! — вскрикнула я.

Услышав мой голос, она оторвала взгляд от своей работы и расплылась в улыбке.

— Эмель!

Она медленно встала, вздрогнув, когда её колени выпрямились, после чего крепко меня обняла.

— Когда до меня дошли новости о смерти отца, я начала умолять Джафара съездить к нам домой и забрать её.

Рахима сказала это как бы между прочим. Неужели никто вообще о нём не скорбел?

Сэйша погладила меня по лицу и начала бормотать, что я очень похожа на Изру, и что она очень по мне скучала. Моя грудь сжалась из-за тоски по матери и по объятиям обитателей гарема.

За чаем мы рассказали друг другу о своей жизни.

— Ты путешествуешь с королём Мадината Алмулихи?

Рахима была удивлена, и это было понятно. Я сказала ей, что это вышло случайно. Я работала у дворцового лекаря и поэтому часто встречалась с Саалимом. Но я не рассказала ей о джинне.

— Я нужна ему в этом путешествии, — солгала я. — Потому что я кое-что знаю о пустыне.

Ей не нужно было знать про Касыма. Я не хотела её волновать.

Рахима и её мать рассказали мне про свою деревню и про то, как они в ней устроились. Но я почувствовала какое-то напряжение, которое мне было непонятно.

— Джафар хороший человек, — сказала Рахима после долгой паузы.

Она уставилась на окно, закрытое сеткой.

— Я...

Она замолчала и сделала глоток чая. Её слова повисли в воздухе, она так и не закончила свою мысль.

— Что такое, Има? — я перевела взгляд с Рахимы на её мать, ожидая объяснений.

— Он скоро женится на другой.

Этого объяснения было недостаточно.

— Мама и я переедем в помещения для гостей. Его новая жена останется с ним. Через три луны будет уже год, как мы поженились. А мне так и не удалось зачать ребенка.

Она многозначительно посмотрела на меня, и тогда я поняла, что она хотела мне сказать.

Теперь я начала понимать её боль.

Неужели та беременность была ее последней? Неужели тоник, который дал ей лекарь, навредил её чреву? Я подумала о том выборе, который она сделала. Ее нынешняя жизнь была красивой и счастливой, но она не могла родить ребенка и разделить с ним эту жизнь. Если бы она знала, что тоник может так на неё повлиять, стала бы она его принимать? Или было бы лучше, если бы её выгнали из дворца? Наш отец наверняка выгнал бы её вместе с ребёнком. Незримые последствия нависали точно тени над каждым решением, которое мы принимали.

— Джафар добр, но ему нужны дети, — сказала Сэйша.

Она погладила Рахиму по волосам, и её глаза наполнились слезами.

— Мне жаль, — сказала я им обоим.

Рахима всё равно осталась бы его женой, но теперь она собиралась пронести сквозь всю свою жизнь ощущение того, что она не справилась.

После встречи с её матерью она повела меня принять душ под прохладной водой, и мы нашли, над чем посмеяться, несмотря на её не проходящую печаль. Мы вспомнили о прошлой жизни и сравнили её с нашими настоящими жизнями. Как же всё поменялось.

И вот, я лежала в кровати, в домике для гостей, свернувшись калачиком, и думала о Саалиме. Что могло произойти прошлой ночью, если бы Тамам не вошёл?

Я села и осмотрела пустую комнату. Мой взгляд задержался на ярких гобеленах на стенах, гладких деревянных чашках и мисках на столе. Все эти вещи так напоминали о доме, и всё же это был не он. Я встала, желая найти Саалима. Мне надо было рассказать ему о своих чувствах.

Когда я вышла на поляну, я обнаружила Тамама, Амира, Нассара, Саалима и незнакомую женщину, которые посмотрели на меня, когда я приблизилась к ним. Я не сводила глаз с Саалима и чувствовала себя точно ахира на рассвете, которая задавалась вопросом о том, захочет ли мухами повторить прошлую ночь. Натянуто улыбнувшись, я подошла к нему. Он улыбнулся в ответ, но сделал это более воодушевленно, чем я. Я замедлила шаг, заметив что-то в его глазах. Что-то изменилось.

Саалим указал на женщину.

— Эмель, это Эдала, моя сестра. Именно она... помогла нам, помогла мне.

Что-то действительно изменилось.

Её улыбка была искренней.

— Рада познакомиться с тобой без камуфляжа.

Амир наполнил миску кашей и передал её мне. А затем повернулся к Эдале. По тому, как он посмотрел на неё, я поняла, что я прервала их.

— Дай мне свою карту, и я тебе покажу, — сказала Эдала, беря у Амира карту. — Пещера находится вот здесь.

Эдала указала на чёрное пятно.

— И ты думаешь, что Касым там? — спросил Тамам.

Он уставился на Эдалу, на её руки, лицо, на её скрещенные ноги.

— Если он и находится где-то в пустыне, то только там. Захара проводила много времени в этой пещере. Подозреваю, что именно там живут даркафы.

— Думаешь, что та женщина, что уехала с ним, и есть Захара? — спросил Тамам.

— Да.

Она бегло посмотрела на него, после чего отвернулась и откинула волосы назад.

Я столько всего пропустила. Я не притронулась к каше и смотрела на Эдалу так же внимательно, как Тамам, Нассар и Амир.

Я вспомнила изображение Эдалы в её комнате. И хотя эта женщина была старше, она выглядела точно так же. Она совершенно точно была королевских кровей. У неё были такие же высокие скулы, как у Саалима, только цвет кожи был темнее, как у хаяли.

— Эмель, — сказала Эдала, когда Саалим и Амир начали обсуждать путь к пещере. — Мы можем поговорить наедине?

Я последовала за Эдалой, и мы пошли мимо деревьев и домов, обмазанных речным илом, внутри которых семьи готовились к предстоящему дню.

— Я могу менять обличье, — сказала она, когда я попросила, чтобы она объяснила изменение своей внешности.

Когда мы отошли подальше от любопытных ушей, она добавила:

— Я *си'ла*.

Си'ла? Раньше я не верила в их существование.

— А ты знаешь, кто ты? — спросила она меня.

— Я не понимаю.

— Магия, которую ты носишь с собой, ты знаешь о ней?

Несмотря на то, что я смотрела на землю и старалась переступить через каждую ветку, куст или корень, я все равно споткнулась.

— Ты про отметину Мазирь? — спросила я, обретя равновесие.

— Да. Это не просто отметка на коже. Сама богиня выбрала тебя, но я не знаю, почему. И поскольку ты носишь на себе эту отметину, ты можешь делать всё, что захочешь с помощью магии. Ты могла бы стать *си'лой*, как я. Или даже больше.

Её глаза засверкали, как у Альтасы, когда она пыталась уговорить меня начать обучение.

Я не хотела, чтобы она питала иллюзии насчёт того, что я испытываю интерес к магии.

— Я не желаю быть проводником непредсказуемой магии Мазирь.

— *Си'ла* не дёргает за ниточки изменчивых желаний Мазирь.

Она выглядела самодовольной.

— Я делаю с помощью магии всё, что захочу. Ты понимаешь разницу? Это не похоже на магию джинна.

Она сказала это так, словно знала, что я была с ней знакома.

— Ты говоришь как Альтаса. Она пыталась уговорить меня сделать то же самое.

— Альтаса.

— Знахарка из Алмулихи.

— Она владела магией? — сказала она с сомнением.

Я рассказала ей про сверчка.

Эдала пробормотала что-то себе под нос и провела рукой по волосам.

— Ты знаешь, что ещё дает тебе отметина Мазирь?

По близстоящему дереву начала подниматься ящерица. А в листве у нас над головами сидели на ветке две красные птицы.

— Магия не влияет на тебя — и на то, что тебе дорого — напрямую. Я видела это своими глазами, — сказала Эдала так воодушевленно, что мне пришлось перевести взгляд с птиц на неё.

— Я много раз пыталась заставить вас что-нибудь сделать. Но ты и Саалим не

поддались.

— Саалим?

Она кивнула и тепло мне улыбнулась.

— Потому что ты его защищаешь. Наверное, по этой причине Захара и Касым не смогли заполучить его трон.

Я вспомнила обо всех тех случаях, когда Саалим чуть не лишился жизни: о нападавшем на корабле, который застал его врасплох, о шторме, который разломал корабль, однако все пассажиры остались живы, о той ночи, когда из дворца таинственным образом пропали все стражники, и туда ворвались даркафы. Неужели это я спасала его всё это время?

Я продолжила рассуждать вслух:

— В путешествии у нас пополнились запасы воды. Я ведь не могла сама это сделать...

— Нет. Но ты ведь не единственная, кому дорог Саалим.

Её глаза сверкнули.

— Эмель, разве ты не задумывалась о том, почему джинн не смог просто заставить Саалима исчезнуть?

Я задумывалась об этом множество раз во время нашего путешествия.

— Магия не влияет на него, если ты не желаешь того, что она просит. Это красноречивее всяких слов говорит мне о том, что ты к нему чувствуешь.

Она положила руку мне на спину.

— И за это Эмель я тебе благодарна, и я сделаю все, что смогу, чтобы тебе помочь. Ты уже дважды спасла моего брата.

Дважды.

— Благодаря твоей любви он живёт, а Алмулихи стоит.

Когда я, наконец, взглянула в её глаза, я увидела в них слёзы. Откуда она об этом знала?

— Всё, что ты захочешь. Всё, что тебе понадобится. Я считаю своим долгом исполнить то, что ты у меня попросишь.

В конечном счёте, я сказала:

— Ты тоже спасла Саалима. И я тоже тебе благодарна, если не больше...

— Я не могла найти своего брата и тут же его потерять.

— Если я чего-то и желаю, — сказала я, глубоко вздохнув, — так это не иметь больше дел с магией. Я не хочу, чтобы она свершалась со мной или вокруг меня. Я не хочу, чтобы она была в моей жизни.

Она с подозрением посмотрела на меня.

— Ты её боишься?

— Я боюсь той пелены, которой Мазира нас накрывает, когда использует магию.

Я подумала про Саалима и про его прошлое, которое он совсем не помнил. Про Фироза и Рашида, которые жили так, словно они совершили преступления, о которых ничего не помнили. Про то, как изменялись жизни людей без их ведома. Я вспомнила о своей жизни ахиры — жизни, которую я не контролировала, и которую не выбирала. Магия делала с людьми то же, что мой отец делал со мной. Она забирала у них выбор.

Это было неправильно.

Остаток дня я провела с Рахимой. Каждое мгновение с ней давалось мне труднее предыдущего, так как я знала, что наше время истекало. Во время обеда мы достали мою карту.

— Мне так стыдно, — засмеялась она, указав на букву "P", которую она написала почти

год назад. — Теперь я гораздо твёрже держу руку.

Она посмотрела себе за спину.

— Где же Джафар? Его это очень повеселит.

Она взяла у меня карту и побежала по мосту.

— Ты только посмотри на это! — крикнула она.

И хотя я не смогла разобрать слова, я услышала его дразнящий тон, а затем смех.

Я всё ещё улыбалась, когда Рахима вернулась.

— Он сказал, что мы даже близко не угадали.

Она указала на пустое пространство на севере.

— Да, Амир рассказал мне, — сказала я, забирая у неё карту.

Чуть позже мы снова отправились к водопаду. Жители деревни, мимо которых мы проходили, улыбались Рахиме, махали руками и кланялись. Они называли её *акама*.

— Что это значит? — спросила я.

— Это то, кем я здесь являюсь. Это переводится как "родитель взрослого". Это типа королевы, но... Джафар объяснил мне, что у них нет королей и королев. Он выступает в роли их проводника, ушей и языка, если им нужна помощь. Именно к нему они обращаются, если им нужно решение какой-то проблемы, но в других случаях, он позволяет им действовать по своему усмотрению.

— Мне это нравится, — сказала я.

— И мне. Хотя очень странно быть *акамой* для женщин, которые в три раза тебя старше.

Когда мы дошли до водопада, те, кто сидели на берегу реки, сдвинулись, чтобы Рахима и я могли положить свои вещи.

— Не могу поверить, что ты можешь мыться здесь каждый день. Я никогда не чувствовала себя такой чистой, — сказала я, развязав платок, который дала мне Рахима.

Рахима тут же сняла всю свою одежду, как она сделала эта прошлым вечером. Зайдя в реку, я позволила себе насладиться течением, омывающим мои ноги, и мягкой иловой подушкой на дне. Когда я встала под водопад, вода начала с такой силой врезаться в мою кожу, что её даже начало покалывать. Я не слышала ничего вокруг нас.

— Эмель, идём, — крикнула Рахима мне на ухо.

Она с силой потянула меня за запястье и завела в узкую расщелину между камнями, которую закрывал поток воды. Её плеск был таким громким, что я напряглась и прищурилась, когда капли воды начали попадать мне на лицо.

— Что такое?

— Твои друзья.

Она наклонила голову влево.

И хотя я почти ничего не увидела из-за воды, я разглядела фигуры, которые медленно шли вдоль берега реки. Там были ещё два человека в ярких одеждах. Насколько я поняла, их присутствие не смутило ни одну из купающихся женщин.

— Каково это путешествовать с ними? — спросила Рахима. — Я знаю, что не должна так говорить, но что-то такое в Нассаре заставляет меня содрогаться. Он добр к тебе?

Мой смех заглушил плеск воды.

— Он очень предан Саалиму и Мадинату Алмулихи. Он не причинит мне вреда до тех пор, пока не посчитает меня предательницей.

Камни царапнули меня по спине, когда я прислонилась к ним.

— Они все очень хорошие люди.

— А что насчёт Саалима? Ты расскажешь мне о нём или продолжишь врать?

Она скрестила руки и приподняла брови.

— Мне нечего...

— Ты мне врёшь. Я знаю, что он взял тебя в это путешествие, потому что ты якобы "знакома с пустыней".

Она вышла из-под струи воды.

— Идём, они ушли.

Мы прошли сквозь водяную стену.

— Эдала сказала, что вы пара.

Я резко посмотрела на неё. Она назвала её Эдалой, словно знала её много лет. Та же самая магия, которую использовала Эдала, чтобы скрыть себя, смешала между собой прошлое и настоящее и смыла ненужные воспоминания. Никто из жителей деревни не удивился, увидев с нами другую женщину. У них в головах это была всё та же Эдала.

— Ладно, — сказала Рахима, неправильно истолковав моё нахмуренное выражение лица.

Она посмотрела на небо, проглядывающее между деревьями. Начало темнеть.

— Не говори мне ничего. Я не хочу, чтобы наши последние мгновения, проведенные вместе, были... такими.

Она обернулась платком и завязала его. Надев сандалии — такие же, какие она носила дома — она взяла меня за руку.

— Я не хочу снова прощаться с тобой.

— На этот раз, — сказала я. — Мы знаем, что это не будет прощанием. Я вернусь.

— Обещай мне одну вещь.

— Хм-м?

— Что ты станешь такой же счастливой, как я.

— А что насчёт?.. — я прижала руку к животу.

— Посмотри на мою жизнь, — тихонько сказала она, подставив руку под водопад. — Мне не пристало думать о том, чего у меня нет, когда у меня есть столько всего.

— С каких это пор моя младшая сестра стала такой мудрой?

***

Мы покинули Рахиму и Джафара вечером, тепло с ними простившись и увозя мешки со свежими фруктами. Я сказала Рахиме, что их было больше, чем мы могли бы съесть. Но она не послушала меня. Она сказала, что будет чувствовать себя лучше, зная, что они у меня были.

Мы нашли наших верблюдов привязанными рядом с переправой через реку, как и пообещала Эдала.

— Видите, — сказала Эдала, взяв поводья.

Она утверждала, что кто-то из деревни приходил несколько раз в день и ухаживал за верблюдами, но теперь я засомневалась в том, что это была правда, и что она не использовала свою магию.

И так мы начали наше путешествие к пещере даркафов, а Эдала стала нашим проводником. Если их там не было, если бы нам не удалось найти Касыма, мы бы вернулись в Мадинат Алмулихи и подождали бы его там.

Глава 26

Саалим

— Посмотри сюда, — сказала Эдала Амиру, указывая на карту, когда мы остановились у оазиса.

Эти двое не переставали болтать об этой чёртовой карте.

— Она вот здесь. А мы вот тут, — сказала она, снова откинувшись на руки.

Рядом с Эдалой сидел Тамам, который прошёлся взглядом по её рукам, когда они скользнули мимо него.

Если бы Эмель мне не сказала, я бы не обратил внимания на то, как Тамам смотрел на Эдалу и вёл себя рядом с ней. Эмель оказалась права. Теперь я уже не мог не замечать то, как их тянуло друг к другу. Я никогда не видел его таким раньше.

Мог ли он быть тем мужчиной, о котором говорила Эдала — мужчиной, которого она когда-то любила? Я ничего не помнил об их отношениях. Но опять же, до того, как Эдала сбежала в пустыню, я мало о чём думал, кроме короны, которая однажды должна была оказаться на моей голове.

Скользнув взглядом поверх голов, склоненных над картой, я остановился на Эмель. Её губы приподнялись в полуулыбке, когда Амир что-то сказал. Моя кровь забурлила и начала быстро курсировать по венам, поэтому я отвернулся и вспомнил историю Эдалы, чтобы отвлечься от губ Эмель.

Я был джинном. Эмель освободила меня. Как так вышло, что у меня не осталось воспоминаний об этих безумных событиях?

Утро почти уже наступило, поэтому мы сели в тени и начали выбирать лучший момент для прибытия к пещере даркафов. Опустив взгляд на карту, я с удивлением обнаружил, что мы находились недалеко от дома Эмель. Я сказал об этом вслух, что озадачило её.

— Разве мы можем находиться так близко? Путь до Алмулихи занял у нас почти сорок дней. А это путешествие заняло у нас половину того времени.

Она была права.

Эдала улыбнулась.

— Не люблю идти медленно.

Тень упала на лицо Эмель.

Амир резко вдохнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Пустыня изгибается под моими ногами, поэтому мы идём гораздо быстрее. Каждый шаг равен приблизительно двадцати.

Амир, как будто, дико обрадовался.

— Ты используешь магию, — резко сказала Эмель.

Даже я сжался от тона её голоса. Тамам нахмурился и повернулся к Эмель.

Эдала не выглядела виноватой.

— Мы не обладаем неограниченным запасом времени.

Не сказав больше ни слова, Эмель встала и ушла искать тень под самым дальним деревом. Я последовал за ней.

— Что такое? — спросил её я, наблюдая за тем, как она развернула циновку методичными движениями молящегося человека.

— Я не хочу находиться с ней рядом.

С магией.

Она как будто повторяла эти слова уже сотню раз. Она казалась такой уставшей.

Эмель продолжила:

— Это может показаться таким безобидным: пустыня изгибается под её ногами. Но именно так рассуждала Захара, когда сделала тебя джинном. А что насчёт тех, кто находится в складках пустыни? Что случается с ними?

— Она сказала, что её магия не влияет на людей. Они не теряют воспоминания, — произнёс я тихим голосом, пытаясь разрушить стену, которая быстро выростала между ними.

— И всё же её нельзя использовать так безрассудно. Человек не должен так жить... используя дары богов и не зная настоящей работы.

Я понял её и сел рядом, а она смела песок с циновки. Повисла долгая тишина, после чего я сказал:

— Аниса всё ещё летает.

Эмель замерла.

— Твоя орлица?

Понизив голос, я сказал:

— Тамам прервал нас у Джафара. Я остался без ответа.

Я подождал, но она продолжила сметать песок.

— Эдала рассказала мне о нашем прошлом.

Она приоткрыла рот.

— Всё?

— Нет, не всё. Кое-что.

И хотя её лицо выглядело измождённым, когда её глаза встретились с моими, они были широко раскрытыми и уже не выглядели сонными.

— Тогда у тебя уже есть твой ответ.

— Смею ли я на это надеяться?

Я протянул к ней руку.

— Да, — прошептала она и приняла её. — Мне столько всего хочется тебе сказать.

— Но?

— Слишком много глаз, — сказала она и нежно сжала мою руку.

Я слышал, как наши компаньоны разговаривали о путешествии позади нас. Эдала и Нассар спорили о людях, живших в ближайшем поселении.

— Могу я разделить с тобой твою тень? — спросил я.

Она помогла мне расстелить циновку и так же тщательно смела с неё песок своей ладонью.

Когда все притихли и нашли места для ночлега, я перевернулся на бок.

— Ты бы хотела снова увидеться со своими сёстрами?

Я вспомнил о том, как она была рада увидеть Рахиму.

— Мы можем посетить твой дом.

— Ты согласен задержаться, чтобы я могла посетить свою деревню?

Я был готов сделать ради неё всё, что угодно.

Но прежде, чем я успел ответить, она сказала:

— Я пока не хочу.

Её глаза были темнее ночи. Я пристально взгляделся в них, словно мог найти в их глубинах звёзды, и попытался понять, с чем она пока была не готова встретиться у себя дома.

— Ты готова путешествовать по пустыне, которую никогда раньше не видела, навещать хаяли и заходить в незнакомые пещеры, но ты не готова возвратиться домой?

— Проще всего встретиться с тем, чего ты не знаешь.

Я вспомнил, как вернулся в город, который подвёл, где люди знали секрет моего отца. Мой секрет. Да, я понимал её.

— Мы отправимся к пещере сразу после полудня, так что попытайся поспать.

Последовала долгая пауза. Она повернулась ко мне.

— Почему ты так сильно ненавидишь пустыню?

Я не смог посмотреть ей в глаза. Вместо этого я уставился на небо.

— Я не ненавижу...

— Ты ненавидишь её.

Она вздохнула.

— Она может быть враждебной, а люди, населяющие её, могут быть такими же негостеприимными.

— А я вижу её красивую бледность, а ещё сильных людей, которые научились благоденствовать в ней.

— Они забирают чужие жизни под любым предлогом, продают людей точно товары. Не говоря уже о непрекращающейся жаре, а ещё недостатке воды и еды.

— Но, если есть плохое, то есть и что-то хорошее, надо только его увидеть. Что ты скажешь о ночи, такой тёмной, что луна служит в ней фонарём? А о лисе, которая охотится при её свете? А о птицах Мазеры, которые получают воду и мясо от мёртвых? А о песке, который разглаживается ветром, тем самым ветром, который сдвигает дюны, словно они ничего не весят. А о людях, которые живут здесь и делают это место лучше. Нас формируют руки пустыни — солнце и песок. Подумай о Рахеме, об Эдале. Подумай обо мне. О своей матери.

Я поморщился и понадеялся, что Эмель не могла видеть моего лица.

— Я не знал её.

— Но в тебе есть часть её, и раз уж я тебя знаю, я знаю, что она была хорошим человеком.

Всё, что я знал о женщине, которая дала мне жизнь, это то, что это было ошибкой. Незадолго до женитьбы на моей матери, мой отец посетил группу восточных номадов, которые пользовались таким влиянием в пустыне, что часто уведомяли большие поселения и города о том, куда они направлялись. Там он повстречал женщину, которая, по его словам, покорила его. Его тянуло к ней, как ни к кому прежде. Они возлежали, и он даже захотел сделать её своей королевой.

Но, конечно, этому не суждено было случиться. Его отец не позволил ему это сделать, тем более что на свадьбу с дочерью короля хаяли уже были потрачены средства.

И только когда я родился, мой отец, который уже был женат на Кине, узнал о моём существовании. Он послал за мной и моей матерью, и принял меня как своего перворожденного сына.

Момент был удачным, и большинство решило, что я был сыном королевы. Людям нечасто доводилось видеть королеву, а тем более, если она ждала ребёнка. Конечно,

дворцовая прислуга всё знала, и поползли слухи.

Но меня приняли и вырастили как родного. Терпение королевы Кины по отношению ко мне было безграничным. Она относилась ко мне как к своему собственному сыну, и когда полюбила меня, смогла простить моего отца за то, что он сделал.

Значительно позже мне стало известно, что мою родную мать перевезли в Алмулихи, чтобы она могла смотреть за тем, как я расту. Она осталась в городе на несколько лет, а затем уехала к своей семье. И я каждый раз испытывал горечь, похожую на слишком сильно заваренный чай, иссушающий мой язык, когда думал о том, что она смогла оставить своего ребенка.

— О чём ты задумался? — прошептала Эмель, когда я ей не ответил.

Я ничего не сказал, перебирая в голове гневные мысли.

— Ты сейчас думаешь о ней?

Я кивнул.

— Ты не можешь вернуться домой, потому что он оставил на тебе раны, и я точно так же не могу принять мысль о том, что женщина, которая меня родила, могла быть хорошей.

Я рассказал ей все, что я о ней знал, и о том, как она уехала.

— Но ведь это несправедливо? Ожидать что-то от матерей?

— Что ты имеешь в виду?

— Мы хотим, чтобы они оставили ради нас свои жизни. Бросили всё, чего они хотели или планировали сделать, и были с нами рядом. Словно у них нет собственной жизни. Многие матери так поступают, и даже хотят этого. Поэтому мы воспринимаем это как должное.

Она потянулась пальцами к моей шее и коснулась её. Её прикосновение было успокаивающим и привычным, но я всё ещё помнил о том времени, когда оно казалось мне незнакомым и возбуждающим. Два мира столкнулись друг с другом в моём сознании, создав облака пыли, которые в итоге рассеялись, но породили ещё больше неясностей.

— Моя мать пыталась сбежать из нашего поселения и была убита, — сказала она. — Я рассердилась и почувствовала ревность, — её голос смягчился. — Я ненавидела её за то, что она сделала... за то, что оставила своих детей. Но я ревновала к тому, что ей хватило силы так поступить. Даже будучи её эгоистичным ребёнком, я понимала, что ей пришлось постоять за себя.

Она мягко коснулась моей щеки.

— Может быть, именно поэтому твоя мать уехала? Может быть, ей пришлось сделать то же самое?

Мне было нелегко слышать, как Эмель защищала женщину, которую я уже начал презирать.

— Может, — сказал я, не желая больше думать о ней.

Через некоторое время Эмель уснула. Мои веки тоже отяжелели, дневной зной начал погружать меня в сон, несмотря на необходимость строить планы и решать, что делать дальше.

Но сон так и не пришёл ко мне. Я сел. Песок сделался гладким, как и сказала Эмель. Влажное тепло начало подниматься от него, напоминая волшебный ветер. Солнце ярко палило на фоне голубого неба. Ветерок, который я едва чувствовал, пошевелил листья, и я услышал их шепот. Я смутно помнил о том, что когда-то я восхищался оазисами. И что в прошлой жизни я научился любить пустыню.

Неужели эти чувства были частью тех воспоминаний, которые могла мне вернуть Эдала? Вероятно, я мог сам обрести эти воспоминания, сорвав их с уст Эмель, и снова научился бы любить пустыню.

***

— Если мы не отправимся в путь прямо сейчас, мы прибудем уже затемно, — сказала Эдала голосом, похожим на верёвку, которая натянулась и разбудила меня.

Я медленно встал и размял напряжённые плечи, а затем резко вскочил, заметив, что солнце уже начало садиться. Нам давно пора было отправляться в путь.

Эмель сидела с Амиром, уставившись на кусочки сушёного мяса.

— Если я непонятно объяснила, то повторяю: нам всем надо отправляться немедленно, — сказала Эдала.

Мы быстро собрали вещи и верблюдов, чтобы Эдала не начала снова нас подгонять.

Мы доехали до скопления дюн, которые скрывали пещеру, где могли находиться даркафы. Эдала всё время повторяла нам о том, что они не были склонны к насилию. Но я всё равно боялся того, что нас там ждало. Я был рад, что с нами была Эдала. Было бы глупо искать Касыма и Захару без неё, так как они могли с лёгкостью нас одолеть. Но даже если их там не было, и в пещере находились только даркафы, они в любом случае сильно превосходили нас числом, а она могла ошибаться насчёт их миролюбивости.

— Что ты знаешь о богине, которую они ищут? — спросил я.

— Богиня! — печально рассмеялась Эдала. — Мне понадобилось некоторое время, чтобы всё сложить. К счастью, даркафы уже в течение нескольких сотен лет ищут её по всей пустыне. Прости, я понимаю, что искажение во времени может обескураживать.

Она посмотрела на меня и слегка пожала плечами, а затем перевела взгляд на дюны, к которым мы приближались.

— За эти годы я узнала, что даркафы не просто поклонники странного культа. Мне не понадобилось долго их уговаривать, чтобы они раскрыли мне свою миссию.

Она провела пальцем по губе.

— Когда Захара сделала тебя джинном, она истощила свои силы. И ей потребовалось всё то, что у неё осталось, чтобы повторить то же самое с Касымом.

— Но зачем обращать Касыма? — спросил я.

— Я всё ещё не знаю ответа на этот вопрос.

Она пожевала губу, потерявшись в своих мыслях.

Какое-то время она ничего не говорила, тишина растянулась, а мы все ждали её ответа.

— Пожалуйста, продолжай, — взмолился я.

— На чём я остановилась? — спросила Эдала. А затем: — Ах, да. Она потеряла твой сосуд во время нападения на дворец. Как жаль, что я не видела, как сильно она разозлилась, потеряв тебя.

Она усмехнулась сама себе.

— Она не хотела потерять ещё и Касыма. Ей нужно было, чтобы кто-то охранял его сосуд, пока она восстанавливалась. Она продемонстрировала свои магические способностиномадам, которые очень хотели обрести для себя какую-то цель, и убедила их в том, что она богиня. Они пообещали охранять Касыма, пока она не наберётся сил и не вернётся за ним. Знали ли они, что он был джинном, или решили, что сосуд представлял какую-то ценность?

Я не знаю, но знаю, что они фанатично посвятили себя этой миссии. Через несколько поколений это превратилось в настоящую секту, где они идеализировали богиню Захару.

Она закатила глаза, а затем посмотрела на меня.

— Они знали, что, когда король пересечёт пустыню, Захара вернётся. Она постановила, что после освобождения Саалим должен вернуться назад королём. Она правильно рассудила, что Саалим будет отсутствовать в Алмулихи довольно долгое время, прежде чем сможет освободиться. Ведь он исчез из разрушенного города и оказался там, где жили его новые хозяева. Даркафы прилежно охраняли сосуд — они всегда приставляли к нему в качестве хозяина изувеченного ребенка, чтобы тот не мог...

— Подожди.

Я замер, и мою спину обдало холодом.

— Его хозяин — ребёнок?

— Ты в курсе, кто сейчас является хранителем сосуда?

Я рассказал ей про девочку Билару.

— У неё нет глаз, поэтому она не может видеть, и нет языка, поэтому она не может разговаривать.

Эдала кивнула.

— Думаю, именно она является хранителем. И, конечно, теперь, когда ты вернулся в Алмулихи, Захаре пришлось забрать Касыма. Уверена, что она теперь его хозяин.

— Так вот почему они оставляют после себя чёрные руки. Так они сообщают остальным, что они уже искали богиню в этом поселении. Я никогда не видел ничего подобного... — сказал Нассар себе под нос.

— Значит, она ждала моего возвращения в пещере? Изображая богиню? — спросил я.

— Нет. После превращения Касыма, ей пришлось восстанавливаться. Она изменила обличье, — Эдала покачала головой. — В отличие от меня, ей требуются ингредиенты и смеси, чтобы стать непохожей на себя прежнюю и при этом сохранить энергию для восстановления. Насколько я слышана, сначала она была сверчком.

Эмель резко вдохнула.

— Откуда ты всё это знаешь?

Она старалась всё реже разговаривать с моей сестрой после того, как Эдала призналась, что использовала магию, чтобы ускорить наше путешествие. И хотя в её вопросе слышалось обвинение, я был рад тому, что она вообще с ней заговорила.

Эдала подняла руки.

— Хочу я этого или нет, но я чувствую магию в этой пустыне. Ко мне как будто привязаны нити, и я чувствую, как они вибрируют, когда используется магия. А ещё, — она пристально посмотрела на Эмель, — люди много болтают. И благодаря их рассказам о необычных событиях я получаю всю эту информацию. Я не использую магию, чтобы выбить её из них, я использую уши.

Она снова взяла верблюда за поводья.

— Я подозреваю, что когда Захара набралась сил в этом обличье, она превратилась в грифа, которому требуется меньше энергии, чем человеку для восстановления. Я точно знаю, сколько человек сообщали о странном поведении грифов в последние шестьдесят лет.

Глаза Амира помутнели, и он медленно покачал головой туда-сюда. Я почувствовал то же, что и он. Это было слишком.

А Эдала воодушевленно продолжала. Ей, как и всегда, очень нравилось внимание

публики.

— Когда она стала грифом, ей стало легче искать Саалима. А когда к ней вернулись силы, она снова превратилась в человека. Но, скорее всего, в очень слабого, потому что я не встречала её и не чувствовала её магии.

— Это самая дикая вещь, которую я когда-либо слышал, — сказал Амир.

Эдала продолжила:

— Люди рассказывали о невозможных вещах: о сверчках, которые запрыгивали в птичье гнездо, о грифе, который нырнул в волны и исчезал там. И когда я поняла, что все эти вещи совпадают с использованием магии, я сложила всё вместе.

Её самодовольный тон заставил меня улыбнуться. Моя сестра действительно вернулась.

Песок сделался грубее, когда мы приблизились к пещере, и я заметил, что дюны стали больше походить на горы, чем на песчаные холмы — они стали угловатыми и плотными.

Эмель оказалась рядом со мной.

— Мы слишком быстро идём, Эдала.

Её слова прозвучали так напряжённо, что мне показалось, что она вот-вот сорвётся. Солнце как будто едва сдвинулось, хотя прошёл уже целый день. Но до пещеры было ещё далеко.

— В противном случае мы прибудем посреди ночи, — сказала Эдала.

Эмель потянула за поводья своего верблюда.

— Это было единственное, о чём я тебя попросила.

Она развернулась лицом к моей сестре.

— Я живу и дышу магией. Ты попросила меня о невозможном.

Неожиданно верблюды остановились. Я перевёл взгляд на Эдалу. По тому, как сдвинулись её пальцы, а руки сжались в кулаки, я понял, что гнев — и магия — управляли её решениями. Под её походными одеждами её переполняла ярость.

Но Эмель не отступила.

— Ты не можешь отрицать того, что магия высасывает силы, и что она может оставлять после себя горе и боль. Каждый раз, когда ты что-нибудь делаешь, даже что-то незначительное, возникает рябь, которая превращается в волны, и пустыня страдает. Даже если ты утверждаешь, что твоя магия не оставляет следов, они неизбежно должны оставаться!

Сейчас было не время для этих споров. Я был согласен с тем, что магия могла нас обмануть, но прямо сейчас нам было необходимо то, что она нам давала.

— Эмель...

Эдала и Эмель уставились на меня. Я закрыл рот.

Моя сестра повернулась к Эмель.

— Ты преувеличиваешь.

— Нет!

Она сжала поводья в кулаки.

— Я испытала это на себе. Как и он!

Она указала на меня.

— Как и Нассар.

На лице Нассара отразилось недоумение. Он раскрыл рот, чтобы возразить, но Эмель не дала ему это сделать.

— Видишь? Он даже не помнит о своём прошлом. Но ты ведь чувствуешь его, не так ли?

— спросила Эмель Нассара. — Ты не помнишь, как передал моему отцу плеть, которая оставила шрамы на моей спине.

Я раскрыл рот. Нассар откинулся назад, услышав её слова, и выражение его лица сделалось извиняющимся.

— Я... я не... я не знаю, что...

— Всё в порядке, — прошептал я ему.

Боги, что это было такое?

Моя сестра спрыгнула с верблюда и пошла в сторону Эмель.

— Эти пески нельзя очистить от магии.

— Эдала, — произнёс Тамам осторожным и предупредительным тоном.

Но она продолжила вести себя так, словно не услышала его.

— Тебе придётся привыкнуть к ней.

— Оставь Мазиру заниматься своими делами. Отрежь её от этого мира. Он принадлежит её сыновьям. Я бы сделала это сама, если бы могла, — сказала Эмель.

— Тогда тебе пришлось бы убить нас всех.

Эмель наклонилась вперёд на верблюде и уставилась в глаза Эдалы, точно орёл на добычу. На секунду я восхитился её смелостью, но затем она сказала:

— Если ты не остановишься, тогда лучше всего сделать именно это.

Я спрыгнул с верблюда одновременно с Тамамом и двинулся в их сторону.

— Прекратите.

Повернувшись к Эдале, я сказал:

— Мы можем двигаться более медленно и приехать завтра на закате. Давай на этот раз мы пойдём без твоей помощи.

Я слишком сильно давил на всех. И этот стресс только добавлял напряжения там, где его не должно было быть.

Эдала приковала меня взглядом.

— Мне здесь явно не рады. Но это неважно. Я буду жить счастливо независимо от того, устоит Алмулихи или развалится на куски.

Она отвернулась от меня и вытерла щёку.

Яростный ветер подул вокруг нас, песок полетел мне в лицо и на руки. Когда ветер стих, она пропала.

— Эдала?! — позвал Тамам.

Он развернулся на пятках, и начал выкрикивать её имя снова и снова.

— Она ушла, — сказала Эмель почти так же самодовольно, как Эдала.

Она не смотрела на меня.

Тамам продолжил звать её по имени, умоляя вернуться. Его голос надрывался от боли. Я не мог больше этого выносить.

— Идём, — сказал я.

Амир ахнул.

— В пещеру? Но их больше, и они сильнее.

Он не стал озвучивать тот факт, что у нас больше не было магии.

— Мы пойдём туда, — почти прокричал я, возвращаясь к верблюду и пытаясь заставить животное присесть, чтобы я мог его оседлать.

Он не слушался меня. Но когда он почувствовал мою готовность умертвить его голыми руками, он, наконец, опустил на землю, и мне удалось усесться в седло. Когда мы были

готовы возобновить наше путешествие, я заметил, что верблюд Эдалы пропал.

Мы продолжили идти в тишине.

Путешествие заняло у нас гораздо больше времени, чем мы предполагали. Тихие, с затуманенными взорами, мы добрались до пещеры на рассвете.

— Что, если они нападут на нас? — прошептал мне Нассар, когда мы спешили.

Передав поводья верблюда Амиру, я ответил так же тихо:

— Мы опытные солдаты. Мы будем сражаться.

В тоне моего голоса было больше уверенности, чем я чувствовал. Если бы они напали, и если бы Касым и Захара оказались там, мы стали бы лёгкой добычей без моей сестры.

— А если Касым, и правда, джинн?

Я выдохнул, чтобы прогнать сомнения. Лидер должен был излучать уверенность, даже если он её не чувствовал.

— Мы братья. Я отказываюсь верить в то, что он даже не поговорит со мной.

— Но, если его хозяин прикажет напасть?

Он был прав. Но какой у меня был выбор?

— Ты можешь остаться с Амиром, если хочешь.

Нассар последовал за нами, а Амира мы оставили с верблюдами. Пещера скрывалась в скалистой дюне, и когда мы подошли к её входу, песок потёк вниз, точно водопад в деревне Джафара.

Эмель взволнованно посмотрела наверх. Она явно была более обеспокоена тем, что песок может заблокировать нам путь, чем тем, что мы собирались войти в пещеру, полную безумцев.

В пещере тут же стало темно. Чьи-то голоса медленно потекли по туннелю, и когда свет померк за нашими спинами, где-то впереди зажегся яркий свет.

— Мы должны дать знать о нашем приближении, — сказал я. — Я не хочу, чтобы они решили, что мы нападаем.

— Но брат, — раздался голос у нас за спиной. — Мы уже знаем, что вы здесь.

Касым.

В то же самое время, я почувствовал, как мой пояс затянулся. И звук моего меча, который покинул свои ножны, прозвучал в воздухе.

Я не доставал его.

Все произошло очень быстро. Кто-то схватил мои запястья и завёл руки за спину. Я услышал тяжёлое дыхание Эмель, которая с кем-то боролась. Темнота и чьи-то руки не дали мне узнать, что произошло с Тамамом и Нассаром.

— Осторожнее. Будет невесело, если они умрут, — сказал Касым. — Здравствуй, голубка моя. Извини за пожар...

— Не трогай меня, — огрызнулась Эмель.

Я начал усиленно вырываться из своих пут, но тщетно.

— Оставь её в покое! — закричал я.

Касым вздохнул.

Тамам всё ещё сопротивлялся, я слышал, как он это делал, и почувствовал толчок, когда они врезались в того, кто связал меня. Я пытался высвободить руки, но всё было бесполезно. Их обездвижили у меня за спиной.

— Зачем ты это делаешь?

Я мог видеть только силуэт моего брата, но я узнал его голос.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь? — спросил Касым, подходя ближе.

Наступила тишина, когда Тамама наконец-то побороли. Я испытал облегчение, услышав его прерывистое дыхание, и сказал Касыму:

— Всё это ради того, чтобы стать королём? Мы же семья.

Касым лишь рассмеялся.

Что-то острое вонзилось мне в спину и направило вглубь пещеры в сторону оранжевого света.

Мы зашли в грот, который был широким и очень высоким. Где-то вдалеке столпились люди. А за ними я разглядел ещё больше туннелей, которые вели в неизвестные мне места. Если бы не бледная кожа людей и головы, покрытые шрамами, я бы принял их за путешественников из-за их одежд. Но даже без своих чёрных плащей и чёрных перчаток я узнал в них даркафов. Как и предсказывала Эдала, именно здесь они и жили.

Нас вытолкали на середину грота.

— Свяжите их, — сказал Касым.

А затем он засунул руку в песок, и из-под земли появился каменный столб. Даркафы обрадовано закричали при виде его магии. И тут я увидел верёвки и короткие ножи, которые они сжимали в руках. Желчь обожгла моё горло.

— Отпустите их, — сказал я, когда меня толкнули в сторону столба. — Если ты хочешь стать королём, тогда тебе нужно убить только меня.

Эмель пока не причинили вреда. Как и Нассару. А у Тамама, который сопротивлялся, опухли щёки, а лоб и губы кровоточили. Один его глаз был плотно закрыт.

Касым подошёл ко мне, пока всех остальных привязывали. Он был почти моего роста, и наши глаза находились на одном уровне. Наша мать всегда говорила, что мы были такими же разными, как наши глаза. Мои — как солнце, а его — как гроза. Теперь же его глаза сверкали, точно отполированное серебро.

— Вообще-то, — сказал он. — Это не совсем так. Похоже, без неё нам будет лучше.

Он кивнул на Эмель

От неё не укрылись его слова.

— А что насчёт нашей дружбы? — она сделала паузу. — Или это было только ради того, чтобы добраться до Саалима?

И я услышал в её взволнованном голосе настоящую печаль.

Касым посмотрел на неё с лёгким сожалением, но ничего не сказал.

Даркафы наблюдали за нами. Что они задумали? За толпой собрались женщины; я заметил детей у них на руках. Неужели они, и правда, здесь жили? Испытав отвращение, я посмотрел на своих попутчиков. Мы всё ещё стояли, хотя то, как Тамам понурил голову, взволновало меня. Чья-то рука коснулась моей. Эмель.

— Прости меня, — прошептала она, и я почувствовал её дыхание рядом со своим ухом. — Это моя вина.

Прижав пальцы к её ладони, я сказал Касыму:

— Если ты такой всемогущий, разберись со мной. К чему это представление? Чего ты ждёшь?

— Ты совсем меня не впечатлил, — сказала Эмель более резким тоном. — Я видела, как работает магия джинна. Ему не нужны представления. Ты, должно быть, не такой же могущественный, каким был Саалим. В этом причина твоего гнева? Ты завидуешь ему?

Земля сотряслась, песок посыпался на нас сверху, как дождь. Люди в пещере закричали

и упали на землю. Но на лицах большинства из них была радость, несмотря на страх. Когда из-за паники они выпустили ножи из рук, я понял, что Эдала могла оказаться права. Они носили с собой оружие, но не знали, как с ним обращаться. Их природе было несвойственно насилие.

— И этого всё равно недостаточно, — прошептала Эмель.

Грудь Касыма начала вздыматься, точно он собственноручно поднимал якорь.

Земля затряслась ещё сильнее. Тамам упал вперёд, точно парус на ветру, так как его руки были связаны за спиной. Эмель врезалась в меня, а я упал на колени. Тряска прекратилась, но песок всё продолжал сыпаться из трещин над нами.

По толпе прокатился шёпот, и она расступилась. Сквозь бормотание я услышал слова: богиня, здесь.

Я напрягся.

— Касым ждал меня, — раздался голос из расступившейся толпы.

Я знал этот голос. Я помнил его. Я почувствовал себя нехорошо при его звуке, точно выпил какой-то испорченный тоник.

Захара.

Она вышла вперёд и оказалась такой, какой я её запомнил: маленькой, точно воробей, но черты её лица были острыми, как у грифа, а губы опущены вниз, точно она была вечно чем-то недовольна.

Забыв о том, что связан, я ринулся вперёд, подгоняемый яростью из-за того, что она со мной сделала. Моё тело резко дёрнулось обратно, а кожу обожгли крепкие веревки.

— Что ты сделала? — крикнул я.

Она вздохнула.

— Что я сделала? Я? А что насчёт тебя? Что насчёт твоего отца?

Моего отца?

— Всё это оказалось сложнее, чем было необходимо, — сказала она скучающим тоном. — Если бы не девчонка, всё уже было бы сделано. Я надеялась, что смогу изменить её мнение о тебе, но этого не случилось.

Мысли закрутились у меня в голове. Захара и Эмель. Я ничего не понимал.

Захара подошла так близко, что я мог разглядеть морщины вокруг её глаз. Она была ненамного моложе моей матери. Повернувшись к Эмель, она сказала:

— Мы могли бы многое сделать вместе... ведь мы солеискатели. У тебя есть способности, но ты их подавляешь. Ты растрачиваешь свой дар. Ты предала песок в своей крови, выбрав *его*.

Она плюнула на землю.

Люди вокруг нас задрожали, видя, как её слюна растворилась в песке точно соль.

— Альтаса? — тихо спросила Эмель.

Я услышал, как недоумение и уверенность в её тоне начали раздирать друг друга на части.

Альтаса? Я уставился на знахарку. Она совсем не выглядела, как старая немощная женщина, которая с трудом передвигалась по дворцу. Но разве Мариам не говорила о том, что Альтаса выглядела в последнее время здоровой? Разве Ника не говорила то же самое, и что Эмель хорошо на неё влияла? Я не видел старуху... как давно? На протяжении двух лун? Если она обладала магией, что могла она сделать за это время?

Захара рассмеялась.

— Мне всегда казалось, что Альтаса — красивое имя... Но мы здесь не для того, чтобы говорить обо мне.

Она сделалась серьёзной и встала передо мной так, чтобы я не мог её достать. Несмотря на то, что у меня были связаны руки, она не могла рисковать и подойти ближе.

— Мы здесь ради Саалима. И, конечно, Эмель. Мы пробовали использовать магию. И представьте моё удивление — и Касыма! — когда обнаружилось, что мы не можем заставить Мазиру помогать ему. Удивительно, что она вообще позволила мне заполучить тебя. Знаешь, это была чистая случайность. Я была рада, что у меня появилась помощница, пока я восстанавливалась. Даже перетирание семян давалось мне тяжело. А когда я узнала, что ты была помечена! Когда я узнала, что именно ты освободила Саалима и вернула мне это обличье!

Она указала на себя.

— Ах, Мазира...

Она рассмеялась.

— Если бы мне удалось переубедить тебя, если бы тебя не так сильно заботил Саалим, мы смогли бы в итоге умертвить его с помощью магии. Но ты оказалась такой же упрямой, как и моя сестра.

Она покачала головой и посмотрела на песок.

— Но как мы могли убить его, если та, кого выбрала Мазира, решила иначе?

Мою кожу обдало холодом. Значит, только Эмель защищала меня от смерти? Я постарался ещё сильнее загородить её — насколько позволяли верёвки.

— А-а! — гаркнула Захара, от которой ничего не укрывалось. — Слишком поздно, Саалим. Нам придётся сделать это более традиционным способом. Мы не ожидали, что ты попадёшь прямо в наше гнездо. И сейчас, мой король, твоя защитница умрёт. А затем мы сможем убить и тебя.

Захара развернулась лицом к даркафам.

— Дети мои!

Они упали на колени и начали бормотать что-то о богине, её голосе, её силе.

Та же самая знахарка, что лечила мою лихорадку и раны, когда я был мальчишкой, указала на нас.

— Они здесь, и они готовы быть принесёнными в жертву. Сначала убейте девушку. Затем короля. Если только...

Она протянула руку в сторону Касыма и спросила:

— Может быть, брат почтёт за честь сделать это сам? Это ведь твой трон.

Порыв ветра заставил пламя факелов заплескаться, но я даже не моргнул.

Я посмотрел на Касыма и приготовился к тому, что меня убьёт собственный брат.

ЧАСТЬ IV

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ / ВИЛАДЖАД

Когда Эйкаб пришёл в пустыню, чтобы ходить среди людей, он стал жаден до людской похвалы. В образе человека он бродил в течение многих лун. Он радовался той силе, что придавала ему жестокости, но разгневался, узнав о том, что его почитатели жили вблизи оазисов Вахира и танцевали под его рассеянным светом.

Эйкаб повесил голову и с позором вернулся к брату, сказав:

— Пустыня так огромна, и всё же люди почитают меня лишь в своих молитвах, а в душе они благодарят Вахира за дары.

И тогда Вахир признался:

— Люди, живущие у моих вод и почитающие меня, становятся слабыми и недовольными, поэтому я превратил океаны в пустыню, и сделал их непригодными для питья, чтобы люди могли встретиться с невзгодами и стать сильными и благородными.

И братья поняли друг друга, а также осознали, что жизнь должна балансировать между пустыней и океаном, солнцем и луной.

Снова узрела Мазира мудрость своих сыновей и сказала:

— Я не пустыня и не океан, не солнце и не луна. Я — всё вместе и не создана для такой жизни. Я покину землю и прошу лишь о том, чтобы вы отдавали мне мертвых, так как всё, что принадлежит мне, должно возвращаться.

И с тех пор стервятники пустыни и морские волны возвращают мёртвых Мазире.

— Отрывок из книги "Литаб Алмак".

Глава 27

Эмель

Даркафы в волнении ожидали ответа Касыма на вопрос Захары: собирался ли он нас убить, или позволил бы им сделать это? В теле Касыма чувствовалась какая-то неземная скованность. Он был похож на джинна. Как я могла не заметить этого раньше?

В горле у меня пересохло, а сердце начало колотиться. Я молча взмолилась о том, чтобы он взглянул на меня, хотя бы раз. И вот его глаза встретились с моими. Серебристые и яркие, а в их глубинах собралась магия.

Я надеялась заставить его сделать что-нибудь глупое: использовать магию, чтобы устроить хаос в пещере. Так мы могли бы выиграть и попробовать спастись. Но мои попытки провалились. Теперь, всё что мне осталось, это наше короткое прошлое.

— Прошу тебя, — сказала я одними губами.

На мгновение его лицо смягчилось, и угроза словно миновала. Но затем он отвернулся от меня, указал на нас и сказал даркафам:

— Пусть эти преданные люди завершат дело своей жизни.

Они медленно двинулись в нашу сторону, а Касым исчез.

Нет.

Эдала сказала, что они не были склонны к насилию, и хотя она много в чём ошибалась, я не думала, что она ошибалась насчёт этих людей. Она прожила не одну жизнь в пустыне. Она знала этот народ.

Но я тоже прожила какое-то время в пустыне, и безумие в глазах этих людей напомнило мне о безумии людей моего отца. Тех, что поклонялись ему как божеству. Даркафы не были жестокими, но они могли стать такими, если бы их божество потребовало этого от них.

— Вы убьёте нас ради женщины, которая называет себя богиней? — крикнула я в отчаянии. — Разве богиня стала бы просить вас об убийстве? Настоящая богиня — Мазира — могла бы сделать это сама.

— Мазира ничего не делает сама, — прошипел мужчина, приблизившийся ко мне.

Он прижал небольшой нож к своей груди, как человек, который использовал его только для освеживания мяса.

— А вы видели *си'лу* в песках? — надавила я. — Та, что спит в черепе зверя и изгибает пустыню, чтобы сделать свои шаги шире?

Все остальные остановились и начали слушать. Это напомнило мне игру в гамар. Я держала в руках две карты: знахарки и *си'лы*.

— Что это за богиня, которая даже не может управлять своим питомцем?

Я не могла больше видеть ни Касыма, ни Захару, когда даркафы подошли ближе.

— Захара не богиня. Она знахарка, которая научилась использовать дары Мазеры. Но её магия не безгранична. Она такая же слабая, как и те снадобья, что она использует! А вот *си'ла* не использует ничего кроме своей воли. И *си'ла* находится в сейчас пустыне. Вы можете найти её. Я могу вас к ней отвести.

— Ложь! — закричал мужчина.

— Всё произошло так, как предсказывала богиня, — сказал другой человек.

Я не могла их переубедить, и почувствовала, что начала тонуть, точно корабль с проломленным корпусом.

Мужчина с верёвкой в руках кинулся к ногам Саалима и быстро их связал. Я со всей силы наступила пяткой ему на руку. А затем сделала это ещё раз, ещё и ещё. Хрюкнув, он схватил меня за ногу, а другой связал мне ноги. Верёвка обожгла мою кожу.

Мужчина поднёс нож к моему лицу, показав мне лезвие.

— Ребёнок! — неожиданно сказал Саалим. — Я знаю, где она.

Но никто его как будто не услышал.

— Билара! — воскликнула я, перекрикивая шум. — Мы знаем, где находится Билара!

Голоса заметно стихли. А мужчина опустил нож.

— Моя дочь? — сказала какая-то женщина из-за спин других людей. — Вы знаете, где она? Они забрали её у меня. Они её увезли.

— Хранительница, — прошептал кто-то.

— Богиня сказала, что знает, где она. Она отведет нас, — сказал человек с ножом, и повернулся к своим людям. — Они не нужны нам.

— А почему она всё ещё не отвела вас к ней? — сказала я, посмотрев на мать. — Потому что она не знает, где она. Я лично видела Билару. Она носит с собой запертую серебряную коробочку, и ей нравятся засахаренные финики.

Глаза матери наполнились слезами, и она протиснулась сквозь толпу. Сжав ладони вместе, она подошла ко мне. Ей отчаянно хотелось услышать что-то ещё о дочери, по которой она так скучала. И чем дольше я говорила, тем спокойнее становились даркафы. Мы нашли выход.

Неожиданно в пещере раздался грохот, похожий на гром, который сотряс землю точно так же, как это сделала магия Касыма. А затем тьма неожиданно рассеялась, и внутрь ворвался солнечный свет. Я заморгала и увидела, что стена пещеры развалилась, точно разрушенная огромной рукой.

Ветер сдул пыль, и в проёме появилась Эдала, которая двинулась вперёд в полной тишине.

— Глупцы, — сказала она нам, когда наши путы упали на землю. — С чего вы взяли, что вам будет безопасно приходить сюда без меня? Вы должны были отправиться домой.

Она отвела нас подальше от даркафов, которые теперь стояли на коленях и смотрели на Эдалу. Она была похожа на богиню как никто другой. Магия исходила от неё, точно тепло от земли, ее глаза сияли ярким пламенем, а движения были выверенными и сильными.

Саалим подтолкнул меня к выходу из пещеры.

— Поспеш. Иди к Амиру. Он должен был подготовить верблюдов.

Нассар уже бежал в том направлении. Я обернулась и увидела, что Тамам упал на землю. Он лежал на спине, его глаза были закрыты.

— Саалим...

Я указала на его лучшего солдата.

Эдала тоже его увидела.

— Тамам!

Я никогда не слышала такой надрывный крик.

Что-то с силой ударило мне в спину так, что я перестала дышать и упала на колени.

Я сжала руками грудь и села. Все, кто были в пещере, отлетели назад. А затем я увидела Эдалу, склонившуюся над Тамамом. Её щёки были мокрыми. Он не двигался.

Нет.

Я попыталась отползти от этой сцены.

Эдала прижала руки к его лицу, коснулась губами лба. Саалим попытался встать и подойти к ним, но упёрся в невидимый барьер. Никто не мог к ним приблизиться.

Земля вокруг нас снова затряслась, и камни попадали с потолка. На этот раз вниз посыпалось ещё больше песка.

— Она вот-вот рухнет! — закричал кто-то из толпы.

Даркафы повскакивали на ноги и попытались выбежать из пещеры, но точно так же упёрлись в невидимую стену. Они не могли подойти к нам. Не могли уйти. Раздался треск раскалывающегося камня над нами. Когда я вскочила на ноги, наступила тишина, похожая на толстое одеяло, заглушившее все звуки. Я знала эту тишину.

Так останавливалось время.

В самом верху пещеры камень, отколовшийся от потолка, завис в воздухе. Только магия Эдалы не давала пещере разрушиться. Я на мгновение уставилась на эту сцену, после чего увидела, что Саалим, Нассар и Эдала всё ещё шевелятся. А затем какое-то движение на земле привлекло моё внимание.

Хвала Эйкабу, это был Тамам! Он был жив! Он сдвинул голову, согнул колено. После чего поднял руку и накрыл ею руку Эдалы, которая лежала на его лице. Она нежно произнесла его имя, а затем закричала нам, чтобы мы уходили.

Саалим бросился ко мне.

— Ты не ранена?

Он схватил меня за руку и повёл из пещеры.

— Нет, — выдохнула я.

Я никогда не была так рада снова оказаться под солнцем, и замедлила шаг. Неподвижность пустыни и пыль в воздухе вернули меня в то время, когда Саалим останавливал время, чтобы мы могли спокойно путешествовать по миру, пока тот задерживал дыхание. Только на этот раз остановилась не жизнь. Остановилась смерть.

Нутро пещеры было разворочено, куски камней разметало вокруг. Мы начали обходить валуны, чтобы добраться до Амира, который ждал нас с нашими верблюдами. Видел ли он прибытие Эдалы?

Саалим замедлил шаг и ещё крепче сжал мою руку. Я проследила за его взглядом.

Нет.

Амир лежал на земле и не двигался. Молясь о том, чтобы это была магия Эдалы, я последовала за Саалимом, который побежал к своему солдату.

Саалим упал на колени рядом с ним, и когда я увидела осунувшееся лицо Амира и его бледное тело, в котором больше не билось сердце, я поняла, что это была не игра магии. Его душа ожидала птиц Мазеры.

— Амир! — закричал Саалим, схватив своего друга за плечи и резко его встряхнув.

Нассар оказался рядом с Саалимом и начал кричать Амиру, чтобы тот пробудился. Глаза Нассара были мокрыми, губы тряслись. Мои глаза наполнились слезами, и я начала вытирать щёки кулаками.

— Перестаньте, его уже нет, — произнесла Эдала за нашими спинами.

Её голос сорвался, выдав всю печаль, которую она испытывала. Тамам шёл рядом с ней, его лицо уже зажило, точно раны были нарисованными и их смыло. Когда он увидел Амира, он опустил на колено рядом с королём и склонил голову.

Ветер прошёлся своими пальцами по моему лицу — мягкий и успокаивающий — и звук падающих камней разрезал воздух — резкий и жестокий. Время, включая все его прекрасные и ужасные вещи, снова пошло вперёд.

Дюна над пещерой рухнула вниз, точно зыбучие пески, а камни внутри неё попадали. Это был самый громкий звук, который я когда-либо слышала, и самое мощное разрушение, которое я когда-либо видела. Трясущейся рукой я закрыла рот, наблюдая за облаком пыли, которое поднялось с руин. Пещера пропала, а вместе с ней и все те люди и дети.

— Я не собираюсь ничего об этом слышать, — сказала Эдала, переводя взгляд между нами. — Они могли вас убить.

Она широко раскрыла глаза, словно ожидая ответа. Саалим повернулся в сторону пещеры с бледным лицом. Его словно разрывало между его другом, разрушением и теми обязанностями короля, которые всё ещё давили на него.

Несмотря на то, что Эдала старалась казаться смелой, даже *си'ла* была способна чувствовать вину и боль. Она моргнула раз-другой, и слёзы пропали.

Меч Амира, вынутый из ножен, лежал подле него. Саалим подошёл и поднял его.

— Кто это сделал? — его голос сотрясла ярость.

Эдала подняла подбородок.

— Было глупо пытаться остановить Захару и Касыма мечом, — а затем её голос смягчился. — Он не смог совладать с магией.

Тело Амира не было повреждено. Неужели Касым убил его, чтобы тот не убежал? Мои пальцы задрожали, когда я закрыла рот рукой.

— Где они? — медленно спросил Саалим, закипая.

— Вон там.

Эдала указала куда-то пальцем.

Я посмотрела на Амира, ожидая, что он объяснит, но горе вновь накрыло меня, когда я осознала, что его больше нет. Закусив щёку, я постаралась смотреть куда угодно, только не на него.

Саалим испустил глубокий вздох.

— В Алмулихи.

Его сестра уставилась в том направлении и сжала руку Тамама.

— Да.

— Сегодня ночью, Эдала, мы поедem быстро, — сказал Саалим тоном, не терпящим возражений, с которым никто не посмел бы поспорить.

Его сестра взглянула на меня, и лёгкая удовлетворенная улыбка приподняла её губы.

— Конечно, — сказала она.

***

Нассар помог мне оттащить Амира от руин для небесного погребения. Я аккуратно его накрыла, и мы принялись ждать. Не знаю, может быть, их наколдовала Эдала, или они прилетели, потому что Мазира захотела получить добрую душу Амира, но стервятники сразу же начали кружить над ним.

— Это не для него, — сказал Саалим, стоявший рядом со мной. — Он должен был оказаться в море.

— Амир вернётся в то место, благодаря которому его жизнь обрела цель.

Амир любил пустыню и любил её изучать.

Когда птицы спустились, Саалим вздрогнул. Я держала его руку и после пары вдохов, напряжение в ней пропало. Я хорошо знала, как он справлялся с горем, я видела, как оно опустошало его и тянуло вниз.

Я тихонько запела, прося Мазиру забрать к себе Амира и позаботиться о нём. Саалим молчал — его губы крепко сжались, чтобы не дать вырваться наружу тому, что он хотел спрятать. Когда я закончила, он встал.

— Подождите, — сказала я, раздираемая чувством вины. — Я была не права, поругавшись с твоей сестрой. Я была эгоистична. Если бы я прикусила язык, она бы не покинула нас, и Амир бы не умер. Я могла убить нас всех.

Наблюдая за птицами, он сказал:

— Но именно я принял решение идти в пещеру без Эдалы, — он сделал глубокий вдох. — Мы не всегда можем предсказать последствия того, что мы делаем, но нам всё равно приходится с ними смириться. Мы оба ошиблись, но что сделано, то сделано. И теперь нам придётся с этим жить. Воспоминания из прошлого — это бремя, которое мы несем с собой.

Наши взгляды встретились, и я знала, что он говорил о магии, говорил о нас.

***

— Если она так сильно ненавидела дворец, зачем она осталась? — спросил Саалим во время нашего ночного путешествия, имея в виду Захару.

Эдала пожала плечами.

— Почему нет? Ей хорошо платили, и там было безопасно.

Эдала пообещала, что с использованием магии путешествие до Мадината Алмулихи займет у нас две ночи.

— Я не понимала, насколько сильна зависть Касыма, — призналась Эдала, и в её тоне даже прозвучал стыд.

Как выяснилось, их всех привлекала магия, хотя никто из нас не мог понять, как Захара убедила Касыма стать джинном — рабом.

— Власть? — спросил Нассар.

— Но власть в кандалах? — сказала я, посмотрев на него.

Он не посмотрел на меня. Он избегал моего взгляда с тех пор, как я рассказала ему о том зверстве, что он совершил в прошлом, и о котором не помнил.

— Конечно, тебе это решение далось легко, — сказала Эдала Саалиму. — Ты был готов сделать всё для спасения Алмулихи. Но Касым?

Когда вопросов без ответа набралось слишком много, повисла тишина. Нам не суждено было ответить на них этой ночью.

***

На рассвете мы остановились у большого оазиса. Заросли деревьев, росших по периметру, были такими густыми, что Тамаму и Саалиму пришлось обойти их несколько раз, прежде чем они убедились, что мы были одни и в безопасности.

Мы сели и тихо поужинали, после чего Эдала встала и заявила, что, если мы не оставим её одну до захода солнца, песчаная буря нарушит наш сон. Она пошла прочь, но крикнула:

— Тамам, тебя это не касается.

На его лице появилась едва заметная улыбка, а загорелые щёки покраснели, и самый суровый солдат Саалима бросился за ней следом. Она взяла его руку в свою, и вместе они нашли укромное место на другой стороне пруда, где начали готовиться ко сну.

Я понаблюдала за ними, и мне отчаянно захотелось такого же уединения. Пальцы Саалима нашли мои в песке, как будто он почувствовал мои мысли. Он сказал:

— Нассар, не мог бы ты первым заступить в караул?

Заметив наши соединенные руки, он как будто даже был рад удалиться и быстро собрал свои вещи.

— Вон там есть хорошее место, — сказал Саалим, помогая мне встать.

Он отвёл меня под большое дерево, ветви которого низко свисали. Листва была такой плотной, что сквозь неё почти не проникал солнечный свет. Под деревом, вокруг небольшого пруда, питаемого более большим водоёмом, росли кусты олеандра.

— Я решил, что раз уж ты избалована каждодневными ваннами Джафара, тебе могло бы понравиться искупаться здесь.

Он осторожно взглянул на меня, хорошо скрывая свои эмоции. Но я услышала лёгкую дрожь в его голосе.

— Я бы с удовольствием, — прошептала я, оглядев это роскошное уединенное место, создаваемое кустами и деревом.

Уронив вещи на землю, я встала на колени у кромки воды и опустила руки в водоём. Это было превосходно.

Я оказалась подвешена между двумя непростыми моментами своей жизни: между недавним прошлым, в котором Саалим был лишь чудесным воспоминанием, отчаянной надеждой, и ближайшим будущим, в котором мы жили в Мадинате Алмулихи, а Саалим навсегда принадлежал Елене. Вероятно, осознание этого сделало меня такой смелой. Всё ещё стоя на коленях у пруда, я стянула с плеч свой плащ.

— Здесь гораздо меньше глаз, — сказала я, и моё сердцебиение ускорилося.

Это должно было случиться сейчас или никогда.

Саалим издал сдавленный звук, и мне не надо было его видеть, чтобы понять, что его сейчас душило желание. Это было всё, что мне нужно.

Точно лучшая ахира, я сняла остальную одежду. Только в отличие от ахиры мне было очень важно мнение мужчины, который за мной наблюдал.

— Эмель, — пробормотал Саалим у меня за спиной.

Я перекинула волосы через плечо, и обернулась, не заботясь о своей наготе и шрамах. Он должен был увидеть меня всю.

Он застыл точно статуя, его колени слегка подогнулись, словно он вот-вот должен был упасть. Его глаза жадно прошлись по моей спине, бёдрам, ногам. Он опустился на колени и отбросил мешок в сторону. Приблизившись ко мне на три шага, он оказался у меня за спиной. Его тепло растопило меня, точно жар от огня.

Его рука остановилась над моим плечом, словно он колебался.

Я кивнула, и он положил её на изгиб моей шеи и большим пальцем провёл по моей коже. Он был так осторожен и касался меня с таким благоговением, что я почти закричала.

— Саалим, — выдохнула я.

Кончики его пальцев скользнули по моим шрамам, как делали это раньше, очень давно. И хотя на этот раз в этом не было никакой магии, тепло всё так же следовало за ними. А затем он губами прижался к моему плечу, и его борода кольнула меня.

— Ты знаешь, — произнёс он между неторопливыми, осторожными поцелуями, — как часто я представлял тебя такой?

— Такой? — спросила я, прильнув к его груди.

Его грубая туника коснулась моей кожи.

Его пальцы переместились с моей спины, прошлись по рукам и груди. Прижав меня к себе, он сказал:

— Это даже лучше, чем я себе представлял, — его голос был хриплым и тягучим от желания.

Его руки начали двигаться по мне, останавливаясь только для того, чтобы чувствовать и боготворить. Я была словно редкий бриллиант для нищего, точно бог для молящегося. Я закрыла глаза и откинула голову на его грудь, наслаждаясь его прикосновением.

Но вдруг тепло за моей спиной исчезло, и я услышала плеск воды. Я открыла глаза и увидела его перед собой, стоящего на коленях. Его не заботило то, что его одежда промокла.

— Я хочу видеть тебя, — сказал он, уложив меня на песок.

И он увидел меня.

Сначала глазами, затем руками, а потом губами.

— У нас впереди целый день, — напомнила я ему, схватившись за край его туники.

— Этого недостаточно.

Когда он тоже оказался раздет, он лёг на меня, вдавив своим весом в мягкий песок. Его бедро оказалось меж моих ног, и я обхватила его. Он застонал, но я не могла прижать его к себе ещё ближе, как я этого хотела. Мне хотелось прижимать его всё сильнее и сильнее. Тепло, исходящее от его шелковистой кожи, прижалось ко мне, а сердце колотилось у него в груди даже быстрее моего... головокружительная эйфория.

Его губы встретились с моими с размеренной настойчивостью, и мы наконец-то воссоединились, как могут воссоединиться два любовника, которые были очень долго разлучены. Мы соединились в нашей любви, деля на двоих одно дыхание, одну жизнь и все наши раны. Мы стали скользкими от пота, а прохладные воды оазиса омывали наши переплетённые ноги. Песок покрыл мои и его волосы, мою и его кожу. Всё это было так неистово, так ужасно, так прекрасно и недолговечно. Всё было именно так, как должно было

быть. Мы вцепились друг в друга, сжимая пальцами кожу и трясясь от любви, такой ослепительной, что нам становилось больно из-за того, как её было недостаточно.

Когда всё стихло, Саалим лёг рядом и уставился на меня так, словно разглядывал гобелен.

— Что такое? — спросила я.

— У тебя сохранились все эти воспоминания, — он прошелся пальцем по моему лбу и остановился на виске. — О нас. Обо мне.

Я кивнула.

— Я завидую тебе. У меня есть только это.

Сначала он посмотрел на горизонт, точно искал там слова, которые хотел произнести. А затем снова скользнул взглядом по моему голому телу, лежащему подле него.

— Я не могу насытиться.

И затем, словно не в силах сопротивляться, его губы снова прошлись вниз по моему телу, целуя мою шею, грудь, живот.

— Мне хочется гораздо большего, — пробормотал он.

А затем сдвинулся и смахнул песок с моей кожи так, словно я была самая священная вещь в мире. Набрал в руку песка, он сказал:

— Если именно это предлагает пустыня, возможно, это не такое уж плохое место.

Широко улыбнувшись, я обхватила руками его шею и притянула к себе, совсем позабыв о купании.

***

На следующий день мы прибыли в Мадинат Алмулихи.

Эдала остановилась на лестнице дворца, и Саалим встал с ней рядом, ожидая, пока наши вещи занесут внутрь. А я всё ещё крепко держалась за свой мешок.

— Без них все стало другим, — сказал он своей сестре.

Не желая нарушать этот личный момент, я вошла внутрь. Оказавшись в атриуме, я остановилась, так как осознала, что мне некуда пойти. Дом Альтасы — Захары — наполовину сгорел. И, даже несмотря на то, что моя комната не пострадала, было небезопасно спать в доме женщины, которая меня предала.

И всё же после стольких дней без зелени, сады манили меня. Восковые листья стриженных деревьев и цветущие кусты сверкали под солнцем, когда я шла мимо них. Я встретила пару знакомых слуг, которые приветственно мне кивнули. Было странно вернуться во дворец и чувствовать себя так, словно я вернулась домой.

На краю сада всё ещё сохранился слабый запах дыма. Серый пепел покрывал мощёную дорожку, ведущую к двери дома Захары. Стоя в тени деревьев, я задумалась о том, как сильно изменилась моя жизнь с тех пор, как я впервые приехала в Мадинат Алмулихи с Саалимом. Казалось бы, не так давно я стояла на этом самом месте, стены дворца были разрушены, у меня под ногами лежала разбитая плитка, а рядом со мной был мой любимый. Теперь же здесь стояли гладкие стены, меня окружал роскошный сад, но я была одинока.

Войдя в дом Захары, я прошла под почерневшей аркой на кухню. Большинство снадобий было уничтожено, полки сгорели, но на некоторых всё ещё стояли банки. Я знала, что среди них были ценные снадобья. Я начала перебирать разбросанные вещи, как вдруг заметила края какой-то книги. Книга рецептов Захары.

Протерев обложку, я начала листать страницы. Удивительно, но огонь не повредил книгу. Я остановилась на странице, которая была помечена пером грифа. *Дита*. Я помнила, что видела этот рецепт раньше — смертельный тоник. На этот раз я гораздо быстрее прочитала список ингредиентов. И остановилась на семенах клещевины.

Захара частенько просила меня принести их для неё с рынка. Моя голова загудела, когда я вспомнила о том, сколько раз Захара жаловалась на то, что Саалим не принимал её тоник.

Боги, всё это время...

У меня за спиной послышались приближающиеся шаги, и ко мне подошёл Саалим.

— Я знал, что найду тебя здесь.

Резко встав вместе с книгой, я проговорила:

— Она пыталась тебя отравить.

Этот тоник должен был сработать, так как для него не требовалась магия. Я не смогла бы его спасти, так как Мазира не смогла бы вмешаться.

— Почему ты не заболел?

Он взял у меня книгу и начал перелистывать толстые страницы. Похоже, содержащаяся в ней информация не смутила его.

— Я не пью то, что дают мне люди, которым я не доверяю. Этому научила меня моя мать. Она говорила, что мой отец слишком доверял людям, и его мог отравить любой торговец на рынке.

Я вспомнила, сколько раз я перетирала снадобья в пасту для мазей Саалима.

— Но ты выпил тот обезболивающий тоник, который я для тебя сделала.

— Я тебе доверял, — сказал он.

— Даже тогда?

— Даже тогда.

Он положил руку мне на плечо, и я расслабилась от его прикосновения.

— Ты ведь не планируешь здесь оставаться? — спросил он, указав на сгоревший дом Захары.

— Нет.

Мой пульс ускорился, когда я представила, что могла бы разделить с ним его башню.

— Надеюсь, я поступил не слишком самонадеянно, когда попросил Нику подготовить для тебя гостевую башню.

Я проглотила свою надежду.

— Конечно.

— Эмель, — сказал Саалим, когда я забрала у него книгу Захары. — Каждая частичка меня хочет отвести тебя в свою башню. Но Елена... Мне нужно...

— Я понимаю...

— Нет, ты не понимаешь.

Он развернул меня к себе лицом и прижал руки к моим плечам.

— Я не допущу, чтобы тебя воспринимали, как ахиру.

Он замолчал, а затем сказал:

— А ещё голос моего отца всё ещё громко звучит в моей памяти.

Его отца, который просил Саалима жениться на Елене. Мою грудь сдавило, и дыхание сбилось.

— Но в последнее время я начинаю думать о том, что, может быть, мне стоит поступить именно так, как я хочу?

Медленно он провёл пальцем по моей щеке, и кожу на ней начало покалывать.

— Один мой друг как-то сказал мне, что правильный выбор — это такой выбор, который кажется правильным для тебя, — сказала я.

— Этим другом был я?

Я улыбнулась

— Ты.

— И что ты выбрала?

Я обдумала его вопрос.

— Во-первых, я выбрала себя.

Я пожелала свободы от Соляного короля для себя.

Он наклонил голову.

— А затем я выбрала тебя.

Саалим повёл меня во дворец, и когда мы поднимались по винтовой лестнице гостевой башни, я спросила его про Касыма и Захару.

Эдала сказала, что они направлялись в нашу сторону, но так и не прибыли в город. Интересно, почему Касым не использовал магию, чтобы доставить их в Алмулихи, как это сделала Эдала? Может быть, они хотели застать нас врасплох?

— Она может чувствовать магию в любом месте пустыни, — сказал благоговейно Саалим; было заметно, как он гордился своей сестрой.

Белые стены гостиной были яркими в свете утренних солнечных лучей, которые проникали сквозь арочные окна.

— Она сказала, что осталось только три человека, которые могли использовать магию. Когда-то их было четыре.

Он встретился со мной взглядом.

— Ты был одним из четырёх?

Он кивнул.

— А теперь это Эдала, Захара и Касым?

— Насколько ей известно.

— И нет никаких других джиннов?

— Если они и есть, она считает, что они находятся в заточении, так как она не чувствует присутствия кого-то ещё. Но они, видимо, хорошо где-то спрятаны.

Ника оставила поднос с чаем и миску с финиками. Помещение наполнял треск огня, который недавно разожгли. Взяв чашку чая, которую налил мне Саалим, я сказала:

— Значит, мы подождём их прихода, а что потом?

Он сел рядом со мной на лавку, покрытую подушками, его бедро коснулось моей ноги. Сделав глубокий вдох, он раскрыл рот, а затем закрыл его.

Тишина подтвердила мои подозрения: их надо было уничтожить. Они намеревались убить Саалима и посадить Касыма на трон. Их смерть была нашим единственным вариантом.

— Куда ты? — спросил Саалим, когда я встала.

— К Эдале.

Как мы могли убить джинна?

Я слетела вниз по лестнице и почти бегом побежала по коридорам, пока не оказалась на другой половине дворца и не начала подниматься по лестнице в башню Эдалы и Надии. Запыхавшись, я застала там очень странную картину. Эдала сидела напротив Мариам,

которая обхватила руками Билару, словно защищая её.

Все, кроме Билары, повернулись ко мне, когда я вошла.

Эдала встала.

— Что случилось?

Покачав головой, я сказала:

— Ничего, я пришла поговорить о...

Я перевела взгляд на девочку, которая крепко прижимала металлическую коробку к своей груди. Сосуд Касыма. Теперь, когда я понимала, что это было, я как будто начала видеть, как от неё исходит магия. Мы могли прямо сейчас избавиться от Касыма, если бы смогли её открыть.

— Мы пойдём, — быстро сказала Мариам, взяв Билару за руку, и повела её мимо меня.

Я хотела остановить их и вырвать сосуд из рук ребёнка. Но Мариам уже начала помогать ей спускаться по лестнице. Билара доверяла Мариам как своей родной матери. Было бы бессердечно забрать сосуд у девочки. Пока я была к этому не готова.

Когда они скрылись из виду, я кинулась к Эдале.

— Как можно убить джинна?

Она приподняла брови и плюхнулась на лавку, покрытую подушками.

— Надо убить хозяина и сжечь сосуд, когда внутри него будет находиться джинн.

Похоже, она пришла к тому же самому заключению, что и Саалим.

— Если это именно то, что мы должны...

— Да.

Ее глаза заблестели от слёз. Она закрыла их.

Указав в ту сторону, куда ушла Билара, я сказала:

— А мы уверены, что она не хозяйин Касыма? Почему тогда Билара всё ещё носит с собой эту коробку? — сказала я, почти задыхаясь.

Что если нам придётся убить ребенка?

Эдала потёрла глаза. Её лицо сморщилось, подтвердив мои подозрения.

— Ты знала, что они готовили специальный яд? Если мать выпивала его, ребенок рождался таким. Идеальный хранитель для джинна. Радуйся, что ты не видела детей в той пещере. Их выводили, чтобы сделать из них хранителей, — её лицо сделалось суровым. — Теперь они не смогут этого делать.

— Если мы не знаем, кто его хозяин, как мы можем уничтожить джинна, — даже я не могла произносить имя её брата вслух, когда мы говорили о его убийстве, — не причинив вреда Биларе?

— Касыму нужен новый хозяин.

Эдала уставилась на полки позади меня. Может быть, она смотрела на свой совместный портрет с Тамамом?

— Я легко смогу забрать сосуд, когда мы будем готовы, но коробка запечатана. Я не смогу её открыть.

— Запечатана?

— Она не открывается как обычная коробка. Всё гораздо сложнее.

Раздались шаги, и когда я повернулась к лестнице, я была удивлена увидеть Тамама. Ему было так же неловко увидеть меня.

— У нас есть время, — сказала мне Эдала, выпроваживая меня. — Сегодня ни о чём не беспокойся. Мы начнём беспокоиться, когда они придут.

Когда я обернулась, я увидела, как Эдала обхватила Тамама за талию.

***

На столе в обеденном зале стояли подносы и миски с едой. Мой желудок заурчал, поэтому я задержалась там.

Когда я закинула кусочек лепешки в рот, чья-то тень пересекла балкон. Саалим стоял там совсем один.

— Что ты тут делаешь? — спросила я.

Его локти были прижаты к перилам, а взгляд был прикован к морю.

Он посмотрел на лепешку в моих руках.

— Подозреваю, то же, что и ты.

Уголок его губ приподнялся, когда он проследил за тем, как я на цыпочках подошла к краю балкона. Как бы долго я ни жила во дворце, я никогда не смогла бы привыкнуть к тому, чтобы парить в небе. Внизу я увидела людей, которые заходили в дома и выходили из них, или шли по улицам. Несколько человек указали на Саалима, один даже помахал ему. Саалим не заметил этого, а если и заметил, то проигнорировал его

— Каково это... жить вот так? — я указала вниз на людей.

Он задумался, а затем сказал.

— В основном, одиноко.

Я раскрыла рот.

— Но вокруг тебя столько людей. Столько друзей...

Я вспомнила о своей жизни во дворце отца. Я бы никогда не назвала её одинокой.

— Они мне не друзья. Им платит дворец и народ Алмулихи за то, чтобы они здесь находились.

Он скрестил руки и облокотился бедром о перила.

— Я могу доверять лишь очень немногим, чьё нахождение здесь связано не только с моим статусом короля.

Мне захотелось расплести его руки, обернуть их вокруг себя и повторить то, что сказала Эдала: "Сегодня ни о чём не беспокойся".

— Ты можешь доверять мне.

Он рассмеялся.

— Да. Если бы тебя заботило, что я король, ты не была бы такой дерзкой всё это время.

Мне хотелось, чтоб его глаза всегда сияли так же ярко. И чтобы они выбрали меня. И они это сделали.

— Может быть, это часть моего плана. Я ведь эксперт по части того, чтобы обращать на себя внимание мужчин.

Я качнула бёдрами и пошла от него прочь.

— Ты жестокая, — сказал он, направившись следом за мной.

Сжав мои плечи, он наклонился ко мне и прошептал:

— Теперь это выглядит ещё более жестоко, так как мои руки уже знакомы с этими бёдрами.

Внутри помещения несколько слуг повернулись в нашу сторону. Но они, как всегда, не выказали своего удивления.

— Когда ты ведёшь себя так, мне хочется схватить тебя и закинуть на плечо, — почти

зарычал он.

Я рассмеялась, как ахира, но на этот раз моё желание — моя любовь — были настоящими.

Глава 28

Саалим

В тот вечер, когда небо, наконец, потемнело, мы сели вокруг накрытого стола. Я развлекал гостей так, как меня учили — словно всё было в порядке — но я видел, как смотрела на меня Эмель, сидевшая напротив. Люди спрашивали о том, кем была эта солеискательница за королевским столом. Я объяснял им, что она была дочерью короля, которую мы принимали у себя. Они с любопытством переглядывались между нами и перешептывались так громко, что я мог их слышать.

— А как же Елена?

— Когда она вернётся?

— Когда состоится свадьба?

Гости засиделись после ужина, и Эмель тоже осталась, словно чего-то ждала. Боги, все эти люди хотели сидеть здесь и болтать всю ночь.

Эмель встала и пробормотала что-то насчёт прогулки перед сном. А все остальные, словно только и ждали её сигнала, тоже разошлись. Я нашёл её в саду улыбающуюся и с сонными глазами.

— Мне казалось, это никогда не закончится, — сказала она. — Ты занимаешься этим каждый вечер?

Я кивнул и, подойдя ближе, вдохнул её запах. Мне хотелось вобрать её всю в себя. Моим рукам отчаянно хотелось коснуться её волос, шеи, руки, но я не смел. Вместе мы пошли мимо фонтанов по мощеной дорожке, заросшей травой, точно она была создана только для нас двоих.

Мысли о Елене возникли у меня в голове, когда я вспомнил о расспросах гостей, но я отогнал их. Я решил подумать об этом позже.

Рядом с Эмель я словно встал на якорь. Я был дома. Я понял, что ощущал это и раньше. В поселении Алфаара, в нашем путешествии до Алмулихи, и когда встречал её во дворце в качестве помощницы знахарки. Но именно слова Эдалы позволили мне это разглядеть, понять, что я давно испытывал это чувство.

В ту ночь мы с Эмель разговаривали ни о чём, держась на расстоянии ладони друг от друга. На случай, если бы нас увидели. Никто не смог бы принять её за кого-то иного, кроме как за женщину, гостившую при дворе.

А мои мысли только и были заняты тем днём, проведённым в оазисе. Как же я хотел вернуться на тот пляж, прожить там с ней всю жизнь. Мы смогли бы сплести гамак, танцевать под тенью листьев.

— Мне надо поспать. Как и тебе, — сказала Эмель, после того как мы долгое время шли в тишине.

— Завтра вечером? — я протянул ей руку.

Она приняла её, наши пальцы скользнули друг по другу, после чего мы опустили руки.

— Я приду.

Этого было достаточно.

Лежа в кровати, я представлял её рядом с собой. Сон не нашёл меня той ночью, так как я потерялся в мыслях об отце и его выборе. Была ли та женщина, что родила меня, той самой, что раскрывала его с лучшей стороны, как это делала для меня Эмель? Скучал ли он по той части своей жизни, когда женился на моей матери? Или моя мать стала для него второй половиной?

Было так странно встать на место своих родителей и осознать, что они тоже были людьми, у которых были тайные мысли и нереализованные желания. Что у них были жизни, отдельные от жизней их детей. Раньше я думал, что мой отец никогда не ошибался, но теперь я понимал, что его действия сделали Эдалу несчастной, и обозлили Касыма. К чему мог привести меня мой выбор: к удовлетворению или к несчастью?

Я держался за этот вопрос, как за талисман, пока солнце не встало, и не начался новый день. Но вместе с ним пришли и заботы. Встав, я отогнал мысли об Эмель и принялся ждать Касыма и Захару.

Я вернулся к своей роли короля.

***

На второй день нашего пребывания дома я нашёл Эдалу в атриуме. Она поднимала с земли засохшие листья и возвращала их к жизни своим прикосновением.

— За ними вообще кто-то ухаживает? — спросила она меня, когда я начал разглядывать листья на вьющемся растении, которые теперь были зелёными и блестящими.

— Э-э...

— В этом твоя проблема. Ты не знаешь.

Она повернулась ко мне.

— Они плохо работают. Ты платишь им за то, чтобы они ничего не делали.

Это было просто невозможно! Она оставила меня одного в Алмулихи, тогда как я считал, что вся моя семья мертва. Она сбежала в пустыню, а затем вернулась и теперь указывала, как мне управлять своими слугами. Я сжал руки в кулаки. Вспыхнувшее раздражение, точно яд, собралось на языке. Оно было мне знакомо. Такой неистовый гнев я испытывал только к членам своей семьи. Мы считаем, что их можно обижать, потому что они с нами навсегда и никогда нас не покинут. Я сделал несколько вдохов. Эдала точно не осталась бы со мной навсегда. А я больше не был ребёнком. Я не должен был выплескивать на неё разочарование из-за своих неудач. Она была моей сестрой.

— Ты права.

Она удовлетворенно посмотрела на отполированный пол.

— Я скучаю по ним больше, чем ожидала.

— Я знаю.

— Я видела сады. Надия заплакала бы, увидев, как они выгорели. Я рада, что она их не увидит.

— Они вырастут заново.

Она оглядела меня и убрала стебель растения в сторону.

— Не вырастут, если за ними будут продолжать так же ухаживать.

— Справедливо.

Она взяла меня за локоть, и мы пошли по коридору мимо бурлящего фонтана. Мы миновали обеденные залы, гостиные и комнаты развлечений. Все эти пустые помещения

были предназначены для людей, которые посещали дворец. При мне они никогда не были так же полны, как это бывало при маме.

Указав на коридор, украшенный плиткой, Эдала сказала:

— Я помню, как мы бегали здесь во время праздников поздно вечером и старались не попасться.

— И если стражник ловил нас, мы убегали и прятались.

Я всегда прятался в алькове за шторой.

— Мы думали, что если они поймают кого-то из нас, то всем остальным удастся избежать проблем. Как будто они не видели, как мы болтались все вместе, перешептываясь о том, о сём.

Эдала рассмеялась.

— Вы с Касымом всегда были главными.

Эдала фыркнула.

— Потому что ты сам всегда пытался быть главным, а мы ненавидели твою настойчивость.

— Я был довольно властным.

Я всегда пытался контролировать своего брата и сестёр. Мы с Касымом ссорились чаще других. Он сводил меня с ума своим упрямством. Он всегда думал только о себе и никогда не помогал отцу с дворцовыми обязанностями — особенно, когда стал старше. Правда, я и сам был не лучше.

— Честно говоря, мои идеи были лучшими, — сказала Эдала.

— О, да, как в тот раз, когда ты решила украсть сладкие пироги с кухни.

— Откуда мне было знать, что их собирались выкинуть?!

— Это была самая соленая вещь, которую я когда-либо пробовал.

Мне даже обожгло язык от этих воспоминаний.

— Касым достал для нас всех воды, а Надия рыдала и извинялась перед Мариам, помнишь?

Я улыбнулся.

— Она ненавидела нарушать правила. Но не Касым. Он всегда был на твоей стороне и был готов воплотить все твои идеи. Вы с ним были очень близки.

Она немного замедлилась и ещё крепче сжала мой локоть.

— Я думаю, это из-за того, что наши с ним сердца болели похожим образом. Мы чувствовали себя отщепенцами. Мне было не место во дворце. А он чувствовал, что именно ему было место в твоём дворце.

Единственным звуком в коридоре были наши шаги, несмотря на то, что здесь также находились стражники. Я боялся за них из-за приезда Касыма. Они легко могли пасть от магического меча.

— Я понимаю, почему он стал таким, — тихо сказала она. — Как бы мне хотелось с ним поговорить, забрать его у Захары. Но он джинн. Всё его существо подчиняется хозяину, Мазире.

— Эмель рассказывала, что я кое-что мог контролировать. Что если Касым тоже может?

— Вероятно, если я поговорю с ним, нам не придется...

Я не решился рассказать ей о вопросе, который задала мне вчера вечером Эмель во время прогулки, когда мы говорили о семенах клещевины, ядах, и о тонике, который я должен был выпить. Эдале было достаточно того, что её брат пытается убить другого её

брата. Ей не нужно было знать, что это было ещё не всё. Я не был уверен в том, что я сам в это верил...

Касым должен был умереть. Какие бы варианты мы ни рассматривали, ни один из них не был надёжным. Семья должна была убить одного из своих членов. Мой гнев переплетался с сердечной болью.

***

Три мирных дня вместе. Нам оставалось только это, после чего мир должен был измениться в последний раз.

Три дня планирования, выдачи поручений, подготовки, предупреждений и приказов. С помощью Азима и Экрама стражники были отправлены в разные места следить за пристанями. Они останавливали суда и встречали ввозимые товары, вооружившись мечами. Жителей города предупредили о незнакомцах, которые могут подходить к ним со странными просьбами. В поселения и племена были отправлены письма, предупреждающие о том, что если какой-то новый король займёт трон Алмулихи, то это будет сделано вероломным путём.

Три дня я сидел рядом со своей сестрой и наблюдал за тем, как она излучала тепло, беря руку Тамама в свою. Он улыбался как дурак, превратившись в совершенно другого человека без своей маски стоицизма. Тихие вечерние прогулки с Эмель одновременно успокаивали и воодушевляли меня.

А ночи компенсировали мне тяжёлые дни. Такой ритм успокаивал. Но, конечно же, так не могло долго продолжаться.

***

Елена как-то настояла на том, чтобы держать кофе во дворце. Я всё ещё не понимал его вкуса, но начал к нему привыкать. Эмель сразу же от него отказалась, сказав, что он выглядит нездорово. Встало солнце, я сидел и попивал кофе, перебирая письма, накопившиеся на моём рабочем столе.

Женский голос донесся до моих ушей. По лестнице забарабанили чьи-то шаги.

Я задержал дыхание в надежде, что ошибся.

Неужели время пришло? Не сейчас. Боги, пожалуйста, не сейчас.

Эдала ворвалась в комнату.

— Они здесь.

Её щёки покраснели, глаза потемнели и что-то скрывали.

— Где? — сказал я, вставая из-за стола.

— В западной части города. Касым что-то сделал. Ощущения были невероятными.

Вид Эдалы, выглядывающей из окна и видящей то, что я не мог видеть, был просто нечеловеческим. Я никогда не видел её такой раньше. Душа, которую она отдала, чтобы стать *си'лой*, полностью отсутствовала.

— Я пойду встречу их.

Раздался низкий звук горна. Сигнал угрозы. Значит, стражники тоже что-то заметили. Пристегнув ножны, я сказал:

— Где конкретно?

Она резко перевела на меня взгляд и вытянула руку вперёд.

— Ты должен остаться.

— Я не позволю своей сестре в одиночку убить нашего брата.

Её горло сжалось, и я знал, что наступил на больное. Но затем она пропала.

Чёрт бы побрал эту женщину. Я поправил пояс и побежал в гардероб, чтобы полностью одеться.

Эмель должна была узнать об этом. Я побежал в гостевую башню и нашёл её сидящей в кровати. Голой и такой же притягательной, как водоём в пустыне. Она завернулась в простыни, когда увидела меня.

— Они здесь? — спросила она.

Громко загудели горны. Народ в Алмулихи либо прятался, либо собирался вместе. Я надеялся, что все они услышали наше предупреждение: «Оставайтесь дома».

— Да. Эдала пошла их встретить.

Она выбралась из кровати и быстро оделась.

— Подожди в башне Эдалы или в моей. Они лучше всего охраняются.

Она не ответила. Она обернула вокруг головы длинный платок, достала с полки кинжал, слегка повертела его в руке, после чего засунула за пояс. Она не знала, как с ним обращаться.

— Тебе он не понадобится, — сказал я, повернувшись к лестнице.

Звуки горнов взволновали меня. И хотя я хотел остаться с ней и стать тем клинком, который был ей так нужен, я знал, что должен идти.

— Понадобится.

— Ты не пойдёшь.

И снова она ничего не сказала.

— Эмель, — сказал я.

— Закрой своё лицо, — сказала она, точно мать сыну.

Выдохнув, я закрыл лицо гутрой. Мне не стоило привлекать внимания, передвигаясь по городу. Никаким стражникам не разрешалось следовать за мной — они бы сразу же умерли, если бы Касым того пожелал — и мне не нужно было, чтобы какие-нибудь озлобленные авантюристы воспользовались тем, что король остался один.

— Тогда идём, — сказала она, надев сандалии и побежав вниз по лестнице.

Не сказав больше ни слова, я последовал за ней.

Мы нашли Азима в оружейной недалеко от конюшен. Он направлял стражников то туда, то сюда, выстраивая их по периметру дворца.

— Она побежала туда, — сказал он нам и кивнул в сторону реки.

— Пешком?

Он кивнул.

Вместе с Эмель, бегущей следом, я поспешил к конюшням и рывкнул мальчишке-конюху, чтобы тот приготовил лошадь. Фиразе не нравилось, когда её подгоняли, поэтому он дал мне чёрную кобылу. Её быстро подготовили — затянули подпруги, пристегнули поводья — и я помог Эмель сесть на спину лошади, а затем запрыгнул сзади.

Звуки горнов превратились в гул у нас за спинами. Их заглушали крики людей и топот копыт. Эмель крепко сжала луку, склонила голову и бесстрашно прижала ноги к бокам лошади.

Когда мы приблизились к окраине города, я понял, что увидели стражники во дворце, потому что почувствовал запах.

И меня охватил ужас, который я так давно не испытывал — пожар во дворце. Теперь горел Алмулихи. Улица впереди была затянута дымом. Прижав к себе Эмель, я начал подгонять лошадь.

Повернув на задымленную улицу, полностью охваченную пламенем, я натянул поводья. Оранжевые языки лизали стены магазинов и домов. Одни люди убегали, других тащили прочь, не давая им собрать вещи.

При виде этого хаоса кобыла встала на дыбы. Мы спешили, и я заметил молодую женщину, которая, как замороженная, в ужасе наблюдала за разрушением.

Отдав ей поводья, я сказал:

— Отведи её во дворец и получишь шесть *дха*.

Она перевела взгляд с меня на Эмель, а затем на огонь за нашими спинами, и решила, что деньги стоят того, чтобы пропустить представление. Кивнув, она увела кобылу прочь.

Канал находился теперь позади нас, и люди уже набирали оттуда воду, чтобы потушить пламя.

Эмель двинулась в сторону горевшей улицы.

— Куда ты?

— Фироз, — сказала она. — И Кахина. Все её карты...

Кахина? Я снова оглядел улицу.

Я понял, что мы оказались в байтахире. С этого ракурса она выглядела иначе. Она выглядела иначе без людей, толпившихся на её улицах. Она выглядела иначе, объятая пламенем.

Последовав за Эмель, я сказал:

— Где он?

Прежде, чем она успела ответить, позади нас по улице понеслась вода, чуть не сбив меня с ног. Сначала она едва закрывала наши ступни, затем дошла до щиколоток, до икр. Боги, что произошло?

— Она поднимается! — сказала Эмель с ужасом, громко звенящим в её голосе.

Позади нас канал вышел из берегов и устремился вниз по улице. Но только по улице байтахире. Несколько других улиц, что попались на пути воды, разрушились до основания и потекли вместе с потоком.

Эмель сжала мою руку, и мы начали пробираться вперёд по воде.

— В сторону! — прогремел голос, и на меня нахлынуло понимание, подобно воде на улице.

Эдала.

Магия.

Она пришла оттуда же, откуда и мы, вместе с группой стражников, которые разгоняли людей и вводили подальше от этой диковинной сцены.

Невидимыми, невероятно могущественными руками она направила воду в сторону пламени.

— Касым! — крикнула она сквозь дым и пар. — Хватит прятаться.

— Я не прячусь, — сказал он.

Я нигде его не видел, но его голос прозвучал так, словно он находился рядом с нами.

Вдруг на воду упала тень, точно чернильное пятно, и Касым возник прямо перед нами. Я загородил Эмель собой.

— Зачем, брат? — тихо спросила Эдала, шагнув в его сторону.

— Если ты вынуждена об этом спрашивать, значит, ты заслуживаешь смерти так же, как и он.

Он кивнул на меня.

— Где Захара? — спросила она.

— Это неважно.

— Важно, — сказала Эдала. — Неужели она спряталась в безопасном месте, пока ты рискуешь собой? Я думала, что тебя должны сделать королём. Зачем тебе умирать ради неё?

— Я не планирую умирать, — сказал Касым.

— Она должна находиться здесь с тобой.

— Она человек. Она слишком легко может пасть.

— Или она хочет, чтобы ты рисковал собой, потому что у неё какие-то иные планы?

Я взглянул на Эдалу, которая даже начала искриться, пытаясь сдержать свою магию. Эмель обошла меня. С нашей стороны было слишком смело отправиться сюда, и я пожалел, что позволил ей пойти со мной. Мы, как и Захара, были людьми и могли легко пасть.

Неужели Эмель надеялась, что Мазира сможет нас защитить? Я не хотел так рисковать. Я осторожно собрал воду с кончиков пальцев и прижал её к своей коже в тихой молитве.

— Касым, ты этого не переживёшь, — сказала Эдала, которая находилась теперь на расстоянии вытянутой руки от него. — Я могу тебя освободить. Снова сделать человеком. И ты сможешь искупить свою вину.

— Искупить вину? А что я такого сделал, Эдала? Даже ты много чего не видишь. Я зашёл так далеко, что уже поздно что-то искупать.

Его голос сорвался. От ярости или сожаления?

— Разве ты не хочешь стать свободным?

Он сощурил глаза и приковал Эдалу гневным взглядом.

— Ты находишься в заточении, — сказала она.

— Я гораздо свободнее, чем раньше. Я знаю, что ты тоже это чувствуешь. Мы больше не находимся под каблуком у какого-то там человека, который думал, что может нами управлять только потому, что он нас зачал.

«Какого-то там человека». Я вздрогнул, услышав то, как пренебрежительно он отозвался о нашем отце. Вода дошла мне уже до бёдер.

А Касым продолжал почти маниакальным тоном:

— Разве мы должны страдать из-за его ошибки?

— Страдать? — спросил я, не в силах сдержаться. — Ты называешь страданием то, что тебе не суждено стать королём? Никто из нас не страдал. Неужели для тебя лучше находиться в заточении и подчиняться чужой воле? Обладание тронem состоит не только из выпивки, обедов и мягких кресел. Оно складывается из того, кем ты являешься. Я подчинен воле всех остальных и постоянно нахожусь в их власти. Сотни ятаганов висят на ниточках над моей головой. Неужели ты ничего из этого не видишь?

Он двинулся в мою сторону, медленно рассекая воду.

— Ты можешь быть смельчаком только когда рядом с тобой Эмель.

Он посмотрел мне за спину.

— Не впутывай её, — сказал я.

— Ты слабый. Мы оба знаем, что ты не смог защитить Алмулихи от моей армии. Тебе пришлось умолять старуху спасти его. Спасти тебя.

Его армии? Люди, которые атаквали наш дом, которые убили всю нашу семью, загнали

меня в сосуд в качестве джинна, которые сделали меня королём Алмулихи... за всем этим стоял Касым?

У меня перед глазами замелькали точки, и моя голова закружилась от горя и тошноты. Ну, конечно же, это был Касым. Я всегда знал, что это было возможно, но именно такой и оказалась ужасная правда. Он хотел заполучить трон, и он прекрасно знал, каким я стал мягкотелым. Отец заболел, солдаты расслабились. Неожиданно меня охватило удушающее чувство стыда. Член моей семьи уничтожил мою семью. Я повернулся к Эмель, чтобы попросить её уйти отсюда.

Но она пропала. Я снова посмотрел на Касыма и Эдалу. Глаза моей сестры широко раскрылись. Она в ужасе откинула голову назад, осознав, что нашей семьи не стало из-за Касыма.

— Нет, — прошептала она.

Касым улыбнулся, хвастливой и горделивой улыбкой.

— Было несложно собрать людей для этой цели.

Теперь нас осталось только трое на этой странной затопленной улице. Хвала богам, Надия не дожидая до этого дня. Раньше я никогда бы не подумал, что смерть станет для неё милостью.

— Нашлись люди, которые думали, что Алмулихи стоит поделиться его богатством, и что торговля солью велась несправедливо, — продолжал Касым. — Люди, которые не хотят много работать и предпочитают красть у тех, кто работает. И оказалось, что эти люди повсюду. Они приходили толпами, чтобы убить ослабевшего короля и взять каменный город.

Он вытянул руки вперёд в притворной жалости.

— Конечно, я не хотел, чтобы все произошло именно так. Но отец всё никак не умирал. Я пытался ждать, пытался позволить всему произойти естественным путем...

Я сделал шаг вперёд. Нет, нет. Неужели, Эмель оказалась права?

— Позволить чему произойти?

Эдала закрыла рот рукой, когда к ней пришло понимание.

Рецепт яда в книге Захары. Эмель предположила, что знахарка могла давать его не только мне, но и моему отцу. Неправильная доза могла бы объяснить его болезнь, если он выпил недостаточное количество и не умер. Что если он стал подозрительным после того, как почувствовал себя плохо из-за тоника?

Касым скрестил руки, вода была нам уже по пояс.

— Если бы он просто умер, я бы смог поразить тебя мечом и забрать трон. Но...

Он пожал плечами, а затем почти улыбнулся.

Эдала резко опустила руки, вода отступила вместе с потоком горячего воздуха, и мы оказались на сухой земле.

— Она убедила тебя убить своего собственного отца? — вскричала она.

— Ей не надо было меня убеждать! Ты знала, что это несправедливо. Ты сама так говорила.

Он махнул руками в её сторону.

— Ты даже говорила, что было бы лучше, если бы я занял трон.

Я посмотрел на Эдалу. Неужели, она так считала? Неужели, мой брат и сёстры считали меня самозванцем?

— Нет, — начала Эдала и провела пальцами по своей щеке. — Не таким образом, Касым.

А затем она сделалась твёрдой, как камень.

— Значит, ты убил отца, чтобы стать королём, и в награду Захара сделала тебя рабом?

Он покачал головой.

— Захара освободит меня, когда его не станет.

Он кивнул на меня.

— И тогда я надену корону.

— И когда она тебя освободит? Когда ей надоест тебя использовать? — поинтересовалась Эдала.

Где же была Захара? Явно недалеко. Водный водоворот закружился вокруг нас, точно сам Вахир направил сюда волны. Водоворот рос и теперь доходил мне почти до плеч.

Не разжимая кулаков, Эдала сказала:

— Из-за своей зависти ты убил нашу семью. Ты монстр, Касым.

Её голос, переполненный горем, сорвался на его имени.

— Ты заслуживаешь смерти.

Касым отпрянул, и на его руках появились огненные цепи. Он выбросил цепь в мою сторону, но жар растворился раньше, чем успел коснуться меня. Эдала отразила цепь, точно прихлопнула комара. Вся эта сцена была такой необычной, что я почти позабыл о том, что моя жизнь и мой дом были в опасности.

— Ты меня не убьешь, — выпалил Касым. — Я твой любимый брат.

— Я убью джинна, который угрожает моему дому.

Вдруг что-то промелькнуло на крыше.

Захара перегнулась через край и наблюдала за нами с коварной улыбкой на лице.

Глава 29

Эмель

Когда Кас стоял рядом со своим братом, сходство между ними было очевидным. Но они так же отличались друг от друга, особенно когда гнев Касыма выплёскивался через край. Неужели я собиралась разделить с ним свою жизнь? Его внешний вид служил искусной маской, скрывающей сломанное нутро.

Моё внимание привлекло движение на крыше дома Кахины. Я отошла подальше от хаоса, творящегося на улице, и двинулась в сторону её дома.

В центральной комнате многое было уничтожено огнём и водой. Её прекрасные подушки промокли, а чернила на картах, низко висящих на стене, расплылись. Ступени лестницы закрипели, когда я взбежала по ней, оставляя за собой мокрый след. Дверь, ведущая на задний балкон, была оставлена открытой, а к стене была приставлена лестница. Обхватив пальцами перекладины, я начала взбираться наверх.

Оказавшись на крыше, я застыла. Там находилась та же самая женщина, что я видела в пещере. То же лицо — только моложе и ярче. Женщина, которая утешала меня после забега верблюдов. И благодаря которой я начала относиться к Мадинату Алмулихи, как к дому.

— Захара? Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Эмель, — сказала она, развернувшись.

Волосы Захары были почти такие же тёмные, как мои — они больше не были седыми и жёсткими. Теперь её лицо было таким же гладким, каким когда-то было лицо моей матери.

Она помолодела.

Ступив на крышу, я сказала:

— Разве это не трусость, ждать здесь, пока Касым выполняет твоё поручение?

— Трусость? — она рассмеялась. — Мне не надо быть смелой. Я не планирую лишаться жизни.

Я указала на байтахиру.

— Зачем ты сюда пришла?

— Я решила, что отомщу нескольким людям сразу, но увы, тот человек, от которого я планировала избавиться в первую очередь, сейчас не здесь.

— Кахина? — я нахмурилась. — А какое она имеет к этому отношение?

— Эта тварь выслала отсюда мою сестру. Единственного родного мне человека.

Скрестив руки, я сказала:

— Кахина никогда бы...

— Ты совсем её не знаешь, — огрызнулась Захара. — Она сказала, что моей сестре здесь не место. Я осталась одна!

На мгновение мне показалось, что я понимаю чувства Захары. Я вспомнила, как просталась с Рахимой, и как жила вдали от Тави, оплакивая Сабру, вдали от всех своих сестёр. Моей семьи.

— Захара, ты могла отправиться вслед за сестрой вместо того, чтобы вымещать гнев на жителей этого города...

— Нет, я должна была начать с них, потому что это была их вина, — огрызнулась Захара, и мысли о моих сёстрах улетучились. А она продолжала, словно что-то вспомнила: — Я найду Кахину позже.

— И когда ты собираешься на её поиски? После того, как умрёт Саалим? Эдала?

Поскольку она скрывалась в тени, я решила, что она не хотела принимать участие в конфликте, происходившем на улице внизу.

— Или после того, как и Касыма тоже убьют? Чего ты ждёшь?

Я подошла ближе, а она сделала шаг назад. Плетёный ковер и низкий столик на крыше, вероятно, служили для Кахины уединенным местечком, где было приятно проводить время в сумерках, когда морской бриз гнал облака по сиреневому небу, но сейчас, для меня, они были лишь препятствием, которое отделяло меня от Захары.

Захара снова взглянула на улицу. Её удовлетворило то, что она увидела, после чего она нахмурилась и посмотрела на меня.

— Саалим не должен был освободиться. Знатный испорченный мальчишка никогда бы не полюбил свои цепи. Я приняла тебя за солеискательницу, за дочь Эйкаба, а ты оказалась безвольным ребенком Вахира. Ты создала ещё больше проблем, чем Кахина.

Саалим мог освободиться, только если бы перестал желать своей свободы. Когда он влюбился, мы могли быть вместе, только если он оставался джинном.

Громко вздохнув, она сказала:

— Мало того, что я наблюдала за тем, как Саалим забрал трон, так теперь ещё мне мешает и этот идиот, его братец. Хотя временами он может быть полезен.

— Касым? — спросила я, пытаюсь собрать все воедино. Я столько всего не понимала. — Зачем ты сделала из него монстра?

Я двинулась к краю крыши, откуда она наблюдала за улицей.

— Я? — возмущенно сказала она. — Я только подлила масла в огонь, который и так уже

горел. Он был злобным мальчиком и очень завидовал Саалиму. Он так отчаянно хотел заполучить трон, что был готов убить своего отца и брата. Чего я не ожидала, так этого того, что мне придётся использовать магию на Саалиме.

Я поморщилась.

— Ты убедила Касыма уничтожить его семью.

Она как будто не услышала меня и продолжала:

— Я планировала поместить Касыма в сосуд после смерти Малека и Саалима. Я не хотела, чтобы Касым стал королём, — он махнула рукой в мою сторону. — Ты можешь представить такого неадекватного человека на троне? Но отчаявшиеся люди обращаются к отчаянным решениям. Когда ты понимаешь, что можешь всё потерять, ты выбираешь невозможное. Когда солдаты не смогли убить Саалима, он появился на моём пороге и умолял спасти его дом с помощью той самой магии, существование которой он отрицал. Я была слабой старой женщиной и не смогла бы самостоятельно его убить. А душа моей сестры нашла бы способ уничтожить меня, если бы я это сделала. Поэтому я отправила его подальше. Так, мне, по крайней мере, не пришлось бы снова видеть её лицо.

Её лицо? Захара определенно была сумасшедшей. Я отступила назад на один шаг.

— Я использовала магию, предназначенную для Касыма. И, конечно же, когда Саалим сделал последний глоток тоника, Мадинат Алмулихи превратился в руины, а Саалим стал связан с Мазирой, — сказала она.

— То есть ты дала Саалиму отвар только для того, чтобы избавиться от него?

Захара кивнула так буднично, словно я спросила её о том, что лучше: разминать или рубить листья.

— Саалим оказался заперт в сосуде, а Мадинат Алмулихи превратился в руины. Мне этого было достаточно. Вот только Касым жаждал его смерти.

Захара выдохнула и взмахнула рукой.

— Но зачем, Захара? Зачем разрушать жизнь Саалима, его семью, его дом?

— Малек уничтожил мою семью, — огрызнулась Захара.

Отец Саалима?

Что-то во всём этом не давало мне покоя, точно какая-то верёвка тянула меня за позвоночник, ноги и руки, пытаясь отодвинуть меня от неё. Зачем она рассказывала мне об этом сейчас? Что такое она задумала, что заставляло её не бояться поведать мне обо всём этом? Мне надо было предупредить Саалима. Эдалу.

Но Захара продолжала говорить, и я была не в силах остановить этот поток слов.

— Те люди, которых нанял Касым, чтобы уничтожить Алмулихи... Варвары. Они особенно не разбирались и могли убить меня. Магия, разрушившая город, не остановила их. Я так отчаянно надеялась, что меня оставят в покое. Но Касым нашёл меня, когда я пыталась сбежать из дворца. Невероятно! Думаю, Мазира решила немного поразвлечься. Конечно же, он был в ярости. Я уничтожила город, а Саалим не умер. Дворец, в котором он должен был править, оказался уничтожен.

— Поэтому ты заточила и его в сосуд, хозяином которого должен был стать ребёнок?

Я почти ощутила жалость по отношению к Касыму из-за того, что эта женщина дёргала теперь за его ниточки.

Понимание наполнило глаза Захары. И тогда она сказала:

— Он раздражал меня, поэтому мне пришлось избавиться и от него тоже.

Она пробормотала что-то насчёт того, как ей было сложно искать снадобья для второго

тоники, и опустила взгляд на улицу. Снова посмотрев на меня, она сказала:

— Я притворилась, что решила наделить его силой. Это было частью моего плана. Он тоже должен был стать джинном. Я сказала ему, что, когда Саалима освободят, я освобожу и его тоже, чтобы он мог, наконец, занять трон. Его было так легко убедить. Он даже нашёл небольшую побрякушку из своего детства среди руин, чтобы сделать из неё сосуд. И вскоре он тоже оказался связан цепями Мазиры.

Она захлопала ресницами, точно извиняясь. Удобно расположившись на подушке, она поставила локти на стол.

Сжав вместе руки, я сказала:

— Но ради чего это всё?

— Это всё из-за него.

Она указала на дворец.

— Из-за человека, который слишком беспокоился о своём положении, чтобы сделать солискаательницу своей женой.

Я ахнула. Неужели Захара была матерью Саалима?

Подняв на меня взгляд, она улыбнулась, а её плечи опустились и распрямились. Она была такой расслабленной посреди всего этого хаоса.

— Эти братья точно песок в моих туфлях. Пусть уже они уничтожат друг друга. Моя работа выполнена. Малек пострадал за свой выбор. И теперь я хочу, чтобы всё, что напоминает мне о нём, исчезло. А поскольку ты стоишь у меня на пути, ты тоже исчезнешь.

Неожиданно Захара обогнула стол и кинулась на меня. Я не ожидала, что она будет двигаться с такой скоростью, поэтому не успела среагировать. Она схватила меня за запястье, а я развернулась и попыталась высвободиться. Сильным рывком она притянула меня к себе, схватила за второе запястье и соединила мои руки за спиной.

Она была невероятно сильной, а её хватка напоминала железные кандалы. Я не смогла бы её побороть. От старухи Альтасы не осталось и следа. С лёгкостью она подтолкнула меня к краю крыши.

— Прости, что приходится так поступать. Ты мне нравишься, Эмель.

Теперь Захара как будто вовсе не извинялась, и до меня начало доходить, что меня сейчас скинут, и я упаду вниз.

— Наводнение Эдалы оказалось так кстати, а твоё чертово любопытство станет причиной твоей смерти.

Она рассмеялась.

— Иди к Мазире. Солеискатели не плавают.

Она впиалась мне в бок, и я засемила ногами по краю, как вдруг подо мной больше ничего не оказалось. Я парила. Я падала. Вода приближалась всё быстрее и быстрее, а затем поглотила меня всю. Мокрые руки скользнули вниз по моему горлу и сжали меня.

Я начала махать руками, ногами, и кашлять. Мне удавалось делать небольшие глотки воздуха, но затем я снова погружалась в поток.

Я должна была утонуть на этой полностью затопленной улице.

Необходимость дышать боролась с моими попытками не открывать рот. Моя отчаянная потребность в воздухе победила, и я сделала вдох. Вода снова начала душить меня. Я разразилась диким кашлем, и когда свет померк, мои попытки поплыть прекратились.

Что-то схватило меня. Рука. Она начала тянуть меня всё выше и выше. А затем, когда меня вытащили, я почувствовала воздух, тепло и чьи-то руки. Твёрдая и сухая улица

коснулась моей спины.

— Эмель! — крикнул надо мной Саалим. — Эмель!

Мои глаза раскрылись. Я увидела его на мгновение, после чего перевернулась на живот и закашлялась, выплевывая воду.

Когда я пришла в себя, Саалим понёс меня по мосту через канал, и вот нас уже окружили люди, которые в ужасе, но одновременно радостно, наблюдали за потоком. Звук несущейся и ниспадающей воды заставил меня позабыть о толпе.

Вода неслась прочь от байтахире. Прямо на нас.

Запаниковав, я прижала голову к коленям, ожидая, что вода снова меня смоет. Но этого не случилось, а затем поток превратился в струйку и потёк обратно в канал.

Толпа начала перешёптываться о том, что произошло, сокрушаясь о разрушении байтахире и воздавая хвалы Вахиру за то, что их дома не затопило.

Касым и Эдала стояли друг напротив друга, их тела напряглись, словно каждый из них был сосредоточен на каком-то невидимом усилии и не хотел сделать первый шаг.

Касым должен был погибнуть, я это знала.

— Захара на крыше... она столкнула меня.

— Я видел её. Именно так я тебя нашёл.

Вдруг раздался мучительный крик, и Касым упал на колени. Но он почти сразу встал, и сзади на Эдалу полетело пламя. Она, должно быть, почувствовала его, потому что пламя пропало так же быстро, как появилось.

— Гляди, — сказал Саалим, указав в сторону.

Захара выходила из дома Кахины. Она проскользнула между двумя домами и пропала.

— Эмель, — Саалим сжал мои плечи. — Уходи отсюда, в какое-нибудь безопасное место. Найди Тави и оставайся с ней. Сделай хоть что-нибудь. Я собираюсь найти Захару.

Он взмахнул рукой, и из толпы вышли четыре стражника.

Но я не собиралась убежать. Я была частью этого сражения, так же, как и он.

Когда Саалим и его люди ушли, я пересекла канал и подошла к Касыму и Эдале.

Всё это было бесполезно. Было бы лучше найти сосуд и избавиться от Касыма, а потом найти Захару и избавиться от них обоих. Но что, если Билара всё ещё была его хозяйном? Я покачала головой. Ребёнок мог умереть. Мне надо было найти Билару и самой забрать у неё сосуд.

Я вспомнила о том, что Захара убежала из байтахире, и сжала руки, осознав свою ошибку. Захара знала, что я уже видела ребенка. Я жила во дворце, где ещё я могла встретить девочку? Если бы не я, она бы никогда не узнала, что девочка находилась там; она ненавидела бывать внутри. Она так часто благодарила Эйкаба за то, что у неё была я, и что ей не надо было ходить во дворец.

И теперь Захара отправилась за ней. Она собиралась забрать у неё сосуд, чтобы он не достался нам.

— Касым, прекрати! — закричала я. — Ты, правда, собираешься убить свою сестру? — спросила я, пытаясь отвлечь его от попыток привлечь внимание Эдалы.

— Так же, как она собирается убить меня, — огрызнулся он.

Эдала сделала шаг назад и внимательно посмотрела на Касыма.

— Ты мне больше не брат. Я бы не пожелала смерти своему брату, — последние слова она сказала уже тихо.

— То есть, ты помогла бы мне стать королём?

Он вёл себя, точно капризный ребёнок.

— Прекрати, — сказала она. — Это был выбор отца.

Я подошла ближе.

— Отца, чья смерть на твоей совести.

Касым выглядел так, словно не чувствовал раскаяния.

Я покачала головой.

— Ты всего лишь инструмент, помогающий Захаре отомстить твоему отцу. Она сама мне сказала, что ей плевать, кто будет сидеть на троне; всё, чего она хочет, это уничтожить вашу семью. И ты, как дурак, сделал это вместо неё.

Я повернулась к Эдале.

— Сейчас она направилась именно туда... забрать его.

Я надеялась, что этих слов будет достаточно. И что Эдала поймёт меня, а Касым не пойдёт за нами следом.

— Она заперта, — прошептала она.

— Вероятно, не для неё, — сказала я.

Касым осмотрелся, гнев начал изливаться из его ладоней, и камни на улице начали трескаться и разлетаться на мелкие кусочки. Здание слева от него затряслось и развалилось. То же произошло и со следующим зданием. Байтахира начала разваливаться от его гнева.

Я кинулась вперёд, чтобы схватить его за руки и не дать ему уничтожить свой дом, но не смогла сдвинуться с места.

— Не надо, Эмель, — сказала Эдала, подходя ко мне.

Когда её руки коснулись моих плеч, мы перенеслись в другое место. Мы уже не стояли посреди байтахир.

Тишина в башне Эдалы была такой плотной, что оглушала. Я упала на колени, когда мои ноги коснулись мягких ковров гостиной.

— Где Касым? — спросила я, поглядев на её комнату снизу вверх.

— Не знаю, сработает ли на нём остановка времени.

— Он может последовать за тобой?

Он прижала руку ко лбу.

— Я не знаю.

Она начала делать глубокие вдохи, потерявшись в мыслях, а затем её признание разрежало тишину:

— Я не могу его убить.

Я нахмурилась.

— Тебе и не надо этого делать, Эдала. Мы найдём другой способ.

— Нет, — сказала она, качая головой. — Я не могу его убить, потому что это невозможно. Он отражает все мои попытки.

Она повернулась ко мне, в её глазах стояла боль.

И вдруг я поняла, что она имела в виду, словно пыль вокруг рассеялась.

— Ну, конечно. Он не может умереть... даже от твоих рук, пока этого не пожелает его хозяин. Или если его хозяин не умрёт. Для начала ему нужен новый хозяин.

Она села на стул и закрыла лицо руками.

— Боги, ты права.

— Захара сказала, что сосуд — это вещь из детства Касыма. Он сам её выбрал.

Понимание прогнало стыд с её лица, и она устала на меня, пораженная.

— Его головоломка. И как я не поняла этого раньше?

— Ты знаешь, что это такое?

— Он хранил там разную мелочь, то, что хотел скрыть от остальных. Никто не мог открыть её без ключа, либо надо было знать, как правильно сдвинуть части головоломки. Конечно же, ключ был только у него.

Её взгляд сделался отрешённым, когда она углубилась в воспоминания.

— Там есть маленький металлический штырь, который...

Она остановилась и ахнула.

— Она присоединена к цепи.

Эдала развернулась и побежала по лестнице, сказав:

— Я знаю, как её открыть.

Я последовала за ней наверх башни в огромное округлое помещение. Билара сидела на одной из больших кроватей, застыв с металлической коробкой в руках. Рот Мариам был широко раскрыт, словно она пыталась говорить громко, явно желая отвлечь её от непрекращающегося звука горна.

Не церемонясь, Эдала вырвала коробку из рук девочки.

Я не могла не спросить её:

— Почему ты не забрала коробку раньше?

— Я забрала, — ответила она низким голосом. — Но я не смогла её открыть. Я не понимала, что это, а сосуд джинна может быть открыт лишь одним способом. Я не могу использовать для этого магию.

Она покачала головой, осторожно держа коробку перед собой.

— Но теперь, когда ты рассказала мне об этом, я ясно это вижу. Это, и правда, головоломка Касыма.

Осмотрев остатки порванной цепи, она кивнула и взялась за металл пальцами. Она медленно пошевелила кусок цепи туда-сюда, и он отвалился, а на его месте остался только тонкий серебряный штырь.

— Что ты собираешься делать? — спросила я.

— Ты была права насчёт магии, Эмель. За неё всегда взимается цена.

Она держала коробку почтительно и скорбно.

— Я стану его хозяином. А затем я его умертвлю.

— Ты? — спросила я. — Но, чтобы джинн умер, хозяин должен этого захотеть. Или хозяин тоже должен...

— Я знаю. Он должен умереть.

Она не показалась мне убедительной, когда обхватила коробку руками, а её глаза наполнились слезами.

— Эдала, — тихо сказала я. — Тебе необязательно это делать. Я могу стать его хозяином.

Я хотела, чтобы он умер.

— Нет.

Она покачала головой.

— Я это сделаю. Как ты и сказала, магия должна исчезнуть из пустыни. Посмотри, что она натворила...

Мою спину обдало холодом. Что она имела в виду?

— Мы должны поговорить с остальными.

— И что они нам скажут, Эмель? Ожидание только всё усложнит.

Она встала.

— Ты сделаешь это сейчас?

Всё происходило очень быстро.

— Сейчас.

Она вставила ключ в замок, раздался лёгкий щелчок. С помощью больших пальцев Эдала раздвинула части головоломки в сторону по одной, и, наконец, крышка коробки приоткрылась.

— Возвращайся в сосуд, — прошептала она, хотя этого и не требовалось.

Он всё равно бы туда вернулся.

Почти сразу же коробка закрылась. Части головоломки быстро сдвинулись, приняв первоначально положение. По тому, как крепко прижала её к себе Эдала, я поняла, что Касым был уже внутри.

— И что теперь? — спросила я.

С трудом сглотнув, она повернулась и пошла вниз по лестнице. Билара и Мариам замерли позади нас.

Эдала привела нас в башню Саалима. Мы прошли мимо Тамама. Его лицо было таким же суровым и внимательным, как всегда. Эдала на мгновение задержала на нём взгляд, после чего поспешила вверх по лестнице. Но мы не остановились у покоев Саалима. Мы стали подниматься выше.

— Мне кажется, лучше всего будет...

Её горло сжалось, и она не закончила предложение.

Мы дошли до комнаты, которая, как мне показалось, могла принадлежать Касыму. Внутри неё все было нетронуто, точно в гробнице. Я испытывала такую отчаянную ненависть к нему, чтобы была шокирована тем, что Саалим оставил её в целостности и сохранности.

Комната была оформлена в тёмных тонах: тёмные шторы, тёмное покрывало на кровати. Простой гобелен с изображением королевской семьи висел на стене — он не был похож на тот гобелен, что подарили Саалиму. Там также находился огромный пустой стол, который, как я подозревала, редко использовали. Может быть, когда Касым сидел за этим столом, он представлял, как переписывается с другими королями?

Эдала развела огонь в камине напротив просторной кровати. Я вспомнила о том, как планировала разделить с Касымом постель. Как далеко он был готов зайти, чтобы влюбить меня в себя, отдалить от Саалима и получить возможность убить своего брата? Я начала жевать щеку и ощутила горький вкус предательства на языке.

Эдала снова начала возиться с замком. Далеко не с первого раза она вставила штырь в коробку, так как её руки тряслись, не давая ей попасть в отверстие.

Я попятилась и затаила дыхание, когда она раздвинула части головоломки. Я не знала, что произойдёт, если она выпустит разгневанного джинна.

Загудели горны, и я чуть не упала на пол со страху. Я почувствовала дуновение ветра на своём лице, и шторы снова начали колыхаться. Я поняла, что время пришло в движение. Эдала перестала разбирать коробку и выглянула в окно. Горны стихли, но ветер продолжал дуть. Удовлетворившись, она продолжила медленно раскрывать коробку Касыма.

Касым появился точно так же, как и Саалим. Сначала из коробки повалил серебристый дым, похожий на жидкость, таким он был переливающимся. Он начал подниматься всё выше

и выше, а затем стал опускаться, и вот перед нами появился Касым, стоящий на коленях.

— Да, хозяин? — сказал он, так же как это делал Саалим.

И я почувствовала себя так, словно меня снова бросили в холодную воду.

Когда дым рассеялся, и остался только Касым, я увидела, что он был полностью джинном: его кожа отливала серебром, а глаза выглядели ярче. Серебряные браслеты, которые я приняла за украшения, были словно приплавлены к его коже, как когда-то у Саалима.

Касым осмотрелся. Его плечи слегка опустились. Вся его уверенность пропала, когда он оказался в доме, где вырос.

— Зачем ты привела меня сюда? — спросил он, вставая.

Связанный желаниями Эдалы, он превратился в обузданного коня. Наконец-то, его магия оказалась под контролем.

Я выдохнула, испытыв облегчение из-за того, что Захара больше не могла контролировать джинна. Даже при том, что она не смогла бы зайти далеко благодаря моей защите, она могла устроить хаос, не вовлекая Саалима. Я так же была рада тому, что та девочка больше не была хозяином сосуда, хотя сейчас, сидя у себя в комнате, она должна была быть безутешна из-за утраты своей серебряной коробочки. Но эта магия была такой могущественной, что риск был слишком велик.

Эдала вздохнула, провела рукой по чёрным волосам и перекинула их через плечо.

— Значит, ты нас помнишь. Как и эту жизнь.

Она была похожа на ребёнка. Наивного ребёнка, полного надежды.

О, Эдала. Даже я видела, что Касым не хотел вспоминать эту жизнь.

— Тебе необязательно уничтожать меня, — сказал Касым таким беззащитным тоном, что я почувствовала себя неловко, точно я вторгалась в их жизнь.

Хотя он и не смотрел на меня. Только на свою сестру.

Эдала кивнула.

— Я могу тебя освободить.

Нет. Если ему нельзя было доверять раньше, то ему определенно нельзя было доверять сейчас, когда в нём было столько гнева.

— Эдала, — сказала я. — Не надо.

Наконец, Касым посмотрел на меня. Несмотря на серебристый оттенок, его глаза и кожа стали такими же бледными, как у трупа. Я знала, он мог почувствовать то, что я желала ему смерти. Было ли ему больно оттого, что кто-то не доверял ему и так сильно его презирал?

Я попыталась снова.

— Подумай о том, что он сделал с вашим отцом, вашей матерью, Надией, Саалимом.

Касым снова посмотрел на Эдалу, почувствовав в ней изменение.

— Эдала, — начал он. — Ты и я, мы с тобой могли бы уйти, найти какое-то другое место. Мы могли бы перелететь океан, исследовать другие места, о которых мы слышали при дворе.

Он всё ещё стоял на коленях.

Умоляющий раб. Его речи были такими же яркими, как и глаза.

Эдала кивнула, и я чуть не забрала коробку из её рук. Но затем она сказала:

— Ты сам выбрал этот путь.

Не глядя на него, она начала открывать сосуд.

— Подожди, — сказал он, и тон его голоса говорил о том, что он проиграл эту битву.

В его руках появился большой мешок. Он напомнил мне о мешочках с солью, которые давал мне Саалим.

— Для Билары.

Он кинул мешок к моим ногам.

— Она была добрым хозяином. Скажите ей, что Касым будет скучать.

Когда я посмотрела в мешок, я увидела засахаренные финики.

— Кас, — начала Эдала. — Я...

Но затем она замолчала, раскрыла сосуд, и он исчез.

Эта сцена была мне слишком знакома. Я вспомнила о том, как моё желание свободы забрало у меня Саалима. Застыв, я стояла рядом с Эдалой, ожидая, что что-то могло пойти не так. Ожидая, что что-то произойдёт, как тогда со мной. Но никакого желания не было загадано, поэтому ничего не могло произойти.

Сестра Саалима присела у огня. Костяшки её пальцев, которыми она сжимала сосуд Касыма, блестели. А затем она бросила серебряную коробку в огонь. Пламя заревело вокруг неё, словно желая поглотить, и мы принялись наблюдать за ним в благоговейной тишине. Мы дышали и ждали.

Серебряная коробка не прогнулась под руками пламени, не изменилась. Ничего не произошло.

Эдала ахнула и зарыдала, закрыв лицо руками и издав страдальческий вопль облегчения. Как бы она ни пыталась верить в то, что она хотела его потерять, это было не так. Каким бы он ни был злым и коварным. Он был её братом. Было так странно, что мы делали столько поблажек членам своей семьи, принимали недопустимое, лишь бы они оставались с нами.

Я поискала что-нибудь, чем можно было достать сосуд из огня.

— Что случилось?

В комнату вошёл Тамам, его лицо исказилось от беспокойства.

— Я услышал, как ты плачешь, — сказал он вопросительным тоном. — А затем я почувствовал кое-что...

Он начал подыскивать слово.

Как замедлилось время. Когда это происходило, это чувствовали почти все, принимая за головную боль или кишечный спазм. Но Тамам был уже знаком с магией, и мог распознать её.

Губа Эдалы дрожали, а глаза сделались красными и мокрыми. Она, молча, достала сосуд Касыма из огня, и пламя не обожгло её. Эдала осторожно протянула его Тамаму, и теперь я ясно видела, какими глубокими были их любовь и доверие. Она была готова отдать ему всё.

Тамам подошёл к ней и протянул руку, но не к сосуду, а к ней.

— Касым, — сказал он.

Она кивнула, и он встал рядом с ней на колени. Эта сторона Тамама так отличалась от того мужчины, которого я знала. Я не могла отвести от него взгляда.

— Прости, — сказал Тамам, а затем прижал её к себе.

Она зарыдала в его объятиях, прижав сосуд к груди.

Сквозь рыдания, Эдала сказала:

— Он не может умереть.

Лицо Тамама потемнело.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

Я начала было говорить.

— Я не...

— Я этого не хочу, — прошептала Эдала.

Так вот, в чём было дело.

— Позволь это сделать мне, — сказала я, сквозь её рыдания, наполненные виной, облегчением, страхом.

Эдала покачала головой. Неужели она отказывалась убивать Касыма? Неужели она собиралась остаться его хозяином и пообещать держать его в узде? А потом она могла решить, что Касым прав, и сама расправилась бы с Саалимом.

— Что, если небольшая часть тебя желает обладать джинном? Я думала, что жадность меня не коснётся, но посмотри на меня, — сказала Эдала.

— Это не жадность, — сказал Тамам. — Он твой брат.

Эдала сделала глубокий вдох.

— Эмель права.

Я уставилась на неё, вспомнив её слова: «Ты была права насчёт магии, Эмель... За неё всегда взимается цена. Как ты и сказала, магия должна исчезнуть из пустыни».

Неожиданно я всё поняла.

Нет.

— Нам здесь не место, — сказала она поверженным голосом.

Она постучала подушечками пальцев по коробке. Огонь за её спиной стих, словно расстроившись из-за своего прерванного пира.

— Я имею в виду, магии.

Тамам наклонился к ней и убрал прядь волос с её виска.

— Здесь твоё место, Эдала. Здесь...

Он посмотрел в окно. Он хотел что-то сказать, но не сделал этого, так как я находилась сейчас с ними.

Она покачала головой.

— Мы не должны были играть с магией. Захара, я. Посмотри, что она натворила. Она дёргала за ниточки, которые должны были быть предоставлены судьбе. Это неправильно, и теперь я это вижу.

Она посмотрела на меня, её глаза сияли в затухающем свете огня.

— Мы позволили Мазире прийти в этот мир. Но он принадлежит не ей, а её сынам. Нам надо уничтожить эту дорогу.

— Должен быть другой способ, — сказала я.

Она покачала головой.

— Мы должны умереть.

Мою кожу обдало холодом.

Тамам застыл, покачал головой и схватил её за руку.

— Не говори ерунды.

Я отвернулась. Его печаль была такой явственной, что мне пришлось подавить слёзы.

— Разве ты не можешь исправить то, что сделала? Стать человеком? Как Саалим.

Он махнул рукой в мою сторону. Значит, он тоже знал. Неужели ему рассказала Эдала?

Я была уверена в том, Саалим этого не делал.

Каково сейчас было Тамаму? Преданный солдат, верный друг. Он нашёл любимую женщину, а король, которому он служил, был плотно связан с магией, легендами и мифами.

Она склонила голову и опустила глаза на сосуд.

— Я могу освободить Касыма, но Захара и я не сможем исправить то, что мы сделали.

— Эдала, — взмолилась я. — Должен быть другой способ. Разве ты не можешь перестать использовать магию? — продолжила я уже шепотом. — Ты не можешь умереть... ты не можешь оставить Саалима, Тамама. Меня.

Она рассмеялась.

— Тебе до меня нет дела; и я это уважаю. Я знаю, как ты относишься к тому, что я сделала и чем занимаюсь. Поэтому...

Она повернулась ко мне с сосудом в руках и умоляюще проговорила:

— Я знаю, что ты это сделаешь. Когда меня не станет, брось Касыма в огонь.

Я покачала головой.

— Я не могу.

— Ты должна.

Тамам встал.

— Я этого не позволю.

Она встала и коснулась рукой его щеки.

— Любовь моя, нашу историю не выложат в мозаике. Но я останусь вот здесь.

Она прижала руку к его груди.

— Первый раз, когда ты оплакал меня, должен был стать последним.

Тамам отпрянул от неё.

— Ты расстроена. Давай повременим и рассмотрим все варианты. Для начала мы поговорим с Саалимом, найдём Захару.

Затем он снова подошёл к ней, взял её руки и сжал их вместе.

— Пожалуйста.

Отчаяние, которое он пытался скрыть, выплеснулось наружу.

Слова, сказанные Эдалой, начали гудеть во мне, точно струна ситары. Они начали шевелить что-то в моей памяти, в моих чувствах, которые я испытывала, когда покидала деревню и когда заявила, что магия — хотя она и создавала чудесные вещи — не была благом. Она сеяла страх, недоумение и невзгоды. Эдала была права. Я была права. Магия должна была исчезнуть.

Может быть, поэтому Мазира выбрала меня? Поэтому я была отмечена ею? Знала ли она, что я избавлю её от обязательств перед людьми?

— Ладно, — сказала я, вытерев мокрые щёки. — Как?

Тамам предостерегающе выкрикнул её имя.

— Тамам, — сказал Эдала. — Либо ты пойдёшь с нами по своей воле и поцелуешь меня на прощание, как я надеюсь, либо я свяжу тебя с помощью магии и оставлю здесь.

Тамам зашагал прочь. Я услышала, как его шаги начали спускаться по лестнице. Эдала уставилась в ту сторону, куда он ушёл, а когда мы уже не могли слышать его шагов, её губы задрожали, и она взглянула на меня.

— Я хочу, чтобы меня забрали волны. Хочу уйти к Вахиру.

— Сейчас?

— Сейчас.

— А Саалим?

Из складок своих одежд Эдала достала аккуратно сложенный листок пергамента, запечатанный воском. Никакой печати. Лишь полоска гладкого красного воска.

— Предполагаю, что его реакция будет ещё хуже, чем у Тамама. Отдай ему это.

Он будет опустошён. Он испытал такое облегчение, когда нашёл свою семью и понял, что не остался в одиночестве.

Я встала с пола на слабых и трясущихся ногах. Моё сердце колотилось, дыхание сбилось.

Я протянула руку к сосуду с джинном, но Эдала не отдала его мне.

— Я хочу быть с ним рядом.

Кивнув, я последовала за ней. Тамам ждал нас внизу лестницы, не сводя глаз с Эдалы.

Я не могла на него долго смотреть, понимая, что он пытается её запомнить, сохранив в памяти каждую деталь, как я делала это когда-то с Саалимом. Я слышала его шаги за нашими спинами, медленные, тяжёлые и полные раскаяния.

Когда мы вышли из дворца, Тамам прошёл мимо меня и взял руку Эдалы в свою.

И все вместе мы направились к морю.

Глава 30

Эмель

Погода поменялась, а может это Эдала растревожила небо. Солнце пропало, и тёмно-серые тучи заволокли всё вокруг. Если бы я находилась дома, в пустыне, я бы начала праздновать, ожидая дождь. Но теперь это казалось неправильным. Я испытала грусть.

Ветер бушевал вокруг нас, пока мы шли в сторону причала. Он совсем обветшал, и теперь его использовали только рыбаки да влюблённые, которые хотели постоять над морем. Сегодня здесь никого не было. Было ли это связано с надвигающимся дождём? Или дело было в магии?

Мадинат Алмулихи позади нас затих. Нашел ли Саалим Захару? Всё ли с ним было в порядке?

Тамам и Эдала дошли до края пристани. Я осталась сзади, чувствуя, что мешаю им. Они стояли ко мне спинами и глядели на горизонт. Ветер дул так неистово, что волны покрылись белой пеной.

Тамам подошёл ближе и обхватил её руками. Их головы склонились друг к другу. Я видела, как начал двигаться его рот, когда он зашептал что-то ей на ухо. Она кивнула, а затем уткнулась лицом в его шею. Её плечи затряслись, а он прижал её к себе ещё сильнее.

У меня так сильно свело горло, что мне стало больно. Я вспомнила, как хватала руками песок в оазисе, когда исчез Саалим. Я слишком хорошо запомнила эту боль прощания. Как выворачивала, терзала и опустошала она мою душу.

Я не могла отвести взгляд.

Их губы коснулись друг друга, сначала слегка, нежно, а затем сильнее, в отчаянии. Лицо Тамама исказила печаль.

Наконец, Эдала крикнула:

— Эмель.

Когда я подошла к ним, она повернулась ко мне и прижалась губами к маленькой

головоломке, которую когда-то открывали маленькие ручки мальчика, прятавшего там свои сокровища. Мальчика, но и мужчины, который должен был умереть вместе со своими секретами. С безграничной нежностью она отдала мне сосуд Касыма.

Эдала встретила со мной взглядом.

— Спасибо, сестра. Мой брат приобрёл вместе с тобой настоящее богатство.

Она поцеловала меня в лоб.

Нагнувшись, она сотворила из ничего небольшой медный таз. Он был заполнен деревянными щепками, пропитанными маслом. Щепки вспыхнули.

— Когда дело будет сделано, помести его сюда, — сказала Эдала.

Она скользнула пальцами по краю таза, точно это была детская колыбель, а затем подошла к Тамаму и обхватила его руками за шею. А он поднял её на руки, словно она ничего не весила. В последний раз она прошептала что-то ему на ухо. Он прижал её к своей груди, крепко зажмурился, после чего коснулся её щекой, а затем поцеловал в висок, шею, губы.

Неожиданно её голова запрокинулась, а рука упала вниз.

— Что?!

Я бросилась к ним.

— Она спит, — тихо сказал Тамам дрожащим голосом. — Она не почувствует ничего, кроме волн.

Двигаясь так, словно мир замер, Тамам опустился на колени, а затем сел на край причала. Я услышала, как он нашептывал ей что-то, прижимая к себе. Была ли это молитва или прощание? А затем он уронил Эдалу в море. Раздался небольшой всплеск, точно упал камень.

Глаза Эдалы были закрыты, волосы разметались вокруг неё, одежды всплыли на поверхность воды, словно пытались остаться на плаву.

Тамам вздрогнул, точно хотел прыгнуть вниз и схватить её. Я положила руку ему на плечо и осторожно его сжала.

Когда ткань больше не могла держать её на плаву, Эдала погрузилась в зелёную пучину моря. Я не знала, почудилось мне это или нет, но мне показалось, что её губы слегка приподнялись в улыбке.

Когда я уже больше не могла её видеть, я подошла к пламени, испугавшись, что оно может исчезнуть вместе со своим создателем. Я подумала о тех словах, которые хотела сказать Касыму. Я хотела прошептать в сосуд, что всё могло бы быть иначе. Что он мог выбрать радость вместо зависти, удовлетворение вместо гордости. Но он во многом был точно так же сломлен, как и Сабра. Он сделал неправильный выбор, а я была не вправе наказывать его в последний час.

— Отправляйся к богине, — прошептала я, после чего бросила коробку в пламя.

Она громко звякнула о медный таз.

Ничего не произошло. Неужели Эдала ошиблась?

Но затем я увидела, как края сосуда погнулись, вырезанные узоры начали плавиться, а острые углы сглаживаться. А затем коробка схлопнулась и засияла оранжевым пламенем, точно расплавленный металл, который начал проникать сквозь деревянные щепки, а пламя стало подниматься всё выше и выше.

Во время смерти Касыма я ожидала какого-нибудь крика, чего-то драматичного и ужасного, когда проводника Мазиры отрезали от неё. Но не было никакого эпического

финала, никакого сигнала о том, что все закончилось.

Огонь погас, а металл полностью расплавился. Когда пламя потухло, и остались только дым и обугленное дерево с вкраплениями серебра, я протянула руку к тазу. Он был холодным, несмотря на то, что пламя погасло только что. Я высыпала содержимое таза в воду, и волны моря отнесли его обратно к Мазире.

Тамам лишь мельком взглянул на пепел и серебро, когда они покрыли поверхность воды, после чего снова поглядел туда, где исчезла Эдала.

Я оставила его наблюдать за волнами, которые забрали его любимую, и вернулась в город.

Идя по причалу, я задумалась о том, что столько жизней могли прерваться без особого шума. Никаких барабанов или взрывающихся огненных рисунков. Только шепот ветра и треск пламени. Никто не узнал об этом, кроме свидетелей. Неужели жизни двух таких масштабных людей могли так тихо завершиться?

***

Когда я начала подниматься по дворцовой лестнице, ко мне подбежал стражник.

— Король ждёт тебя в тронном зале.

Тёмные капли дождя начали падать на его плечи.

Войдя в зал, я остановилась. Почти сотня людей собрались перед Саалимом, сидящим на троне.

Сначала я не расслышала его речь. Я не могла думать ни о чём, кроме того, что он был в целости и сохранности и сидел передо мной. Я хотела подбежать и вцепиться в него. Заставить его пообещать мне, что мы никогда не расстанемся.

Но его слова медленно проникли мне в голову. Не называя имени, он рассказал о Касыме — о том, как он выглядел, и что мог сделать. Он советовал не приближаться к нему и сообщить стражникам, если кто-нибудь его увидит. А затем он описал Эдалу и назвал её имя. Она была другом, и к ней можно было обращаться за помощью.

Он не подозревал о произошедшем. Обойдя зал, я попыталась привлечь его внимание. Наконец, он заметил меня.

Его речь на мгновение прервалась — никто этого не заметил — а плечи слегка расслабились. А затем он сказал:

— Если у вас есть вопросы, Нассар ответит на них.

Не обращая внимания на недоумение, которое вызвали его последние слова, он отошёл в сторону и пошёл по коридору мимо большого количества стражников. Я последовала за ним в атриум мимо солдат и слуг.

Саалим протиснулся сквозь толпу людей и оказался передо мной.

— Саалим! — закричала я и побежала к нему, не обращая внимания на людей.

Прощание Тамама с Эдалой запечатлелось в моей памяти. И напомнило мне о том, как я потеряла Саалима навсегда.

Саалим был удивлён, когда увидел в какой спешке я побежала к нему, а когда увидел моё лицо, застыл на месте.

— Что случилось?

Я покачала головой.

— Не здесь.

— Одну секунду, — сказал Саалим следовавшим за ним слугам и повёл меня в пустое помещение, примыкающее к атриуму.

Он потянул меня под каменную балконную арку и остановился прежде, чем мы успели бы оказаться под дождём.

— Где Эдала? Касым? — быстро спросил он.

Я уставилась на город, который накрыл дождь. Я смогла разглядеть море и причалы, исчезающие в дымке. Прищурившись, я попыталась разглядеть Тамама, но ничего не увидела.

— Расскажи мне, Эмель, — попросил Саалим.

Настойчивость в его голосе выдала то, что он начал понимать и бояться.

— Касым мёртв, — сказала я.

— Как?

Я рассказала ему. Как мы с Эдалой перенеслись сюда, чтобы добраться до сосуда раньше Захары, как Эдала стала его хозяином, как он не сгорел в первый раз. Я говорила и говорила, рассказывая ему больше, чем было нужно. Я была готова рассказать ему всё, что угодно, лишь бы не говорить ему о том, как мы смогли убить Касыма.

— Эмель, — сказал Саалим, словно понимая мою скорбь. — Мне жаль, что тебе пришлось всё это увидеть.

Он сказал это твёрдо, словно изо всех сил боролся со своей печалью.

Я опустила глаза в пол. Он решил, что я грущу из-за того, что его брат умер.

Ох, Саалим.

Он продолжил говорить:

— Другого выбора не было. Касыма погубил его собственный гнев.

Гнев, который распалила знахарка.

— Где Захара? — спросила я.

Он слегка улыбнулся, и его глаза засияли, как надетая на нём корона.

— Мы нашли её по пути сюда. Она сейчас в тюрьме.

— Что ты с ней сделаешь?

— Я хотел посоветоваться с тобой.

— А-а.

Какое наказание могло быть самым подходящим для женщины, которая уничтожила семью Саалима и стала причиной смерти стольких людей? Смерть или заточение, изгнание или изоляция? Такое серьёзное решение не должно было основываться на моём мнении.

Неожиданно Саалим вспомнил:

— А где Эдала?

Я раскрыла рот, но не могла вымолвить ни слова. Я начала проклинать Эдалу за то, что она заставила меня это сделать и за то, что ей не хватило смелости сказать об этом ему в лицо. Найдя её письмо, я передала ему его дрожащей рукой.

Тени на его лице стали ещё темнее, когда он взял письмо. Пергамент смялся в его руке. Он даже не стал его открывать.

— Проклятье! — вскричал он надрывно. — Проклятье! — снова повторил он и начал ходить туда-сюда.

Он резко втянул ртом воздух, затем издал сдавленный крик и бросил письмо на пол.

Спустя несколько долгих мгновений, он твердо сказал:

— Её больше нет.

— Да, — сказала я, желая отвернуться от этого горя, сквозившего в его голосе.

— Она не вернётся.

— Она сказала, что это единственный путь.

Он положил руки на мокрую каменную колонну, и свесил голову между ними.

Я тихонько подняла письмо и спрятала его. Я решила отдать ему его, когда он будет готов.

— Мне так жаль, — сказала я, наконец, прижав руки к его спине.

Он, молча, повернулся и притянул меня к себе, крепко в меня вцепившись. И так мы стояли, прячась от остальных за каменной колонной.

***

Вечером, после того как горожан уверили, что угроза миновала, солдат отправили на улицы искать оставшихся в городе даркафов. Люди начали убирать улицы байтахеры, а я решила дойти до тюрьмы.

Камеры располагались под дворцом, и там я ещё не бывала. Чем ниже я спускалась, тем холоднее становилось. Не помогал уже даже плащ, в который я плотно закуталась. Неожиданно на меня обрушились звуки и запахи снизу. Немытые тела, экскременты и моча. Звон металла, требовательные крики. Я почти уже развернулась, почувствовав, как подступает к горлу мой ужин.

Несмотря на то, что узкие коридоры были плохо освещены, я заметила слуг, которые носили еду туда-сюда. Стражники стояли рядом и наблюдали за суетящимися слугами, то отпирая, то запирая за ними двери.

Очередная волна смрада накрыла меня, точно стена. Слева от меня я увидела дверь, сделанную из пересекающихся деревянных планок. Внутри я заметила чью-то фигуру, сидящую на полу и склонившуюся, по-видимому, над едой. В другой камере находились две женщины, ворчащие друг на друга. К двери подбежал стражник и забарабанил в неё плоской стороной меча, напугав меня, так же, как и заключенных.

Вероятно, мне было бы лучше вернуться и попросить Саалима выделить мне для этого стражника. А может быть...

— Эмель? — спросила женщина, остановившаяся передо мной и держащая в руках потемневшую серебряную миску с рагу.

Я узнала в ней работницу с кухни, но, к своему стыду, не знала, как её зовут.

Запах дрожжей и специй, поднимавшийся от миски, ощущался как тень в солнечный день.

— Я надеялась поговорить с одной заключённой, — сказала я, подойдя ближе.

— Спроси его.

Женщина указала себе за спину пяткой, а затем осторожно прошла мимо меня.

Стражник стоял лицом к двери камеры и тихо с кем-то разговаривал. Когда я приблизилась, я обратила внимание на то, что у него мягкий голос и спокойный нрав. Я не ожидала, что такой человек будет следить за преступниками. Он прервал разговор, когда я к нему подошла. Он был на удивление молод для такой должности.

— Нечасто женщины вроде тебя оказываются в этой части дворца.

Вроде меня? Он явно не имел представления о том, кто я такая. Несколько дней, проведённые внутри дворца, красивые одежды и богатые масла значили гораздо больше, чем

я предполагала.

— Мне нужно встретиться с одной из пленниц.

— Я могу попробовать это организовать. С кем?

То, как сощурились его глаза, а ещё форма его носа и бороды, показались мне знакомыми.

— С Захарой. Лекарем.

Он кивнул. Несмотря на то, что его лицо находилось в тени плохо освещённого коридора, я заметила, что выражение его лица смягчилось.

— Я так и думал. Сюда.

Он вытянул руку, приглашая меня пройти по коридору, но я не сдвинулась с места. Я не могла перестать на него смотреть. Где же я видела его раньше?

— Как тебя зовут?

— Рафаль.

Я замерла. Он был более молодой версией того сказителя.

— Я знала Рафаля.

Немного печально он сказал:

— Моего отца?

— Твоего отца?

— Картографа. Мы часто с ним путешествовали и вместе рисовали карты.

— Сказитель?

— Да!

Он широко улыбнулся, и я забыла, что мы находились в тюрьме с затхлым воздухом и недружелюбными лицами.

— Я играл на барабанах.

— Да! — я рассмеялась. — Я видела тебя! Твоё лицо показалось мне знакомым. Но почему ты...

Я осмотрелась.

Улыбка Рафаля исчезла.

— После смерти отца, мне нужна была работа. Очень многие соседи моей матери оказывались здесь. И, как мне кажется, часто не справедливо.

— Твоей матери.

— Кахина? Ты, вероятно, о ней слышала. Многие считают, что у неё испорченная репутация. Я думаю иначе.

— Владелица байтахире? — ахнула я. — Рафаль был её мужем?

Саалим говорил мне, что не был в этом уверен. Моя голова закружилась, когда я вспомнила о картах на стенах, о тех странных и чудесных иллюстрациях, что я видела в её доме.

— Я решил поработать здесь, — продолжал он. — И попытаться облегчить жизнь узникам. Тем, кто, возможно, не заслуживает... этого.

Он говорил тихо, чтобы никто не смог услышать его сквозь шум.

— Ты меня понимаешь?

Я вспомнила, как в течение целой луны я была узницей своего отца. И каким несправедливым это казалось. Если бы не мой брат — и не Саалим — моё заточение могло бы меня убить.

— Полностью тебя понимаю, — сказала я, улыбнувшись.

Я пошла в ту сторону, куда он мне указал. А сам Рафаль двинулся следом.

Ближе к концу коридора он начал говорить о новых заключенных, а затем посмотрел в дверную щель.

— Она здесь, — сказал он. — Захара, примешь посетителя?

Он прижал ухо к двери, затем кивнул и вставил ключ в замок. Лёгким толчком дверь распахнулась, и он попросил меня жестом проследовать внутрь.

— Я подожду здесь. Дверь будет не заперта. Выходи, когда закончишь.

Рафаль прикрыл за мной дверь, и то небольшое количество света, что проникало внутрь, пропало. Здесь была почти полная темнота, но, когда мои глаза привыкли, я увидела Захару, сидящую на циновке в углу. Ту же самую женщину с гладкой кожей и чёрными волосами, которая ещё сегодня пыталась лишить меня жизни.

— Думаю, тебе доставляет огромное удовольствие видеть меня здесь, — сказала Захара, когда дверь закрылась.

— Так и есть, — сказала я, изучив пространство.

Здесь не было окон. Неужели тут всегда было так темно?

Захара молчала.

— Ты ожидала, что я начну это отрицать? — спросила я.

— Чего ты хочешь?

— Понять.

— Объяснись, — медленно проговорила Захара.

Даже если ей было неинтересно видеть меня, разговор со мной мог немного её развлечь.

— Они знают, на что я способна, — сказала она. — Еду, которую они мне дают, вещи в этой комнате. Я не могу ничего из этого использовать.

Для магии.

— Саалим спросил меня, что бы я с тобой сделала.

— И что ты решила?

— Я не решила. Поэтому и пришла. Я всё ещё не до конца понимаю. Расскажи мне всё, Захара.

— Раз уж мне нечего делать, — она вытянула ноги. — У моей матери было только двое детей. И, конечно же, обе дочери. Я была младшей, поэтому от Тахиры зависело то, смогут ли мои родители комфортно прожить остаток жизни. Мы не были бедными, но мы так же не были и богатыми. Они приготовили достойный подарок любому высокопоставленному человеку, который её выберет. Но как-то раз мимо нас проезжали члены королевской семьи из города у моря, и моя сестра привлекла внимание короля. Мы не придали этому значения. Решили, что это очередной мужчина, который ищет себе компанию на вечер, но через две луны она призналась, что перестала кровить.

— Моя мать знала, что если она прервёт беременность, то её все равно можно выдать замуж. Тахира ничего не желала об этом слышать. Она хотела этого ребенка. Она любила короля.

В её словах послышался закипающий гнев.

— Она поехала на его поиски. Моя семья решила, что теперь я должна нести бремя своей сестры, но ты видела мои бёдра? Узкие как у мальчика. А мои ступни такие большие... но это не имеет значения. Я бы никогда не смогла занять место своей сестры. Я последовала за ней в Алмулихи. Я планировала вернуть её назад.

Когда Захара, наконец, нашла её, она вот-вот должна была родить, а король Малек уже женился на хаяльской принцессе, Кине. Король узнал о беременности Тахиры к тому моменту, как приехала Захара. Он пообещал, что воспитает ребенка, как родного, и что Тахира сможет наблюдать за тем, как ребёнок растёт в комфорте и радости. Но она не могла вмешиваться в его воспитание. Тахира согласилась.

Саалим родился на осеннее равноденствие.

Захара пыталась вернуть сестру домой. Она сказала, что с её сыном будет всё в порядке, и что она не могла ничего больше сделать. Но её сестра отказалась уезжать. Она хотела жить и работать во дворце, но король отказался, опасаясь, что тогда она сможет сблизиться с Саалимом.

— Король не знал, какой доброй была моя сестра.

Захара выплёвывала каждое слово, точно яд.

— Она не сказала бы ни слова Саалиму и не выдала бы себя. Она всего лишь хотела видеть своего мальчика.

Разлука с сыном поглотила ее, и она проводила ночи, сидя на ступенях дворца и уставившись в окна вместо того, чтобы спать. Захара не могла ничего сделать, чтобы убедить её уехать, поэтому начала работать и стала дворцовым лекарем. Если Тахира не могла смотреть за тем, как растёт Саалим, по крайней мере, это могла делать Захара. Она решила, что это порадует её сестру.

Сначала, это сработало. Тахира была воодушевлена каждым сообщением, которое приносила ей Захара, и любой вещью Саалима. Тахира вырезала из дерева маленьких солдатиков, а Захара отдавала их Саалиму. Рассказы о том, как он был рад, доставляли удовольствие Тахире. Саалима хорошо воспитывали, и это тоже её радовало.

Но так не могло продолжаться долго, и вскоре она начала завидовать. Захара пыталась увещевать её, пыталась приносить ей ещё больше вещей, посылать Саалима за пределы дворца с поручениями, но это не помогало. Тахира впала в уныние и начала отдаляться от неё.

— Я потеряла свою единственную сестру. Единственного члена семьи, что у меня остался.

Она не знала, куда делись её родители. Она только знала, что они давно уже покинули их караван.

— Однажды утром я не обнаружила Тахиру на ступенях дворца. Я искала везде и не могла её найти. Кахина была подругой Тахиры, поэтому я отправилась к ней. Она приютила её у себя и давала небольшую работу. Кахина сказала мне, что отправила её из города. Отправила! Кахина сказала, что Тахира страдала, наблюдая за своим сыном на расстоянии, не имея возможности разделить с ним свою жизнь. Она сказала, что ради сохранения здоровья и рассудка Тахире надо было уехать. И моя сестра послушала её! Она даже не попрощалась со мной, — голос Захары сорвался. — И вот я оказалась в городе, до которого мне не было дела, и служила людям, которых презирала, ради семьи, которая пропала

Наступила долгая тишина.

Наконец, Захара сказала:

— Король получил то, что заслуживал.

— Ты же понимаешь, что вы всё ещё семья? Что Саалим часть твоей семьи?

— Он мне не семья, — огрызнулась она.

— Ты ненавидишь его из-за крови короля, которая течёт в нём? Но в нём также течёт

кровь твоей сестры. Он такой же солеискатель. В тебе и в нём течёт одна и та же кровь, и вместо того, чтобы ценить то, что вас объединяет, ты сосредоточилась на том, чем вы отличаетесь. Ты уничтожила всё.

Были ли у Тахиры такие же глаза золотистого цвета? И такие же высокие скулы?

— Я сделала только то, что заслуживал Малек!

Она продолжала отчаянно цепляться за прошлое.

— Когда же ты осознаешь, что большинство ошибок совершила не твоя сестра, а ты сама? — спросила я.

Захаре необязательно было покинуть свою семью, чтобы заставить Тахиру сделать то, чего она не хотела. Ей необязательно было лишаться возможности подружиться с сыном своей сестры.

Повисла долгая тишина. А затем Захара спросила:

— Ты решила, как от меня избавиться?

— Нет.

Она фыркнула.

— Это неважно.

Прислонившись к стене, она уставилась в потолок.

— Я летала в обличье птицы по всей пустыне. Если бы я могла, я бы проживала эту жизнь снова и снова.

Она углубилась в свои размышления.

— Ты знаешь, как выглядит море сверху? Плоское, почти гладкое, но с мелкими морщинками на поверхности. Ты знаешь, как выглядит сверху твоя деревня?

Я не могла видеть её глаза, но чувствовала, как они вперились в меня.

— Как драгоценный камень.

Моё дыхание сбилось.

— Да, — сказала она, кивнув. — Я наблюдала за тобой. Когда поняла, что Саалим находится там, я нашла его. Я думала, что навечно останусь там и буду наблюдать за тем, как ахиры таскаются к лекарю, чтобы принять решение, которое не смогла принять моя сестра. Но лучше уж так, чем быть жалким сверчком. Лучше уж так, чем это. Я так устала...

Эдала была права насчёт всего. У меня закружилась голова. Захара видела меня? Я попыталась вспомнить тот день, когда мы с Рахимой отправились к лекарю. Две птицы сидели на входе в его дом. Одной из них был коричневый гриф.

— Я забеспокоилась, когда лекарь сказал, что ты отмечена, — сказала она. — Но тогда я не могла поверить в то, что кто-то мог освободить джинна. Я думала, что буду сильнее, когда снова превращусь в человека, но ты слишком быстро его освободила. А затем ты появилась в моём доме в качестве помощницы, словно сама Мазира направила тебя туда. Вероятно, так оно и было.

— Ты надеялась настроить меня против Саалима.

— Я надеялась, что ты разглядишь в нём избалованное отродье. Что ты больше не захочешь его защищать.

— Он изменился благодаря тебе.

Он стал таким из-за того, что когда-то был джинном. Даже если он ничего из этого не помнил, он перенёс все тяготы рабской жизни в свою новую жизнь. Сама того не желая, Захара сделала из него хорошего короля.

— Он спал на золотом прииске и не ценил этого.

Не в силах больше слушать её безумные речи, я встала.
— Что ты собираешься со мной сделать? — спросила она.
— Вернуть тебя домой.

Глава 31

Саалим

Дворец огромен и пуст. Жалкое подобие дома. А я снова стал марионеткой, вынужденной вечно жить здесь. Я шёл по коридорам, и моими единственными спутниками были шелест ткани и стук шагов по камню. Я уже переживал это. Было так жестоко оплакивать свою семью дважды.

Я остановился на полпути.

— Где Тамам?

Перед моей башней на месте Тамама стоял солдат с равнодушным лицом.

— Не могу знать. Азим поставил меня сюда. Место пустовало.

Знал ли Тамам об Эдале?

Поднявшись на этаж, я посмотрел наверх, на покои Касыма. Я собирался попросить слуг уничтожить всё, что осталось внутри.

Повернувшись в сторону своей комнаты, я облегченно вздохнул. Наконец-то я остался один и мог подумать.

После смерти родителей я проводил много времени, вспоминая свои ошибки, и старался не повторить их. Именно поэтому я не вёл себя как король города. Я был форменным идиотом и чаще всего ориентировался на то, что будет считаться правильным, а не на то, что было правильно для моего города и его жителей. Лидеры не вели себя подобным образом.

Теперь же мне надо было стать лидером.

Оттолкнувшись от подоконника, я подошёл к тазу с водой, стоящему у двери. На дне лежали три камня: отец, мать и Надия. Рядом с тазом лежал льняной свёрток, который дала мне Лика. Развернув ткань, я уставился на неровный белый камень. Соль в форме камня. Кажется, они называли это "*халим*". Он должен был раствориться, если бы его оставили в воде. Он предпочитал сухой воздух и солнце.

В точности как моя мать.

Я достал её камень из таза и положил его рядом. Я отнёс камень из соли на подоконник, чтобы он мог провести несколько дней на солнце. Там моя мать могла отдохнуть. Вместе с Эйкабом.

Камни Касыма и Эдалы всё ещё лежали в мешке. Они стукнулись друг о друга, когда я сжал их в кулаке. Я замер, а затем поместил Эдалу вместе с остальными. Было ли там место для Касыма?

Не мне было это решать. Его судьба была в руках Мазеры. Всё, чем он был, всё, что он совершил, должно было остаться для меня в прошлом. Я положил его камень — серый и гладкий — на дно таза вместе с остальными камнями нашей семьи.

Наконец, я достал из воды камень отца: чёрный, тяжёлый и блестящий. Я зажал его между ладонями, поднёс ко лбу и начал молиться.

Вахир, позволь мне остаться в этих водах.

Я вернулся к письменному столу и начал сортировать письма и дела. На этот раз сосредоточенно и энергично. Я был королём. Каждый раз, когда я думал об этом, меня накрывала лёгкость, а кожа слегка покрывалась мурашками. Завтра я собирался поговорить с Азимом, Экрамом, Нассаром. Вместе мы могли оставить позади ужасное прошлое. Мы должны были двигаться вперёд. Я был их лидером, а эти люди — моими помощниками. Понадобилось бы время, но я собирался заслужить право быть королём.

Я работал с просьбами, обращался то к одной задаче, то к другой, заканчивая то, что так долго ожидало моего внимания, и всё вокруг как будто начало вставать на места. На дне стопки я обнаружил старое письмо от отца Елены, в котором назывался день, когда они должны были приехать на свадьбу. Пергамент был мягким, превосходного качества, и кончики моих пальцев отрешенно двигались по нему, пока я снова и снова перечитывал слова.

Послышались шаги. Вошла Мариам, чтобы разжечь огонь.

— Вам позвать кого-нибудь перед сном? — спросила она, оглядев мою работу с плохо скрываемым удивлением.

Я потряс уставшей рукой и передал ей готовые письма. Она положила их на стул, после чего подошла к очагу. Я обдумал её предложение. Но сегодня я не хотел Дайму. Я снова взглянул на письмо, лежавшее передо мной. Имя Елены растянулось на нём, точно руки, обращённые в мою сторону.

— Не сегодня, Мариам. Как там ребенок?

Она потыкала кочергой в огонь.

— Она была безутешна, тянула руки в разные стороны и ещё больше расстроилась, когда не смогла найти коробку. Приходила Эмель с мешком фиников. Это помогло. Билара наконец-то заснула. Я не понимаю, как мы могли потерять её. Она никогда не выпускала её из рук.

— Может быть, мне стоит сделать новую?

Мариам медленно встала и потёрла поясницу.

— Нет, — сказала она, подняв письма со стула. — Она должна научиться жить без неё.

Когда Мариам ушла, я встал из-за стола и начал раздеваться. Рядом с гардеробом я увидел начищенные сапоги, приготовленные для свадьбы, которые я пнул в сторону, когда поспешно покидал комнату.

Ещё одно напоминание о Елене.

Опустившись на колени, я поставил сапоги рядом с мечом, который стоял в ножнах, прислоненный к стене. Это был меч моего отца, а теперь мой.

Я так долго разделял свои жизни надвое и думал, что везде успею, но это было не так. Я больше не был ребёнком, который мечтал держать в руках меч.

Я был королём. Пришло время вести себя как король.

Взгляд снова переместился на сапоги, и я кивнул, приняв решение.

Я был королём. Королём, который должен был жениться на принцессе.

Написал письмо отцу Елены.

Я был королём. Я больше не был мальчиком.

Но эти слова не взбодрили меня, как несколько мгновений назад. Не сейчас, когда пришла пора прощаться.

Луна ещё не встала. Было ещё не слишком поздно.

Я пошёл вниз по лестнице, принятое мной решение пугало меня. Сам факт, что я

должен был попроситься с частью своей жизни... с этим гобеленом, составляющим моё будущее, почти заставил меня развернуться. Сказать ей "нет". Я присел, и тошнота подступила к моему горлу. Сделав несколько глубоких вдохов, я встал и продолжил спускаться по лестнице.

— Мой король, — сказал солдат, отделившись от стены, на которую он опирался

— Я скоро вернусь.

— Вам нужно сопровождение?

Я покачал головой и пошёл по коридору, не в силах больше вымолвить ни слова, опасаясь, что он остановит меня, опасаясь, что я заставлю его поднять Нассара с кровати в поисках совета. Но я должен был принять это решение сам. Я знал, что оно было верным.

Я поднялся по лестнице гостевой башни и встал у двери. Замешкавшись, я посмотрел вниз на лестницу. Нет, это не могло подождать. Ей надо было решить, что она хотела делать дальше, куда она хотела отправиться. Тошнота снова накатила на меня. Я почувствовал себя так, словно огромная часть моего прошлого сорвалась с цепи, точно корабль, у которого оторвался якорь.

— Эмель? — позвал я, и мой голос задрожал, как у ребёнка.

Каким я был жалким. Откашлявшись, я толкнул дверь и снова позвал её, но она не ответила.

Ничего не услышав, я вошёл в комнату. Она была хорошо освещена, факелы и камин горели. Похоже, Мариам побывала и здесь тоже.

Куда она ушла после ужина, если не сюда? Предательское чувство облегчения начало нашёптывать мне, что я мог сообщить ей в другой раз. Это необязательно было делать сейчас.

Войдя в её комнату, я как будто ступил на запретную территорию, но ведь это был мой дворец. Комната была нетронутой, постель была гладкой, точно камень. В комнате не было ничего такого, что говорило о том, что Эмель жила здесь.

А может быть она здесь не жила? Мои руки безвольно опустились. Может быть, она ушла навсегда?

Я раскрыл гардероб и выдохнул. Одежда свисала с крючков и была уложена в деревянные коробки. Её одежда. Что-то яркое привлекло моё внимание в задней части шкафа.

Её мешок.

Он был раскрыт, а внутри сверкало золото. Золото? Зачем она носила с собой золото всё это время? Мешок был на удивление лёгким, но в нём что-то гремело, когда я перенёс его на кровать.

— Эмель? — снова позвал я, взглянув в сторону ванной.

Ничего.

Металл был холодным, когда я коснулся его, и хотя мне хотелось изучить содержимое мешка, я отпустил его и пошёл прочь от кровати.

По комнате пронёсся порыв ветра, и я пошёл за ним на балкон. Во всем городе окна светились оранжевым светом, а облака всё ещё закрывали небо. Дождь закончился, но камни внизу пока ещё были мокрыми. Облокотившись о перила и почувствовав пальцами холодные капли воды, я подумал о людях, которые здесь жили. Они спали, работали и любили, потому что доверяли мне, а до этого моему отцу. Они верили, что мы защитим их, будем служить для них якорем и кровом. Сегодня Касым попытался подорвать это доверие. Ему это не

удалось, но что, если бы здесь не было Эмель? Я был готов встретить такое будущее.

— Саалим?

Мой пульс ускорился, и я повернулся к Эмель.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она как будто нервно, сделав шаг в мою сторону.

— Мои вещи... — сказала она, оглянувшись.

— Я не копался в них, — сказал я.

Мне хотелось протянуть к ней руки, коснуться ладонью её лица, но я не пошевелился.

— Мне надо с тобой поговорить.

— Уже поздно.

— Это не может ждать.

Она повела меня обратно в комнату, и мы очутились у огня. Эмель отказалась от стула и села на ковёр. Она начала протягивать руки к пламени, чтобы согреть их, когда я сел рядом.

Уперев локти в колени, я осмотрел её лицо.

— Я принял решение.

Она подождала, затем ненадолго взглянула на меня, а потом снова перевела взгляд на пламя и сжала губы.

— В тронном зале стоит ещё один трон. Он пустой и ему нужна королева. Там есть корона, но она холодна. И она предназначена для женщины, которой хватит силы её удержать, — сказал я, после чего замолчал и посмотрел на свои сжатые руки.

— А ещё есть король, сидящий напротив женщины, которая когда-то была ахирой, ученицей знахарки, которая освободила джинна и которая точно так же одинока.

Её глаза встретились с моими, а рот слегка приоткрылся.

— Мой отец выбрал корону, а не своё сердце. Он совершил ошибку. Я не повторю её, — сказал он.

Я сел перед ней на колени и осторожно взял её тёплую руку.

— Я выбираю и то, и другое, — сделав вдох, я продолжил: — Согласна ли дочь Соляного короля выйти замуж за сына солеискательницы?

Её глаза стали такими тёмными, что я ничего не мог разглядеть в их глубинах. Она могла скрывать там столько секретов. Что же она скажет?

Она сняла с шеи платок, после чего сжала руку в кулак.

— Я? — спросила она, её глаза сверкали. — Ты выбираешь меня?

По тому, каким сделалось её лицо, и как она это сказала, я почти убедил себя в том, что она сказала мне...

— Да, Саалим, — выдохнула она. — Да.

Боги, вот оно. Это слово было похоже на якорь. Тяжёлый, но приятный вес, который притягивал меня к земле и удерживал там. Она удерживала меня — удерживала меня дома. Я протянул руку и коснулся её щеки. Она прильнула к моей руке и почти неосознанно накрыла её своей рукой. словно она делала это раньше сотни раз. По-видимому, так оно и было.

— С тех пор, как я побывал в твоём поселении, я чувствовал пустоту внутри. Я всегда думал, что так я горевал по своей семье. Но ты заполнила эту пустоту, — сказал я.

Разве мог я описать ей это чувство без того, чтобы не показаться безумцем?

— Я как музыкант, который обрёл руки.

Я взял её руки в свои.

Она понимающе улыбнулась.

— Как номад, который обрёл ноги?

— Да, — сказал я, рассмеявшись. Всё было именно так. — Я птица, и теперь у меня есть ветер.

Я опустил глаза в пол.

— Если, конечно, он меня примет.

— Сколько раз я должна повторить тебе, что я уже твоя?

Она поднялась на коленях и склонила ко мне своё лицо. Оно было теперь так близко, что я почти мог чувствовать каждый её вдох на своей коже, мог видеть изгиб её губ, похожий на крылья орла.

Медленно я провёл руками по её спине, почувствовал, как вздымаются её плечи и как они сдвигаются под моим прикосновением. Я обхватил её рукой и прижал к себе, молча прося её о большем. Тепло разлилось по моему телу, и мне захотелось, чтобы её губы прижались к моим, а тела врезались друг в друга на кровати.

Но вдруг Эмель застыла.

— Саалим, — сказала она. — Между нами не может быть секретов.

— Да, — согласился я.

Я был готов согласиться на всё, что угодно в этот момент.

— Тогда...

Она оттолкнулась от меня и поспешно принесла с кровати свой мешок. Ничего не объясняя, она высыпала его содержимое на пол. Стекланный сосуд, наполненный песком, покатился в мою сторону. На нем были выгравированы символы Алмулихи. Там также было два золотых?..

— Браслеты, — сказала Эмель, увидев моё лицо. — Они принадлежали тебе.

— Мне?

Я перестал дышать и поднял один из них. Он был таким тяжёлым.

— Когда ты был джинном.

Джинном. Я сглотнул. Эдала рассказывала мне об этом, а теперь и Эмель. Но глядя на браслеты перед собой, я не мог в это поверить. Неужели они были надеты на мои запястья? Эмель протянула стекланный резервуар и сказала, что это был мой сосуд. А затем показала мне ночной жасмин с яркими белыми лепестками, живой, несмотря на то, что его вырвали из земли.

— Ты дал мне его, когда мы посещали Мадинат Алмулихи.

Она покрутила цветок в своих пальцах.

— Мы были здесь?

Она кивнула и всё мне объяснила. Она показала мне плитку, и не было сомнений в том, что она была из дворца. Эмель подтвердила это, когда я вернул ей её.

— Я часто задавалась вопросом, не хватает ли здесь где-нибудь плитки?

— Таких мест может быть много.

Эмель показала мне карту, которую она носила с собой, ожерелье, которое я часто видел на ней, и, наконец, половинку деревянного солдатика.

— Всё это время он был у тебя? — сказал я, не веря своим глазам, и вспомнил о второй половинке, запрятанной на полке.

Она объяснила и это тоже. Было непросто осознать то, что у Эмель сохранились воспоминания о прошлом, которого я совсем не знал. Каким оно было? Каким был в нём я? Мог ли я сравниться с мужчиной, которого она полюбила? Вероятно, Мазира не зря заметала

свои следы. Магия могла лишиться рассудка, и мне, вероятно, лучше было не знать об этом в таких подробностях.

— Я показала тебе все эти вещи, — сказала Эмель, — потому что не собираюсь ничего от тебя скрывать. Включая вот это.

Она достала помятый листок пергамента.

— Письмо от Эдалы.

То, что я тогда выбросил. Я решил, что оно было утеряно навсегда. Это была последняя вещь, оставшаяся мне от сестры. Я с жадностью потянулся к письму. Восковая печать была сломана.

— Я его прочитала, — сказала Эмель низким голосом, и её ресницы коснулись щёк. — Знаю, что не должна была этого делать, но ты его выбросил, и я решила, что ты можешь никогда его не прочесть и что, если ты... — она умолкла. — В общем, читай.

Саалим,

Я пишу тебе это письмо и испытываю одновременно радость и печаль. Если ты это читаешь, значит, меня забрала Мазира.

Я словно во второй раз выбираю смерть. Только на этот раз не ради собственной выгоды. Мне горько это признавать, но я вижу мудрость пустыни в отсутствии магии. Там не должно быть божественного вмешательства.

Похоже, Эмель стала последним кусочком головоломки в наших взаимоотношениях с богами. Она появилась, чтобы объединить нас, но, в конце концов, нам снова суждено расстаться. На этот раз навсегда. И на этот раз богиня не будет решать, как это должно произойти.

Отец был не прав. Тебе не нужно жениться ради статуса, Саалим. Очень немногих я могу назвать равными тебе, а также достойными твоей любви и маминой короны. Эмель одна из немногих. Она сестра, которой я могла бы гордиться.

Я точно так же горжусь тем, что ты мой брат. Каждый день я благодарю сынов за то решение нашего отца, потому что благодаря ему у нас был ты. Я была глупым ребенком и не понимала этого. Теперь же я вижу, что никто кроме тебя не смог бы удержать этот город на своих плечах.

Я надеюсь, что ты и сам уже это понял, но, если ты не уверен и хочешь узнать своё прошлое, ты найдешь напиток, который я оставила тебе, за портретами в моей комнате.

Если ты всё же решишь принять этот напиток, пожалуйста, отдай Тамаму портреты.

С большой любовью, Эдала.

Я растеряно поднял глаза. Эмель держала в руке небольшой прозрачный пузырёк. Внутри было небольшое количество жидкости — максимум на один глоток.

— Я знаю, что не должна была его читать, не должна была забирать его, но...

— Что это? — спросил я, не заботясь о том, что она сделала. Что же такое оставила мне Эдала?

— Я не знаю.

Я взял пузырек и внимательно посмотрел на него в свете огня.

— Это небезопасно.

— Ты доверяешь Эдале?

Я кивнул. Я могу узнать прошлое.

Я протянул руку. Эмель приняла её. И всё это показалось мне таким правильным. Всё, что касалось её, казалось именно таким.

Поднеся пузырёк к губам, я проглотил безвкусную жидкость.

А затем, точно песок в песочных часах, мне в голову посыпались воспоминания.

Огонь на моих руках, мой голос, произносящий слова, которые я не хотел говорить.

Я в заточении под солнцем.

Сердитый мужчина.

Я в заточении в холодной воде.

Мысли монстра, желание демона.

Я в рабстве у бесчестного человека.

Девушка, женщина.

Эмель.

Свобода, но не совсем. Искажение сознания, переход из рук в руки.

Мёртвые в гареме, разбросанные точно подушки.

Женщина — Эмель.

Она была здесь и там. Мы были вместе. А когда не были, она всё равно была со мной.

Её губы на губах другого мужчины. Руки на теле другого. Мужчины сменяют друг друга.

Алмулихи — разрушенный и безлюдный.

Её обнажённое тело, прижатое к моему.

Боль, отчаяние, горе, какого я никогда доселе не чувствовал.

Неожиданно время изогнулось, и две жизни слились в одну. Путешествие к Алфаару после того, как меня выдернуло из оазиса. Мои воспоминания столкнулись точно волны в глубоком море. От этого слияния и разрыва времени мне стало нехорошо.

Но затем я опять оказался в гостевой башне перед Эмель. Я увидел всё: женихов, которых я отваживал, смерть вокруг нас, её руки в моих руках, её губы на моей шее, эгоистичное желание, наши тела, касающиеся друг друга, жестокость её отца, её жизнь рабыни. И всё это из-за меня.

Всё теперь стало таким ясным, точно стекло сосуда в моей руке.

Всё, что я делал в прошлом, соединилось со мной настоящим.

Глава 32

Эмель

Саалим покачал головой, посмотрел на меня, а затем снова покачал головой.

— Что случилось? — спросила я. — Ты в порядке?

Он изменился. Изменилось то, как он выглядел, как разговаривал со мной. И то, как он никогда бы на меня не посмотрел.

— Всё вернулось, — заикаясь, произнёс он. — Я увидел всё.

Он склонил голову между коленями.

— Вообще всё? — спросила я в надежде.

Видел ли он нас?

— Да.

Он мельком взглянул на меня и отвернулся, словно увидел что-то мерзкое. Что из нашего прошлого могло быть настолько отвратительным?

И затем я всё поняла, словно мне дали пощечину. Моё прошлое с *мух́ами*, моя жизнь *ахиры*. Он знал об этом тогда, но теперь он увидел всё это с тошнотворной ясностью. Я не подумала об этом, когда дала ему пузырек.

— И меня, — сказала я, не желая опускать головы.

Саалим не посмотрел на меня.

Его неприятие начало распространяться, точно яд. Он увидел наше совместное прошлое, и оно ему было не нужно. Вот и всё. Мое будущее с Саалимом исчезло так же быстро, как появилось. Абсолютная радость, которую я испытывала всего лишь несколько мгновений назад, исчезла как по мановению руки, оставив только боль. Я пошатнулась.

— Вина, — застонал Саалим и начал потирать лоб. — Это невыносимо.

Я проследила за его взглядом. Звезды ярко светили, а луна — острый осколок — была ярче всех них.

— Я теперь точно безумец. У меня есть все эти воспоминания, это понимание, недоступное более никому. О двух жизнях, прожитых отдельно друг от друга.

Он повернулся ко мне.

— Но именно так жила ты всё это время.

— У меня не совсем две жизни, но я привыкла к тому, что у меня есть прошлое, о котором никто не знает.

Я не решалась приблизиться к нему, с ужасом ожидая, что он скажет дальше.

— Это объясняет всё. Все мои мысли, недоумение и необъяснимую уверенность в том, что...

Он посмотрел на свои руки.

— А ещё Нассар... Захара... Омар.

Он с отвращением посмотрел на меня. Я отпрянула от него.

— И Алмулихи.

Он почти зарыдал, произнеся последнее слово.

— А затем ты.

Я задержала дыхание, мою грудь больно сдавило. Я подождала.

— Ты заняла самый короткий отрезок моей жизни джинна.

Он споткнулся на этих словах, поднял золотой браслет, а затем сосуд и посмотрел на них с новым пониманием.

— Но воспоминания о тебе такие яркие, такие настоящие по сравнению с остальными.

Он поставил сосуд на пол.

— Мне надо на воздух. Пожалуйста, пойдём со мной.

Я несмело последовала за ним на балкон. Он не взял мою руку, не взглянул на меня. Он подошёл к краю и опёрся на перила. Не так давно я видела точно такую же картину. Мои внутренности начали пережёвывать сами себя в ожидании объяснений.

Наконец, он сказал:

— Я едва могу смотреть на тебя без того, чтобы не видеть то, что я сделал.

Он сложил руки на груди и уставился на землю перед собой.

— Вся твоя жизнь — все эти страдания — были из-за меня.

Это было неожиданно.

— Я тебя не понимаю.

Он покачал головой в темноте.

— Моя жадность...

— Жадность?

— Что было бы, если бы я позволил жениться на тебе самому первому жениху, который захотел это сделать? Ты давно была бы свободна от Алфаара.

Он оттолкнулся от перил и начал рассказывать взад-вперёд.

— Все эти женихи, годы заточения в том шатре... дикое поведение твоего отца, празднества...

Боль в его голосе почти убедила меня в том, что он был прав, и что моя жизнь была такой ужасной из-за того, что он сделал. Но когда я осмотрелась вокруг, я поняла, что он был не прав.

— Саалим, посмотри на то, что ты мне дал. Море, Мадинаг Алмулихи, весь мир, который был бы мне недоступен. Здесь так красиво, и эта жизнь... это ни с чем нельзя сравнить.

Он фыркнул.

— Ты читал "Литаб Алмак"? — спросила я.

— Конечно.

— Эйкаб просит прощения у Вахира за то, что осушил его водоёмы. Ты помнишь?

— Да.

— Вахир отвечает ему, что без солнца Эйкаба, он бы не создал водоёмы. И если бы Эйкаб их не осушил, Вахир не стал бы делать их глубже и полными жизни. Ты думаешь, что отнял у меня право выбора, не дал мне пойти по очевидному пути моей жизни. Но ты этого не делал. Ты дал мне право выбора, Саалим. Та девушка, что раз за разом пыталась сбежать из дворца... Она искала путь, который могла бы выбрать сама. Ей отчаянно хотелось выстроить такую жизнь, которую она могла контролировать. Отваживая от меня женихов, ты освободил меня из-под гнёта отца. Если бы я не хотела тебя, я могла бы тебя прогнать, пока была в заточении. Ты ведь теперь это помнишь?

— Помню.

Он взглянул на мою спину, а затем снова перевёл взгляд на город внизу.

Было так странно, что у нас снова были общие воспоминания. Воспоминания о той жизни. Я взяла его за руку и сжала её. Я больше не ходила на цыпочках вокруг прошлого, о котором не знал никто кроме меня.

— Знаешь, когда я спросил тебя о шрамах, я получил самый странный ответ, — сказал Саалим.

Я вспомнила о том вечере на балконе. У меня кружилась голова из-за того, как высоко я находилась над землёй, и так же, как и сейчас, я была потрясена разницей между Мадинагом Алмулихи и моим домом, ошарашена тем, что Саалим был изолирован от тех воспоминаний. Мужчина, которого я любила, стоял передо мной и спрашивал меня о ранах, которые заживил своими собственными руками.

— Тогда ты сказала, что *он* того стоил.

Мы замолчали, глядя друг на друга.

— Ты того стоил, — сказала я, наконец. — И неважно, что ты чувствуешь по поводу того, что сделал, — я взяла его за руку. — Ты того стоил.

Он не высвободил руку.

Повернувшись к нему, я выставила наши руки вперёд.

— Это, — сказала я. — Того стоило. Поэтому хватит себя винить, Саалим.

Он резко поднял голову. Зажал мою руку между своими ладонями и коснулся губами костяшек моих пальцев.

— Ты сейчас ужасно близка к краю, — сказал он.

Он приподнял брови и ухмыльнулся. Его тон изменился. Он был почти счастливым.

— Я тебе доверяю, — сказала я, хотя и отступила от перил, что не укрылось от взгляда Саалима.

— Не думаю.

А затем лёгким движением он обхватил меня руками за талию, и мои ноги оторвались от земли. Я вскрикнула. А он побежал в спальню и бросил меня на кровать.

Это был тот Саалим, по которому я так скучала. Он был беззаботен, он улыбался, играл и смеялся. Просияв, я сказала:

— Значит, ты не передумал?

Он наклонился вперед.

— Я давно уже принял это решение; только я ещё видел всё с такой же ясностью.

Забравшись на меня, он сказал:

— Боги, как же я хотел, чтобы ты оказалась в моей постели. С тех пор, как увидел тебя в этой жизни и в прошлой.

Обхватив руками его шею, я притянула его к себе. Никаких больше разговоров, никаких воспоминаний. Я хотела получить его так, как это было раньше. Как я всегда мечтала: свободно, без всяких секретов.

Наши губы встретились в неистовом желании. Он опустил на меня и прижал к мягкой кровати так, как он когда-то прижимал меня к мягкому песку. Всё казалось нереальным, и мне тут же захотелось остановить время, чтобы ухватиться за каждую деталь, вцепиться в каждое мгновение и поспешить получить всё, чего я хотела.

— Ванна... Мариам приготовила... — прошептала я, когда он поцеловал меня в висок, в щеку, в шею. — В прошлый раз мы не... Но вероятно... это необязательно...

Он тихонько засмеялся мне в шею, вдыхая мой запах. Проведя губами по моей коже, он сказал:

— Ванна — это прекрасно.

Он стянул через голову тунику и повёл меня в ванную. Каждый вечер Мариам наполняла огромный резервуар тёплой водой, и я нежилась там каждую ночь, утопая в роскоши. Вода была до невозможности теплой, небольшой огонь под ванной совсем недавно догорел. Пар поднимался с поверхности воды, сдуваемый порывами прохладного ветра. Камень под ногами был холодным, поэтому я ступила на большую шкуру, разложенную рядом с ванной.

— Это не похоже на водоём в оазисе, — сказал Саалим, словно был разочарован.

— У тебя высокие требования.

Я опустила пальцы в теплую воду, гадая, какой именно водоём в оазисе он вспомнил.

Неожиданно Саалим опустил руки на мою талию, после чего стянул с меня платье.

Он пристально поглядел на шрамы на моей спине с новым пониманием.

— Ты хотела бы, чтобы они исчезли? — спросил он.

— Мне ничего не нужно, — сказала я, повернувшись к нему.

Его взгляд опустился на мою грудь и на золотую отметину на коже.

— Теперь, когда я знаю, где искать, я её вижу, — сказал он тихо. — Она всё такая же яркая.

— Думаю, она будет такой всегда.

Мы легли в ванну.

Саалим прижал меня к себе, и я прильнула к нему. Ничего не говоря, он обхватил меня руками. Я положила голову ему на грудь и услышала стук его сердца, которое барабанило точно табла⁵. Его тело было напряжено, руки крепко сжимали меня, словно он боялся, что это мгновение скоро пройдёт.

Снаружи слышался лишь шум моря, а в комнате трещали поленья в очаге и раздавался плеск воды, которая лизала края ванной.

— Я надеюсь, — сказал Саалим, и его голос завибрировал во всём моём теле, — Что это тоже навсегда.

Я повернула к нему лицо. Его глаза сделались нежными от удовольствия. Они были приглушённого золотистого цвета, как у обычного человека.

Наши губы снова встретились, и мы врезались друг в друга, как врезаются волны в берег. Наши конечности переплелись, как и наши жизни.

Дом. Наконец-то, мы были дома.

***

— Где ты была прошлой ночью, когда я пришёл к тебе? — спросил Саалим на следующее утро.

Солнце едва встало, и Саалим встал вместе с ним. Я могла бы рассердиться, что он разбудил и меня тоже, но его губы на моей коже прогнали раздражение, точно песок, который высыпали на пламя.

Огонь давно потух, и в помещении было холодно. Я натянула одеяло до самого подбородка и прижалась к Саалиму.

— Я ходила повидать Захару.

Он застыл.

— В тюрьме? Зачем?

Он отпрянул и тут же сделался подозрительным.

— Мне надо было понять.

— И теперь ты понимаешь?

Я кивнула. Я не знала, как рассказать ему о том, что я узнала в ходе своего разговора со знахаркой, но он "притащил" её в нашу постель, и теперь мне казалось, что я должна рассказать ему всё.

— Ты знаешь, кто она такая?

— Захара?

Он посмотрел вверх меня на серый рассвет и чайки, которые ныряли вниз на причалы, усеянные рыбой.

Мой рот никак не мог выговорить правильные слова. Наконец, я сказала:

— Твоя родная мать была её сестрой.

Саалим метнул взгляд в мою сторону.

— Этого не может быть.

Я рассказала ему всё. Его руки на моём теле превратились в камни.

— Всё это кажется мне очень печальным, — сказала я после долгой тишины. — Неужели кто-то может ненавидеть себя так сильно, что готов уничтожить каждого в своём окружении. Сабра была такой. Сначала я ненавидела её за это. Но теперь, когда она мертва, я понимаю, что всё, что я презирала в ней, она презирала в себе ещё больше.

— Жаль, что я не могу сказать того же о Касыме, — Саалим сжал моё бедро. — Но это не имеет значения. Как и Касым с Захарой.

— Как быстро прошёл твой гнев, — сказала я.

Он кивнул.

— Захара не понимает, что, если бы она оставила меня править в отсутствие отца, я бы уничтожил Алмулихи своими собственными руками. Сделав меня джинном, она многому меня научила: боли, которую испытывает раб; тому, как мыслит тиран; и тому, насколько распространена слабость.

Он посмотрел на меня.

— Я стану хорошим правителем после всего того времени, что я провёл в качестве джинна. Я стану хорошим правителем вместе с тобой.

Я погладила его запястье пальцами и вспомнила о том, каким тёплым был браслет, надетый когда-то на него.

Наконец, Саалим спросил:

— Что будем делать с Захарой?

— Если Эдала оказалась права, то Захара теперь единственная, кто связывает нас с Мазирой. Думаю, что у Захары не осталось выбора. Магия не доводит до добра.

— Я согласен. Её надо уничтожить.

Я рассказала ему о своём плане.

— Я поговорю с Нассаром, и мы всё уладим.

Прижавшись губами к моему лбу, он встал с кровати, оделся и заставил меня пообещать ему, что я найду его в обед.

— Я расскажу ему о нас.

Мотыльки замахали крыльями. "О нас".

***

Несмотря на то, что город не изменился, он казался теперь другим. Я шла по улицам и точно в первый раз смотрела на людей, дома, магазины. Скоро я буду заботиться о них так же, как Саалим. Скоро я стану их королевой.

Но пока я наслаждалась анонимностью и свободой.

Байтахира чудесным образом сохранилась после пожара, который устроил Касым, и наводнения, учинённого Эдалой. Не считая копоти, которую оставило пламя, и пары куч промокшей мебели, байтахира выглядела как прежде. Эдала многое починила перед смертью.

Джальса тадхат выглядел точно так, как я и предполагала: тихим и безлюдным. Когда я распахнула дверь, я была удивлена, увидев, что центральное помещение было подметено, а вместо песка, костра и подушек появился стол со стульями. Многие из тех, кто сидели за столом, повернулись в мою сторону.

Одхам отодвинулся от стола и подошёл ко мне.

— Мы закрыты.

Он как будто не узнал меня, и я была этому рада.

— Я ищу Фироза.

Одхам отошёл в сторону и указал себе за спину.

— Эмель, — произнёс человек, которого я едва узнала, вставший из-за стола.

— Фироз?

Я не могла в это поверить. Его волосы были покрыты тюрбаном, лицо умыто, борода подстрижена. Он выглядел отдохнувшим и, судя по голосу, был трезв. Это был не тот Фироз, окутанный туманом магии и алкоголя, которого я не так давно видела на улице.

— Что же это такое? — я подергала его за мягкую тунику. — Твоей матери совершенно не на что жаловаться!

Его взгляд смягчился, и он рассмеялся. Извинившись перед присутствующими, он повёл меня наверх. Но не к себе в комнату, как я ожидала. Он повёл меня на крышу.

— Ты уже была здесь? — сказал он удивлённо.

Когда я рассказала ему о том, как Рашид приводил меня сюда, он признался мне, что не помнил этого.

— После того арваха, — сказал он, — всё изменилось. Мы пытались достигнуть большего. Это ведь хорошие деньги. Но...

Он взмахнул пальцами в воздухе.

— Духи не появлялись. Никто из нас не мог понять, почему? То ли потому, что мы все чувствовали себя немного странно, то ли, потому что что-то изменилось.

У нас над головами начали рьяно кружить три чайки, думая, что у нас может быть для них еда. Интересно, почему затих джалъса тадхат? Из-за потери джинна или *си'лы*?

— Я понял, что ты была права, — сказал Фироз.

Я накрутила прядь волос на палец, стараясь не злорадствовать. Ведь он извинился передо мной, как я того и хотела.

Он положил ладонь на моё колено. Я уже было собиралась накрыть его руку своей, но испуганно посмотрела на неё.

— Фироз! Что произошло?

Бледные и блестящие ожоги покрывали его руки и исчезали под рукавом.

— Пожар?

Саалим рассказал мне о том, что он пострадал.

— Я подслушал планы даркафов поджечь дворец в ночь на Фальса Мок. Это должно было выглядеть, как случайный пожар в доме знахарки, — продолжил он. — Я начал волноваться за тебя.

Фироз рассказал мне о том, как пошёл во дворец, приготовившись умолять солдата покараулить дом знахарки, но оказалось, что дворец совсем не охранялся.

— Я сразу же вошёл внутрь.

Конечно же, это магия Касыма заставила стражников исчезнуть.

— Саалим рассказал мне, что ты спас мне жизнь, — я взяла его руку, покрытую шрамами, и прижалась к нему. — Я не знала, что ты так сильно пострадал.

— Король?

Я кивнула.

— Я был тебе должен. Особенно после того, как я с тобой поступил...

Смутившись, он повёл плечами, чем заставил меня оторваться от него.

— Между вами что-то есть? Он выглядел очень обеспокоенным.

Наконец-то я могла больше не врать.

— Мы с ним поженимся.

— Эмель? — ахнул Фироз.

На его лице было написано такое удивление, что я почти обиделась.

— Ты, королева?

Но затем он успокоился и как будто начал это обдумывать.

— Ты должна ей стать. Ты всегда умела сотворить что-то из ничего, найти соль в песке.

Мои щёки потеплели.

— Как и ты, Фироз. Ты только посмотри, что ты приобрёл.

Я не стала уточнять, так как не была уверена в том, что он приобрёл. Я посмотрела на то, как встаёт солнце за низкими облаками, а небо голубеет с каждым дуновением ветра.

Он покачал головой.

— Когда-то я думал, что мне необходимо оставить семью, вырваться из поселения, но я был не прав.

Я оторвала взгляд от мужчины, который подметал землю перед магазином. Это был тот же самый мужчина, который даже не обратил внимания на Фироза, лежащего на улице без сознания.

— Я приехал сюда и попробовал всё, чего желал. Но мы с Рашидом поняли, что то, что мы приобрели — вся эта свобода, вся эта блажь и богатство города — не стоили того, что мы потеряли, оставив друзей и семьи. И теперь, когда Соляной король мёртв... — он съёжился, произнеся это. — Прости...

— Всё в порядке, — сказала я. — Он заслужил свою участь.

— Теперь, когда в поселении новый правитель, я начал задумываться о том, что там я буду счастливее.

— Что ты пытаешься сказать?

— Как только я достану денег, я собираюсь вернуться домой.

Его признание не причинило мне боли, как я ожидала.

— Вот почему...

Он указал на свою одежду и тюрбан, после чего кивнул.

— Я скучаю по маме, братьям и сёстрам. Я хочу вернуться к ним и стать тем братом, которым они будут гордиться. Я потерял себя во всём этом, и мне это не нравится.

— Вернёшься на рынок?

Он улыбнулся и кивнул.

— Рашид тоже поедет?

— Да.

— Тогда я рада.

Его плечи опустились.

— Какое облегчение.

— Ты ведь не уедешь, не попрощавшись?

— Обещаю.

Я взяла его руку в свою, наши пальцы переплелись. А затем я положила голову ему на плечо, и, сидя так, мы наблюдали за тем, как утро превращается в день.

— Королева Эмель, — прошептал Фироз. — Надеюсь, Саалим знает, как хорошо тебя обучили ублажать мухамы. У него нет ни единого шанса.

Громко рассмеявшись, я призналась, что Саалим имеет об этом некоторое

представление.

— Скажи мне одну вещь, — попросил Фироз, понизив голос, и я в ожидании посмотрела на него. — У него длинный змей?

С дикой улыбкой на лице я чуть не столкнула его с крыши.

***

Тави не могла перестать обнимать меня. Точнее она прерывалась, чтобы вытереть лицо, но затем снова хватала меня и сквозь рыдания бормотала о том, как она рада меня видеть.

— Не могу поверить в то, что моя сестра станет королевой!

Она обхватила руками моё лицо и начала ласкать мои щёки большими пальцами, как это делала наша мать.

— Ты сможешь переехать во дворец! — воодушевленно сказала я, представив будущее, в котором мы крали с кухни куски хлеба и передавали их друг другу под столом на званых обедах.

Я представила вечера перед камином в гостевой башне — в башне Тави — и как мы рассказываем друг другу истории из своей прошлой жизни, одну невероятнее другой.

— Ты можешь себе представить, что когда-то мы мылись раз или два за луну?

Я представила, как мы с ней живём во дворце из камня, свободные, точно птицы. Это было почти так же здорово, как свадьба с Саалимом.

Но радость Тави пропала так же, как если бы туча закрыла солнце.

— О, — только и сказала она.

— Ты не хочешь переезжать? Не хочешь жить во дворце?

Меня это задело. Я знала, что её удовлетворяла жизнь с Саирой, но она ведь не собиралась жить с ней вечно?

Тави покачала головой.

— Дело не в этом. Просто...

Она посмотрела на проплывающую мимо лодку, и когда разглядела, кто в ней находился, помахала рукой.

— Думаю, когда-нибудь я буду жить с Якубом. И выйду за него замуж.

— Но ты едва его знаешь!

Это был жалкий аргумент, но мысль о том, что она могла выйти за того, кого я не знала, пугала меня.

— Я знаю его столько же, сколько ты знаешь короля, — ответила она.

Я прикусила язык и посмотрела вниз на наши ноги в сандалиях, которые болтались над каналом, точно у двух ребятишек. Я не могла плохо относиться к Якубу из-за того, что она не хотела жить со мной во дворце. Из-за того, что она выбрала его, а не свою семью.

Ведь я поступила точно так же.

Наконец я спросила:

— Когда?

Тави болтнула ногой в воздухе.

— Не знаю, но Саира пытается выпытать у меня, как я отношусь к Якубу и что я думаю об этой части города, — смахнув небольшой листик в воду, она сказала: — Думаю, он собирается сделать мне предложение, а Саира и Йозеф единственные, у кого он может попросить благословения, так как...

— У нас нет ни матери, ни отца.

— Верно. Йозеф любит его. А Саира выглядит счастливее, чем когда-либо.

Я встала и сказала:

— Идём, покажешь мне, где он живёт. Я, может быть, и не твоя мать, но я твоя сестра и хочу сама оценить его дом.

Тави цокнула языком, как это делала Хадийя, и повела меня вдоль канала в сторону его дома. Был уже полдень, и стало тепло. Скоро мне надо было возвращаться к Саалиму. Эта мысль воодушевляла меня, и мне стало проще согласиться на такое счастье для Тави. Возвращаться домой.

— Но ты сможешь водить меня во дворец так часто, как захочешь, — сказала Тави, пока мы шли.

— Ой, неужели?

Я приподняла брови и скрестила руки.

Она утвердительно хмыкнула и пояснила:

— Я слышала, что во время обедов еду там складывают в огромные кучи выше моего роста. Судя по тому, как ты выглядишь, всё это правда.

Она ущипнула меня за живот, а я захихикала и оттолкнула её.

— Да будет тебе известно, эти кучи еды намного выше.

— Хвала сынам!

Неожиданно она стала серьёзной.

— Ты ведь будешь приглашать меня на обеды?

Она жестом указала на себя, а затем на меня, словно я могла отказать своей сестре.

— Я знала, что ты любишь меня только из-за еды.

Она перекинула косу через плечо и пошла прочь, заставив меня пойти за ней следом.

Мы прокрались в дом Якуба, радостно хихикая и стараясь не шуметь.

— Он не должен узнать, что я догадываюсь! — прошипела она, и мы прыснули от смеха ещё громче.

После этого мы попрощались, и я поплыла по реке радости обратно во дворец.

Глава 33

Саалим

— Это будет плохо воспринято, ведь не так давно ты был с Еленой, — сказал Нассар. — Они потребуют объяснения.

Несмотря на своё раздражение, даже он понимал, что не мог спорить со мной на этот счёт. Я хотел именно Эмель, и я был королём.

Эмель ковыряла рыбу, не сводя глаз со своей тарелки. Этот разговор определённо был для неё неудобен, но, если она собиралась стать королевой, ей бы пришлось столкнуться с гораздо худшими ситуациями. Она знала, чего ожидать, встретившись со мной здесь.

— Главное, на чьей стороне сила, — сказала она, поднимая взгляд на Нассара. — Ты спрашивал людей, кого они больше боятся? Жителей севера или солеискателей с юга?

Нассар сжал губы, скрытые бородой. Эмель откинулась на спинку стула, словно заскучала. Вероятно, я ошибся на её счёт. Она вела себя довольно непринужденно за этим

столом.

— Мне следует пояснить: кого они воспринимают как угрозу? — добавила Эмель.

Она кивнула на Кофи, который сидел в конце стола с отсутствующим взглядом. Сколько я его помнил, он ненавидел рождённых в пустыне.

Нассар покачал головой и повернулся к Азиму. Неожиданно мне стало не хватать Амира, упокой Мазира его душу. Он заставил бы нас рассмеяться или обрисовал бы для нас возможные варианты, которые помогли бы избежать переполоха среди людей.

Пока те двое обсуждали что-то, склонив головы, я нагнулся к Эмель.

— Каково это для тебя? — прошептал я, кивнув в сторону Нассара. — Я вижу то преданного советника, то льстивого визиря твоего отца.

— Я к этому привыкла, — сказала она мне на ухо. — Но не оставляй меня с ним наедине, — ответила она, взглянув на него. — Есть вероятность, что я всё ему выскажу.

— Вообще-то я против того, чтобы ты оставалась наедине с кем-либо из мужчин. Если только у тебя нет при себе кинжала.

Уголок её губ приподнялся, как и её бровь.

— Саалим, тебе незачем обо мне беспокоиться.

Она медленно провела пальцем по моему бедру, и всё вокруг начало исчезать.

Боги.

Я убрал её руку от своего...

— Саалим, — повторил Нассар.

— Я слушаю, — сказал я, закинув ногу на колено и наклонившись вперёд.

По сравнению со мной Эмель была самым воплощением. Азим и Нассар взглянули друг на друга.

— Свадьба состоится через семь дней. У нас есть время, чтобы пустить о ней слух. А потом мы отправимся в путешествие. И в этом турне можно будет представить новую королеву, — сказал Нассар.

Он вздохнул. Думаю, он хотел отправиться в путешествие с караваном ещё меньше, чем я.

— Эмель? — спросил я.

Она кивнула.

— Это подходит.

В конце нашего обеда периоды тишины сменялись обсуждениями. Нассар и Азим предлагали разные варианты для предстоящей церемонии и последующего путешествия. Иногда я поднимал взгляд на Эмель и видел, что она смотрит на меня. Тогда я протягивал руку и касался ею её запястья или плеча. Всё изменилось, и всё было в порядке, потому что она была здесь со мной.

***

По просьбе Эмель церемония была скромной, и я согласился. По многим причинам было опрометчиво устраивать большое празднество после того, что наделал Касым. А ещё оставалась Захара, напоминавшее ядовитое растение, засевшее в земле. Мы должны были выдернуть его с корнем, а потом, по возвращению из путешествия, мы могли бы проехать по городу и отпраздновать появление новой королевы. А пока нам был далеко до мира.

Нас обвенчали в храме Вахира. Мы стояли бок о бок в водоёме по щиколотки в воде.

Люди прослышали о свадьбе и собрались вокруг храма, стараясь заглянуть внутрь меж колонн. Но я задумался о них лишь на мгновение, потому что с каждым вздохом Эмель, с каждым её прикосновением к шёлковому платью, я снова обращал всё своё внимание на неё. Ни один сияющий меч, ни солнце, поднимавшееся над морем, ни корабль с надутыми парусами не мог сравниться с её красотой. Голубые и розовые ткани каскадом ниспадали с её плеч и закручивались в водоворот вокруг нас.

А увидев корону своей матери на голове Эмель, я почувствовал невероятную гордость. Моя мать была бы рада, увидев свою последовательницу.

Видишь, отец? Иногда мы ошибаемся. Погляди на эту прекрасную королеву.

Когда священнослужитель попросил нас встать на колени, когда он коснулся наших лбов подушечками своих пальцев и объявил нас мужем и женой по воле Вахира, Эмель улыбнулась так радостно, что мне пришлось отвести взгляд. Но когда я закрыл глаза, я всё так же видел её улыбку, похожую на пламя.

Мою грудь сдавило от крика, который я подавил. Даже моё горло заболело. А она, словно почувствовав мои мучения, сжала мою руку. Крепко обхватив её руку, я поднес её к своим губам и начал вдыхать запах Эмель.

— Это слёзы? — прошептала Эмель, когда нас попросили встать лицом друг к другу и объявили, что мы стали мужем и женой по воле Вахира.

Я моргнул, не в силах вымолвить ни слова, так как боялся расплакаться. Я улыбнулся и покачал головой.

— Глупый джинн в той истории. Он только и делал, что таскался за ахирой. Это так жалко, не правда ли?

Её глаза заблестели, а затем она прижалась своими губами к моим губам.

Боги, неужели я заслужил эту судьбу?

Эмель в моих руках, в Алмулихи.

Когда-то рабы с неопределённым и безрадостным будущим, теперь мы были свободны и женаты по любви.

Я почувствовал слёзы на своих губах, но не знал, были ли это её слезы или мои.

***

В последний раз мы отправились в пустыню, и я надеялся, что на этот раз — надолго. Наш караван был более внушительным. Мы взяли почти в три раза больше стражников, чем ходили со мной в наше прошлое путешествие. Казалось, это было так давно, но ведь прошла едва ли одна луна.

На этот раз с нами поехала Захара.

— Не так я представлял себе первые ночи после нашей свадьбы, — сказал я Эмель, когда мы сворачивали вещи, готовясь к очередному вечернему походу.

Она выглядела уставшей, и хотя я знал, что она сильнее других хотела поехать в это путешествие, я бы предпочёл, чтобы она осталась дома. Я не хотел, чтобы она выходила за пределы города чаще, чем это было нужно — существовала угроза номадов, болезней. И чем дальше мы удалялись от Алмулихи, тем сильнее я боялся свернуть не туда.

Но пока путешествие шло нам на пользу. Людям нравилась Эмель, и я знал, что так и будет. Им нравилось, что подле меня теперь находится кто-то, похожий на них. Хаяли были вне себя от радости — учитывая, что в присутствии кого-то вроде меня они не особенно

проявляли радость. Лика отпустила нас, подарив нам верблюда, нагруженного подарками.

— Последнее время я так часто с вами вижусь. Может быть, нам стоит сделать из этого традицию? Мне нравится эта королева, — сказала она и улыбнулась мне понимающей улыбкой, когда её раб передал мне поводья верблюда.

— Но разве "Литаб" не учит, что расстояние питает любовь? — сказал я.

Она махнула рукой в мою сторону и пробормотала что-то насчёт дураков и "Литаба".

— Нам не нужна книга, которая учит нас жизни.

Когда мы распрощались, девочка Дайя бросилась к Эмель, сжала её руку и начала уговаривать взять её с собой. Эмель встала на колени и объяснила, почему мы не можем этого сделать, но Дайя так далеко ушла за нами, что мне пришлось отправить одного из своих людей, чтобы тот сопровождал — точнее отнёс — её домой, и чтобы она не потерялась, так как ночь быстро приближалась.

Захара ездила вместе с нами по поселениям, но оставалась за их пределами вместе с тремя стражниками. Люди, которые собирались на окраинах городов, чтобы посмотреть на наш караван, с любопытством наблюдали за ней. На первой остановке она почти заставила одного из людей подойти ближе, и Тамам чуть не убил её на месте.

Больше я не просил его охранять её.

Захара была крепко связана цепями, ключ от которых был только у меня. И даже когда мы не посещали поселения, её всё время окружали стражники, а она сама находилась как можно дальше от меня. Я не хотел ни видеть, ни слышать её, так как боялся повести себя так же, как Тамам.

Эмель настояла на том, чтобы Захара сама выбрала свой конец, но в результате своего выбора она неизменно должна была умереть. Эмель сказала, что если мы убьём её быстро, то это будет слишком милосердно для человека, который стал причиной таких разрушений. И когда Эмель сказала, что это должно произойти в песках, я согласился с ней. Но мы не могли доверить это задание кому-то ещё. Знахарка-манипуляторша, которая знала, как превратить человека в джинна, могла стать настоящей искусительницей, и поэтому её нельзя было доверить кому бы то ни было.

Наше путешествие продолжалось. Несколько человек, присоединившихся к нашему каравану, начали покидать нас, когда мы доходили до нужных им поселений. К нам присоединились даже друзья Эмель и они должны были покинуть нас самыми последними. Это было похоже на песочные часы. Количество людей все уменьшалось, отмеряя ход времени нашего путешествия. Каждый последующий день казался теперь длиннее предыдущего, но на этот раз не потому, что мне не терпелось вернуться домой и защитить город. Мне не терпелось вернуться домой вместе с Эмель и показать моему народу их королеву.

***

Под покровом ночи я нашёл Тамама.

— Что тебе нужно? — спросил он.

— Я хочу ехать рядом со своим лучшим солдатом. Хочу знать, как у него дела.

Эмель рассказала мне в деталях о его расставании с Эдалой, и если бы она этого не сделала, я никогда бы не осознал глубину его горя. Он был всё таким же: тихим, преданным, одиноким. Его лицо, то, как он держал плечи и как выполнял свою работу — всё это

осталось неизменным. Какие ещё секреты он скрывал?

Седло верблюда задребезжало в тишине.

— Я бы ушёл из армии ради неё, — сказал, наконец, Тамам.

Тамам отказался бы от своей должности ради Эдалы?

— Ты бы остановил свою руку, — сказал я, повторив его слова, сказанные мне когда-то давно.

Он мельком взглянул на меня.

— Я бы покинул Алмулихи, если бы она попросила.

Луна отбрасывала так мало света, что только лишь звёзды позволяли отличить песок от неба.

— Она даже не стала тебя слушать, верно?

— Она сказала, что не сможет жить, зная, что во всём этом была её вина. Она словно заставила меня это сделать. А я так ничего ей и не предложил, словно сам этого захотел.

Я почувствовал, как он сжал в кулак поводья своего верблюда.

— Я сделал это ради неё, оно того стоило.

— Ты не можешь нести на своих плечах эту вину. Ты сам знаешь, что Эдала была упрямой. Тебе придётся жить с её решением, так что она оставила тебе гораздо более тяжкое бремя.

Притянув Фаразу поближе к нему, я понизил голос:

— Скажи мне, чего ты сейчас хочешь?

Может быть, он хотел оставить службу и пойти работать в оранжереи, чтобы выращивать цветы для Фальса Мока? А, может быть, он хотел стать моряком и отправиться в плавание на быстроходном корабле? Что бы это ни было, я готов был удовлетворить его желание. Он этого заслуживал.

— Я часто думал об этом с тех пор, как...

Он отвернул от меня своё лицо.

"Тамам", — подумал я, — "здесь слишком темно, чтобы я мог разглядеть твои слёзы".

— Мне нужна только Эдала.

***

Я увидел Эмель, склонившуюся над картой вместе с Кофи и Парвазом. Они обсуждали жителей следующего поселения, и я подумал о том, что было ошибкой оставлять Нассара в Алмулихи. Я нашёл его в птичнике за день до нашего отъезда.

— Что ты делаешь? — спросил его я.

— Кормлю их в последний раз. Харис не балует их так же, как я.

Он любил этих птиц.

— Из-за тебя Аниса совсем обленилась.

Я указал на свою орлицу. Её золотые глаза сверкнули, когда она взглянула на меня, после чего снова перевела взгляд на тушку в руке Нассара.

Он бросил её Анисе с извиняющимся видом.

— Я хочу, чтобы ты остался здесь, когда мы отправимся в путь.

Он опустил руку и пристально посмотрел на меня снизу вверх недовольным взглядом. Нассар компенсировал свой небольшой рост дерзостью.

— Нет.

— Я настаиваю.

— Что я такое сделал?

Он стянул с руки кожаную перчатку и сердито повесил её на ближайший к нему крючок, забыв про птиц.

— Ничего такого, — неуверенно сказал я. — Путешествие будет долгим, а ты столько раз уже проделывал этот путь.

— Столько же, сколько и ты, — сказал он.

Это было не так, но, конечно же, я не мог ему этого объяснить.

— Я не могу потерять тебя в этом путешествии. Тебе ещё столько же нужно меня научить.

Он посмотрел куда-то мимо меня и кивнул.

— Остайся дома на этот раз. Экрам постоянно твердит о том, что солдату не место на пристани. Нам не надо, чтобы они ругались с Азимом.

И хотя я не думал, что это будет возможно после всего того количества выпитого, Нассар улыбнулся. Он соединил пальцы рук и сказал:

— А насчёт Эмель. Когда она сказала, что я... передал её отцу хлыст... я...

— Тебе не за что извиняться. По крайней мере, не за то прошлое, которое ты не помнишь. Ты был мне очень верен, Нассар.

Я вспомнил о тех годах, которые он провёл с Соляным королём. То, как он попирает все свои принципы, поддерживая Алфаара, и о той жизни, что он вёл, искренне пытаясь найти меня и возродить свой дом. Несмотря на то, что он ничего из этого не помнил, в той реальности я увидел всю глубину его преданности.

— Спасибо, Саалим.

Я хлопнул его по плечу.

— Ты хотел сказать, Король Саалим?

Теперь улыбнулся уже я, вспомнив, как он был тогда рад, и какое испытал облегчение.

Пока я думал обо всём этом в пустыне, я заметил, что Эмель наблюдает за мной.

— Что-то смешное?

Я покачал головой и отогнал от себя мысли о доме и Нассаре.

— Откуда у тебя эта карта? От Амира? — спросил я.

В её глазах отразилась печаль, как и в моих, но она уверила меня, что это была не его карта. Эмель отнесла свою карту Кахине в качестве подарка перед нашим отъездом. Она сказала, что владелица байтахеры была счастлива узнать о том, какую надежду давала Эмель эта карта. Более того, она обрадовалась, увидев то, как заполнила её Эмель, опираясь на свои представления о пустыне. В ответ Кахина отдала Эмель полную карту, по которой мы сейчас шли.

Парваз встал.

— Мы оставим пленницу на рассвете.

Я посмотрел на Эмель, ища подтверждения его словам. Она кивнула.

Когда месяц встал высоко в небе, я подошёл вместе с Эмель к Захаре. Кофи стоял неподалеку, готовый при случае вмешаться. Её ноги были крепко связаны, поэтому она пока не могла никуда убежать. Но даже если бы мы её развязали, Кофи бы не понадобился. Здесь не было ничего, что могла бы использовать Захара. Здесь не было ничего для её выживания.

— Значит, вы планируете оставить меня здесь, как какое-нибудь животное? — сказала она.

Её голос прозвучал хрипло, я даже забыл, когда она разговаривала в последний раз. Мы путешествовали уже довольно продолжительное время. Захара осмотрелась. Луна была уже достаточно яркой и освещала абсолютно голый песок, растянувшийся во всех направлениях.

Эмель вышла вперёд.

— Не как животное, потому что животное, хотя бы, может адаптироваться. Тебя оставят здесь, как пленницу. Только без цепей и заборов. Ты вольна делать, что пожелаешь.

Захару не впечатлила наша щедрость.

— Я умру здесь, — её голос задрожал.

— Это так, — сказала Эмель. — Но ты можешь сама решить, насколько быстро.

Знахарка приподняла бровь, а затем смахнула волосы со лба и аккуратно натянула платок на глаза. Что она такое делала? Это точно не было выражением грусти или раскаяния. Не думаю, что она была способна на эти чувства.

Эмель достала из своего мешка небольшой пузырёк. Он мало чем отличался от того пузырька, что дала мне Эдала.

— Это единственный напиток, что мы тебе оставим. Если ты, конечно, решишь его выпить, — сказала Эмель, протягивая ей пузырёк. — Он отведёт тебя к Мазире — если та, конечно, согласится тебя принять — гораздо быстрее.

Захара откупорила пузырёк и понюхала его. А затем издала хриплый и невесёлый смешок.

— О, детка, в тебе было столько потенциала!

Выражение лица Эмель не изменилось. Я перевёл взгляд с Захары на неё. Интересно что передала Эмель Захаре?

И, словно прочитав мои мысли, Захара повернулась ко мне и показала мне пузырёк.

— Это *дохита*. Он должна была убить твоего отца.

Я застыл на месте и нащупал рукой рукоять меча. Мне хотелось покончить с ней.

— Если бы твой брат не был таким глупым и дал ему этот тоник за раз, как я его учила, так бы и произошло!

Она отвернулась и начала семенить на песке по кругу.

— И он должен был убить тебя! Я думала, что те идиоты хоть раз сделают всё как надо и подмешают тоник тебе в воду. Но знаешь, сначала они отказались тебя убивать. Они были слабыми. Но я убедила их.

Она поднесла пузырёк к моему лицу.

— Но затем я узнала о том, что ты разбил тот чёртов кувшин, в котором была *дохита*!

В тот день, когда я обнаружил у себя в комнате даркафов, они отравили мою воду?

Захара продолжала свои откровения:

— Именно поэтому не стоило доверять это дело другим людям! Надо было делать всё самой... по крайней мере, так всё было бы сделано правильно.

Всё это время моё сердце стучало так громко, что отдавалось в кончиках пальцев. Я был готов убить её. На месте.

Эмель слегка наклонилась ко мне.

— Захара, ты не получишь лёгкую смерть, подначивая Саалима.

Знахарка и Эмель уставились на тени в глазах друг друга. Интересно, что они в них видели?

— Ты закончишь свои дни в пустыне. Это достойная смерть, разве ты не согласна?

Захара плюнула на ноги Эмель, и я не смог сдержать свою ярость. Я с силой толкнул

Захару, и она упала на песок.

— Монстр! — прохрипела Захара.

— Дура! — закричала на неё Эмель. — Растратить то небольшое количество жидкости, что у тебя осталось, из-за злости? Ты не боец.

Неожиданно Эмель встала на колени и к моему неудовольствию наклонилась к Захаре. Кофи подошёл ближе, готовый защитить свою королеву наравне со мной.

— Думаешь, ты сильная, потому что можешь забирать чужие подарки, забирать магию, — Эмель взмахнула рукой, — и использовать их для решения собственных проблем? Нет, Захара, ты слабая, потому что полагаешься на других.

— А вот я сильная, — продолжала Эмель. — Потому что я вижу твою магию и говорю, что она мне не нужна. Мне достаточно себя самой.

Эмель встала.

— Ты как-то сказала мне, что комфорт и власть рождаются из богатства. Ты была не права. Они рождаются из страданий. А чему научила меня пустыня, так это тому, как надо преодолевать трудности.

Эмель жестом приказала мне развязать её путы.

— Я солеискательница, — гордо сказала Эмель, снова взглянув на Захару. — А ты ничто.

Мы оставили Захару в компании одного лишь хатифа⁶. Мне стало не по себе. Что если на неё наткнётся какой-нибудь путешественник? Что если она найдёт оазис, о котором мы не знали? Судя по карте, до ближайшего источника воды был целый день пути, но только в том случае, если бы она пошла в нужном направлении. Без воды это казалось почти нереальными, но мне не хотелось предоставлять ей и такого шанса.

Но Эмель настояла на том, что смерть должна стать её собственным выбором.

Мое беспокойство исчезало по мере того, как мы уходили всё дальше от знахарки.

И когда снова наступили сумерки, а день ещё даже не подошёл к концу, мы почувствовали нечто.

Мы сидели на циновках, отдыхая под лучами заходящего солнца. Вокруг не было деревьев, в тени которых мы могли бы расположиться, поэтому в тот день ни один из нас не смог хорошо отдохнуть, несмотря на навесы.

Я почувствовал себя так, словно меня уронили, мои кишки подступили к горлу, а самого меня отрезали от чего-то, находящегося высоко в небе, и только теперь я начал твёрдо стоять на земле. Это было невозможно описать, потому что я никогда не испытывал ничего подобного прежде.

Схватившись за живот, я посмотрел на Эмель. Она сидела в точно такой же позе и смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых отразилось беспокойство. Солдаты, окружавшие нас, выглядели так же ошарашено. Те, кто стоял, присели, но быстро встали на ноги.

Неужели песок и раньше был таким же гладким? Я мог бы поклясться, что раньше он был более шершавым. А те дюны? Разве они не были выше мгновение назад?

— Что произошло? — спросила Эмель.

Я покачал головой и помог ей встать.

Подойдя к ближайшей группе солдат, я спросил у них, всё ли с ними было в порядке. Они кивнули, а я быстро прошёл вдоль каравана и справился о самочувствии всех присутствующих. К тому времени, как я подошёл к последней группе путешественников, они

начали смотреть на меня как на безумца. Ничего не произошло и, конечно, с ними всё было в порядке.

Я подошел к Тамаму, который сидел на самом краю и смотрел на горизонт.

— Ты это почувствовал? — спросил я, когда он встал.

Тамам кивнул и осмотрел ландшафт. А затем сказал:

— Магия.

Эмель появилась рядом со мной и уставилась на Тамама.

— Ты прав.

Она сделала несколько глубоких вдохов.

— Она мертва.

Эмель медленно повернулась вокруг себя, и на её лице отразилось понимание.

— Пустыня восстановилась. Ты чувствуешь?

Она улыбнулась и указала на небо.

— Мазира теперь только там. Мы наконец-то свободны.

Нет, я не чувствовал этого так, как Эмель, но я чувствовал каким лёгким стало моё дыхание, и как очистился мой разум. Словно я проснулся после здорового сна или находился в море, а мне в спину дул ветер.

Взяв руку Эмель в свою, я сказал:

— Почти свободны.

Её глаза потемнели, после чего она кивнула и пошла паковать свои вещи.

Глава 34

Эмель

Оно было всё там же, как и всегда. Оно было готово меня принять, если бы не мои ноги. Они не хотели нести меня туда.

Саалим подтолкнул меня в спину, убеждая меня в том, что всё в порядке. Мы приехали не навсегда. Я не собиралась там оставаться. Его там больше не было. Но когда я посмотрела на море шатров, белые пики которых возвышались в самом центре, я видела только Соляного короля. Его присутствие было повсюду. Я почувствовала, как сжались мои лёгкие. Я словно ступала по стеклу и была вынуждена прикусить язык, как тогда, когда находилась рядом с ним. Цепи из шёлка весили больше, чем любые железные кандалы, тянувшие меня вниз, а шрамы на моей спине начали саднить, пока я таращилась на то, что когда-то было моим домом.

— Я не думаю... — начала я, и у меня свело горло.

Я не хотела возвращаться, я не могла. Не могла посмотреть в лицо своему прошлому.

— Эмель, — сказал Саалим. — Ты этого хотела.

За день до отъезда из Мадината Алмулихи я рассказала ему о том, что Фироз хочет вернуться домой.

— Мы можем взять с собой в путешествие Фироза и Рашида? Ты сказал, что к нашему каравану присоединятся ещё люди.

— Да, но они едут до тех мест, где мы планируем остановиться. Твой дом находится гораздо дальше, — сказал он, и складочка между его бровями углубилась.

Разгладив её пальцем, я сказала:

— Конечно. Я это знаю.

Я начала разворачиваться, а разочарование начало бороться с чувством облегчения. Он обхватил меня рукой за талию, и повернул к себе. Он начал изучать моё лицо, пытаюсь узнать мои мысли.

— Ты хочешь вернуться? — спросил он.

Я пожевала щёку и попыталась разобраться в том, чего я хотела.

— В последний раз. Чтобы посмотреть...

— Чтобы исцелиться.

Наши глаза встретились.

— Тамам ходит на пристань каждый день, — сказала я.

Я кивнула в сторону таза с водой, над которым молился Саалим, доставая со дна камни, символизирующие членов его семьи, и перемещая их на благовония.

— А ты каждый день передвигаешь камни.

— Мы съездим туда. Но не ради Фироза и Рашида. Мы сделаем это ради тебя.

Он провёл большим пальцем по моей щеке.

— Тем более что нам всё равно надо проверить Усмана.

Теперь, когда мы оказались здесь, я начала бояться, что совершила ошибку, и что она дорого мне обойдётся. Наше путешествие сильно растянулось, а мне даже не хотелось заходить в поселение. Я не хотела видеть ничего из той жизни, которую я когда-то вела.

Фироз вскоре оказался подле меня. Он и Рашид были рады отправиться в путешествие вместе с нами. Когда я рассказала Фирозу о том, что это был подарок, и он ничего не был нам должен, он разрыдался.

— Мы не можем вечно от этого прятаться, — сказал, наконец, Фироз. — Знаешь, что сказала мне мама, когда я сообщил ей о том, что уезжаю в Алмулихи?

Оторвав взгляд от отцовского дворца, я посмотрела на своего друга. Я заметила, как на его челюсти сжался мускул, а в его глазах отразилось утреннее солнце.

— Чужой пир может казаться богаче твоего, но важно то, кто сидит за столом. Я сказал ей, что она ничего не знает об Алмулихи.

Он рассмеялся.

— И вот я возвращаюсь к ней. Я хочу сидеть за столом вместе со своей семьей.

Он взял мою руку в свою и нежно её сжал. Саалим стоял по другую руку от меня, нависая над нами и положив руку мне на спину. Почему я просто не могла остаться здесь? Стоя между людьми, которых любила? Фироз сказал:

— Мы ушли вместе. Не стоит ли нам всем вернуться туда?

И вот так, вместе с Саалимом и Фирозом, я вернулась в прошлое, в которое надеялась больше никогда не возвращаться.

Извилистые улицы, ведущие вдоль шатров — в которых жили люди! — были такими узкими. Я пристально вгляделась в них. Большинство шатров были раскрыты, люди внутри либо лежали на подушках, либо ходили вокруг, делая свои дела.

Когда мы миновали базар, я была поражена тому, каким он оказался заурядным. Когда-то я думала, что могу там потеряться. Всё было таким маленьким, таким жалким. Но только не голоса. Люди так громко кричали нам, когда мы проходили мимо. Они чувствовали, что наши кошельки набиты солью и деньгами.

А прохожие на улицах вели себя тихо и с любопытством смотрели на нас. Я вспомнила, что точно так же они смотрели на меня во дворце, когда я направлялась к мухам. Они выглядели в точности как я, эти люди. И были одеты как я, но, когда они поняли, кто мы были такие, и встали на колени, я увидела, что нас разделяет гораздо больше, чем несколько лун.

Королева. Я была их королевой, но при этом чувствовала себя ребёнком, который хотел спрятаться от них и от тех воспоминаний, что навевало на меня это место. Эти воспоминания были повсюду. И они были слишком яркими. Я не могла закрыть глаза и перестать их видеть.

Саалим ещё крепче сжал мою руку, после чего мы дошли до дворцовой окраины. Вот она. Тюрьма, в которой я прожила всю свою жизнь. Дворец, в котором я научилась искать свободу, и где нашла свою любовь. Дворец, который забрал у меня столько же, сколько дал.

Чувствовал ли Саалим, что я разваливаюсь на части? Чувствовал ли он, что я раскололась надвое, а мои осколки посыпались на землю?

Я уставилась на то, что когда-то было всем моим миром, в котором мой отец был богом, а я попрошайкой. Каждое воспоминание о моей слепоте, о моём жутком непонимании того, в чём заключались жизнь, счастье и любовь, откололись от меня и упали на землю.

Дрожащей рукой, я вытерла щеки.

— Эмель? — спросил Саалим, повернувшись ко мне.

Его лицо, его голос, эта жизнь. Это было слишком. Я думала, что освободилась, но теперь я снова очутилась здесь. Мои воспоминания разом нахлынули на меня, и моё понимание всего начало размываться.

— Я не могу.

Я зарыдала и упала в его объятия, не обращая внимания на то, что на нас мог кто-то смотреть.

Прижав меня к себе, Саалим повёл меня во дворец. Я закрыла глаза и позволила завести меня внутрь. Я не хотела его видеть. Я не хотела там находиться. Шаг за шагом я продвигалась вперёд, не открывая глаз. Я знала здесь каждый поворот. И звуки вокруг меня рассказывали мне о том, где я шла.

Мы оказались внутри дворцовых шатров и сели на длинные скамьи, на которых я никогда раньше не сидела. Одна из них предназначалась для мухам. Нас окружали те же самые подушки — именно на них лежали когда-то ахиры, наблюдавшие за тем, как отец сажал на поводок очередного шакала.

Усман заговорил с Саалимом. Слезы перестали течь из моих глаз, и я тупо уставилась на помещение и слуг вокруг нас. Я узнала некоторых из них, но большинство были мне не знакомы. Узнал ли меня кто-нибудь из них?

Как вдруг:

— Эмель?

Я встала и развернулась. Где же она? Вон там! Вон там! Она появилась из коридора и побежала ко мне. Хадийя.

Она плакала.

— Люди сказали, что она была похожа на ахиру! А кто-то сказал, что это была ты! Я не могла в это поверить!

Хадийя прижала меня к себе. Она была такой мягкой и тёплой, хранящей воспоминания о безопасности и заботе.

Мама. О, как же я скучала по маме.

Хадийя начала утирать своё лицо. Она отстранила меня и пристально на меня посмотрела. Я сделала то же самое. Она так изменилась, но не подурнела. Вообще-то она выглядела счастливой.

— Могу я отвести тебя в гарем? — спросила она тихонько, переведя взгляд с меня на Саалима и обратно. — Они захотят тебя увидеть. И всё разузнать.

После того, как Саалим убедил меня в том, что всё будет в порядке, я пошла за Хадийей. Меня снова начали обнимать, прижимать ладони к моей спине, касаться пальцами моих щёк и волос. Они говорили наперебой, пытаясь рассказать мне о том, что с ними всё было хорошо, что Усман был к ним добр, и чтобы я перестала беспокоиться о них. А что до меня, то они хотели, чтобы я рассказала им о Мадинате Алмулихи и подтвердила то, что я стала королевой.

Сидя у их ног и не в силах смотреть долго в одну точку из-за воспоминаний о матери, я рассказала им о своей жизни.

— Изра знала, — сказала одна из них, — что ты станешь великой.

Я посмотрела на неё умоляющим взглядом, прося о том, чтобы она рассказала мне что-нибудь ещё о моей матери.

— Она всегда говорила, что ты уедешь отсюда и заживёшь своей жизнью. Она надеялась, что это случится со всеми её детьми, но насчёт тебя она не сомневалась.

Хадийя провела ладонью по моим плечам.

— Упокой Мазира её душу.

Все остальные встали ей.

Встреча с ними далась мне не тяжело. И я чувствовала, что, хотя и немного, но они помогли сгладить мои воспоминания.

В ту ночь мы лежали вместе с Саалимом в шатре, в котором я никогда раньше не бывала. Он был предназначен для гостей. Я решила, что здесь ничего не меняли со времён правления моего отца. Ковры были точно такими же, как и в других шатрах, так же, как и ткань, натянутая над нами. Я задрожала, вспомнив о нём. Вспомнив о своей жизни во время его правления. Саалим тяжело дышал рядом со мной. Может быть, он уже уснул? Я пошевелилась.

— Я не сплю, — сказал он, растягивая слова.

Он не спал. Нам едва удалось поспать ранее, и я знала, что он был гораздо более уставшим чем я, но он всё-таки сказал:

— Я дождусь, когда ты заснёшь. Обещаю.

Я не хотела бодрствовать в одиночестве, пока все остальные спали. Не хотела оставаться наедине со своими мыслями.

Чтобы заглушить давящие на меня переживания о прошлом, я рассказала ему о том, как встретила со своими матерями, а затем с сёстрами. Все были рады меня видеть. Никого из них не выгнали из дворца, как мы предполагали. Многие мои сёстры работали, а те, кто этого не делал, помогали во дворце. Они были вольны заходить туда в любое время. Много кто выходил за пределы дворца, но ненадолго и только в сопровождении братьев. Мне рассказали, что мой брат, Латиф, уехал из поселения с караваном, который отправился на восток. Так что все дети Изры сбежали из дворца. Как она и мечтала.

Мои сёстры не могли перестать рассказывать мне о нашей деревне, как будто я никогда не бывала там раньше. Я слушала их и поражалась тому, как они изменились, и тому, что

они остались прежними. Они показали мне заработанные деньги и соль, которую они накопили. Это были скромные сбережения по сравнению с тем, что получала я за работу помощницы лекаря, но они так этим гордились, что я тоже испытала за них гордость.

— Я не знал, что почувствую, снова оказавшись здесь. Ко мне вернулось так много воспоминаний, которые я бы предпочёл считать ложными, — сказал Саалим.

Его глаза были тёмными в свете факела, но я увидела в них искру. Я осмотрела его лицо и вспомнила, как смотрела на него однажды и думала, что это было в последний раз. Тогда я пыталась запомнить каждую деталь, чтобы никогда его не забыть. А сейчас он был рядом со мной. Навсегда.

Он продолжил:

— Но я понял, что испытываю благоговение.

Приподняв голову, я переспросила:

— Благоговение?

— Перед тобой. Перед здешними людьми. Думаю, я наконец-то понял, что ты имела в виду, говоря о пустыне. Что она не такая плохая. Её делают лучше люди, живущие в ней. Твоих людей — наших людей — не нужно жалеть за то, что их дом подвержен воздействию огня и ветра, или за то, что им приходится скрывать свою кожу в этой враждебной для них среде. Они не дикари, потому что они борются за свои нужды, а не торгуются за них. Они порождение песка и солнца. Раньше я этого не понимал, но теперь, приехав сюда с тобой, я ясно это вижу. Солеискатели, люди песков, называй их как хочешь...

Он приподнялся на локте и неторопливо продолжал:

— Они несгибаемые, Эмель. Взгляни на ночной жасмин, что вырастает из песка и научился закрываться от солнца. Какой прекрасный цветок...

Я улыбнулась и вспомнила о цветах с белыми лепестками, которые пробиваются из земли сквозь трещинки каменных улиц Алмулихи.

— Я хочу сказать, — продолжал Саалим с горечью. — Что ты будешь помнить своё прошлое. Оно может попытаться сломать или ранить тебя, но оно не может разорвать тебя на куски, Эмель, потому что именно оно делает тебя цельной. Смотри на своё прошлое и знай, что из-за него ты сейчас здесь.

Он описал невидимую корону на моей голове и сказал низким голосом:

— Оно не может тебя победить, потому что, имея такое прошлое, ты уже победила.

***

Мы покинули моё поселение после того, как объехали его, поделились новостями и напраздновались. Мы делали так в каждом населенном пункте нашей поездки по пустыне. Мне и Саалиму были рады везде, как членам семьи, но здесь действительно жила моя семья. Даже Саалим смеялся здесь с неподдельной радостью и признался мне, что он улыбался здесь так много, что у него заболело лицо. Несмотря на то, что еда была скромной по сравнению с Алмулихи, люди, сидящие за столом, были великолепны.

Но моя радость от пребывания среди тех, кого я знала лучше всего, омрачалась пульсирующей болью от самых тёмных воспоминаний, прорывавшихся наружу. Саалим напоминал мне, что понадобится время, чтобы боль полностью унялась, и чтобы свет прогнал тень.

Когда закончился день, полный слёзных прощаний с Фирозом, моими матерями,

сёстрами, Хадийей, Адилой и слугами, которые меня знали, мы уехали.

Когда шатры оказались у нас за спинами, я повернулась и посмотрела на то место, которое меня породило и вырастило. Я всё ещё испытывала давящую на меня печаль и стыд, но уже гораздо меньше. Теперь я видела то, что дало мне силу.

Эйкаб, Мама, Тави, Рахима, Фироз, Сабра.

Я посмотрела на мужчину рядом с собой.

Саалим.

Встав на колени, я взяла горстку песка и насыпала его в свой мешок.

— Поехали домой, — сказала я.

***

Мадинат Алмулихи встретил нас словно оазис; он сиял на солнце и приглашал в свои тени. Я почувствовала, как напрягся Саалим, когда мы начали подъезжать к городу. Теперь я понимала: здесь он столкнулся с таким же неприятным прошлым, как я в своём поселении. Я начала говорить ему те же самые слова, что сказал мне он.

Когда наш караван, наконец, приехал во дворец, мы оба остановились.

— Что?.. — заикаясь, произнесла я, уставившись на высокие стены, которые окружали дворец и сад.

Вместо белоснежных стен по обе стороны от лестницы, мы увидели стены, выкрашенные в яркие цвета. Они были покрыты рисунками и узорами, которых там раньше не было. Стражников, которые нас окружали, это, казалось, совсем не заботило. Они продолжили идти в сторону конюшен со своими лошадьми и начали передавать мешки слугам, словно всё было как прежде. Точно так же вели себя и люди, идущие по улицам. Почему они не обращали на это внимания? Откуда всё это взялось?

Оказавшись на лестнице, мы начали трогать стены, внимательно их рассматривая. Изображения были выложены из мелких плиток очень искусно и выглядели нарисованными. Они были прекрасны, но не казались свежими. На некоторых плитках были небольшие сколы по краям. Я отступила назад, пытаюсь разглядеть изображение целиком.

Мужчина с золотыми браслетами, появляющийся из облака золотого дыма. Женщина в голубых одеждах, лицо которой скрыто вуалью, состоящей из цепочек, а пальцы и живот украшены драгоценными камнями.

— Джинн и ахира, — прошептал Саалим, коснувшись чёрных плиток, составлявших волосы ахиры.

Мы отошли на противоположную сторону лестницы, чтобы лучше разглядеть картину. Белый дворец на фоне ночи. Кристально-голубое море по бокам от него, в котором отражается яркая луна. И тут посреди волн я заметила недостающую плитку.

— Откуда они узнали? — спросила я нервно, коснувшись пустого пространства, куда совершенно точно должна была подойти моя плитка.

Когда мы вошли внутрь дворца, нас встретила Мариам и несколько слуг. Билара, одетая как самый обыкновенный ребёнок из города, играла на лестнице у неё за спиной.

— Кто выложил эту мозаику? — спросил Саалим.

Мариам как будто озадачил этот вопрос.

— Не знаю. Она появилась здесь задолго до моего появления.

— А-а, — сказал Саалим, когда к нему пришло понимание одновременно со мной.

Это была магия. Что-то в пустыне изменилось в последний раз.

— Мне всегда было интересно, что она изображает, — сказала я. — Я как раз смотрела на неё и...

Наклонив голову, Мариам сказала:

— Ну, конечно же, она рассказывает легенду об ахире и джинне.

Я попросила её напомнить мне об этой легенде. Ведь у солеискателей были свои легенды.

— Это легенда о порабощенной ахире, которая нашла джинна и влюбилась в него. Пожелав свободы, она освободила джинна, и так родился Мадинат Алмулихи.

Она говорила медленно, словно я была слегка не в себе.

— Ах, да, — поспешно ответила я. — Кажется, я видела, как дети разыгрывали эту историю на рынке.

Когда мы проходили мимо тронного зала, Саалим снова меня остановил и указал на гобелен, который ему подарили на Фальса Мок.

Рядом с королём больше не была изображена женщина в бледно-голубых одеждах с длинными прямыми волосами. Теперь силуэт женщины был выполнен в мягких красных тонах. На ней был хиджаб более тёмного цвета, который покрывал её волосы и лицо. На голове женщины была золотая корона, а в области сердца был вышит золотой цветок.

— Эмель, — сказал он приглушённым голосом. — Это ты.

Так оно и было.

***

В тот вечер состоялся грандиозный пир в честь возвращения короля и королевы. Люди ели и пили в нашу честь всю ночь напролёт.

Тави и Якуб присутствовали там вместе с семьёй Саиры, дети которой бегали вокруг, преисполненные дикой радости. Здесь были и другие. Кахина и её сын, Рафаль, а также люди Саалима: Тамам, Нассар, Кофи, Парваз и много кого ещё. Обычные жители города веселились вместе с богачами.

С глубоким удовлетворением я наблюдала за людьми на пиру, которые заполнили наши залы. Саалим сидел рядом со мной, а моя рука лежала в его руке.

Неожиданно прямо передо мной оказался Гаффар. Всю ночь он затягивал песни, хотя Саалим множество раз просил его помолчать, чтобы нанятые музыканты могли делать свою работу. Но, увы, его нельзя было остановить.

— Разрешите мне спеть песнь в честь новой королевы? Как того требуют традиции Алмулихи.

Саалим неохотно кивнул. Я рассмеялась, заметив его раздражение, и с готовностью подалась вперёд, чтобы послушать песнь.

Гаффар запрыгнул на стул и попросил внимания гостей. А затем начал:

— Ахира, ахира! Бежим же со мной
Из знойной пустыни в мой город морской, —
Рабыню-ахиру так джинн умолял,
Но грозный отец ей свободы не дал.
На цепь он её, точно пса, посадил

И только лишь думать не запретил.

— Ни мне, ни тебе не сбежать от отца,
Ведь ты его раб, точно так же как я, —
Ахира со вздохом ему отвечает.
Но пламя любви всё сильнее пылает.
Вахиром в пустыне Эйкаба возвращенная
Цветёт точно роза любовь пробуждённая.

И джинн для ахиры среди жарких песков
Любое желанье исполнить готов.
Но игры с коварной Мазирой опасны
Никто над лукавой богиней не властен.
Однако ахира готова на всё,
И джинн исполняет желанье её.
Богиня дарует влюблённым свободу,
Но также меняет пустыни природу.

И вот уж ахира бредёт сквозь пески,
Чтоб город у моря и джинна найти.
Ведь в чудном и радостном городе том
Её ненаглядный уж стал королем.
И скоро, увидев её среди гостей,

Её наречёт он женою своей.

Оглядев помещение, я заметила, что люди улыбаются, а женщины вытирают слёзы.
Было похоже, что эту легенду рассказывали им их предки.

Я быстро повернулась к Саалиму. Ведь он всё ещё помнил? Я больше не была одинока?
Наклонившись ко мне, его губы коснулись моего уха, после чего он прошептал:

— Мазира очень коварна, не так ли?

— Что это значит?

— Боюсь, это значит, что ни у одного из нас не было выбора.

Он указал на себя и на меня.

— Мы были марионетками на ниточках.

— Тогда хорошо, что ты мне нравишься.

— Тебя нравлюсь я или вот это?

Он постучал по короне на моей голове.

Я притворилась, что обдумываю его вопрос.

— На самом деле, мне нравится дюна из соляных слитков.

Он сделался серьёзным, его лоб нахмурился.

— Конечно, ведь ты солеискатель.

— Как и ты.

Наклонившись к шее Саалима, я вдохнула его запах. Смогу ли я когда-нибудь устать от него? Устать от нас? Или наша любовь будет вечной, как та мозаика на стенах дворца?

Конечно, я уже знала ответ на этот вопрос.

Точно так же, как те легенды, рассказы и песни, наша любовь смогла бы пережить всё.

КОНЕЦ

Переложение для группы vk.com/booksources.translations

Заметки

[

←1

]

Тулси — или священный базилик, кустарник, широко используемый в лечебных целях, в особенности в аюрведической медицине

[

←2

]

Опутенки — ремни для ловчих, охотничих птиц, которые надеваются на ноги птицы.

[

←3

]

Ясса — блюдо, где куриное мясо сначала маринуется, а потом долго тушится в большом количестве лука со специями.

[

←4

]

Палимпсест — в древности так обозначалась рукопись, написанная на пергаменте, уже бывшем в подобном употреблении.

[

←5

]

Табла — небольшой парный барабан, основной ударный инструмент в индийской классической музыке.

[

←6

]

Хатиф — таинственный голос, который шепчет пророчества в ночи.